Игорь Отчик

БЕСЕДЫ ШАЛОПАЕВ,

или

Золотые семидесятые

Литео

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это история двух амбициозных молодых людей, которые волею судьбы оказались вовлечены в сложные межличностные отношения. Их общение, начавшееся с легковесного трепа, постепенно затрагивает все более серьезные темы, от поэзии до космогонии и смысла жизни. Особенно напряженными их отношения становятся после того, как в них вмешиваются женщины. Дружеское общение двух влюбленных пар незаметно перерастает в неразрешимый конфликт. В любовном четырехугольнике возникают новые силовые линии, которые разрывают его, вызывая душевные переживания героев. Драматичность ситуации усиливается неожиданным предложением одного из друзей совершить смертельно опасный парашютный прыжок, при котором один прыгает без парашюта, а другой с двумя, чтобы в свободном падении передать его другу. История завершается трагически.

- Игорь Владимирович Отчик
  -
  - Это было недавно, это было давно
  - По странам и континентам
  - О работе, карьере курьера, специфике профессий, черном понедельнике, грязной канаве, персональном кабинете, ручном и умственном труде и творческих шабашках
  - О тычинках и пестиках, макаронах по-флотски, фотосинтезе, источнике жизни, оперативной памяти, пирамиде материи, роботизации планеты и начале всех начал
  - О физиках и лириках, алгебре гармонии, коэффициенте поэтичности, хокку и Басё, величии Пушкина, Онегине и Ленском, суке-чести, гениях и злодействе
  - Драка на пляже
  - О педагогике, дворовой шпане, силе математики, основах самогоноварения, детских комплексах, геометрической дуэли, золотом ключике и специфике профессии
  - О райской «картошке», пейзанских радостях, силе ума, электронных лопатах, мужском счастье, песчаных замках, шиле в заднице и загородной идиллии
  - Про любви, земной и христианской, красивой жизни и

ее себестоимости, мясоедовских плясках, коэффициенте духовности, семейном счастье и теще с борщами
    - Еще раз про любви. О вечных пленницах природы, их непостижимости, рыцарском комплексе, хромосомах, феминизме, умывающейся кошке, основном инстинкте, мужской порочности, женском счастье и свободе нравов
    - О раннем Пастернаке, позднем Есенине, скрещеньях ног, поэтическом хулиганстве, Серебряном веке, литературных ассенизаторах и хронопоэтологии
    - О Большом взрыве, Великих постулатах, пульсирующей Вселенной, размножении звезд, происхождении элементов, черных дырах и природе информации
    - Об энциклопедисте Сидорове, информации в природе, возвышенных мыслях, Великой игре, полезности энтропии, абсолютном порядке и роковых недостатках
    - Поездка в Карпаты. Интеллектуальные игры
    - О всеобщей кривизне, геометрии Вселенной, кротовых норах, далеких цивилизациях, анатомии тау-китайцев, освоении Венеры и последнем жителе Земли
    - О литературе, одиноких баранах, сладости мести, силе Булгакова и слабости Пилата, исторической правде, бесовщине, неровностях текста и утренних котах
    - О времени, его относительности, путешествиях в прошлое и будущее, поисках утраченного, принципе причинности, воспоминаниях о будущем и опыте Хокинга
    - О высшей мудрости, смысле жизни, мыслящих зайцах, саморазвитии материи, апологии мещанства, дуэли на стулах, произвольной программе и духовных поисках
    - Смертельно опасная авантюра
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12

Игорь Владимирович Отчик
Беседы шалопаев или золотые семидесятые

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
в наших спорах без сна и покоя.

В. Высоцкий

Он появился неожиданно, подобно комете, прилетевшей из неведомых далей Вселенной. И так же внезапно исчез. Словно яркая вспышка озарила мою жизнь, оставив в ней неизгладимый след. Что же это было? До сих пор я пытаюсь это понять.

Это было недавно, это было давно

Дело было в середине семидесятых в одной из южных республик Советского Союза. Я работал в должности инженера в республиканском филиале министерства энергетики, куда был направлен по распределению после окончания московского института. Я старательно вникал в работу серьезной организации серьезной отрасли, но с еще большим энтузиазмом влился в комсомольско-молодежную среду коллектива и в его общественную жизнь. Тем летом мы готовились к спортивно-туристическому слету и активно искали парней и девушек, обладающих разносторонними талантами. Кто-то вспомнил, что в одном из филиалов с недавних пор работает новый сотрудник – интересный, спортивный парень, душа компании. Этот шанс упускать было нельзя. Как выяснилось, его поселили в нашем общежитии, и мне поручили срочно завербовать его в команду. Тем же вечером я постучал в дверь его комнаты.

Он поразил меня с первого взгляда. Это был молодой античный бог – классический блондин с голубыми глазами и атлетической фигурой. Высокий, стройный, с ослепительной улыбкой. Рельефная мускулатура, широкие плечи и крепкие ладони с бугорками сухих мозолей выдавали в нем бывшего спортсмена. Русые волосы небольшой волной опускались на высокий лоб и слегка притеняли небесный свет его живых, веселых глаз. Лицом он был похож на Есенина, и даже имя Сергей очень соответствовало его облику. Его спокойный, уверенный тон, открытый взгляд и чувство юмора сразу же располагали к себе. Как выяснилось в дальнейшем, он действительно обладал множеством талантов. А когда начинал петь под гитару своим проникновенным баритоном, никто не мог устоять перед его обаянием. В этих южных краях, среди брюнетов различных мастей, он выглядел бриллиантом на фоне черного бархата.

Если мужчина имеет легкий успех у женщин, это уже плохо его характеризует. Обычно такие красавчики – эгоистичные, поверхностные, внутренне пустые люди. И это вполне объяснимо: легкий успех не стимулирует в человеке работу ума и души. «Пустышка. Типичный бабник» – успокоил я себя тогда. И сильно ошибся. Как выяснилось в дальнейшем, за внешностью дамского угодника скрывалась весьма неординарная личность. Но в тот момент я и предположить не мог, насколько эта встреча повлияет на мою жизнь. И даже поставит ее под угрозу.

Впрочем, в тот вечер сразу стало ясно, что это неоценимая находка для нашей команды. Берем! Однако он не ответил

немедленным согласием, и мне пришлось его уговаривать:

– Да, комсомольское мероприятие. Ну и что? Зато веселое. Молодняк выбирается на природу, с ночевкой, с гитарой у костра. Представляешь этот гульбарий? Мне вообще нравится, как здесь относятся ко всем этим идеологическим заморочкам. Без отвращения и злобы. Как к явлениям природы, вроде осенних дождей. Мало того, ухитряются превратить их в праздники — и шефскую помощь, и субботники. И даже, прости Господи, военно-патриотическое воспитание молодежи. Не веришь? Я сам этого не представлял. Вот как ты думаешь, можно ли получить удовольствие от ленинского коммунистического субботника?

– Можно. Если ты мазохист.

– Оказывается, можно. Виктор Федорович в этом году именно так его и провел.

– Это комсорг ваш? Кругленький такой, все время улыбается?

– Ну да. Договорился с руководством и всю молодежь вывез на озеро, на ремонт базы отдыха. Приехали туда — благодать! Ветерок веет, от воды прохладой потягивает, а солнышко уже вовсю пригревает, загорать можно. Так и сделали: разделись до пояса, взялись за молотки, лопаты. Ну, повозились немного, что-то там поправили, убрали, покрасили. Через пару часов Виктор Федорович объявил официальную часть закрытой, и народ перешел к содержательной. Мужской состав соорудил стол, разжег костерок, а женский подготовил закуску. Ну, и винцо достали, само собой…

– Понятно: мы слабо поработали, но славно отдохнем.

– О том и речь. Что такое субботник без пьянки? Брачная ночь без невесты. Никакого удовлетворения — ни морального, ни орального. В общем, спасибо дедушке Ленину за наше счастливое детство. Ну вот. А теперь этот проверенный коллектив собирается на турслет, на три дня, с ночевкой на природе. И программа интересная: эстафеты, ориентирование, самодеятельность, конкурсы разные. И руководство это дело поддерживает: в пятницу освобождают от работы, и даже командировочные выписывают. Палатки, спальные мешки и прочий инвентарь обеспечивает контора. Ну, и транспорт, конечно. Скидываемся только на выпивку и закуску.

– И девицы едут?

– Обязательно! В каждой команде. Да вот, недавно, в мае, был отборочный слет. С утра собрались у главка, погрузились и выехали. Ну, пока собирались, ехали, народ проголодался. Тут же, в автобусе, нарубили колбасы, хлеба, раскрыли пару бутылок…

– На брата?

– Если бы! Виктор Федорович строго контролировал рюкзак с

вином. Но у многих с собой было, и скоро процесс принял неуправляемый характер. Веселье пошло серьезное: анекдоты, приколы, здоровый бессмысленный смех, швейцарские народные песни…

– Это какие же?

– «Вот кто-то с горочки спустился…», «Степь да степь кругом…», «Ой, цветет калина…» и так далее.

– Понятно. До «Хасбулата» не дошли?

– Нет, не успели. Но и без того все перезнакомились, началось массовое братание…

– Ничто так не спаивает коллектив, как совместная выпивка.

– Научный факт. И здесь тоже народ и спелся, и спился. Из автобуса выгружали не только инвентарь, но и некоторых туристов.

– Бодрое начало.

– А то! Трудящийся вырвался на волю. Само место для лагеря Виктор Федорович выбрал живописное: поляна на окраине леса, а от нее плавный спуск к озеру. Ну, начинаем разбирать имущество, ставить палатки, обустраивать территорию. Тут тоже ржачка не утихает. Какая-то хорошо подогретая команда долго возится с палаткой, путаясь в растяжках и кольях, в итоге кто-то спотыкается и падает, заваливая всю конструкцию. Остальные падают от смеха, довершая разгром. Какая-то девица не может найти свой рюкзак, а тот, кто его прихватил спьяну, с недоумением извлекает из него различные интересные детали женского туалета. Где-то развернулась дискуссия: как распределять контингент по спальным местам — по возрастным, служебным или первичным половым признакам? При этом каждая из сторон выдвигает свои весомые доводы. Соседи прислушиваются к обсуждению и оживленно его комментируют…

– Романтика, однако.

– Э! Романтика впереди. В суете обустройства незаметно пролетает время, и на лагерь опускается вечер. Разгораются костры, отбрасывая отсветы на улыбающиеся лица, палатки, кусты, деревья. Начинается приготовление ужина, которое тоже не обходится без приключений. Кто-то в темноте спускается к озеру с котелком, и, поскользнувшись на глинистом берегу, скатывается в воду. Мокрый до нитки, бедолага выбирается на берег, но гордо держит в поднятой руке полный котелок воды. В лагере ночному купальщику тут же наливают кружку традиционного лекарства от простуды, а девушки наперебой предлагают теплую одежду. Переодетый и обласканный, он весь вечер сидит у костра как герой дня…

– Красиво излагаешь.

– Приходится петь соловьем.

– А ты знаешь, что у нас в общаге тоже есть мастер художественного слова, народный писатель?

– Нет, не слышал.

– Ладно, потом расскажу. Продолжай свою поэму.

– Между тем вода в котелках начинает закипать. Виктор Федорович, на правах кашевара, заглядывает в котелок и в неверном свете костра замечает всплывшее на поверхность белое брюшко с раскинутыми лапками. Так и есть – в темноте зачерпнули воду вместе с лягушкой. Не говоря худого слова, он незаметно захватывает кружкой сварившуюся тушку и выплескивает в кусты. Потом спокойно засыпает в кипящую воду крупу, заправляет специями, солит и усердно помешивает до полной готовности. Ужин из пахнущей дымком разваристой каши с тушенкой выдается на славу, а повар получает заслуженные комплименты. И только на следующий день раскрывает полный состав этого романтического блюда. Теперь это уже смешно, но коллектив решает больше не допускать его на кухню. А кашу на лягушачьем отваре признать фирменным блюдом и представить на конкурс поварского искусства.

– Считай, что уговорил.

– То-то же! А настоящая романтика начинается после ужина, у костра. Тут уже набирает силу лирическая тема: «Вижу целый мир в глазах тревожных в этот час на берегу крутом. Не смотри ты так неосторожно – я могу подумать что-нибудь не то». Не слышал? Ада Якушева. Классика жанра. Ладно, придется подтянуть репертуар…

Невольно набегают воспоминания, и память вновь переносит меня в те далекие семидесятые, в золотые годы моей молодости. Как молоды мы были! Как веселы и беззаботны, открыты и наивны. Мы радовались жизни, радовались любой возможности общения, и даже комсомольские мероприятия, неизбежные в идеологизированной атмосфере тех лет, умели превращать в праздники. А сколько личных отношений завязывалось в таких походах! Как бы случайное совместное дежурство по лагерю, хлопоты у костра, нечаянные прикосновения в суматохе хозяйственных дел, неожиданный и какой-то особенный взгляд из-под выбившейся пряди волос. И от этого обыденная кулинарная возня превращается во что-то волнующее, волшебное. А потом веселый ужин и долгий вечер у костра, молодые, смеющиеся лица в его неровных отсветах, шутки и смех, перебор гитары и эти искренние, трогательные, душевные песни: «Все перекаты да перекаты…», «А ты твердишь, чтоб остался я, чтоб опять не скитался я…», «Ты – моё дыхание, утро мое ты

раннее…», «Милая моя, солнышко лесное…». А дым костра действительно создает уют, и улетают искры в бесконечное звездное небо, а рядом чье-то нежное плечо, которое может стать (или не стать?) твоей судьбой. И можно не спать хоть всю ночь, потягивать винцо, подпевать, шутить, смеяться, шептать какие-то глупости в душистый завиток у розового ушка и видеть доверчивую улыбку незнакомых губ и отблеск пламени в загадочном ответном взгляде. И от этого на сердце тревожно и радостно, а душа охвачена смутным предчувствием будущего, неизвестного, но обязательно счастливого и прекрасного. И никаких мыслей о том, что все проходит, и эта случайная ночь никогда больше не повторится.

– А как же спортивный режим, соревнования?

– А соревнования начинаются на следующий день, точно в назначенный час. Сначала идет легкая, отрезвляющая, атлетика: прыжки с места, метание гранаты, перетягивание каната. И, хотя народ с трудом приходит в себя после романтической ночи, разворачивается нешуточная борьба за первенство. За канат хватаются все, кто может. Иной женский состав сильнее мужиков, еле цепляющихся за эту веревку. Тут смеху тоже хватает. Подговорившись, внезапно отпускают канат – те вповалку! А как болеют за своих! Вот здесь ты нам и поможешь…

– Да я легкой атлетикой никогда не занимался!

– А ты думаешь, там будут чемпионы? За это не волнуйся, тебе и напрягаться не придется. Но самый главный конкурс – туристическая эстафета. В команде двое парней и девушка. Нужно на скорость и без ошибок пройти препятствия: переход по бревну через овраг, преодоление болота по кочкам, подъем в гору по канату, переноска раненого на самодельных носилках из плащ-палатки. Тут нужно уметь делать правильные обвязки, крепления карабинов, страховки. Тоже ничего особенного, это мы на месте отработаем. А иногда даже устраивают водную переправу на веревочной подвеске. Серьезное испытание для многих, а девицы, случается, зависают намертво. В нижней точке, над водой. А иногда, кто потяжелее, и макается задом. И смех, и грех. А когда разворачивается эпопея по их освобождению, это тоже надо видеть…

– Веселый конкурс.

– Ты что! Украшение слета.

– Значит, у вас там можно попасть в интересное положение?

– Запросто! И случаи бывали. Но тебе-то это не грозит.

– Я надеюсь.

– А завершает спортивную часть ориентирование на местности: команда должна пройти заданный маршрут по

компасу, отмечая контрольные точки. Ну, а после этого начинаются творческие состязания: на лучшее оформление лагеря и отрядной газеты, конкурс поваров на самое оригинальное блюдо. А в заключение, у общего костра, конкурс художественной самодеятельности. Чего только народ не придумывает! Наша команда в прошлый раз представляла скульптурные группы на античные темы. Особенный успех имела композиция «Самсон, раздирающий пасть льва». В роли льва выступал настоящий Лев – Лева Гольдман, наш системный программист, довольно хилый малый. Но для устрашения публики на него надели пышный женский парик рыжего цвета. Это надо было видеть! А Самсоном был громила Быченок с вычислительного центра. Их обнаженные торсы и обтягивающие женские трико, украшенные фиговыми листками, в свете костра смотрелись очень эффектно. В момент раздирания пасти Лев выпустил изо рта струйку воды, изображая фонтаны Петродворца. Тут народ вообще полег от смеха. А потом еще представили скульптуру «Лаокоон с сыновьями-программистами, сражающиеся с перфолентами».

– Забавно.

– А то! Простор для творчества огромный. А победу отдают тем, кто ухитряется сделать что-то оригинальное из подручных даров природы.

Вроде супа из крапивы или чая из полевых цветов…

– А как ваша лягушачья каша?

– Комиссия попробовать ее не решилась, но оценила блюдо визуально и дала поощрительный приз. А в конце подводятся итоги и награждаются победители. За командную победу вручают переходящий кубок, а за отдельные конкурсы специальные призы. Виктор Федорович – молодец. На деньги, выделяемые для культмассовой работы, закупает множество всяких мелких предметов для туризма и спорта и старается наградить каждую команду – если не за победу, то хотя бы за волю к победе. В общем, все остаются довольны. Потом официальная часть программы плавно переходит в произвольную. Здесь уже идут в дело остатки вина и закуски, под взрывы смеха вспоминаются спортивные и неспортивные эпизоды слета, и снова гитара и песни до утра. Кто-то сидит у огня и подпевает, кто-то заваливается спать, кто-то отправляется в ночную прогулку…

– А в воскресенье?

– С утра народу дают отоспаться и прийти в себя. Но перед отъездом еще одно традиционное мероприятие – дружеский турнир по футболу. Вообще-то, он отрезвляющий. Причем не только мужской, но и женский. Ну, тут вообще все вповалку от

смеха. Мужики еле таскают ноги, зато футболистки сражаются азартно – сталкиваются бедрами, как бильярдные шары. Отскоки – прямо по законам Ньютона, пропорционально скорости и массе. Хоть физику изучай.

– Я себе это представляю.

– Нет, это надо видеть. Воспоминание на всю жизнь.

– Ну что ж, мероприятие содержательное. Записывай запасным.

– Не скромничай. Пойдешь первым номером. Тебе и подготовка не нужна. Давай только посидим часок с гитарой.

– Ладно. Заходи завтра, часов в семь.

Следующим вечером общались уже раскованно, как знакомые. Его репертуар в основном базировался на песнях Высоцкого. Я напел, как смог, кое-что из Визбора, Кукина, Городницкого, Якушевой. Он быстро подобрал аккорды, и в тот же вечер исполнял песенную классику советского туриста. За программу нашей самодеятельности можно было не беспокоиться, но та легкость, с которой он освоил незнакомые мелодии, болезненной нотой отозвалась в моем сердце. У меня не было музыкального слуха, и никакие мои попытки постичь гармонию музыки не приносили успеха. Чем отличается одна нота от другой? Длиной звуковой волны, частотой колебаний? Почему одни сочетания звуков мелодичны, а другие нет? Почему именно этот аккорд подходит к этой части мелодии, а не другой? И никто никогда не мог мне этого объяснить. Гармония? Ну, допустим. А что это такое? В общем, природа музыки так и осталась для меня тайной за семью нотами. Я даже купил гитару, и она немым укором висела у меня над кроватью. Иногда я брал ее в руки и что-то напевал, механически прижимая струны, но так и не научился подбирать аккорды на слух. Слова и музыка прекрасных песен звучали во мне, доводя до восторга, до увлажнения глаз. Бывало, сутками не мог избавиться от крутившихся в мозгу мелодий. Но они не могли вырваться наружу. А как я мечтал об этом! Конечно, бренчать на гитаре умеют многие, и он тоже не был виртуозом гитарной струны, но ведь мне и это было недоступно. Оставалось только подпевать ему. Неудивительно, что я остро завидовал и этой его способности.

А в тот вечер разговор незаметно перешел на воспоминания:

– А правда, что ты работал в каких-то специальных органах?

– Уже разболтали? Да, было дело. Помнишь случай с угоном нашего самолета в Турцию? Тогда еще бортпроводница погибла. После той истории решили взять под охрану гражданские рейсы. Отбирали из наших ребят, с подготовкой. Вот я и работал таким подсадным мальчиком.

Конечно, пришлось кое-что вспомнить, подтянуть форму. Отрабатывали взаимодействие с экипажем…

– С оружием?

– Да, на время рейса выдавали «пушку». Изображали командированных, с традиционным «дипломатом». В нем, конечно, еще кое-что было. Места занимали в последнем ряду, чтобы весь салон на виду. «У параши» – как у нас шутили. А в целом работа непыльная.

– А случаев не было?

– Так тебе все и расскажи. Еще не время, юноша. Не все спокойно в этом мире. Считай, что не было.

– А платили хорошо?

– По тем временам неплохо. Размещали в гостиницах, кормили нормально. Я фактически был членом экипажа, вместе с пилотами и стюардессами…

– Погулял вволю? Полеты во сне и наяву?

– Да, есть что вспомнить. Но недолго музыка играла. Через пару лет сочли эту меру избыточной и ликвидировали должность. Усилили контроль на посадке. Я был знаком с ребятами из других экипажей, часто пересекались в аэропортах. Так вот, когда прошел слух о предстоящих сокращениях, была идея устроить провокацию. Чтобы показать необходимость охраны. Слава богу, до дела не дошло – хватило ума…

– А куда летали?

– По-разному, но в основном на приграничных рейсах. Было много полетов в южные города. Бывало, взлетаешь из какого-нибудь северного аэропорта в сентябре – низкая облачность, дождь, сырость. А через несколько часов уже на черноморском побережье – солнце, теплый ветерок, бархатный сезон. Выйдешь на трап, вдохнешь воздух юга – благодать!

– Точно! Я тоже это заметил. Когда выходишь из самолета, невольно вдыхаешь полной грудью. До сих пор помню вкус сибирского воздуха, когда приземлились в Красноярске. Только что были в шумной и душной Москве, а тут – тайга, просторы

невероятные…

– Стройотряд?

– Ну, да. И воздух сибирский! Хвойный, свежий, с холодком. Он сразу же заставил поежиться, почувствовать строгость здешних мест. А с высоты трапа открылась тайга – холмистая, уходящая к горизонту. Она действительно голубая! И незабываемое чувство простора, необъятности земли, раскинувшейся на тысячи километров, до далеких холодных морей…

– И все это наша Родина. Огромная, могучая и серьезная страна.

– И только в Сибири это понимаешь по-настоящему. Оглянешься кругом – суровая красота! Быстрые тучи идут на восток – тёмные снизу, светлые сверху (низ их непролитой влагой намок). Луч заглянул в голубую прореху и увидал, что закончился дождь. Воздух прозрачен, грозою промытый. Холм, словно древний языческий вождь, хмурится, шкурою леса укрытый. Вдруг зашумит о тревожном листва – словно окатит волною прибоя! И зарождаются в сердце слова, что продиктованы чистой любовью. Ветра глоток заклокочет в груди, душу наполнив восторгом суровым. Родина строгая! Вымолви слово – что впереди?

– Да вы, батенька, поэт.

– Увы, нет. Поэт тот, у кого это в трудовой книжке записано.

– А, в общем, ты прав. Самолет – как волшебный тамбур: вошел, подремал немного и вышел в другой мир, в другую жизнь…

– И как раз первые мгновения дают самое острое впечатление. Оно быстро проходит, но помнится долго. Я иногда мечтаю: а если бы сделать этот первый вдох в каком-нибудь экзотическом месте. Ну, скажем, на Цейлоне. Или на острове Борнео. Ступишь на трап, и тебя сразу же накроет волна влажного тепла, легкий ветерок донесет пряные ароматы тропического леса, запахи экзотических цветов. Загадочный, волшебный мир!

– Да, места там действительно дикие, джунгли непроходимые.

– А какое разнообразие фауны и флоры! Я слышал, там есть цветы чуть ли не метровой величины. И множество других неизвестных растений, животных, птиц…

– А насекомых! Которые тебе там будут очень рады. Ты хоть представляешь себе, что такое влажные тропики? Или мангровые болота? Это круглосуточная парилка с москитами и прочими паразитами вперемешку. Европейцы там загнивают быстро.

– А нам долго и не надо. Глянем одним глазком – и в отель,

к кондиционеру. И билет на ближайший рейс. Куда? Да мало ли! Там поблизости масса интересных мест. Можно, например, в сказочную Индию. В Калькутту, а? Древнейшая цивилизация, индуизм, Болливуд, Тадж Махал, «харе Кришна», красотки в ярких сари, с кольцами в носу. А какие танцы! По улицам шумных городов бродят священные коровы, бегают веселые рикши, сидят в позе лотоса бесстрастные пышнобородые йоги. А еще я слышал, у них слонов используют в качестве такси. И в составе вооруженных сил есть боевые слоны. И даже верблюжья конница…

– Верблюдница. Представляешь, Петька, атаку на верблядях, с шашками наголо?

– На верблюдях, Василий Иваныч…

– Да какая разница! Нам бы тогда эскадрон этих верблюдей…

– Да мы бы их заплевали, Василий Иваныч! Тюрбанами бы закидали.

– А еще у них есть «Кама сутра». Не хочешь получить пару практических уроков? Будет чем удивить подруг.

– Чтобы освоить всю программу никаких рупий не хватит. А здоровья тем более. Но я подозреваю, что ты и сам этой техникой владеешь. Мог бы и в Индии преподавать.

– Ладно, ни звука о любви. К тому же от этой камасутры у индийцев уже зашкаливает население, особенно в бедных кастах. Да и экзотика там своеобразная. Полуголые ребятишки возятся в пыли у жалких хижин. А их священный Ганг давно превратился в сточную канаву. И вообще, жизнь там скученная и скучная…

– Зря ты обижаешь индусов. Знаешь, какие у них там программисты крутые?

– Похоже, одно не мешает другому.

– Так, может, тогда смотаемся в Китай? Прогуляемся по великой стене, хлопнем по рюмке рисовой водки, настоянной на змеях, закусим жареной саранчой…

– Чтобы попасть в лапы хунвэйбинов? Которые заставят нас цитировать мудрые мысли председателя Мао, причем на языке автора. А за акцент отправят на перевоспитание в деревню. Ты думаешь, их рисовые чеки веселее наших картофельных полей?

– Нет, на китайскую «картошку» не хочу, мне и нашей хватает.

– То-то же. Давай лучше рванем в Австралию, на уникальный континент. Сойдем с трапа где-нибудь в Сиднее, увидим, как пугливые кенгуру скачут под эвкалиптами, на которых сидят задумчивые коалы…

– И при этом все они сумчатые.

– Само собой!

– А я бы предпочел Брисбен. Оттуда недалеко до Большого барьерного рифа. С детства мечтаю там побывать. Коралловые острова – вот где экзотика! Изумрудная даль океана сливается с глубокой синевой неба, кокосовые пальмы, обдуваемые легким бризом, лениво шевелят гигантскими листьями. Мир, покой, безмятежность. И только нежный плеск волны, набегающей на белоснежный песок лагуны, нарушает тишину заброшенных островов…

– Цветисто говоришь, однако.

– Так праздника душа просит! А ты бы сам не хотел заняться дайвингом где-нибудь на атолле Факаофо?

– А почему бы и нет? Но я бы предпочел нырнуть с палубы роскошной белоснежной яхты, плавно покачивающейся у самой кромки рифов. На борту которой дремлет стройная блондинка в бикини, с бокалом коктейля, позвякивающего ледышками…

– Ладно, пусть пока подремлет. А мы погрузимся в голубую прохладу великого океана, в таинственный подводный мир, полный загадок. Помнишь «Человека-амфибию»?

– Что ты! Это незабываемо.

– И будем неспешно плыть вдоль сказочных букетов коралловых рифов, любуясь тропическими рыбами немыслимых расцветок. А непуганые мальки будут доверчиво подплывать к нам, с любопытством заглядывая в стекло маски…

– И вдруг из-под коралла вылезает страшная морда мурены!

– И я тут же пронзаю ее стрелой из подводного ружья!

– Интересно, а она съедобная?

– Вскрытие покажет.

– А это, кстати, вполне реальная перспектива. В таких райских местах вообще много всякой ядовитой твари – и осьминоги, и медузы, и морские ежи. А если налетят акулы? Тут сам себя почувствуешь съедобным. Да и скучновато там, на пустынных островах. Я бы предпочел пляжи повеселее. Например, Копакабану.

– О, Рио-де-Жанейро! Мечта поэта. Белоснежный город, утопающий в тропической зелени, шумный, бурлящий, легкомысленный. В его горячий воздух вплетаются струи океанского бриза. Звуки самбы, запах кофе, немыслимые гастрономические ароматы, ослепительные улыбки на смуглых лицах, знойные мулатки…

– «И все поголовно в белых штанах»!

– Нет, мулатки без штанов.

– Это удобно.

– А безумный фейерверк карнавала? Полуголые красотки в перьях и стразах, танцующие самбу, румбу и пасадобль.

Бесстыдная атмосфера ничем не прикрытой страсти…

– А бразильский футбол? Это же феерия, сказка!

– На «Маракану»!

– А какие имена! Пеле, Диди, Гарринча, Жаирзиньо…

– Ривелино, Зе Мария, Тостао…

– И двухсоттысячный стадион, ревущий в восторге, когда Пеле, разбросав финтами защитников и обведя вратаря, издевательски небрежно закатывает мяч в пустые ворота…

– Бразилия, сказочная Бразилия! Далекая, экзотическая страна, страна контрастов. Бурлящий котел рас и наций, гремучая смесь этносов, культур и религий, богатства и нищеты. И всепобеждающая сила жизни! С ее истинным, острым вкусом, вкусом пряных, жгучих блюд, тропических красок, пьянящих ароматов. Со вкусом жаркого поцелуя на трепещущих губах, солоноватых от дыхания океана…

– Или крови. В бразильских фавелах царят законы джунглей. Помнишь тот фильм, про песчаных генералов?

– Еще бы! Это как окно в другой мир. Дикая свобода, безумная страсть и безумная жестокость. И жонгада, и вечная песня океана…

– Кстати, тот самый случай, когда кино получилось лучше первоисточника. Я потом читал роман Амаду — бледная тень фильма.

– А «Пусть говорят» смотрел? Там тоже красивейшие пейзажи.

– А разве это было в Бразилии?

– Не знаю. Да это и неважно. Помнишь влюбленную пару над голубизной горного озера, на фоне заснеженных Анд? А полноводные реки среди буйства зелени, под сенью белоснежных облаков в бездонной глубине неба? И торжествующий голос Рафаэля. Помнишь эти исполинские, дымящиеся водопады?

– Это водопады Игуасу, на границе Бразилии с Аргентиной.

– А не хотел бы побывать там? Услышать рев низвергающихся масс воды, увидеть вечные радуги над пенящимися безднами?

– Я бы предпочел Ниагару.

– Нет, давай сначала разберемся с Южной Америкой. Почему бы нам не ступить под таинственные своды тропического леса в долине Амазонки?

– Спасибо, не надо. Там слишком жарко и душно. А еще много диких обезьян, змей и москитов. Хватит нам и Борнео.

– А вы разборчивы, сударь!

– Хочу в пампасы!

– А мы уже здесь! В аргентинских прериях.

– Их воздух должен быть терпким, сухим и горчащим — как удар ковбойского кнута, как шорох метко брошенного лассо, как

стук копыт диких мустангов, бешено несущихся над выгоревшей травой прерий. Как щелчок взводимого курка револьвера…

– Там тоже есть ковбои?

– Где их только нет! Аргентина – удивительная страна. Страна, лежащая в южном полушарии, в таких же, как и мы, широтах. Но совсем другая! Близкая по климату – там даже выпадает снег – и совершенно иная. У южного полюса планеты вообще мало земель и стран – Аргентина, Чили да еще Новая Зеландия. Периферия цивилизации, уникальный мир…

– В тех местах должно чувствоваться ледяное дыхание близкой Антарктиды. И если уж мы так далеко забрались, почему бы не посетить ту самую, знаменитую Огненную Землю?

– Не стоит. Ничего хорошего там нет: камни, снег, лед. Экзотика Колымы и Магадана.

– И только одинокий пингвин стоит на уступе айсберга и задумчиво вглядывается в вечно холодные, мрачные воды океана…

– Пытаясь разглядеть в них свежую, экологически чистую рыбу.

– А помнишь удивительные названия рек, островов и гор из романов Майн Рида и Жюль Верна? А ветер дальних странствий, веявший со страниц этих книг? С далекого мыса Горн, через безлюдные просторы Патагонии, вдоль суровых отрогов таинственных Кордильер. Над их грозными вершинами парят гигантские кондоры. И поет свирель одинокого пастуха, и вторят ей незабвенные Simon&Garfunkel. Какая мелодия, какие голоса!

– Эль кондор паса, друг мой, эль кондор паса…

– А кондор все летит и летит в ледяной чистоте горного воздуха. Как летел и сто, и двести лет назад, когда отважные путешественники искали здесь пропавшего капитана Гранта. Помнишь музыку Дунаевского к этому фильму?

– Еще бы! А мне вспоминается полузабытое, волшебное: «Видишь: птицы летят осторожно на далекие вспышки огня. И распахнут весь мир, и дорога так и просит: шагни на меня! Там, где небо шторма занавесили, там, где вязнут в тумане слова, обязательно есть неизвестные, неоткрытые острова».

– Да, когда-то мы верили в эти сказочные острова. В то, что где-то, в флибустьерском дальнем синем море, бригантина поднимает паруса.

– Где вы, дети капитана Гранта? Где ты, «романтика тревоги поиска риска»?

– Там же, где и тревога риска романтики поиска. Все еще с нами. Вглядись – сквозь пелену тумана проступают очертания Буэнос-Айреса – города, пропитанного грубой чувственностью.

Здесь родилось знаменитое аргентинское танго…

– И еще одна вечная мелодия: «Бэсса мэ, бэсса мэ, мучо». Какая романтическая история! Девочка пришла со свидания, села за пианино и простыми словами выразила то, о чем пело ее влюбленное сердце: «Целуй меня, мой мальчик». И все! Больше ничего не нужно. Вошла в души всех людей мира. Вошла в историю, навеки…

– Консуэла Веласкес. Но, по-моему, она мексиканка.

– Правда? А я всегда думал, что аргентинка. И ведь многим рассказывал, никто не поправил. Вот стыдно-то!

– Думаю, что твоим доверчивым подругам это не так уж и важно. Главное — красота самой легенды: первая любовь, пылкие чувства, волнующая музыка. Какая разница советской девушке, где это было — в Аргентине или в соседней Мексике?

– Еще скажи: в Гваделупе. Ну, так что, едем на родину Веласкес, в знойную Мексику?

– Не стоит. Пыльная и скучная страна. Сомбреро, кактусы, текила, кокаин, наркобароны, да еще Сикейрос — больше там ничего интересного нет. И жара, жара. Не зря же они сами толпами бегут оттуда на север…

– В прохладный Техас. Кстати, а почему бы и нам с тобой не посетить проклятую Америку, оплот империализма? Чтобы своими глазами увидеть, как она стонет под игом капитала, как бьется в судорогах перманентного кризиса…

– Перепроизводства. Как задыхается от избытка джинсов, блейзеров, дубленок, часов «Сейко», телевизоров и магнитофонов «Сони», «Филипс», «Панасоник». Чтобы ослепнуть от лживого блеска витрин супермаркетов, забитых всевозможной жратвой. Десятками видов колбас и сыров, экзотических фруктов, их мерзкой жвачки, отвратительной кока-колы…

– Не трави душу! Человека, измученного жареной треской.

– А ты бы не хотел увидеть в свободной продаже новейшие диски самых крутых рок-групп? Альбомы Beatles, Rolling Stones, Deep Purple, Led Zeppelin, Credence, Uriah Heep, Pink Floyd лежат пачками, и никто их не берет. Можешь себе это представить?

– Нет, не могу. Такое возможно только при полном коммунизме.

– Оказывается, для этого нужно всего лишь приземлиться в аэропорту имени Кеннеди. Я предлагаю лететь туда прямо из Буэнос-Айреса, бизнес-классом…

– Авиакомпании «Pan American»! На меньшее я не согласен.

– Все в наших руках! Мы развалимся в роскошных креслах, а длинноногая стюардесса в строгом фирменном мини будет предлагать нам охлаждённые напитки: шампанское, виски,

коньяк, бренди, ром, джин, текилу, французские вина. Ты что выберешь?

– Я не буду привередничать. Никакого снобизма. Я перепробую все.

– А я проверю их на вшивость: потребую кальвадос и абсент. Посмотрим, как они будут выкручиваться. Ты абсент пил? А кальвадос? Ну вот, заодно попробуем.

– А потом неспешно допьем наши аперитивы, поправим галстуки безупречных костюмов и вальяжно выйдем из салона роскошного «Боинга». И окажемся, как в фильме о будущем, в сверкающем здании аэропорта — целом городе, поражающем разноцветием лиц и одежд, пестрой сумятицей огромного людского муравейника…

– И поразимся, как точно описал все это Артур Хэйли.

– А потом окунемся в бешеный ритм Нью-Йорка, города «желтого дьявола»…

– В котором человек человеку волк, а не друг, товарищ и брат…

– И где нас со всех сторон окружат улыбающиеся, открытые лица незнакомых, но приветливых и благожелательных людей…

– Но мы не поверим фальшивым улыбкам этих конформистов, погрязших в уютном болоте общества потребления.

– О чем речь! Нас не проймешь обманчивой рекламой, сверкающей в каменных джунглях Манхэттена. Но по городу мы, конечно, пройдемся. Прошвырнемся по тому самому Бродвею, Пятой авеню, прогуляемся по Центральному парку. Поднимемся на пресловутый Empire State Building…

– Чтобы плюнуть с высоты птичьего полета на цитадель проклятого империализма.

– А потом, проголодавшись, зайдем в первый попавшийся бар и с отвращением съедим их традиционный сэндвич с кока-колой.

– А еще нужно посетить Брайтон-Бич. Выйдем на набережную, глянем на гребенку поднимающихся из воды небоскребов, поприветствуем позеленевшую от свободы и морских ветров статую с рожком окаменевшего мороженого в руке…

– Но скоро нам надоест суета этого гигантского муравейника, в котором все мысли людей заняты презренным металлом, и мы без сожаления простимся с его душной суетой. И отправимся по следам Ильфа и Петрова на просторы одноэтажной Америки. Возьмем напрокат огромный, как авианосец, американский автомобиль — какой-нибудь «крайслер» или «бьюик»…

– Обязательно открытый!

– Само собой. Чтобы небрежно развалиться в его шикарных креслах и катить по их пресловутым хайвэям, полной грудью

вдыхая воздух великой страны. А ветер будет трепать наши распахнутые рубашки, охлаждать разгоряченные лица, развевать буйные прически. И мы будем лететь по широченным автострадам, обгоняя фермерские пикапы, монстрообразные трейлеры и сверкающие кабриолеты, в которых будут сидеть роскошные блондинки, улыбающиеся нам ослепительными голливудскими улыбками…

– «Хэллоу, бэби! Ай лав ю!» – крикнем мы им и утопим педаль газа в пол, а могучий мотор отзовется утробным рычанием и вдавит нас в сиденья бешеным ускорением. И замелькают вдоль дороги маленькие города, с их неизбежными придорожными автозаправками и фастфудами. И мы, наконец, увидим те самые, с детства памятные по романам Майн Рида, бесконечные прерии…

– По которым все так же бродят стада непуганых либерзонов и могучих шатобрианов…

– А в прибрежных кустах вдруг мелькнет тень индейского разведчика, какого-нибудь Одинокого Волка из племени навахо, со свирепой раскраской медного лица, ожерельем из медвежьих клыков и пучком перьев, вплетенных в смоляной пук волос.

– А потом налетит сухой, горячий воздух Техаса и раскроются знакомые по вестернам пейзажи Дикого Запада. И отчетливо привидится, как из-за ближайшего поворота вылетит, в пыли и звоне копыт, семерка ковбоев в потертых джинсах, выгоревших, пропотевших ковбойках и тех самых знаменитых черных шляпах…

– А потом подкатим к настоящему придорожному салуну и, небрежным ударом открыв болтающуюся створку двери, ввалимся в его сонный полумрак, тишину которого нарушает лишь кантри из музыкального автомата…

– А в дальнем углу дремлет, закинув на стол ноги в желтых сапогах, какой-то второстепенный персонаж с косынкой на шее, в ковбойке, кожаной жилетке и шляпе, надвинутой на глаза.

– А мы уверенной походкой подойдем к бару, уставленному батареями сверкающих бутылок, усядемся на высокие табуреты и закажем двойной виски с содовой…

– А бармен спросит «Как дела, парни?» и пустит в нашу сторону по барной стойке толстые стаканы, позвякивающие кубиками льда…

– А мы ответим «Вери гуд, чувак!» и залпом выпьем янтарную прохладу шотландского самогона. А потом выйдем из темноты бара в слепящую жару полдня, сядем за руль, врубим газ до визга шин и рванем по пустынному, уходящему вдаль хайвэю. Куда? К великому Гранд-Каньону, конечно. Чтобы подойти к самому краю

уступа, висящего над пропастью, и ошалеть от высоты и немыслимых размеров этого гигантского провала.

– А, может, умерить аппетиты и начать со старушки Европы. Как тебе аэропорт Шарля де Голля?

– Снова хочется в Париж?

– Да, уже хотелось. Подняться на Эйфелеву башню, пройтись по Монмартру, посидеть в кафе на Елисейских полях, прогуляться по парку Тюильри, посетить великий Лувр и знаменитый Нотр Дам…

– И ты туда же! Удивительное дело: всем «мешает спать Париж», всех прельщает «праздник, который всегда с тобой». Праздник, да не твой!

– А почему бы и нет?

– А потому что люди строили этот город для себя, а не для тебя. Строили веками, душу вкладывали. И даже не надеялись, что тебе понравится. А ты, молодец, взял да и приперся! На все готовенькое. За красивой жизнью. Уж и не чаяли дождаться, а ты — вот он: «Здравствуйте, я ваша тетя! Я приехала к вам из Бердичева и буду у вас жить». Кому ты нужен, бездельник? Там и своих таких хватает.

– Но я же не навсегда! Увидеть одним глазком, ощутить ауру…

– Обещаешь увидеть Париж и умереть?

– Немного иначе: хотелось бы, уходя в мир иной в окружении безутешных родственников, видеть из окна Эйфелеву башню.

– Мечтаешь прилечь на Пер-Лашез? Рядом с Мольером? Фиг тебе! Заплати за услуги и проваливай. Да про чаевые не забудь!

– Ну вот, испортил все парижское настроение…

– Да ну его, этот французский гедонизм! На планете множество более интересных мест. Давай посетим Страну восходящего солнца. Вот где уникальная культура! Икебана, гейши, сакура, хокку, сад камней. Минимализм и простота быта: циновка, столик, ваза с корявой веткой и роскошный телевизор. Крошечный садик у крыльца скромного домика. Умение видеть красоту в естественности окружающего мира…

– Самураи, бусидо, харакири, камикадзе. Кодекс чести. Искусство держать лицо. Постоянные поклоны и улыбки в сочетании с несгибаемой волей и непримиримостью. Каратэ, дзю-до, джиу-джитсу. Даже трудно представить, насколько они другие.

– Ну, милый, начинать нужно с синтоизма…

– Как-нибудь в другой раз. А где еще есть экзотика? Мы же с тобой про Африку забыли! Давай начнем с самого юга, с мыса Доброй надежды. «В Кейптаунском порту, с пробоиной в борту…».

Решено — летим в Кейптаун!

– А почему не в Найроби?

– Там слишком жарко. Да и что интересного в выжженных солнцем саваннах?

– Не скажи! С детства мечтаю поохотиться на диких носорогов.

– Нельзя! Они занесены в «Красную книгу».

– Ладно, пусть пока живут. Скажите, а вы бывали на Багамах? А на Гавайях? А на Каймановых островах?

– А зачем? Нам и на Канарах неплохо живется.

– Ты хоть знаешь, что такое серфинг?

– Знаю. Мечта идиота.

– Да ты и представить себе этого не можешь! Это же не просто острова в тропических морях. И не просто экзотический вид спорта. Это стиль, образ жизни. Это сбывшаяся мечта! Это гигантская волна, стремительно набирающая высоту, на упругом теле которой ты балансируешь на узкой доске, скользишь, заныривая в изумрудный коридор под пенящимся гребнем. Это твои друзья, такие же отчаянные авантюристы со спортивными торсами, крепкими нервами и бицепсами. Это ваши веселые подруги в разноцветных бикини, стройные, гибкие, смуглые, с ослепительными улыбками, с развевающимися прядями черных, золотых, бронзовых волос. Это неописуемые закаты над океаном, романтические ночи под созвездием Южного Креста и счастливые розовые рассветы…

– Гражданин, просыпайтесь! Наш самолет приземляется в аэропорту города Сыктывкар. За бортом — дождь со снегом, температура — один градус тепла…

– Только не это! Я не выношу тепло в размере одного градуса!

– Граждане пассажиры, Сыктывкар не принимает по невыносимым погодным условиям. Наш самолет направляется на ближайший запасной аэродром, в город Ливерпуль, на родину битлов…

– Увы, граждане-битломаны, их там уже нет. Отзвучали прощальные ноты «Let It Be», разлетелись золотые жуки по свету. А больше там нечего делать, в этом унылом портовом городе. Да и погода у англичан ненамного лучше сыктывкарской. Круглый год дожди и температура плюс двенадцать.

– Ну, почему? Летом бывает и четырнадцать.

– А зачем лететь так далеко? Запасные аэродромы есть и поближе. Например, в Швейцарии. Мирная, уютная страна, райский уголок в центре старушки Европы. Красивейшие пейзажи, прозрачный горный воздух, хрустальные потоки низвергаются с тающих ледников. Сверкающие вершины Альп

отражаются в голубизне Женевского озера, окруженного старинными зданиями, живописными парками, цветущими лужайками. Чистейшая экология в сочетании с благами цивилизации. Уникальный пример симбиоза человека с природой, идеальное место для комфортной жизни…

– А зимой там еще лучше!

– О чем речь! По альпийским склонам, сверкающим под горным солнцем, рассыпаны горнолыжники в ярких костюмах. Вот кто-то из них, с хрустом закладывая виражи, стремительно летит по склону горы и вдруг резко тормозит рядом с тобой, обдав облаком снежного вихря. Из-под роскошного шлема и темных очков сверкает ослепительная улыбка, и ты узнаешь ту блондинку у подъемника, которая с иронией взглянула на тебя, новичка, впервые вставшего на горные лыжи. Она жестом приглашает тебя за собой, в пугающую крутизну спуска, а ты разводишь руками, проклиная свою неуклюжесть и языковую беспомощность. И тогда она, резко оттолкнувшись палками, разворачивается в прыжке и уносится вниз, делая красивые виражи, а ты балдеешь от эротичности движений ее бедер и всей ее гибкой фигуры, обтянутой фирменным костюмом. А вечером, когда ты ужинаешь за деревянным столом в какой-то уютной харчевне, потягивая душистый глинтвейн у пылающего камина, за соседний стол усаживается веселая компания иностранцев, и среди них ты узнаешь ту самую блондинку. Она, в ярком свитере, с распущенными волосами и нежным румянцем на щеках, смеется шуткам друзей, призывно поглядывая на тебя. А дальше, дальше…

– Не трави душу!

– Ага, попался на крючок красивой жизни!

– Кстати, почему бы и нам не выбраться в горы? Конечно, не в Альпы, но в Карпаты съездить можно. У нас в главке есть группа энтузиастов горнолыжного спорта, собираются этой зимой в Закарпатье, на две недели. Присоединяйся!

– Придется брать отпуск.

– Ну, и возьмешь половину. Здесь летом и так курорт.

– Ладно, подумаем. А вообще-то говоря, вся эта заграничная экзотика – мишура. Туризм – развлечение бездельников. Пустое времяпровождение, погоня за миражами.

– Ну почему? Поездить, посмотреть мир, другие страны. С их природой, историей, достопримечательностями – неужели не интересно? Это же впечатления на всю жизнь.

– Да что хорошего? Бродить в стаде туристов по историческим развалинам и слушать байки экскурсоводов? Занятие для баранов.

– Да ладно тебе!

– А так оно и есть. Охота к перемене мест – признак внутренней пустоты и никчемности. Мыслящему человеку внешние впечатления только мешают, не дают сосредоточиться. Еще Модильяни заметил, что путешествие это подмена истинного действия. И восточные мудрецы об этом говорили: найти новое в себе вот истинная находка. А для этого не нужно ехать далеко. Можно обрести Вселенную, не выходя из дома.

– А другим художникам и писателям это помогает, дает толчок к творчеству. Множество шедевров создано в путешествиях…

– Ну, осмотрел ты исторические развалины, даже потрогал их рукой – и что? Что в них интересного? Уложенные друг на друга полустертые камни. Когда видишь эти невзрачные руины, убогие предметы быта в музеях, понимаешь, что такой же примитивной и грубой была жизнь людей в прошлом. Полное разочарование.

– Но это память об исторических событиях, о великих людях…

– Да ничего это не дает! Ты вот мечтаешь прокатиться в гондоле, подняться на Эйфелеву башню, прикоснуться к обломкам Колизея, а это всего лишь среда обитания местного населения. Так же, как ты забегаешь в ГУМ за шмотками, не замечая Кремля и храма Василия Блаженного, так и они спешат по делам мимо своего Нотр-Дама. Какая-нибудь мороженщица стоит возле Колизея, и ей этот Колизей надоел до чертиков!

Вчера Колизей, сегодня Колизей, завтра будет Колизей. И никуда от него не денешься. Как от тележки с тающим мороженым и бездельников-туристов…

– Постой-постой! А история культуры, шедевры искусства? Я бы в Италии в первую очередь посетил Флоренцию – город-музей, колыбель Возрождения. Я слышал, там шедевры выставлены прямо на улицах. Тот же «Давид» Микеланджело. А какие имена! Леонардо да Винчи, Боттичелли, Джотто…

– Все это ты уже видел много раз, в репродукциях.

– Ну и ну! Разве можно сравнить репродукцию с оригиналом?

– Содержательно – одно и то же.

– Ну да. Это в твоем духе – оценивать «Джоконду» с информационной точки зрения. А разве не интересно посмотреть, как живут простые люди – англичане, итальянцы, французы? Как они работают, например. Лезут из кожи вон или делают свое дело не спеша. Какие у них отношения – на работе и дома, о чем они говорят – с начальником, с женой, с друзьями. Куда идут вечером – домой или в любимую забегаловку. Чем занимаются в свободное время, что их радует, что огорчает…

– Да одно и то же! И в Неаполе, и в дельте Меконга, и в дебрях Манхэттена люди занимаются одним и тем же. Днем добывают средства для пропитания, а ночью реализуют второй основной инстинкт. Разве что с какими-то национальными особенностями.

– Так ведь в этих деталях самый интерес! Как проходит обычный день у простого итальянца? Мне представляется, что после окончания работы он направится в свою любимую тратторию. Сядет за столик на открытой веранде, увитой виноградником, и закажет себе спагетти и бутылку кьянти. И будет весь вечер наслаждаться вкусной едой и вином, прохладой налетающего с моря ветерка, негромкой музыкой. Будет любоваться бирюзой неаполитанского залива, полетом чаек на фоне немыслимого заката, подмигивать молодым, смеющимся итальянкам, проходящим по мощеной булыжниками старинной улочке…

– Еще одна сказка об Италии. На самом деле его ждет дома сварливая жена с кучей орущих детишек.

– А может, в это же самое время где-нибудь в Новой Зеландии уже совсем стемнело. И сидят у ночного костра пастухи, ужинают поджаренным на огне хлебом с сыром, запивают терпким домашним вином и вдыхают прохладу горного воздуха. Тишину вечера нарушает лишь треск цикад, неумолкающий шум реки в глубоком ущелье да ворчание собак, охраняющих стадо. А над головами у них глубокое звездное небо. Но не отыщешь на нем Полярную звезду…

– Ну вот! Ты и так все знаешь. Зачем куда-то ездить ради праздного любопытства? Отвлекать людей, занятых делом, болтаться у них под ногами…

– А можно и не болтаться. Почему бы, например, не заняться экстремальным туризмом? Ты бы не хотел сплавиться по какой-нибудь бурной реке в той же Новой Зеландии? Или пройти на байдарке по Амазонке? А чем плох альпинизм в Гималаях? Кстати, вы бывали на Джомолунгме?

– Да она исхожена вдоль и поперек! Слава достается только первому. А выше уже не поднимешься.

– А почему, собственно говоря? А если принести туда складную лестницу? Установить на самой вершине мира стремянку, залезть на нее и оказаться выше всех. И в книге рекордов Гиннеса появится запись: такого-то числа такой-то придурок поднялся на высоту 8850 метров над уровнем моря.

– Да ну ее, эту стремянку! Переть вверх, а потом вниз…

– А зачем? Там и оставишь. Может, кому-нибудь пригодится.

– Нет уж! Кому надо, пусть тащит сам. Да и вершину мира

засорять не стоит. Для этого и на родных просторах мест предостаточно.

– Кстати, ты же всю страну облетел на рейсах. Что-нибудь интересное запомнилось?

– Ну, в каждом городе есть что-то свое, особенное. Но когда летаешь постоянно, оно как-то сливается – аэропорты, гостиницы…

– Понятно. А у меня их было немного, и я все отчетливо помню. Даже первые минуты здесь, в этом южном городе…

– Запах подгоревшего подсолнечного масла?

– Нет, вначале было другое. Горячий, сухой воздух обнял меня прямо на выходе из самолета и как будто шепнул: «Успокойся. Расслабься. Здесь не пропадешь». А еще удивила цветовая гамма: желтизна выгоревшей травы и блекло-голубое небо, без единого облачка. Ароматы я почувствовал потом. Этот город пропах кабачками и перцем. Он, как южный базар, говорлив и пахуч. Он рифмуется с солнцем, салатом и сердцем, быстрым, теплым дождем из растрепанных туч. Он потоками летнего зноя пронизан, белой россыпью в зелени парков лежит. Виноградник опутал балконы, карнизы и сквозь дрему лениво листвой шевелит. Здесь в уютных дворах затаилась прохлада, старины сохраняя наивный уют. И стыдливая, нежная гроздь как награда за счастливый и Богом дарованный труд. Здесь с апреля по осень распахнуты окна, и не нужно на юг уезжать в отпуска. Здесь и в песню, и в танец вступают охотно, черный локон поправив слегка у виска. Здесь как молнии взгляды и смуглые лица, и веселая речь на родном языке, и пурпурная влага в бокалах искрится, поднимаясь для тоста в горячей руке. Льются скрипок певучие, чистые звуки, и задорные, звонкие бубны звенят. Этот город рифмую с любовью, с разлукой. Этот город с судьбою рифмует меня.

– Все-таки стишками балуешься…

– А кто по молодости этим не грешит?

– Меня Бог миловал.

– Сочувствую.

Да, в те времена можно было только шутить на тему дальних странствий: «И я хочу в Бразилию, к далеким берегам». Но это были шутки на грани дозволенного. Шутить с заграницей было опасно. Опять захотелось в Париж? Нехорошо. Советская молодежь мечтает о полетах на далекие планеты, а не в сомнительный Рио-де-Жанейро. А тебе с чего бы захотелось? Откуда ты такой особенный взялся? Как тебя воспитывали, кто твои родители? Откуда у тебя, советского комсомольца, такие нездоровые желания? Уже расхотелось? То-то же. В общем, так: на

Марс можно, а в Бразилию нельзя.

А через неделю состоялся слет. И прошел он еще интереснее, чем предыдущий. Потому что звездой слета стал новичок нашей команды. Он был лучшим в легкой атлетике, он же вывел нашу команду на первое место в ориентировании, а в туристической эстафете — на второе. Кроме того, успел поучаствовать в оформлении лагеря и выпуске отрядной газеты, и нам за это дали приз с формулировкой «за оригинальность и мастерство». И в конкурсе художественной самодеятельности все его номера были приняты на «ура». А поздним вечером к нашему костру, у которого он солировал, подтянулся почти весь лагерь, и гитара ходила по кругу, и до утра звучали душевные песни, и лучше всех пел, конечно, он.

Каждый из нас невольно сравнивает себя с окружающими. Встречая сверстника, в чем-то превосходящего нас, мы испытываем смешанное чувство ревности и зависти, корни которого лежат в природном инстинкте соперничества. С возрастом этот инстинкт ослабевает, но в молодости бывает очень острым. Образ конкурента, с преувеличенными нашим воображением достоинствами, болезненной занозой сидит в памяти. Подозреваю, что столь же острые уколы зависти испытывают женщины в обществе какой-нибудь яркой красотки, перехватывающей все мужское внимание. Конечно, мужчинам этот негатив пережить легче, поскольку у нас есть намного больше возможностей сказать: зато! Зато у меня есть разряд по боксу, зато я закончил мехмат университета, зато поднимался на Эльбрус, зато имею публикацию в журнале. Да мало ли чем можно себя успокоить!

Однако это был не тот случай. Успокоить себя мне было нечем. А вот ему было чем, хотя он этого и не афишировал. Во время слета проявились не только его исполнительские способности, но и творческие — оказалось, что у него есть и свои, весьма неплохие, песни. А впоследствии стало известно, что он кандидат в мастера спорта по плаванию и гимнастике, и даже входил в молодежную сборную страны. Одно это могло убить самолюбие любого сверстника. Но, как выяснилось в дальнейшем, даже эти его завидные достоинства были лишь видимой частью айсберга.

Люди отзывались о нем по-разному. У знакомых девушек при упоминании о нем вспыхивали глаза. Замужние сотрудницы не скрывали своего восхищения: «Комсомолец, спортсмен! Красавец! На гитаре поет». В мужских компаниях кривили губы: «Бабник». А его начальник как-то сказал: «Какой он работник? Да никакой!». Каждый видел в нем ровно столько, сколько был способен

увидеть. А вот я не смог бы высказать о нем конкретного мнения. И чем больше его узнавал, тем сложнее было это сделать.

Вообще-то говоря, я тоже считал себя личностью неординарной. И имел для этого определенные основания. Внешне, хотя и не подходил под эталон брутального мачо, выглядел недурно — был высок, строен, спортивен. Кроме того, обладал логическим мышлением, неплохо подвешенным языком и чувством юмора, а также некоторым кругозором и запасом общекультурных знаний, почерпнутых из прочитанной в детстве литературы. Закончив московский институт с красным дипломом и получив весьма престижную специальность, нахватавшись каких-то верхушек столичной культуры, я был достаточно самоуверенным субъектом и привык свысока поглядывать на окружавшую меня провинциальную обстановку. Поэтому встреча с этим человеком, фактически, моим сверстником, стало для меня чем-то вроде неожиданного и очень неприятного холодного душа. Я видел, что проигрываю ему буквально во всем, и остро переживал свою, казавшуюся мне очевидной, неполноценность. И тем не менее, эта нетривиальная личность постоянно привлекала мое внимание, вызывая противоречивые чувства и сильные эмоции. А впоследствии в наши отношения вмешались женщины.

Свободными вечерами одинокому холостяку бывает скучновато. В мужских общежитиях от природной и душевной непогоды избавляются традиционными способами. Но пьянство, как развлечение, не устраивало ни меня, ни его, и это тоже нас сближало. Поначалу наше общение носило случайный характер. У каждого были свои дела, интересы, отношения с другими людьми — собственно, то, что и является личной жизнью. Но постепенно шапочное знакомство переросло в нечто вроде дружбы, с острым привкусом соперничества с моей стороны. Встречаясь в свободное время то у меня, то него, слушали музыку, вспоминали что-то из последних кинофильмов и книг, шутили, смеялись. У меня было много магнитофонных кассет, которые я собрал за студенческие годы. Это были многократно переписанные и не очень качественные записи концертов Высоцкого, Окуджавы, других бардов, но больше всего было зарубежной музыки, начиная, конечно, с The Beatles. У него тоже был магнитофон, и мы постоянно обменивались кассетами. До сих пор эти ленты, многократно склеенные, с осыпающимся магнитным слоем, в потрепанных картонных конвертах со старательно выписанными названиями песен и исполнителей, лежат на полке старого серванта, рядом с видавшим виды магнитофоном «Маяк». На этих старых кассетах с плывущим и пропадающим звуком хранится музыка самых любимых нами

дисков тех лет: «Abbey Road», «Let It Be», «Imagine», «Deep Purple in Rock», «Machine Head», «The Dark Side of the Moon», «Look at Yourself» и других, так радовавших нас в те далекие годы. Эти мелодии, ставшие классикой двадцатого века, уже давно оцифрованы и доступны на самой современной аудио– и даже видеотехнике, о чем мы когда-то и мечтать не смели, но все равно рука не поднимается выбросить эти трогательные свидетельства прошлого. Слишком много воспоминаний связано с ними.

Иногда наши беседы, начинавшиеся с легкомысленного трепа, выходили на какие-то более серьезные темы. Как правило, все начиналось с какой-нибудь его провокационной фразы, которая, по сути, была шуткой, но действовала на меня как красная тряпка на быка. Я тут же бросался ее опровергать, а он с дьявольской изворотливостью защищал. Он вообще отличался радикализмом в суждениях, оспаривал очевидные истины, издевался над признанными авторитетами. У него всегда на все были готовые ответы. Но ведь это невозможно! Абсолютных истин нет и быть не может. Так откуда этот его апломб? Чем оправдана самоуверенность? Ну, не может быть у человека все в порядке! Так не бывает. Так и не было. Но и к своим житейским проблемам он относился необычно. Наплевательски. Как к мухам: надоест — прихлопнем, не мешает — и хрен с ней! Однажды, в ответ на мое недоумение, он процитировал молитву какого-то испанского монаха: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай терпения, чтобы выдержать то, чего я не могу изменить, и дай мне разум, чтобы отличить одно от другого». А еще добавил знаменитую фразу царя Соломона: «Все пройдет, и это тоже». А третье правило он вывел из своего житейского опыта: все проблемы, какими бы трудными они ни казались, рано или поздно как-то решаются. Или просто исчезают сами собой. Время решает их за нас. Или какие-то высшие силы.

– Разговаривать с ним тоже было непросто, особенно с непривычки. Иногда, когда я пытался высказать какую-то значимую, на мой взгляд, мысль, он со своей обычной полуулыбкой договаривал начатую мной фразу. И мне нечего было к этому добавить. Поначалу его замашки сильно раздражали меня. Бывало, я уходил от него, со злостью хлопнув дверью: «Да кто он такой?! Что он себе позволяет? Тоже мне, мыслитель! Аристотель с товарного склада». Но он не придавал особого значения этим вспышкам эмоций, и через некоторое время мы снова встречались и общались, как и прежде. Рождалась ли в этих спорах истина? Трудно сказать. Но мне они были интересны, и я даже стал испытывать некую пресность жизни без этих словесных поединков, постоянно проигрываемых мною.

– Впрочем, в одной области, как мне казалось, я его превосходил. Как выяснилось, он работал сторожем на каком-то складе промышленного оборудования. Простым сторожем на складе! Даже этим он удивлял окружающих. А я, закончив факультет экономической кибернетики, получил диплом экономиста-математика, и сферой моей деятельности были автоматизированные системы управления (АСУ), электронно-вычислительные машины (ЭВМ), алгоритмы, программирование, оптимальное управление. В те годы информационные технологии еще только развивались, и заниматься ими считалось весьма престижным. Когда я небрежно упоминал свою специальность в компаниях, это всегда производило должное впечатление. Но только не на него. На него, похоже, вообще ничто не производило особого впечатления. Редко случалось, чтобы он чему-то удивился. Хмыкнет, бывало, со своей саркастической улыбкой. Так же иронично он улыбнулся, когда узнал о сфере моей деятельности. Меня это задело, и я попытался съязвить насчет непрестижности его работы, на что он спокойно возразил:

– Вообще-то говоря, не место красит человека.

– Ну, и чем же ты украсил столь престижное место?

– Во-первых, престижность нужна неуверенным в себе людям. Во-вторых, на мой взгляд, у меня очень хорошая работа. Одна из самых лучших…

– Самых лучших?!

– Да. И таких рабочих мест не так уж много. Ты слышал, кому завидовал Эйнштейн? Правильно, смотрителю маяка. И, надеюсь, понимаешь почему?

– Одиночество. Ничто не мешает заниматься наукой. И почему ты не на маяке?

– Потому что одиночество мне не нужно. А умственная свобода нужна. Потому что я тоже люблю думать. Размышлять.

– В первый раз вижу человека, который любит думать!

Ничего себе! Вот это хобби! Мне действительно еще не встречались любители этого занятия. С профессионалами все понятно — это ученые. Настоящий исследователь размышляет над своими проблемами постоянно, даже во сне. И это вполне объяснимо: напряженная умственная деятельность — основное занятие ученых. Но встретить бескорыстного мыслителя на складе электросетевого оборудования? Сторож-мыслитель! Да это просто анекдот! Вроде еврея-оленевода. Правда, в фильме «Живет такой парень» какой-то пожилой водитель полуторки на Чуйском тракте тоже признается, что любит думать. По ночам, у костра.

Впрочем, в чужую голову не влезешь. Не исключено, что мыслящих людей среди нас не так уж и мало, но они

благоразумно скрывают этот природный изъян от окружающих. Ведь еще в недавние исторические времена проблему избыточной мудрости решали крайне просто — усекновением самого ее источника. Да и сейчас во многих сферах деятельности вольномыслие недопустимо. Например, в государственной идеологии. Или в вопросах религии. Потому что и то, и другое построено на вере, и обсуждению не подлежит. Ведь от праздных размышлений недалеко и до крамолы. Не зря кайзер Вильгельм издал официальный приказ: «Не рассуждать!». По этой же причине на государеву службу нежелательно назначать умных людей. Ибо чем умнее чиновник, тем более изощренные приемы он находит для казнокрадства. Абсолютно недопустимо умствование в армии и на флоте, поскольку угрожает обороноспособности страны. Что касается гуманитарной сферы, здесь ситуация еще проще. Говорят, певцам и актерам голова нужна лишь для того, чтобы издавать ею звуки. А поэтам просто необходимо отключать мыслительный аппарат — чтобы не мешал вдохновению. Да и многие писатели прекрасно обходятся без умственных усилий, если судить по качеству современной прозы.

О вреде этого сомнительного занятия предупреждали многие классики мировой литературы. В романе Хаггарда «Копи царя Соломона» главный герой с горечью признается: «По мере приближения старости мною, к великому моему сожалению, все более овладевает отвратительная привычка размышлять». И, наверное, прав был Ремарк, когда устами одного из героев констатировал: «Самая тяжелая болезнь мира — мышление! Она неизлечима». И Грибоедов от этого нас предостерегал. А Монтень писал, что перевидал на своем веку множество людей, которые «утратили человеческий облик из-за безрассудной страсти к науке». Да я и сам встречал на мехмате МГУ странных типов с отсутствующим взглядом за толстыми стеклами очков и безумной полуулыбкой на лице. Как правило, в их неряшливом облике присутствовала некая перекошенность, и передвигались они как-то полубоком, вдоль стены, как крабы. С первого взгляда было понятно, что это потенциальные клиенты психиатрических лечебниц. А фантаст Станислав Лем описал трагедию мыслящего картофеля на одной отдаленной обитаемой планете. Эта высокоразвитая цивилизация погибла из-за того, что все ее представители однажды глубоко задумались над смыслом жизни и, придя к неутешительным выводам, совершили коллективное самоубийство. Это серьезное предупреждение всему прогрессивному человечеству.

Много позднее, в смутные годы перелома общественного строя, мне вспомнился этот разговор. Однажды, машинально

переключая каналы телевизора, я обратил внимание на не совсем обычный сюжет. Это было что-то вроде международного клуба знакомств. Какой-то молодой, но толстый американец рассказывал о себе потенциальным невестам (синхронный перевод шел почему-то женским голосом, что было довольно забавно): «Первый свой миллион долларов я заработал в девятнадцать лет. Получилось это, можно сказать, случайно. Как-то, поговорив по мобильному телефону, я сунул его в карман и занялся какими-то делами. Но при этом я все время чувствовал мобильник в кармане, он мне мешал. «Как бы мне его держать при себе поудобнее?» – подумал я, и тут же придумал небольшое устройство – чехол на поясном ремне. Потом я его запатентовал и вложил небольшую сумму в выпуск первой партии, которую реализовал через салоны сотовой связи. На вырученные деньги я организовал их промышленный выпуск и получил уже серьезную прибыль. Но вскоре продал этот бизнес, потому что он мне был неинтересен. Зато я понял, что могу зарабатывать деньги своим умом. Кроме того, мне понравился сам процесс, понравилось придумывать что-то новое. Еще несколько таких небольших дел обеспечили мне финансовую независимость и возможность заниматься тем, что мне нравится. А я, по правде говоря, люблю думать. Сижу себе в своем любимом кресле, потягивая виски с содовой, и размышляю. Со стороны кажется – вот сидит бездельник и дремлет весь день. Но мало кто знает, что в это самое время я зарабатываю деньги собственными мозгами» – добавил толстяк и рассмеялся.

А в тот вечер он спокойно ответил:

– Как видишь, такое бывает. А мне показалось, что и у тебя есть к этому склонность…

– Еще чего! Я люблю повеселиться, а особенно пожрать.

– Пожрать и поржать? Вот это как раз не диво. А жаль.

И здесь, раздраженный своей глупой шуткой и его покровительственным тоном, я в очередной раз начал выходить из себя. «Он любит думать! А я что, на работе не думаю? Да мне приходится решать такие задачи, какие тебе и не снились! А вот о чем ты думаешь?!» – хотел выкрикнуть я. Но он опередил меня, словно угадав мои мысли:

– Я размышляю над тем, что мне интересно. А ты – над тем, что тебе поручено. Ты продаешь самое дорогое – время твоей жизни. И распоряжается им кто-то другой.

– Но все люди должны работать! Зарабатывать на жизнь, в конце концов!

– И я работаю. Но мой ум свободен для нужных мне целей.

– Что же это за цели такие?

– Я вникаю в суть вещей и явлений.

– Суть? Не в том суть, что ссуть, а в том, что ссуть под окнами. Делом нужно заниматься! Конкретным, нужным людям делом!

– Ты, я вижу, очень гордишься своей работой. Звучит, конечно, красиво: ЭВМ, кибернетика, алгоритмы. Особенно для романтичных барышень. Обратная связь, Норберт Винер, оптимальное управление и так далее. А ведь все это бантики на платье голого короля.

– Да что ты в этом понимаешь!

– Чтобы оценить вкус супа, не обязательно съесть всю кастрюлю. Я тоже изучал основы информатики и программирования. Но профессия программиста мне не понравилась. По большому счету, это дело мало чем отличается от работы землекопа…

– Землекопа?! У тебя что-то с головой.

– Только выполняется умственным способом. И это не творческая, а вполне рутинная деятельность. Она дает человеку не реальные, а виртуальные знания. Которые быстро устаревают, как и сама техника, И все вложенные в них усилия пропадают зря. Все твои навыки, опыт — фикция. Скоро они окажутся никому не нужными.

В этот момент чрезвычайно неприятное, какое-то тошноватое ощущение неуверенности в себе, в своих, казалось бы, надежных убеждениях охватило меня. Словно земля покачнулась и уходит из-под ног. Я чувствовал какую-то устрашающую правоту его доводов и не хотел в них верить, но и опровергнуть не мог. И все же по инерции продолжал защищаться. А он продолжал меня добивать:

– Да и само по себе программирование носит обслуживающий характер. И ты тоже, если смотреть правде в глаза, всего лишь подмастерье, подносчик снарядов. Ты готовишь информацию, которую используют другие люди…

– Да! И горжусь этим. Наша работа востребована технологическими отделами и руководством. Ты и представления не имеешь, какие объемы информации нужны для управления энергосистемой. О балансах энергии и мощности, динамике нагрузок и перетоках, ремонтах и состоянии оборудования. О выработке электрической и тепловой энергии и ее потерях при передаче, об объемах и структуре электропотребления, о запасах топлива и его удельных расходах. И еще много чего другого. И все это нужно для непрерывного энергоснабжения промышленности и населения. Чтобы работали заводы и фабрики, двигался транспорт, выпекался хлеб, действовал водопровод. Чтобы горела

вот эта лампочка. Да чтобы все работало! Без электроэнергии человечество погрузится во мрак, во всех смыслах…

– Ладно, хватит лекций! Ты-то сам, чем занимаешься?

– Сейчас я работаю над системой учета и оптимизации запасов энергетического оборудования на складах. Один из которых ты как раз и охраняешь. И для этого мне приходится вникать в технологические вопросы не хуже прикладных специалистов. Нужно оценить количество запасных частей, чтобы их хватало для ремонта оборудования в случаях аварий, но без ненужного избытка. Для этого применяется расчет на основе статистики аварийности по видам оборудования и потока случайных событий Пуассона. А в целом требуется для обеспечения надежности энергоснабжения.

– И много ты сделал таких работ?

– Это первая.

– И это все, чего ты достиг? Применил общеизвестную формулу, и возгордился. Все вокруг зааплодировали, а ты раскланялся. Браво! Полный провинциальный успех. И тебе этого достаточно? И не жаль тратить лучшие годы жизни на такие поделки? Неужели тебе никогда не казалось, что ты достоин большего?

– Мало ли чего кому кажется! А делать нужно то, что нужно. И делать качественно, надежно. У нас общими словами не отделаешься, вокруг да около. Болтунов много, а дело тянут профессионалы.

– У медали профессионализма есть обратная сторона – ограниченность. Как говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу: полнота его одностороння. Такие догматики чаще всего встречаются в науке. Чем больше они погружаются в специфику предмета, тем больше набираются апломба и нетерпимости. Пока не превращаются в тех самых тупых доцентов. Дискуссии с ними бессмысленны, они не слушают доводов собеседника. Для них это столкновение амбиций, а не поиск истины. Сидят в своих закутках, как червяки в трухлявом пне, и польза от них такая же…

– А мы не дискутируем, мы работаем. Я сам ставлю перед собой задачи повышенной сложности и решаю их.

– Это иллюзия. Просто ты, как чуткая лошадь, стараешься ускорить бег еще до того, как хозяин щелкнул кнутом. Кстати, слышал, какой русский не любит быстрой езды?

– Тот, на котором ездят.

– Вот-вот. А ты, похоже, это полюбил.

– Грубишь?

– А чего лукавить? Твоя инициатива ограничена поводьями в

руках начальника. Если двинешься не в ту сторону, тебя тут же поправят. И будешь идти туда, куда тебе укажут, и везти то, что на тебя нагрузят. А если понадобится, то и подстегнут.

– Ладно, без плейбоев разберемся! Сам-то ты имеешь хоть какую-то специальность? Что ты закончил?

– Ничего. Но более правильно спросить, что я начинал. Я перепробовал несколько институтов, знакомился с базовыми дисциплинами. Но когда начиналась узкая специализация, уходил без сожаления. Потому что не хочу ограничивать свою интеллектуальную свободу конкретной специальностью.

– Значит, так и остался без диплома?

– А я не собираю красивые значки и бумажки с печатями.

– Но ведь без «корочек» не устроишься на приличную работу.

– Многие люди с дипломами занимаются очень неприличной работой. И наоборот…

– Допустим. А дальше что? Вот поймешь ты эту самую суть, достигнешь великой мудрости. Где ты ее применишь? Пойдешь устраиваться в правительство? На министерскую должность?

– Ну, почему сразу на министерскую? Можно и на замминистра, для начала…

– Ну, ты и наглец!

– Но ты же сам к этому моменту уже будешь министром. Вот и примешь меня замом по общефилософским вопросам. С окладом согласно штатному расписанию.

– А если не стану министром? Переквалифицируешься в управдомы? Или продолжишь профессиональную карьеру? Глядишь, к пенсии и до швейцара дорастешь.

– Нет, швейцарская карьера мне не светит. Не имею специфических данных. А вот хорошие счетоводы, как известно, везде нужны.

О работе, карьере курьера, специфике профессий, черном понедельнике, грязной канаве, персональном кабинете, ручном и умственном труде и творческих шабашках

– Да ладно тебе! Вопрос серьезный. Работа это судьба человека.

– Не работа, а профессия. Выбирая профессию, выбираешь судьбу. А работа может быть и временной…

– Э, нет! В случайной работе можно застрять на всю жизнь. Бывает, человек берется за первое попавшееся дело, полагая его временным, а оно незаметно затягивает. Пока освоил, пока дождался отдачи – время пролетело. И оказывается, что это единственное, что ты знаешь и умеешь, и менять что-либо уже бессмысленно.

– Да, пожалуй. Это как с женой – познакомился со случайной девушкой на танцах и незаметно прожил с нею всю жизнь. Случайную жизнь со случайной женщиной и случайной работой…

– Я тут недавно прочитал одну книгу, она так и называется: «Работа». Журналист собрал рассказы американцев о своей работе. Там были металлург, стюардесса, профсоюзный деятель, детектив, сборщик автомобилей, официантка, уборщик мусора и много других. Реальные жизненные истории людей разных национальностей, социального уровня, образования. В полной дословности, с сохранением лексики, лишь с небольшими комментариями. Поразительная сила жизненной правды! Но меня больше всего удивило отношение американцев к своей работе. И как ты думаешь – какое?

– Ну, американцы известны своим позитивизмом, деловой активностью. Работают много и хорошо. У них высокая производительность труда…

– Американцы ненавидят свою работу!

– Да ну?!

– Большинство занимается тем, за что им платят деньги, а не тем, чем хотели бы. Только несколько из опрошенных положительно отозвались о своей работе. Кажется, это были

хоккеист, стюардесса и официантка. Там интересно описана история курьера одной чикагской газеты. Он рассказывает, что раньше работал в разных местах, но больше всего ему понравилось в какой-то социальной организации. У него там не было каких-либо конкретных обязанностей, он просто получал деньги и жил на них. Он не хуже других справлялся с такой работой, но его все равно уволили. Тогда он устроился курьером в редакцию. Он пришел туда с позитивным настроем, делился с сотрудниками своим духовным опытом и угощал натуральной пищей — орехами, изюмом, семечками. Он ходил по редакции и убеждал людей задуматься о смысле своей жизни. Но скоро выяснилось, что коллектив погряз в эгоизме и конформизме. Его гоняли по редакции и по городу с какими-то бессмысленными поручениями и не разделяли его прогрессивных взглядов. Не всем нравилось, что он в рабочее время сидел на полу и предавался медитации. А начальник прямо спросил, что это за омерзительное пугало?

– Вот он, звериный оскал империализма. Эксплуататоры проклятые!

– Да, он это понял сразу. Когда в редакцию звонили читатели с какой-то проблемой, он им отвечал, что зря они сюда обратились. Потому что это капиталистическая газета, которая должна приносить деньги ее владельцам, а не помогать всяким бедолагам. И советовал обратиться к «Черным пантерам» или в какую-нибудь другую благотворительную организацию. И люди были ему за это благодарны. В отличие от руководства редакции…

– И его выгнали?

– Нет, не посмели. Но заявили, что такое поведение неприемлемо, и перевели в другой отдел. Но и там он столкнулся с душевно черствыми людьми. Которые стали придираться к его внешнему виду. Советовали постричься, принять душ, купить приличный костюм и обувь. Особенно их раздражали его ботинки с отрывающимися подошвами, которые он примотал изолентой…

– Да какое им дело!

– Вот именно. А он страдал от лицемерия окружающих и хотел нанести удар по развращенному капиталом обществу. В котором людей заставляют работать обманом, хитростью или насилием. Он мечтал раздобыть пулемет и для начала перестрелять всю редакцию. Или поджечь ее…

– Вот так растут революционные настроения в массах.

– И все-таки его уволили, придравшись к нарушению трудовой дисциплины. Представляешь? В Америке, оплоте демократии, человек пострадал за либеральные взгляды! Так

закончилась карьера курьера. Но это был хиппи, свободная личность, презревшая ценности буржуазного общества. А другим приходится выживать в жестоком мире капитала, кормить семьи, поднимать детей. И люди цепляются за любую работу, ради заработка. В книге приводятся просто драматические истории. Например, металлург прямо говорит, что никому не пожелает такой судьбы, как у него. Он проработал всю жизнь в горячих цехах, потому что приходилось обеспечивать семью и выплачивать кредиты за дом, обстановку, машину. За годы, проведенные у доменной печи, он заработал профессиональную болезнь легких и понимает, что ему недолго осталось жить, но гордится тем, что выучил сына, которому не достанется такая участь. Или рассказ уборщика мусора о том, где и как он работал в своей жизни, как пытался устроиться на более престижные места, но у него не получалось или не везло, и его увольняли. И ему пришлось, в конце концов, заняться этим грязным делом. И он признается, что неудачник, а в тексте идет комментарий: плачет…

– А что, у нас не так?

– Нет, не так! У нас хуже.

– Да какая разница? Мусор, он и в Африке мусор. И неудачников тоже хватает. С детства мечтавших стать космонавтами…

– Или хотя бы пожарниками.

– А кто действительно вкалывает по-черному, так это японцы. Бывает, даже умирают на рабочих местах, от усталости. Потому что оставить работу невозможно, даже если нет сил. Работают без выходных, без отпусков. И спят в комнатах-пеналах.

– Нет, самая невыносимая работа — на конвейере. Потому что превращает человека в часть сборочного механизма. Не столько физически изматывает, сколько морально. Мало кто выдерживает.

– А разве в шахте легче? С отбойным молотком, в пыли, мраке, сырости. Как в могиле. А кому-то она и становится могилой — то взорвется, то завалит…

– А что, на свежем воздухе лучше? На лесоповале, по пояс в снегу, под минус тридцать? Выдержишь?

– А хотя бы один день Ивана Денисовича прожить сможешь?

– А как Беломорканал строили? Скалы вручную долбили — и в зной, и в мороз…

– А у доменной печи не хочешь погреться? Или возле ревущего парового котла?

– Да зачем далеко ходить! Вон, в электросетях, оперативно-выездная бригада — в дождь со снегом у них самая работа. Хоть

днем, хоть ночью выезжай на аварию, лазь по кустам да оврагам, ищи, где обрыв, где коротнуло…

– Электрики, как и саперы, ошибаются один раз в жизни. Из нашей общаги мужика недавно зашибло, насмерть. Не слышал? Каждый год сдают экзамены по технике безопасности, а все равно гибнет народ…

– Нас в главке[1] тоже заставляют сдавать, хоть и за столами сидим. А самая ответственная работа – в ЦДС[2]. Диспетчера круглосуточно дежурят, обеспечивают покрытие электрической нагрузки. Не дай Бог, если начнутся отключения потребителей. Потери бывают невосполнимые. Если операция на сердце, например. Или отключился какой-то режимный объект. И даже на птицефабриках…

– А там что за беда?

– Там ведь инкубаторы огромные. Если остывают, убытки бывают неслабые.

– Ну, в энергетике хоть резервирование какое-то можно организовать. А есть такие должности, где ошибки вообще недопустимы. Мы с тобой что-то не так сделаем, этого и не заметит никто. А если ошибется авиадиспетчер? Или оператор атомной электростанции? Мало не покажется…

– У военных тоже много таких объектов. Ответственность такая, что задание нужно выполнять любой ценой. Даже ценой жизни.

– Специфика профессии. В армии сам человек – функция, элемент системы. Можно сказать, расходный материал.

– А еще, я слышал, большие стрессы у тех, кто связан с высшими эшелонами власти. Там тоже нельзя ошибаться.

– В политику лучше вообще не лезть. Политика – грязное дело, обязательно испачкаешься. Еще Монтень заметил, как много вокруг занятий и должностей, по самой природе своей порочных…

– Грязной работы везде хватает. Вон, на колхозных фермах. Каждый день выгребать навоз из-под скота. А вернувшись с работы, заниматься тем же дома. И так всю жизнь, без выходных и отпусков. А эти бесконечные поля с неубранной картошкой? Осенью, под дождем. Тоска смертная. Не зря все, кто может, бегут из деревни…

– А разве с человеческим скотом работать легче? В тюрьмах, в зонах. С уголовниками, рецидивистами, выродками всякими, отбросами общества…

– А в милиции? Выезжай на драки, разнимай всякую тварь, подбирай алкашей. Или трупы полуразложившиеся…

– А на скорой помощи? Бывает, что больной в блевотине и в

поносе с головы до ног, а ему надо помогать. Или маньяк какой-нибудь набросится…

– На врачей еще и нервный стресс давит: и приехать успеть, и диагностировать, и помощь оказать. Тут ведь не железка, а человеческая жизнь в руках.

– Медицина вообще своеобразная область деятельности. Я не представляю, как нужно любить человека, чтобы специализироваться в проктологии…

– Помилуй Бог!

– При том, что можно выбрать гинекологию.

– С анатомической точки зрения разница невелика.

– А с эстетической? Подозреваю, что гинекологи, в отличие от проктологов, искренне любят свою профессию. С удовольствием идут на работу, с интересом ждут очередною пациентку…

– Еще бы! Весь день погружаться в мир прекрасного. Причем совершенно бесплатно.

– Почему бесплатно?

– Как?! За это еще и платят?

– Конечно, зарплаты у врачей небольшие. Многим приходится подрабатывать…

– На дому? Это вообще круто! Но в коммунальной квартире вряд ли получится. Соседи неправильно поймут.

– Наоборот! В добровольных ассистентах недостатка не будет.

– Нет, номер не пройдет. Жены ассистентов не позволят.

– И все равно профессия уникальная.

– А каким волнующим должен быть дебют молодого специалиста! Наверное, первая пациентка остается в памяти на всю жизнь. Как первая учительница и первая любовь…

– А если это будет пенсионерка?

– Тем более.

– Но какую выдержку надо иметь! Чтобы оставаться мужчиной и профессионалом одновременно. В таких щекотливых условиях.

– Не представляю. По-моему, чистая шизофрения.

– А в семье? Откуда взять вдохновение на жену? После напряженного рабочего дня. Как они вообще исполняют супружеские обязанности?

– Еще как! Пулей летят домой. Чтобы наброситься на супругу…

– Не снимая ботинок и пальто? Ну, не знаю. Работа очень специфическая. Наверное, со временем вырабатывается привычка. Иначе точно свихнешься.

– Да, в каждом деле своя рутина. Говорят, работницы

конфетных фабрик после смены пьют уксус.

– Похоже, и у врачей так же. Видят в пациенте биологический механизм, подлежащий ремонту.

– А иначе невозможно. У терапевтов в простудный период настоящий конвейер.

– А санитарки в больницах работают вообще за копейки. Вот кому не позавидуешь. Таскать вонючие судна, ворочать дряблых, неподъемных старух. Убирать дерьмо из-под мерзких стариков…

– Жуть!

– А канализацию ремонтировать не приходилось?

– Это что! Золотарями люди работают…

– И адвокатами. Кто-то руки пачкает, а кто-то душу.

– Специфика профессии. Их не справедливость интересует, а кто больше заплатит.

– А общественные туалеты мыть не пробовал?

– На сборах как-то довелось, когда дневалил по казарме. Мне не понравилось.

– То-то же! Разве можно любить такую работу?

– Но ведь кто-то соглашается.

– От безысходности. Кому-то кажется, что временно, а кто-то уже смирился. А женщины берутся, чтобы подработать, хоть как-то помочь семье. Семья важнее всего, остальное можно перетерпеть.

– Да, если вдуматься, сколько народу каждое утро выходит на работу с тяжелым сердцем, преодолевая отвращение…

– А ты чего хотел? Свободного посещения?

– Но есть же вольные художники, люди творческих профессий…

– Конечно, есть. Те, которых, как и волка, ноги кормят. Беда в том, что кормят не всех и нерегулярно.

– Зато им не нужно по утрам спешить к станку. И спать они могут хоть до обеда…

– И часто позволяют себе это. Просыпаясь с головной болью в захламленной комнате, заставленной пустыми бутылками и никому не нужными «шедеврами». И с похмелья пытаются найти что-то в пустом холодильнике и в столь же пустом кошельке. А потом начинают собирать в авоську накопившуюся посуду.

– Да, есть время разбрасывать бутылки и время их собирать…

– А когда и они заканчиваются, выбирают что-то из оставшихся картин, чтобы продать за бесценок. И это завидная участь?

– Кому как. Может, голодный волк и позавидует сытой собаке, но все равно не выберет ее судьбу.

– В любом случае жизнь это будни, а не праздник. Не

воскресенье, а понедельник. Еще Воннегут воспел черный понедельник.

– Нет, он сказал: «Прощай, черный понедельник!».

– И как ты с ним простишься?

– Запросто! Нужно «понедельники взять и отменить». Чтобы после воскресенья начинался вторник. Представляешь, какое будет облегчение народу? А если еще ненавистные будильники разбить…

– Давно пора. Неси кувалду!

– Как они портят жизнь простому человеку! Бывает, что с постели встать невозможно, спать хочется просто мучительно. Глаза закрываются сами собой, голову от подушки не оторвешь. Поднимаешься только на волевом усилии…

– А я включаю робота. Отдаю сам себе команды: «Встать! Умыться! Одеться! Шагом марш на работу!». И сам же их исполняю. Главное, делать это механически, без мыслей, без сомнений. Кстати, метод универсальный. Помогает в любом неприятном деле. Только важно не расслабляться до конца, до результата. Составляешь план работ и включаешь робота. А он все делает за тебя.

– И все равно тошно. Особенно осенью, в плохую погоду. Выходить в промозглую темень, мокнуть на остановке, тащиться в переполненном автобусе, среди таких же угрюмых людей с серыми лицами. А на работе выясняется, что на твоем участке прорвало трубу, и нужно срочно выезжать на аварию. А там придется ее раскапывать под дождем, лезть в эту канаву, в холодную грязь…

– Да, есть такое дело. Такую работу делают суровые, крепко выпивающие люди. Настоящие мужчины!

– Не в этом дело! Убивает то, что это навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Что ничего другого больше не будет…

– А это и значит, что дело – труба! Дело всей твоей жизни – труба. То есть, труба – твое призвание на этой земле. Неси ее со смирением.

– Дать бы тебе по башке! Этой самой трубой.

– Но понедельника это не отменит. Потому что после любой ночи наступает утро. И после праздника, и после тризны. Солнечное или дождливое, снежное или морозное, но неизменно материальное, отрезвляющее. И все наши вечерние разговоры, жаркие споры, мечты и желания тают, как туман, в его сером, реальном свете…

– Да уж. Как ни веселись, а на работу вставать нужно.

– А это и есть вечный поток жизни. Болезненная, но целительная материальность бытия. И своего – все того же!

– места в нем. Вечная, неодолимая сила обыденности, необходимость ее продолжения, в тех же неизбежных будничных заботах. Праздник окончен, господа, займемся же делом!

– Ну, ты просто поэт!

– И этот вечный поток жизни несет нас в будущее, которое каждую секунду становится настоящим и в тот же миг превращается в прошлое. Потому что каждое утро жизни это очередная волна времени, смывающая следы предыдущего дня, уносящая с собой все лишнее, ненужное, надуманное и наговоренное. Но оставляющая изредка на нашем берегу камешки истинных ценностей…

– Вряд ли этот твой гимн черному понедельнику вдохновит людей, сидящих в грязной канаве.

– А никто никому и не обещал легкой жизни. «Это производство все-таки, как-никак». И будешь делать то, за что тебе платят.

– Что да, то да. Как говорят в таких случаях украинцы: «Це дило – гимно, но его трэба розжуваты». И тут выход один: жевать побыстрее, чтобы оно быстрее закончилось.

– Не хочешь растягивать удовольствие? Напрасно. Чем быстрее жуешь гимно, тем больше его тебе навалят. Потому что жизнь коротка, а запасы гимна неисчерпаемы. Всемирный закон.

– Есть мнение, что все в этом мире гимно.

– Кроме мочи!

– Иногда анализы показывают, что моча тоже гимно.

– Не дай Бог! А как само гимно? Что показывают анализы?

– Отличное! На уровне мировых стандартов.

– Хоть что-то получается как у людей.

– Но это еще не все радости черного понедельника. Да и не в понедельнике дело. Бывает, и в выходные накатит такое – хоть вешайся. Тут вот недавно проснулся – за окном непогодное утро. Серое, сырое, тоскливое. На календаре суббота, а на душе понедельник. Какой-то птицы черной тень мелькнула в окнах на рассвете. И родился холодный день. И мир предстал в реальном свете. Был горек истины глоток. И стало вдруг до боли ясно: неутешителен итог. И то, что жизнь прошла напрасно.

– Ну, это преувеличение! Такая вселенская скорбь свойственна только очень молодым поэтам. К пенсии ее запасы иссякают.

– В том-то и дело! Лучшие годы проходят впустую.

– А Лермонтов в твоем возрасте уже…

– А Гайдар полком командовал! Да чего далеко ходить! Вон однокурсники как продвинулись: один уже остепенился – диссертацию защитил, имеет публикации за рубежом; другой в

министерстве отделом заведует, министру доклады готовит; третий, хоть и уехал по распределению в сибирскую глухомань, а уже начальник крупного объекта. Большим коллективом управляет – и кабинет у него, и служебная машина, и квартира…

– А ты болтаешься в общаге – ни кола, ни двора. И ведешь онегинский, «рассеянный» образ жизни.

– Вот именно. А имя одного ничем не выделявшегося раньше одноклассника, как говорят, уже вошло в «Мировую энциклопедию всех времен и народов».

– Ни фига себе! А что, есть такая?

– Значит, есть.

– И чем он удостоился?

– Прикладным искусством. С детства делал шкатулки в народном стиле, как его отец. И достиг в этом невиданного мастерства. Мы раньше посмеивались над ним, а теперь у него выставки по всему миру. Говорят, даже у президента США есть его поделки.

– Не надо завидовать чужому успеху. Еще Монтень говорил: «Судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных».

– В том-то и дело, что достойных! А ведь ни в школе, ни в институте звезд с неба не хватали, ни один особо не блистал…

– А ты думал, что все самое лучшее в жизни достанется счастливчикам, вроде тебя? Ты ведь, небось, и отличником был, и в комитете комсомола состоял, и диплом у тебя красный?

– Ну, было дело.

– Так ты и сейчас блистаешь. В прошлую субботу, у Ленки на дне рождения, ты всех просто обаял. Ты был звездой вечера: блестящие тосты, остроумные шутки, искрометный юмор. А как ты танцевал! Женский контингент был в восторге. А мужской зубами скрежетал. Если бы тебе еще морду набили, был бы полный триумф!

– Ладно, хватит!

– А чего ты хочешь? Персональную «Волгу» и кабинет с секретаршей? Так для этого нужно уехать в глухие, некомфортные места и начинать там с самых низов. Много и усердно трудиться. Врубаться в технологию производства, изучать скучные чертежи, читать нудную документацию. Эти самые пресловутые СНиП[3]ы. Причем не только в рабочее время, но и дома, борясь со сном и усталостью…

– Опять за парту? Я еще от института не успел отдохнуть.

– Отдохнуть? Ну, тогда на твоей карьере можно ставить крест. Перестал грести, значит, уже отнесло назад. Учиться придется всю жизнь. И учиться не за страх, а за совесть. Не знаю, как там пробился твой сибирский приятель, но если хочешь

продвигаться по служебной лестнице, это должно быть твоей каждодневной целью. А для этого нужно не только досконально знать свой участок работы, но вникать в тематику работы соседей, да и всей организации. Проявлять активность, вносить дельные предложения. Чтобы все видели, что ты имеешь интерес к делу, способности и амбиции к руководству. Если хочешь стать начальником, ты должен мыслить как начальник.

– Плох тот инженер, который не мечтает стать главным инженером?

– Вот именно. Но для этого придется пройти по всем ступеням служебной лестницы. И на каждой проявить способности, профессионализм и преданность делу. Заслужить авторитет, доказать, что ты лучше других, что ты самый достойный. Но сначала нужно решить это для себя – нужно ли тебе это? Вот ты, например, как себя позиционируешь? Мечтаешь сделать карьеру в своей конторе? Еще не определился? Ну, это уже ответ. Причем отрицательный.

– У нас коллектив молодой, перспектив особых не видно.

– Перспектив масса! Если ты разбираешься в работе соседних отделов, тебе будут доступны и эти вакансии. А можно перейти с повышением в другую контору. Было бы желание. Но имей в виду, что из хорошего специалиста может получиться плохой начальник. И прежде чем согласиться на руководящую должность, нужно очень хорошо подумать. Потому что это будет выбор судьбы.

– Да ну?

– Да, это так. Придется кардинально изменить образ жизни, от многого отказаться. С первого же дня на тебя обрушится масса срочных дел, неотложных вопросов. Ты должен будешь знать, что происходит на каждом участке объекта, понимать все технические детали. Планировать ход работ, обеспечивать стройку материалами, техникой, людьми. И думать об этом проклятом объекте постоянно, и быть готовым днем и ночью выехать на место, если что случится…

– Но не все же сам! Есть и замы, и специалисты, и аппарат.

– Но вся ответственность на тебе! Каждый день тебе придется принимать важные решения. И это должны быть правильные решения, вот в чем дело! Потому что не имеешь права на ошибку. Иначе недостоин, не справляешься. Ты ведь у всех на виду. Только расслабься, дай маху – сразу заметят, заговорят за спиной…

– Акела промахнулся. Не по Сеньке шапка.

– Вот именно. В любой ситуации нужно будет нести нагрузку и держать удар. А в трудные моменты не дать слабину – и

самому не дрогнуть, и людей мобилизовать. Но и это не все. Тот, кто занимался серьезным делом, знает, что не все в руках человеческих. Есть и объективные обстоятельства, и природа, и человеческий фактор. И Его Величество Случай. Так что молись Богу и надейся на лучшее. Потому что ничем не оправдаешься, если что случись. Потому что именно ты обязан сдать этот проклятый объект, и сдать в срок. И даже досрочно — в подарок съезду. А если подведешь — партбилет на стол! А в былые годы и расстрел.

– Ну, запугал!

– А это действительно так. Кресло начальника — раскаленная сковородка. Телефоны звонят беспрерывно, одно совещание наползает на другое, люди рвутся на прием. И проверки тебя достают, и отчетность, и начальство все время долбит: как дела, успеваешь, не подведешь? И сам ты должен давить на подчиненных. И раздражаться от того, что они не работают так, как на их месте работал бы ты сам…

– Об этом еще Толстой писал, в «Анне Карениной». У него там Левин тоже строил планы эффективного хозяйствования и приходил в отчаяние, когда упирался в стену человеческой инертности. А бывало, сам начинал вкалывать на молотилке, на покосе…

– Ну, просвещенный помещик мог себе это позволить. Для развлечения. А крупный руководитель не может. Как бы у него ни чесались руки. На это просто нет времени. И воздействовать на объект приходится опосредовано, чужими умами и руками. Поэтому главным инструментом начальника является язык.

– С набором соответствующих выражений.

– Естественно. Потому что иногда приходится требовать от людей невозможного. Как этого требуют от тебя вышестоящие начальники. И постепенно сволочеть от этого. И если все это положить на одну чашу весов? Не слишком ли дорогая плата за персональный кабинет с «Волгой»?

– Дороговато будет.

– То-то же!

– Но ведь дело не только в секретарше. А самоуважение? Знать, что занимаешься большим, стоящим делом. Кто-то ведь строит заводы, электростанции, плотины. Металлургические комбинаты размером с город. Небоскребы, ракеты-носители, авианосцы! Представляешь? Каждый день видеть, как по твоей воле поднимаются корпуса цехов, прокладываются дороги. Ты приказываешь: «Надо делать так!», и оно делается так! Ревут самосвалы, ворочаются бульдозеры, суровые мужики работают днем и ночью, выполняя твои указания. И постепенно то, что

было проектом в твоем мозгу, становится реальностью. И ты понимаешь, что это сделал ты!

– Успокойся! Во-первых, ты не такой уж и хозяин этим экскаваторам. В лес, за грибами, послать их не сможешь. Разве что тещу отвезти на дачу…

– На бульдозере?

– Это зависит от того, чем руководишь. Если конторой ритуальных услуг, будет еще интереснее. А во-вторых, объект сделал не ты, а большой коллектив специалистов и рабочих. Каждый из которых на своем участке внес вклад в общее дело.

– А престиж? Осознавать, что ты на самом верху, среди избранных. Как говорит Виктор Федорович, среди Товарищей, Которые Решают Вопросы. Которые обладают реальной властью. Согласись, что между теми, кто может решать задачи, и теми, кто может решать вопросы, огромная разница…

– Это правда. Власть очень заманчива. Но нужно ли тебе это?

– А почему нет?

– Во-первых, попасть в круг этих Товарищей очень непросто. Это еще нужно заслужить — личной преданностью и правильным поведением. То есть, унижением. И допускаются в этот круг только проверенные люди…

– И что, обязательно быть лизоблюдом?

– Не обязательно. Честные исполнители тоже нужны. На них удобно свалить основную работу и ответственность за свои ошибки. Как в армии все держится на лейтенантах, так и на производстве всю нагрузку несут бригадиры. Ну и пусть несут, до самой пенсии. А на теплые места будут продвигать своих. Своих насквозь, до самого нутра. А для этого нужно разделять их систему ценностей, их образ жизни. Они предложат тебе, как великую честь, участие в их убогих развлечениях — во всех этих охотах, рыбалках, банях с девками, пьянках, обжираловках…

– И это тоже обязательно?

– А ты как думал! В этих парилках решаются самые важные вопросы. Отказаться никак невозможно. Иначе ты не свой, выпадаешь из обоймы. Отторгнут, а при удобном случае подставят и спихнут с должности. А то и посадят, назначив козлом отпущения. Так что придется соответствовать. И незаметно это станет твоим образом жизни, и ты превратишься в номенклатурное животное — помесь хама и подхалима. И оно тебе надо?

– За такую цену — нет.

– А ты не думал, что этот молодой начальник, твой однокурсник, завидует твоей свободе и беззаботности?

– Честно говоря, нет.

– Мне вспомнилась одна карикатура. Идут навстречу друг другу два мужика. Один гладко выбрит, аккуратно пострижен, в костюме и сверкающих ботинках, при галстуке и с портфелем. А другой – бородатый и волосатый, в футболке, кедах и драных джинсах, с бусами на шее и гитарой за спиной. И каждый думает: «Подумать только! Совсем недавно и я был таким же чучелом!».

– А тебе это все откуда известно? Ты что, стройкой коммунизма руководил?

– По отцу знаю. Я его в детстве дома почти и не видел.

– Понятно. И какой вывод из этой лекции? Знай свой шесток? Сиди и не чирикай? И не бери лишнего в голову?

– Нет, эти отрезвляющие мысли очень нужны. Они неприятные, но их нужно додумывать до конца. И делать из них выводы. И принимать решения.

– Делать мне больше нечего!

– Можно и так. Спрятать голову в песок…

– Ладно, без плейбоев разберемся!

– Опять грубишь. А зря. Помочь тебе хочу. Чувствую, погряз ты в своих комплексах. Придется разгребать эти авгиевы конюшни.

– А как же! Вот прямо сейчас этим и займемся.

– А чего откладывать? Случай запущенный, но попробовать можно. Только давай начистоту, как перед священником. Что на сердце таишь, какой дурью маешься? Давай, колись, грешник!

– Исповедовать меня хочешь?

– Скажите, вы играете на рояле?

– Играю, но плохо – карты скользят.

– А фронтом командовать умеете?

– Не знаю, не пробовал.

– А вот Жуков попробовал, и у него получилось!

– Не сразу. Много народу положил, пока отточил мастерство.

– А Илья Муромец вообще тридцать три года на печи сиднем просидел. А как раскрылся в трудную минуту!

– Но для этого тоже понадобились условия: война, глад и мор.

– К сожалению, Илья на печи сидел не один. А другие, кто с нее слез, оказались не Муромцами. Можно всю жизнь так просидеть, считая себя гением. И мечтать, что когда-нибудь раззудишь плечо и покажешь всем таланты богатырские. Вот только с печки слезать неохота. Это и есть комплекс Ильи Муромца. Есть такое дело?

– Ну, как сказать…

– Вот оно! Вот этого ты и боишься. Что нечего будет предъявить, слезши с печки. Боишься раскрыть карты, которые

тебе сдала природа. Боишься увидеть, что там не козыри, а шестерки.

– А я думаю, что никто не знает всех своих способностей. Может, во мне умер великий художник? Или гениальный философ. Или музыкант…

– А хоть кто-то остался в живых? Где они, твои таланты? Давай, выкладывай на стол. Пересчитаем, проведем инвентаризацию. Думаю, много времени это не займет.

– Еще чего!

– Но ведь других карт все равно не будет. Так играй хотя бы этими! Чего ждешь, чего прячешь голову в песок, чего влачишь существование? Вместо того чтобы жить в полную силу, на всю катушку. Бывают игры, в которых шестерки сильнее тузов. Найди свою игру! Или придумай ее для себя, под свои козыри.

– Придумать? Это интересно…

– Так не теряй времени! Даже проигравшему достается награда – сама игра. Слушай, а давай плюнем на эту гениальность! Ну ее к черту! На хрен она нужна? От нее одни комплексы. Ну, допустим, нет у человека никаких талантов – что, ему пойти и утопиться? Этак мы кучу народа угробим. Останемся с тобой вдвоем на белом свете. И кто тогда будет нами восхищаться? Скажу тебе по секрету: бездарность – это даже хорошо! Ты никому ничем не обязан, никому ничего не должен. Ни себе, ни тем, кто в тебя верил. Ты всем все прощаешь. И тебя все простят.

– За что? За бездарность?

– За бездарность пожалеют. А простят за гордыню твою глупую. Вон Леонид Филатов пишет, что чуть не умер от мысли, что он не гений. По дурости юношеской. Ты и сам до этого допрешь, только, может, слишком поздно. Давай, отбрасывай иллюзии, присоединяйся к большинству. Будь проще – говори стихами!

– Мне с детства не хотелось изучать науку жизни в этом бренном мире. Манило небо, я хотел летать, плыть над землею в клине журавлином. Но годы шли, и был все дальше он, их зов небесный, горькая потеря, и все сильнее действовал закон зависимости духа от материи. В руках синица – вариантов нет. Своей заботой я ее согрею. Спокойно доживу остаток лет, как будто ни о чем не сожалею. И все реальней под ногой земля. Хочу коснуться крыльев журавля!

– Ну, ты даешь! Ведешь себя как Подающий Надежды Молодой Человек. Серьезные люди заняты делом и этими глупостями вообще не заморачиваются. Им плевать, как они выглядят, и что о них думают. Даже Эйнштейн всем язык показал.

Только ты делаешь умный вид. И не стыдно?

– Ладно, кончай выступать! Нашелся тут, учитель танцев…

– Но ты же сам знаешь, что не станцуешь, как Эсамбаев. Не споешь, как Магомаев, не обыграешь Фишера, не поднимешь больше, чем Юрий Власов. Тебя же это не достает?

– Не достает.

– Так же и все остальное. Забудь эти глупые комплексы! Твоя судьба — в твоих руках. Ты свободен, как птица! Лети, живи, дыши полной грудью! Ничего не бойся! Вот прямо сейчас, перед лицом товарищей торжественно клянись, что ты не гений.

– Простите, братцы. Я не гений.

– Молодец! Поздравляю! Теперь ты с нами.

– Спасибо. Просто груз с плеч, камень с души…

– Вот и все! Живи и радуйся, плодись и размножайся. Ну что, полегчало?

– Хорошо-то как, Господи! Словно крылья выросли. Да я теперь горы сверну! Мне любое дело по плечу! Хоть на рояле сыграть, хоть фронтом командовать. Неси скрипку, сейчас сбацаю! Тебе Моцарта или «Мурку»?

– Ну, не надо так горячиться. Давай пожалеем скрипку и Моцарта. Лучше начать с малого: навести порядок в голове, в работе, в личной жизни. И понедельники в этом смысле очень даже помогают. Отрезвляют, возвращают на грешную землю, заставляют задуматься над своим поведением. А потом уже можно и фронтом командовать. Кстати, как там твои дела с трубой, в грязной канаве?

– Да ничего особенного: раскопали, нашли место протечки, заделали. А в конце дня раздавили с ребятами пузырек. Для профилактики организма.

– В бытовке, в антисанитарных условиях…

– С нашим большим вам удовольствием! Дело привычное. А ты не замечал, что самый большой кайф приходит после самой трудной работы? Простейшие радости: выпить, закусить, расслабиться…

– Чем ниже человека опускают, тем меньше ему нужно для счастья. Нет, это не жизнь. К такому счастью нельзя привыкать.

– А тебя не учили, что каждый труд почетен? Что труд облагораживает человека?

– Облагораживает? Я бы того, кто это придумал, самого загнал в эту грязную канаву! Чтобы он там облагораживался всю жизнь. Как может облагородить человека тупой физический труд? Наоборот, он убивает в человеке человека. Еще Горький об этом писал. Что вся дикость человеческая, все «свинцовые мерзости русской жизни» происходят от тяжкого, безрадостного труда. От

этого люди напиваются до беспамятства, калечат и убивают друг друга. И сами вешаются. Потому что такой жизни не жалко — ни своей, ни чужой…

– Нет, погоди! У Горького есть и другие рассказы. Про то, как он ходил с артелью по Руси. И там он описывает совсем другой труд. Который не в тягость, а в радость. Когда ладится дело, когда играет здоровая сила, когда хочется горы свернуть…

– Удаль молодецкая? Раззудись плечо, размахнись рука? Бывает.

Молодой жеребец резвится, пока не укатают крутые горки…

– А зачем жилы рвать? Опытный каменщик работает без устали, хоть весь день. Это такой же навык, как ходьба пешком. Вот и мастера так работают — без спешки, в своем ритме. Но успевают сделать много.

– Но каждый день одно и то же! Однообразный отупляющий труд, из года в год, всю жизнь. И как они эти пирамиды строили?

– А Великую китайскую стену?

– Разве что под угрозой смерти.

– А таких объектов и в наше время хватает. Вот, например, тянуть железную дорогу. Десятки, сотни километров. Мы в стройотряде сорок дней этим занимались, но запомнилось на всю жизнь. Некрасова там, на насыпи, часто вспоминали…

– Ну вот! И что в этом хорошего?

– Но и такую работу кто-то должен делать! В любом деле нужно находить какой-то интерес. Человек — самое выносливое существо в природе. Адаптируется ко всему, ухитряется оживить самое бессмысленное занятие. Помнишь Башмачкина, Акакия? У Гоголя, в «Шинели». Он всю жизнь переписывал казенные документы. Бумагу за бумагой, слово за словом, букву за буквой. И так каждый день.

– Свихнуться можно!

– А для Башмачкина каждая очередная буква была как живая. Одни ему нравились, другие нет. Он терпеливо писал обычные буквы, дожидаясь встречи с любимыми. Он с ними разговаривал…

– Точно, сумасшедший.

– Да нет же! Это именно человеческое отношение к труду. Я подозреваю, что в этой потребности одушевлять любую работу и лежат истоки искусства. Древний гончар, изготовляя одни и те же горшки, специально их украшал — для собственного развлечения. Это и покупателям нравилось. И постепенно превратилось в живопись и скульптуру.

– Сомнительно. Древняя наскальная живопись не имела прикладного характера. Все-таки искусство это самовыражение.

– Ну, почему? Ремесло тоже может достичь уровня искусства.

– Ладно, это отдельная тема.

– Но ты меня удивляешь. И где ты набрался такого негатива? На стройках коммунизма, что ли?

– Да нет, Бог миловал. Но шабашить приходилось. На лесосплаве. Бревна ворочал, в верховьях Камы. Там задача простая: зачистить реку от застрявшей на берегах древесины. Идешь себе с багром вдоль воды и стаскиваешь бревна в реку. Работа здоровая, на свежем воздухе. Для крепкого мужика – лагерь труда и отдыха. Я туда ради этого и поехал.

– Ну и как, поздоровел?

– Само собой. Конечно, были и неприятные моменты. Особенно когда какой-нибудь болотистый затон выпадало разбирать, восьмиметровые чушки на руках выносить. Ну, еще комарье и оводы доставали. И жратва была однообразная. А так нормально – и подзаработал, и фигуру поправил. Кстати, был там у нас один чудик, из какого-то НИИ. Привез с собой учебник Фихтенгольца. Пытался совместить умственный труд с физическим. Математический анализ с раскряжевкой топляка.

– И как, получилось?

– Ну, народ, конечно, повеселил. Хорошо, что бревном не придавило. Нет, это нереально. Если идет серьезная работа, размышлять о постороннем невозможно. Какой там Юлий Цезарь! Посмотрел бы я на него на лесоповале. Или когда бетон идет.

– Значит, получил удовольствие от физического труда?

– Ну, это если поехать на месяц-другой, для развлечения. А всю жизнь этим заниматься – упаси Бог! Там население сапог весь год не снимает. И в огородах у них, кроме лука и картошки, ничего не растет. Зимой снег по пояс, весной и осенью грязь непролазная, летом гнусь заедает. А главное развлечение – пьянство.

– А ведь я тоже бывал на северах. Правда, у меня сложилось другое впечатление. Собрались как-то пять человек, и рванули в город Мирный, за длинным рублем…

– Алмазы добывать?

– Ты что! Это режимный объект. Туда нужен специальный допуск, шабашников не берут. Алмазы добывают в карьерах и шахтах, в тех самых кимберлитовых трубках. Ковыряют руду экскаваторами и отвозят на комбинат для переработки. Весь город эти алмазы обслуживает. Работают в основном завербованные, по многу лет зарабатывают деньги и стаж. Те, кто выдерживает, конечно. Там даже природа тоскливая. Буро-зеленая тундра, а из нее торчат чахлые елки, вкривь и вкось. А зимой вообще сурово. Как они сами говорят, у них холодно

девять месяцев в году, а остальные три месяца — очень холодно.

– А летом, я слышал, бывает и тридцать градусов жары.

– А это еще хуже. Безветрие, влажная духота. Из тундры поднимаются тучи кровососущей твари. И тогда в самое пекло приходится надевать плотную одежду. И все равно заедают, особенно мелкая мошка. Эта мразь пролезает в любые щели. Так что местное население не чает дождаться похолодания…

– Значит, зимой ждут тепла, а летом холода?

– Выходит, так. Кстати, там однажды с вечера подул северный ветер, так наутро в воздухе снежинки летали. В середине лета. То ли прежняя зима не закончилась, то ли новая началась. Сезон короткий, поэтому там в летние месяцы рабочие руки нарасхват. Мы тоже легко нашли работу. Просто пошли по улице, заходя в разные конторы, и буквально за пару часов подобрали объект по деньгам и по силам. С нами тут же оформили договор и разместили в полуразрушенном здании бывшей школы. Полов в ней уже не было, но комнату с невыбитыми стеклами найти удалось. Там даже функционировала электропроводка, и мы заваривали чай огромным кипятильником, в трехлитровой банке. Завтракали и ужинали у себя, консервами, с хлебом, маслом и повидлом, а обедали в столовой.

– А чем занимались?

– Взялись за капитальный ремонт двухэтажного здания комбината бытового обслуживания, С утеплением, внутренней и внешней отделкой и художественным оформлением салона. Конечно, по ходу дела приходилось решать много разных вопросов, в основном из-за дефицита материалов. А времени было в обрез — по договору нужно было сдать объект «под ключ» в установленный срок.

– Аккорд?

– Он самый. А премия за это чуть ли не в размер основной оплаты. Так что было за что бороться. Расписали этапы работ по датам и старались выполнять план-график. Каждый вечер, за ужином, проводили совещания, обсуждали дела на следующий день. Старались разрешить проблемы, предусмотреть и устранить препятствия…

– Brainstorm на шабашке?

– Да, это было совмещение умственного и физического труда. Сложнее всего было оценить реальную трудоемкость работ, и мы все время находились в цейтноте.

– А как распределяли работы?

– Как правило, кто-то сам вызывался. Кто имел какой-то опыт или хотя бы представление. Я, например, сразу взялся за отделку, цветовое оформление и окраску служебных помещений. Учитывая

женский контингент персонала, подобрал нежные розово-голубые тона. В других случаях задания давал бригадир. Но если на каком-то участке возникала заминка, мы сами старались подключаться. А бригадир вообще редко бывал на объекте…

– Интересно! А он чем занимался?

– Обеспечивал фронт работ. В основном лазил по местным товарным складам, искал нужные стройматериалы и инвентарь, добивался от заказчика их получения, обеспечивал доставку.

– Выходит, из пяти человек работали только четыре?

– Фактически, да. Мало того, мы ему за это выплатили дополнительную премию. Кроме того, по ходу дела, он сумел решить несколько нетривиальных задач. Например, одним из пунктов сметы было устройство электропитания для профессиональных швейных машин. Проводку мы проложили, трехфазную, а силовой шкаф, не имея квалификации, подсоединить не решились. Тогда он нашел профессионального электрика, который сделал все как положено.

– Субподряд?

– Ну да, заплатили из своего кармана, зато обошлись без задержки. И еще был случай. Когда нужно было обрабатывать пиломатериалы, бригадир буквально за пару дней, не отвлекая нас от работы, соорудил станок с циркулярной пилой.

– Да ну? Трудно представить.

– Да, это был высший пилотаж. Нашел на какой-то свалке старый, но работоспособный электромотор, изготовил прочный стол, присоединил к нему мотор, насадил диск и вывел в прорезь стола. И пила заработала с первого включения! Кроме того, он же разрешил болезненную проблему художественного оформления салона. Сначала было много предложений с традиционными северными сюжетами: с полярным сиянием, оленями, нартами, оленеводами в малахаях и сверкающими алмазами. Но никто не решался взяться за эту творческую задачу. Кособокий сеятель облигаций из романа Ильфа и Петрова все время стоял у нас перед глазами. Но Остапу было проще, потому что у него был натурщик в лице Кисы, а среди нас модели для жизненного образа оленевода не находилось. К тому же товарищ Бендер ухитрился получить деньги авансом.

– А нанять художника?

– Было и такое предложение. Но не удалось найти подходящего исполнителя. Да и ненадежны эти люди творческого склада – неизвестно, что их посетит – вдохновение или запой. А у нас сроки. Вот эта неопределенность угнетала больше всего. И тогда бригадир выдал неожиданную идею. На одном из складов он заметил, среди прочего пыльного инвентаря, партию

двухметровых зеркал, непонятно зачем завезенных в эти отдаленные края. И у него возникла мысль украсить ими зал, расположив на фоне мозаики из бордовых и светлых прямоугольников. Никаких оленей с рогами и копытами, никаких нарт, унт, юрт и тынзянов…

– Не юрт, а яранг.

– Тем более. Короче говоря, отказались от якутской экзотики, обошлись дизайном бродвейского бара.

– Среди вечной мерзлоты? Смелое решение.

– Но оно оказалось единственно верным. Получилось изящно, строго и красиво. В многочисленных зеркалах отражались светильники, геометрический рисунок стен, примерочные кабины с малиновыми занавесками. Мы сами были приятно удивлены результатом.

– А в срок уложились?

– День в день. Приехавшая принимать объект начальница, войдя в приемный зал, была поражена его видом. Бегло осмотрев остальные помещения, она без особых претензий подписала акт приемки работ. Как потом выяснилось, нам крупно повезло. У руководства с самого начала было сомнение в возможностях нашей бригады. И эта самая начальница ехала на приемку объекта с большим предубеждением. Она ожидала увидеть традиционных оленей и прочую дурацкую атрибутику под местный колорит, и готовилась разнести нас в пух и прах, а заодно срезать премию.

– Выплатили сполна?

– Даже с благодарностью. И мы уехали оттуда с хорошими деньгами и чувством глубокого удовлетворения.

– И ты хотел этим примером воспеть физический труд?

– Это был не только физический, но и творческий труд.

– А ведь успех дела обеспечил человек, который вообще не работал. Точнее говоря, работал мозгами…

– Но саму работу делали мы!

– Слушай, мы, кажется, ходим по кругу. А время уже позднее. Давай согласимся на ничью. Обсудим как-нибудь в другой раз. А ты пока подготовишься, и с полной аргументацией разнесешь меня вдребезги пополам.

– Да, поздновато уже. Ну, ладно, пока.

– Отдыхай.

Как это часто бывало, я вышел от него в смешанных чувствах. Уверенность в собственной правоте перемежалась сомнениями и досадой. Больше всего доставало чувство стыда, словно обнажился на глазах у людей. И зачем позволил влезть в душу? Какое ему дело до моих комплексов? Стыдно. Хоть в глаза теперь

не гляди. Но ведь прав он, прав! Провел хирургическую операцию, вскрыл опухоль в моей башке. Да, неприятно. Чего там говорить, такие процедуры мало кому нравятся, и благодарности обычно не вызывают. Большинство из нас предпочитает находиться в уютном мирке устраивающих нас иллюзий. Вид голой правды смущает людей, и они стремятся прикрыть ее наготу хоть какой-нибудь ложью. И я ничем не лучше других, как это ни обидно. Ладно, придется все это обдумать, зализать раны.

Мы жили на соседних этажах общежития электроэнергетиков. Это было стандартное пятиэтажное здание коридорного типа. На каждом этаже был общий туалет с умывальником и небольшая кухня с мойкой и газовыми плитами. В подвальном помещении находился душ и что-то вроде прачечной. Помнится, в то время постоянно возникали проблемы с водоснабжением. Бывало, что внезапно прекращали подачу горячей воды, и домываться приходилось холодной. В подвале также было помещение кастеляншы, где жильцам дважды в месяц меняли постельное белье и вафельные полотенца с черной размытой печатью. На первом этаже, в вестибюле, был устроен культурный уголок, там стоял телевизор, два десятка дерматиновых стульев на металлических ножках и огромный фикус с темными глянцевыми листьями. Сами жилые комнаты были меблированы шкафами для одежды и пружинными железными кроватями с традиционными ватными матрасами, плоскими перьевыми подушками и казенными байковыми одеялами. Дополняли обстановку прикроватные тумбочки, стол и пара стульев. Меня, привычного к спартанским условиям студенческих общежитий, это вполне устраивало. Тем более, что я своего напарника по комнате видел очень редко. Многие из жильцов только числились проживающими, а фактически имели семьи на стороне.

Окружавший нас в общежитии контингент был довольно пестрым — и по социальному, и по национальному составу. В основном это были молодые рабочие, приехавшие в город из сельской местности: электротехники, слесари, водители. Проживали также иногородние молодые специалисты и несколько закоренелых холостяков среднего возраста. Привычного для мужских рабочих общежитий повального пьянства, как ни странно, здесь не наблюдалось. На юге вообще это не принято. Конечно, выпивали, но как-то в меру, без лишнего шума. В целом обстановка была спокойной, а общение бесконфликтным. В отличие от меня он легко находил общий язык с людьми, и имел репутацию своего парня у всех обитателей нашего общего дома.

Известно, что в мужских рабочих коллективах без мата

общения не бывает. Он является естественным отражением межличностных отношений и адекватной реакцией на специфику производственных процессов. Когда шпиндель никак не хочет вставать на положенное ему место, какими еще словами можно его уговорить? А как охарактеризовать поведение коллеги, который уронил разводной ключ тебе на ногу? Или оценить умственные и физические способности нападающего любимой команды, промазавшего с пяти метров по пустым воротам? В таких случаях соответствующие выражения непроизвольно рождаются в глубине души и сами собой изливаются наружу. Столь же естественно нецензурная речь перетекает и в бытовую среду. А некоторые превосходные анекдоты вообще теряют свой смысл без конкретной терминологии. Но в те наивные времена грубый, вульгарный мат еще не обогащал речь актрис, поэтесс и старшеклассниц, и не считался отличительным признаком свободы и раскрепощенности интеллектуальной элиты, каким стал в наше просвещенное время. Площадной лексикон, вошедший в моду в начале нового века и ставший нормой общения в театральной и художественной среде, в те годы был прерогативой малообразованной части населения. Конечно, матерились не только в цехах и на фермах. Грязный мат был обычной формой общения партийных и советских руководителей всех уровней, и звучал даже в самых высоких кабинетах, что можно считать признаком ментальной близости партии и народа. Мы тоже не были белыми воронами в неоднородной среде нашего общежития, и общались с окружающими в соответствующем стиле. Однако в его исполнении это был отнюдь не тот примитивный жаргон грузчиков и алкашей, который мы порою слышим на улице и который вызывает у нас досаду, как будто нас испачкали. Он обогащал общеизвестный лексикон весьма необычными словообразованиями. В результате соединения ненормативной лексики с научными и литературными терминами, а также префиксами латинского происхождения вроде «поли-», «моно-», «мега-», «супер-», «гипер-», «мини-», «макси-», «псевдо-» и так далее, рождались очень нетривиальные термины и словосочетания. Этот его изысканный мат имел успех в любых мужских компаниях.

Нет, он не был белой вороной. Он был золотой вороной.

Невзирая на идеологическое давление и скудость быта, те далекие годы вспоминаются мне в светлых тонах. Я знаю, что на этот счет существуют прямо противоположные мнения. Восприятие одних и тех же событий очевидцами бывает совершенно разным, а человеческая память вообще субъективна. И все же, прожив сознательную жизнь во второй половине

двадцатого века, полагаю, что именно семидесятые годы были лучшими в истории того государственного образования, которое называлось Союз Советских Социалистических Республик. Это десятилетие, часто называемое периодом застоя, фактически стало высшей фазой социализма, вершиной воплощения социалистической идеи. В предыдущие, послевоенные годы страна восстанавливалась после разрухи, бедствовала, мучительно строилась. В пятидесятые, после смерти тирана и двадцатого съезда КПСС, словно очнулась от страшного сна, оглянулась по сторонам, провела молодежный фестиваль, запустила в космос спутник, но жила по-прежнему очень бедно. Потом, в шестидесятые, разворачивала огромные стройки, поднимала промышленность, энергетику, напряженно трудилась, стараясь выйти на передовые позиции в исследованиях космоса, в науке, технике, в культуре, спорте. Мощный импульс развитию СССР придала космическая экспансия – полет Гагарина и неистовая воля великого Королева. Это были годы промышленного подъема, энтузиазма, раскрывшихся перспектив в науке и культуре. Но людям по-прежнему не хватало самых обычных потребительских товаров и продуктов, а в начале шестидесятых возникали даже перебои с хлебом. Я сам помню как люди падали в обморок в многочасовых очередях у продуктовых магазинов. Пришлось срочно закупать зерно за границей, и это вошло в практику советской экономики. И все же положительная начальная динамика шестидесятых, волюнтаристски-наивно экстраполированная в будущее, дала малограмотному Хрущеву основания заявить о планах построения коммунизма. Конечно, даже в те годы трезвомыслящие люди не верили в эту утопию. Но в стране по-прежнему строились заводы, фабрики, электростанции, автомобильные и железные дороги, развивались космонавтика и оборонка, воздушный, железнодорожный и морской транспорт, внедрялась вычислительная техника и многое другое. Советский Союз имел все, что требовалось для самостоятельного существования и развития. Однако население по-прежнему жило скудно, а все ресурсы направлялись на развитие индустрии и оборону. И только в семидесятые годы появились возможности для более-менее сносной жизни. Это относительное благополучие обычно связывают с ростом цен на нефть и поступлением валютной выручки от ее экспорта. Так или иначе, жить действительно стало лучше и веселее, а завершающим аккордом семидесятых стала Олимпиада 1980 года в Москве. К сожалению, в дальнейшем этот подъем замедлился и усугубился афганской авантюрой. Из-за сохранявшейся агрессивной идеологии, от которой не хотело отказываться

косное партийное руководство, СССР оказался втянут в изнурительную гонку вооружений. Военно-промышленный комплекс, составлявший основу советской экономики, требовал все больше ресурсов. Большая часть общественного продукта тратилась впустую, на малоэффективные проекты и устаревающую военную технику, производимую в избыточных количествах. В восьмидесятые годы международная обстановка и экономическая конъюнктура ухудшились, наступил окончательный застой, и СССР во главе со своими престарелыми, закосневшими лидерами и ортодоксальной идеологией зашел в общественно-политический тупик. В итоге политическая и экономическая система социализма рухнула, а Советский Союз развалился. Именно то, что усилия людей не приносили реальных результатов для личного благополучия, и стало одной из причин того, что население великой страны без особого сожаления рассталось с социализмом и его неизбежными атрибутами — очередями, скудным бытом, оскопленной культурой и опостылевшими сказками о светлом будущем. Но мало кто предполагал, что вместе с грязной водой партийно-бюрократической системы перестройка выплеснет и ребенка — общественные блага социализма. Качественное бесплатное среднее и высшее образование, доступная медицина, финансирование науки и культуры были безусловными ценностями социалистического строя. Но в те годы все это, как и все хорошее в жизни, казалось естественным, поэтому не замечалось и не ценилось. Конечно, мы однозначно проигрывали Западу в уровне жизни, в количестве и качестве предметов потребления и продуктов питания. Но прав был и лирический герой Визбора: «Но все же строим мы ракеты, перекрываем Енисей, а так же в области балета мы впереди планеты всей». Страна действительно имела высокие цели и была устремлена в будущее, ставила перед собой большие задачи и добивалась их решения, а надежность и стабильность советского государства в чем-то была даже уютной. Советский Союз был вполне конкурентоспособен на мировой арене. Даже морщась от фальшивости официальной пропаганды, мы чувствовали себя гражданами великой страны и гордились ее успехами.

Но тогда, в середине семидесятых, никто и мысли не допускал, что социализму осталось существовать каких-то полтора десятка лет. Система казалась незыблемой и вечной. Как раз в том году во всех газетах, на радио и телевидении бесконечно пережевывали новую редакцию Конституции СССР. В ней была официально утверждена руководящая роль КПСС во всех сферах жизни страны Советов, то есть, идеологические

гвозди были окончательно вбиты в гроб общественной жизни. Тошнотворный привкус официозной фальши был привычен, ее терпели, потому что родились в этой среде и жили в ней с детских лет. Любая информация из-за пределов страны тщательно фильтровалась, и население страны было надежно изолировано от так называемого «тлетворного» влияния Запада. В газетах обычно писали о том, как страдают трудящиеся под гнетом капитала, о расовой дискриминации, о гонке вооружений и колониальной политике империализма. О достижениях западной цивилизации говорилось сквозь зубы, когда умолчать было совсем невозможно, как, например, о полете американцев на Луну или о совместном проекте «Союз-Аполлон». Это же касалось и событий в зарубежной культуре, музыке, спорте. И все же лучшее из мэйнстрима мировой культуры прорывалось и к нам. Молодежь находила любые возможности услышать новинки западной музыки. В это время продолжались сольные карьеры распавшихся Beatles, блистали гитаристы Эрик Клэптон, Сантана, создавали свои лучшие хиты Rolling Stones, Deep Purple, Pink Floyd, Led Zeppelin, Queen, The Who, Slade, Uriah Heep, Smokie и другие рок-группы, всех и не перечислишь. Это были лучшие годы музыкального творчества ABBA, Джо Дассена, Демиса Руссоса, Челентано, Кутуньо, других итальянцев и французов, начало расцвета Boney M. В это же время вспыхнул яростный и прекрасный «Иисус Христос — суперзвезда» Уэббера. Волшебник гитары Франсис Гойя, оркестры Мориа, Ласта, Каравелли играли волшебную музыку Лея, Рота, Морриконе. Семидесятые дали мировой культуре беспрецедентное разнообразие музыкальных направлений и стилей. А какие великие мелодии родились в эти славные годы! Много ярких явлений было и в советской эстраде. Блистали Магомаев, Ободзинский, выходила на пик популярности Алла Пугачева. Это был период максимального расцвета советских вокально-инструментальных ансамблей (ВИА), а лидером андеграунда была «Машина времени». Семидесятые были звездными годами Высоцкого и Окуджавы. В это же время творили корифеи авторской песни Визбор, Городницкий, Кукин и многие другие барды, а популярность клубов самодеятельной песни (КСП) достигла своего апогея. Появлялись новые интересные радио– и телепередачи, выходили прекрасные фильмы, ставшие золотым фондом нашего кино. Театралов радовали новыми постановками московские и ленинградские театры. Невероятной популярностью пользовались Таганка — своими новаторскими спектаклями, а Ленком — знаменитыми рок-операми. Незабываемы спортивные события тех лет: Олимпиады, чемпионаты мира и Европы по футболу и хоккею,

драматичные шахматные поединки за звание чемпиона мира, знаменитые встречи наших хоккеистов с канадскими профессионалами. И этот исторический первый матч, в котором столкнулись не только хоккейные школы, но и противоположные идеологические системы. Это была великая игра, и ее с разгромным счетом выиграли наши парни, осчастливив весь Советский Союз. В те годы советская хоккейная сборная была безусловным лидером любительского хоккея, в ней блистали великий Харламов, вратарь Третьяк и знаменитая армейская тройка нападения. Множество ярких звезд блистало в мировом и советском футболе. Еще играли легендарный Пеле и наш Стрельцов, но уже взорвали футбольный мир летучие голландцы во главе с Круиффом, мощно работала немецкая футбольная машина с супербомбардиром Гердом Мюллером, вспыхивали звездными именами итальянцы и французы. А трагическая фигура гениального Бобби Фишера! А семикратный чемпион по плаванию Марк Спитц, а неземная Ольга Корбут, а великий Мохаммед Али! А еще были те незабываемые три баскетбольные секунды, которые впервые принесли нам победу над американцами на Олимпиаде в Мюнхене. Какие события, какие имена, какие кумиры! Да, славные были годы.

А еще это были годы нашей молодости.

Известно, что молодой организм сам по себе рождает оптимизм. Это происходит на физиологическом уровне, поэтому в молодости хорошее настроение возникает беспричинно. Так же как в старости беспричинным кажется плохое настроение. Молодость оптимистична всегда, в самые трудные, в самые жуткие времена. Известна история о том, как во время экскурсии в Освенциме экскурсовод заметил на лице одного из мужчин улыбку. И на его возмущенный вопрос, что смешного тот находит в рассказе о мучениях и смерти тысяч ни в чем не повинных людей, мужчина ответил, что узнает знакомые места, потому что сам был заключенным этого лагеря смерти, и чудом в нем выжил. Но это были годы его молодости, о них он и вспоминает. И еще один эпизод всплывает из глубин памяти — фрагмент какого-то французского фильма о любви женщины средних лет и совсем молодого человека, юноши. Они были страстными любовниками, но людьми разных поколений. Она работала, а он бездельничал. Просыпаясь утром в общей постели, они расходились в разных направлениях: она — на работу, он — по каким-то своим, неизвестным ей делам. И не делам даже, а развлечениям, встречам с такими же беззаботными друзьями и подругами. Конечно, она ревновала его к этой веселой молодежной компании. Однажды она спросила его, что он делал сегодня. Он

ответил, что ездил с друзьями за город. «И что вы делаете там?» — спросила она. «Смеемся» — ответил он.

Именно такими беспечными шалопаями были и мы в те годы. Мы находились в том прекрасном возрасте, когда кажется, что все в твоих руках, все по плечу, а впереди большие дела и долгая счастливая жизнь. Бурные студенческие годы и тяготы обучения уже позади, а семейные обязанности еще не навалились, не опутали бытовыми заботами, и можно заниматься, чем хочется. Без сожаления тратить время на увлечения, на случайные влюбленности, на бескорыстную дружбу и ни к чему не обязывающе общение. Так мы и жили, безоглядно догуливая последние годы уходящей молодости, резвились, как необъезженные жеребцы, тогда как вокруг нас многие сверстники уже везли, напрягаясь, телеги семейной жизни. И предчувствие этого неизбежного многолетнего жизненного труда делала нашу вольную жизнь еще более сладостной.

Задумывались ли мы о своем будущем? Я — нет. Представлял его себе весьма смутно. К тому моменту я уже не имел ни карьерных, ни научных амбиций, не строил никаких жизненных планов. Ну, будет работа, будет семья, будет обычная жизнь советского инженера. Чего я могу достичь? Это можно было оценить по старшему поколению окружавших меня сотрудников. Начальник нашего отдела, сорокалетний, лысоватый мужчина, казавшийся мне совсем пожилым человеком, со своими семейными заботами, мелкими бытовыми интересами, копивший деньги на «Москвич», чтобы ездить на свою дачку, которую он достраивал уже много лет, был фактически образцом моего будущего. И это все? И больше ничего не будет в моей единственной и неповторимой жизни? Нет! Об этом и думать не хотелось. А что еще? Успешным человеком считался руководитель всей нашей службы АСУ, управлявший большим коллективом и вычислительным центром энергосистемы, пятидесятилетний вальяжный красавец с гордой посадкой головы, гривой седеющих волос, любимец женщин и руководства главка. Завидовал ли я его профессиональной и личностной успешности? Нисколько! Скорее, он сам, как многие обремененные семейными и карьерными заботами сотрудники, завидовал моей молодости, свободе и беззаботности. Ну, так зачем мне думать об этом банальном и не слишком радостном будущем? Оно придет само собой, своим чередом. А молодость быстротечна: «Коротки наши лета молодые, миг — и развеются, как на кострах». Так будем же веселы, пока мы молоды!

Обычно мы встречались в свободное время по выходным. В летнее время такое случалось не часто, но в ту июльскую пятницу

он был у себя. Косые лучи заходящего солнца освещали комнату. Обстановка ее была непритязательной. Кроме привычной казенной мебели можно было заметить гитару, висящую на стене, повыше небольшого прикроватного коврика, а под кроватью — гирю и пару гантелей. На вешалке, рядом с одеждой, висел пружинный эспандер. На тумбочке стояла настольная лампа с зеленым абажуром, будильник и радиоприемник, а в глубине верхней полки виднелась электробритва и туалетные принадлежности. На столе, рядом с посудой, стоял магнитофон «Астра» и стопка кассет, валялись несколько журналов и книг с закладками. Стены комнаты были голыми — никаких привычных в холостяцких жилищах пошлых картинок с красотками, вырезанных из журналов, или столь же типичных портретов Хемингуэя с трубкой или Эйнштейна с высунутым языком. Единственным украшением комнаты можно было назвать окаймленную орнаментом, слегка обожженную по краям и покрытую лаком деревянную разделочную доску, на которой был выжжен профиль индейца с веером перьев на голове и ожерельем звериных клыков на шее. Сам по себе образ краснокожего, висевший над изголовьем кровати, был довольно схематичным, но свирепое выражение его лица в боевой раскраске производило сильное впечатление. В закатных лучах солнца изображение казалось почти живым. Он, как обычно, лежал на кровати с журналом «Наука и жизнь» в руках. На магнитофоне крутилась кассета с записями Beatles. Звучала знаменитая «Yesterday» Пола Маккартни.

– Ну, привет! Балдеешь?

– А, подающий надежды молодой человек! Привет от поддающего!

– Кончай хамить! Разлегся тут, в нерабочее время…

– Имею полное право. После напряженного трудового дня.

– И каковы его итоги? Докладывайте, в устной форме! Скольких нарушителей пропускного режима на единицу площади склада задержали за отчетный период? Сколько попыток выноса кабельной продукции с охраняемой территории пресекли?

– Докладываю: план по нарушителям выполнен на сто семь процентов. Без потерь личного состава. А как вы исполняете решения XXV съезда КПСС? Какие методы оптимизации внедряете, и каков их экономический эффект? Сколько перфокарт сэкономили с начала года?

– На десять процентов больше. А как вы участвуете в социалистическом соревновании к славному юбилею? В которое в едином порыве включилась вся страна. Знаете ли вы, сколько зернобобовых сверх плана намолотили хлеборобы Кубани?

– Догадываюсь, что немало.

– А известно ли вам, с каким неподдельным энтузиазмом обсуждают трудящиеся новую Конституцию СССР, основной закон нашей страны? Страны победившего социализма, которая семимильными шагами идет к победе коммунизма. Под руководством КПСС, ее Центрального Комитета и ленинского Политбюро.

– Я себе это представляю.

– А вы слышали, как неспокойно нынче на берегах Потомака и Капитолийском холме? Как злобствуют вашингтонские ястребы, поджигатели войны, стоящие на службе у военно-промышленного комплекса США?

– Мы их за это решительно осуждаем. Но я вижу, ты вдумчиво читаешь передовицы. Заучиваешь наизусть.

– А ты, как тот самый Абрам, уже прочел завтрашнюю газету?

– А чем она лучше вчерашней? Разве в ней будут новости? Как говорил Станислав Ежи Лец, окно в мир можно закрыть газетой.

– Так нужно уметь читать! Мне тут недавно показали одну хохму. Представь себе, что в советской газете опубликована фотография полового акта…

– Ни фига себе! Это в какой же? В «Известиях» вряд ли. В партийных органах тоже. Скорее всего, в каком-то женском. Какой у женщин главный орган?

– Сам не догадываешься? «Работница и крестьянка».

– Нет, это невозможно. Разве что при полном коммунизме.

– Нет, коммунизм наступит, когда из кранов потечет водка.

– Ладно, будем следить. А в чем, собственно, хохма?

– Погоди, для этого нужна газета. Вот, тебе «Правда», а мне «Известия». А теперь я зачитаю варианты подписей под этой пошлой картинкой. Вот, прямо на первой странице: «Идеи овладевают массами».

– Неплохо.

– А вот еще: «Занятия в университете марксизма-ленинизма». «Партийная работа на местах»…

– Постой! У меня тоже есть: «Агитаторы пришли в коллективы». «Молодежь продолжает дело отцов». А вот еще сильнее: «Освоена сверхглубокая скважина»!

– А вот еще: «Уникальный агрегат введен в действие»!

– «Мастера машинного доения передают опыт молодежи». «Злобинский метод на Брянщине». «Без отрыва от производства»…

– «Эксперимент на орбите»!

– «Новая услуга населению»!

– «Актеры в творческом поиске»!

– «Оригинальная трактовка классического сюжета»!

– «Мастера сцены в гостях у ивановских ткачих»!

– «Дебют молодой балерины»!

– «Новая программа московского цирка»!

– Слушай, я давно так не ржал…

– Ну вот, а ты говоришь, что у нас скучные газеты. Нужно уметь читать между строк. А радио слушать между слов…

– А телевизор смотреть между кадров?

– У нас в общаге жил один студент, родом из Коми. Так он постоянно смотрел телевизор. Когда ни заглянешь в «красный уголок», он всегда там, в полумраке, освещаемый отблесками экрана. Идет программа «Время», рассказывают о материалах очередного пленума ЦК КПСС, о росте урожайности свеклы, увеличении поголовья скота на Смоленщине — он все это смотрит. Все его считали идиотом.

– И зря. В Древней Греции таких людей уважали. А идиотами называли тех, кто не интересовался политической жизнью страны.

– Да у нас полстраны таких! В древнегреческом смысле.

– А полстраны природных. Которые верят газетам.

– А ты в числе каких?

– Надеюсь, древнегреческих.

Он постоянно выдавал какие-то дикие и дурацкие идеи. Однажды, когда мы проходили мимо магазина школьно-письменных принадлежностей, в витрине которого стоял глобус, он заявил, что ось вращения земного шара расположена неправильно:

– Слишком большие территории непригодны для жизни. Якутия с Чукоткой по размеру больше всей заграничной Европы, а что там хорошего? Нужно сместить ось так, чтобы Сибирь и Канада оказались в экваториальной зоне.

– Но ведь кому-то обязательно станет хуже!

– Не проблема. Желающие смогут переехать на новые земли.

– А может, проще раскрутить Гольфстрим в сторону Чукотки?

– Вряд ли. Это как-то связано с вращением планеты.

– И как ты собираешься это сделать?

– Сначала нужно решить задачу оптимизации. Полюсы должны находиться в самых удаленных точках мирового океана.

– Но ведь так оно и есть!

– Нет, не так.

– А давай прямо сейчас и проверим!

Мы зашли в магазин и попросили посмотреть глобус. К моему удивлению, варианты оптимизации нашлись, и мы стали

выбирать лучший из них. Конечно, тыкая пальцем в глобус, определить точные координаты было невозможно, но мы решили, что один полюс должен находиться где-то в Тихом океане восточнее Японии, с координатами 160 градусов восточной долготы и 20 градусов северной широты. Другой — в Атлантическом, между Африкой и Южной Америкой, с координатами 20 градусов западной долготы и 20 градусов южной широты. В этом случае экватор прошел бы через Северную Америку, Гренландию, Скандинавию и Сибирь. А что? Нормально! Наконец продавщицам надоело наблюдать, как два великовозрастных оболтуса вертят наглядное пособие:

– Так вы будете покупать глобус или как? Заплатите в кассу и играйтесь дома.

– Нет, спасибо. Этот глобус нам не подходит.

Выходя из магазина, мы услышали обрывок, видимо, давно начатого разговора. Одна из продавщиц, женщина средних лет, сказала той, что помоложе:

– Глобус им не подходит. А где я им возьму другой глобус?

– Мне мой Сема тоже всю плешь проел: надо ехать, люди едут. Он таки решил получить медаль за освобождение города. А я ему говорю: там хорошо, где нас нет.

– А что ты здесь видишь? Правильно он говорит: надо ехать, пока молодые. На мне родители-пенсионеры да еще этих балбесов надо выучить, чтоб они были здоровы, а так бы я давно свалила…

– Я тебя умоляю! Третий год слышу одно и то же.

На улице он рассмеялся:

– Но ты заметил, какая образная речь? Что ни фраза, то анекдот.

– А если сказать им, что ты задумал поворот земной оси, они изменят свои планы?

– Думаю, что их проблемы не в комфортности климата.

– А ты сам не задумывался, чтобы свалить?

– Не вижу необходимости.

– А идеология не давит?

– Все это мелкая рябь на поверхности океана. Я, конечно, могу понять тех, кому действительно здесь невыносимо. Или кого вынуждают. Или человека распирают таланты, а ему не дают реализоваться. Это как в плохом браке: лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. Но это все не про меня. А за колбасой и джинсами я так далеко не поеду. А ты?

– А у меня и в мыслях такого нет.

– Ну что же, тогда давай двигать земную ось. Как тебе сама задача? Может, возьмешься посчитать на ЭВМ?

– Да зачем ерундой заниматься? Ну, будешь ты знать эти

координаты, и что?

– Наша историческая миссия поставить саму задачу. А потомки что-нибудь придумают. Для прогрессивного человечества это дело техники. Геоинженерии.

– А если и правда долбанут чем-нибудь, и земная ось войдет в прецессию?

– Плавающие полюса? Будет забавно. Кстати, заодно можно будет установить ее оптимально – под углом сорок пять градусов.

– А сейчас сколько?

– 66,6.

– Нехорошее число. А почему сорок пять лучше?

– Потому что все нужно делать под углом сорок пять градусов.

– И что это даст?

– Увеличится угол подъема солнца над горизонтом. Значит, лето будет более жарким, а зима – холодной. Здоровый континентальный климат будет на большей части планеты. Весна и осень станут более короткими и бурными. Зачем лишнюю слякоть разводить?

– Но тогда увеличится территория, закрываемая полярной ночью. И морозы будут сильнее, будут растительность вымораживать. Может, лучше установить ее перпендикулярно?

– Тогда никаких времен года вообще не будет.

– Зато будут комфортные условия в средних широтах. А жизнь на планете будет абсолютно стабильной. И в мире, наконец-то, установится порядок, мир и покой.

– Это будет полный застой. Интереснее уложить ось вращения в плоскость эклиптики. Вот тогда на Земле будет действительно нескучная жизнь.

– Тогда вообще никакой жизни не будет! Везде будут запредельные морозы, и вся живность повымерзает.

– Ничего подобного! Климат зависит не только от высоты солнца над горизонтом – вспомни Британские острова. А еще есть температурная инерционность. Так что жить будем. Но это будет совсем другой мир. И растения, и животные, и мы сами…

– Даже представить невозможно.

– Ну, почему? Думаю, в Голливуде найдутся ребята с фантазией. Придумают сюжет про какого-нибудь учёного-изгоя, вроде Теслы, который задумает таким образом отомстить девушке, отвергнувшей его ухаживания. А заодно всему этому бездарному миру, не оценившему его гений. Но хорошие парни разгадают его коварный замысел и поставят на место и его самого и земную ось…

– Ты кому-нибудь еще рассказывал об этих осях?

– Пока нет.

– И не надо. А то попадешь в соответствующее заведение. Где в некоторых палатах обсуждаются такие проекты.

Многие его предложения, казавшиеся поначалу нереальными, оказывались самыми правильными. Ему говорили:

– Да ладно тебе, это сделать невозможно…

– Именно эту фразу осмелился сказать один из наркомов товарищу Сталину. На что тот мудро ответил: «А я вас и нэ аграничиваю прэдэлами вазможного. Разрэшаю дэлать нэвазможнае!».

Чем меньше человек знает, тем меньше понимает размеры своей ограниченности. Именно это позволяет нам жить безмятежно. Ибо блаженны нищие умом. И только достигнув определенного уровня, можно, не без щегольства, сказать: «Я знаю, что ничего не знаю». Но, вообще-то говоря, это тема неприятная. Даже думать об этом не хочется.

Однако приходится. Хотя бы по долгу службы. Работая в энергетической отрасли, я имел довольно смутное представление о главном предмете этой деятельности. Считал это для себя простительным, поскольку образование имел непрофильное. Однако спросить об этом коллег-специалистов мне казалось совершенно неприличным. Да и в текущей работе этот вопрос во всей своей первородности не возникал. Но неожиданно возник в быту. Когда знакомая узнала, что я работаю в энергетике, она задала давно удивлявший ее вопрос: почему электроэнергия течет по проводам, как ее учили в школе, но не вытекает из розетки? Пришлось кое-как объяснить. Постепенно я и сам успокоился, поскольку заметил, что и мои более опытные коллеги тоже не углубляются в эту тему. И я даже стал подозревать, что это неспроста.

И все же заноза в памяти сидела. Ведь энергия буквально пронизывает нашу жизнь, движет ее, без энергии жизнь вообще невозможна. Она везде, во всем: в электрической лампочке, в двигателе автомобиля, в чашке кофе, в звездном небе и в недрах земли, в наших мышцах и в наших мозгах, в морском прибое и в туристическом костре. Кинетическая, потенциальная, тепловая, электромагнитная, химическая, ядерная. Какая еще? Я чувствовал, что этот зверинец нужно как-то классифицировать, но руки (точнее говоря, мозги) до этого не доходили. И вот под боком появился живой справочник по всем вопросам. Правда, тема эта всплыла случайно.

О тычинках и пестиках, макаронах по-флотски, фотосинтезе, источнике жизни, оперативной памяти, пирамиде материи, роботизации планеты и начале всех начал

В ту пятницу я, как обычно, зашел к нему после работы, чтобы обсудить планы на выходные. Он с задумчивым видом лежал на кровати, держа в руке полураскрытую книгу. На магнитофоне крутилась катушка с его любимой гитарной музыкой. Звучала тема из кинофильма «История любви» в исполнении Фрэнсиса Гойя.

– О чем задумался, детина?

– Не поверишь! О тычинках и пестиках.

– К свиданию готовишься? Теорию повторяешь?

– Да нет, серьезно: о жизни растений.

– Ты что — ботаник?

– Вообще-то я мыслитель-вольнодум. И мне интересны все аспекты бытия. Вот скажи, ты не задумывался о сущности энергии?

– Да я только об этом и думаю! «От зари до зари, от темна до темна»…

– Ладно, упростим задачу: откуда человек берет энергию?

– Из розетки.

– Браво! Ответ профессионала. Но я имею в виду другое — собственную энергию. Чтобы работать, двигаться, в общем — жить.

– Как откуда? Жратва перерабатывается, и появляется энергия, жизненные силы. Не полопаешь — не потопаешь. И наоборот.

– Ну, допустим, съел ты на обед макароны по-флотски. Откуда в них энергия?

– Наверное, из муки, из пшеницы. Из мяса, если оно там было…

– А в зернах пшеницы она откуда?

– Ну, пшеница выросла, зерно созрело…

– А отчего оно созрело?

– Из земли питалось. Чем плодороднее земля, тем лучше урожай. Ну, солнце тоже нужно, и вода. Что-то такое припоминаю про фотосинтез. Хлороформ. Или хлорофилл?

– Ну, ты дремучий человек! Записывай, студент. С помощью фотосинтеза растения превращают солнечную энергию в энергию химических связей, чтобы создать нужные им молекулы. Из которых, как из стройматериалов, создают сами себя – листья, ветки, стволы, корни. Фактически, накопление растениями энергии это побочный продукт фотосинтеза.

– А кислород? Тоже отход производства?

– Ну да. Как результат извлечения углерода из углекислого газа. Но без солнечной энергии это невозможно. Почему в лесу у деревьев высокие и стройные стволы? Потому что они изо всех сил тянутся за светом. Кто оказывается в тени, тот погибает, независимо от качества почвы. То же самое и в сельском хозяйстве. К сожалению, у нас никогда не будет таких урожаев, как в южных странах. Хоть шоколадом их удобряй, как это делал народный академик Лысенко. И не нужно питать иллюзий насчет «догнать и перегнать». Тем более что они там снимают по несколько урожаев в год…

– Обидно.

– «Но ведь это наша родина, сынок». Как ты думаешь, отчего в русских деревнях повальное пьянство? А на Кубани, среди казачества, его нет? Нет, дело не в колхозах. Русский мужик пил и пьет по объективной причине…

– Конечно! Потому что любит это дело.

– Любить и спиваться не одно и то же. Вспомни Кавказ. А спивается из-за климатических условий. На юге природа благодарная – палку в землю воткни, и она расцветет. А в северных областях, если польют дожди, ничего не созреет. И ничем ты здесь не поможешь. Да, на юге другая беда, засухи. Но если вода рядом, урожай спасешь. А на севере от тебя мало чего зависит – тучи не разведешь руками. Бывает такое лето, что земля вообще не просыхает. Даже картошка в грязи тонет. И сено гниет, высохнуть не успевает. С чем в зиму заходить? Поэтому здесь народ и спивается – от бессилия. Из-за неустойчивого земледелия.

– А в других северных странах? Что-то не так в твоей теории алкогольного земледелия. Или земледельческого алкоголизма?

– Ладно, не будем о грустном. Короче говоря, растения аккумулируют солнечную энергию в биомолекулах, с помощью которых сами себя и создают. А травоядные животные их поедают и используют эту энергию для своей жизнедеятельности, разлагая их с помощью кислорода. Кстати, ты не задумывался, куда деваются охапки дров, которые вы сжигаете в ваших туристических походах?

– «Миг – и развеются, как на кострах».

– Вот именно. У костра вас греет энергия, высвобождаемая при высокотемпературном окислении молекул древесины. А е основная масса возвращается в атмосферу, в виде азота и углекислого газа. Остается лишь кучка невесомого пепла. Видишь, как мало прочих минералов нужно растениям для жизни? А все остальное из воздуха.

– Нас этому в школе не учили.

– Значит, плохая была школа. Ну что же, продолжим урок. Итак, животные получают энергию из растительной пищи, а из ее фрагментов строят молекулы собственных организмов. А мы питаемся теми и другими. То есть, развиваемся, двигаемся и мыслим за счет той же солнечной энергии. Вот такая пищевая цепочка. И такой вот круговорот кислорода и углерода в природе.

– Вот это меня всегда удивляло. Почему без еды и воды человек может жить долго, а без кислорода умирает в считанные минуты?

– Потому что кислород нужен каждую секунду, а хранить его в живом организме невозможно. Ведь это окислитель, разрушитель любого биоматериала. Грубо говоря, в организме нет тары для его хранения. Даже при острой необходимости, за миллионы лет жизни в воде, задерживать дыхание надолго никто не научился. Поэтому приходится подавать его в органы напрямую…

– Но неужели это такой скоротечный процесс?

– Да. Потому что питание мозга и сердечной мышцы должно быть непрерывным. Значит, и само извлечение энергии должно быть таким же. Хуже всего ситуация с мозгом. Сердце можно запустить даже после длительной остановки. И даже после пересадки. А мозг оживить невозможно. Умирает мозг — умирает человек. Точнее говоря, не сам мозг, а память и сознание человека…

– Надо же! Полная аналогия с ЭВМ. В оперативной памяти информация хранится только во время работы программы. А после выключения электропитания исчезает. Поэтому результаты нужно распечатать или записать на магнитные носители. Иначе пропадут.

– Очень похоже. Только в человеческом мозгу эта программа крутится всю жизнь, днем и во сне, от рождения и до самой смерти.

– Значит, и наши мысли, и наше сознание, и наша неповторимая индивидуальность — всего лишь бесплотные импульсы в клетках мозга? И творчество, и гениальные идеи, и великие замыслы?

– Да, это есть наше сознание. Импульсы, которыми клетки

мозга обмениваются непрерывно. Отключи энергию, щелкни выключателем, и все исчезнет — сознание, память, личность человека…

– Какая эфемерность! А я считал, что память записана где-то в клетках мозга…

– Если бы это было так, то после смерти можно было бы запустить сердце и, прочитав эти воспоминания, восстановить личность. То есть, оживить человека. Но это невозможно. Возникает «зомби» — бессознательное существо, живой мертвец.

– Жуть!

– А поддерживать сознание можно только непрерывной энергетической подпиткой. Поэтому в мозгу идет постоянное извлечение энергии с участием кислорода, который туда доставляет артериальная кровь. Любой из этих механизмов может отказать. Поэтому для спасения хранящейся в человеческом мозгу оперативной, как ты говоришь, информации ее нужно переносить на внешние носители. На бумагу, глиняные таблички, папирус. И тогда людям хоть что-то остается от гениальности Шекспира, Моцарта, Эйнштейна…

– А почему нельзя как-то иначе получать энергию для жизни? Прямо от солнца. Ты ничего не слышал про солнцеедов?

– Это жулики! Человеческий организм не способен превращать лучистую энергию в химическую.

– А я где-то читал, что некоторые тли обладают способностью к фотосинтезу.

– Вообще-то говоря, принципиальных препятствий нет. Мало того, в таком организме можно было бы устроить замкнутый цикл использования газов и минералов. В кожном покрове с помощью хлорофилла связывать солнечную энергию в биомолекулах и направлять их вместе с выделившимся кислородом прямо в органы. Там из них будет извлекаться энергия, а освободившийся углекислый газ, азот и прочие вещества вновь возвращаться в кожу для фотосинтеза. И так далее. Получится полностью замкнутый цикл жизнеобеспечения. И никаких отходов.

– А почему природа не создала такого гомункулуса?

– Я думаю, из-за малых объемов энергии на единицу площади при фотосинтезе. Не хватит для жизнедеятельности.

– А йоги, которые могут не есть месяцами?

– А эти тренированные ребята наловчились переводить организм в состояние спячки. Медведи тоже всю зиму не едят. На самом деле, топливные элементы в виде продуктов питания очень неплохое изобретение природы. Они компактны и энергоемки. Пару раз в сутки заправился, и достаточно.

– А еще нас учили, что жизнь это способ существования

белковых тел.

– Ага, содержательное определение, как же. Ты никогда не задумывался, чем вообще живая природа отличается от неживой?

– Тем, что она живая.

– Молодец! Правильный ответ. Тем, что в живых существах происходят процессы, инициированные ими самими. Биологическая жизнь это активная форма материи, симбиоз ее вещественной и энергетической форм. И это величайшее чудо природы!

– Что именно?

– Да сам факт жизни! Только вдумайся. Какие-то минералы, химические элементы – углерод, азот, кальций и так далее – сумели организоваться в устойчивые молекулярные структуры и начать жить. И даже передвигаться. И все это само собой раскручивается, поддерживает свое состояние, размножается, развивается…

– А почему само собой?

– В семинарии учился, что ли?

– А если инопланетяне засеяли?

– В любом случае это где-то произошло впервые. И вот эта ожившая материя развивается, используя энергию и вещества окружающей среды, самосоздается, генерирует из самой себя новую реальность, ей самой ранее неизвестную. Ведь это что-то невероятное, если вдуматься!

– Очевидное невероятное.

– Тебя ничем не проймешь. Но у живой материи есть еще одно уникальное свойство. Она влияет на окружающую среду. Растительный и животный мир активно воздействует на почву, температуру, газовую оболочку нашей планеты. До возникновения жизни Земля была совсем другой – бедной и скудной. Но за миллиарды лет живая материя преобразовала ее, создала огромные массивы плодородной почвы, то есть, условия жизни для самой себя…

– А я слышал о законе убывающего плодородия почвы.

– Это чушь. На самом деле плодородие почвы на Земле непрерывно возрастает. За счет фотосинтеза и соответствующего притока биомассы. Потому что эта биомасса никуда с поверхности Земли не девается. Мало того, ее хватает не только для оборота веществ в живой природе, но и для накопления в виде углеводородов.

– Тогда поздравляю с открытием закона возрастающего плодородия почвы! Когда обмоем нобелевскую премию?

– В области сельскохозяйственных наук? Нет такой.

– Жаль. Но есть вопрос на засыпку. Если твой закон

действует, значит, масса Земли должна постоянно возрастать. Правильно?

– Нет. Вещественная составляющая планеты не меняется.

– Но если верить дедушке Эйнштейну, энергия тоже материальна. И если подсчитать количество связанной фотосинтезом энергии и умножить на миллиарды лет, а потом разделить на цэ квадрат…

– То получится диссертация. Может, займешься?

– Делать мне больше нечего!

– Тоже верно.

– Значит, растения накапливают солнечную энергию, а животные ее потребляют? То есть, паразитируют на растениях?

– Ну да. Растения зародились намного раньше и вполне могут существовать самостоятельно, а вот животные без растений – нет. А хищники паразитируют на травоядных. А человек, как всеядное животное, паразитирует и на растениях, и на животных.

– Значит, и мы с тобой паразиты?

– Это и есть первородный грех человечества. Который лежит и на верующих, и на атеистах, и даже на вегетарианцах. А завершают пищевую цепочку настоящие паразиты: комары, клопы, блохи…

– Заедают бойцов, Василий Иваныч! Сосут пролетарскую кровь.

– Терпи, Петька! Самые главные паразиты – капиталисты. Вот передавим этих гнид, тогда и за клопов возьмемся.

– В мировом масштабе?

– В мировом не получится, Петька. Защитники природы не позволят, зеленые.

– Да мы их всех порубаем в капусту! И белых, и зеленых…

– Не горячись, Петька. Если сказать по правде, то на вершине пирамиды жизни стоят не клопы, и даже не капиталисты, а микробы и вирусы. Но их кавалерийской атакой не возьмешь…

– А вот интересно, Василий Иваныч, у клопов в организме есть вирусы? Блохи, к примеру, болеют гриппом?

– Не знаю, Петька. Мединститутов не кончал. Ладно, давай подведем итоги. С глобальной точки зрения, все сущее во Вселенной можно представить в виде пирамиды, в основе которой неживая материя, в середине – живая, а на вершине – человек, мыслящая материя. И если неживая материя лишь изменяется под влиянием внешних факторов, то живая самим своим существованием преобразует окружающую среду, создавая для себя благоприятные условия. А человек даже делает это осмысленно.

– Ты в этом уверен?

– Приходится это признать. Человек как мыслящее и созидающее животное это высшая форма существования материи. Из того, что нам известно. Невзирая на все его недостатки.

– Странно слышать это от мизантропа.

– Да, этот вывод дался мне нелегко.

– Ура! Я мыслю, следовательно, существую.

– Чтобы существовать, уметь мыслить не обязательно. Достаточно уметь переваривать пищу.

– А если возникнет более совершенная форма материи? Например, искусственный разум. Есть мнение, что мы должны передать ему эстафету развития. Ведь наша цивилизация может погибнуть. От ядерной войны или какого-то катаклизма…

– Да, есть такая угроза. Биологическая жизнь, по большому счету, всего лишь тонкая пленка на поверхности Земли. Плесень, с космической точки зрения. Мы существуем в таких уникальных условиях, что это можно считать случайностью. Под защитой атмосферы и магнитного поля, в узком температурном диапазоне, с постоянным притоком энергии. Достаточно небольшого, по космическим меркам, изменения этих параметров – и конец всему.

– Ну вот! Поэтому мы должны успеть создать замену человечеству, в виде искусственного интеллекта на небиологической основе. И эта новая, высокоразвитая цивилизация возглавит ту самую пирамиду материи. Подтвердив тезисы Гегеля о развитии по спирали и отрицании отрицания.

– Идея заманчивая. Но для этого придется вдохнуть в него витальную силу. То есть, повторить то, что сумела природа: научить находить питание, защищаться, размножаться. Но когда этот гомункулус начнет бороться за жизненное пространство, он окажется соперником человека. И тогда нам точно не поздоровится…

– Зато будет мощнейший рывок в развитии материи.

– Да, это могут быть высокоэффективные существа. Им не нужен будет кислород, вода, сложные органические соединения для питания, отдых и сон, комфортные жилища. Им потребуется только энергия и кое-какие химические элементы.

– И размножаться они будут самостоятельно. Будут сами себя конструировать, все более совершенных…

– Они будут специализированными, и создавать их будут ровно столько, сколько потребуется. При этом среди них не будет ни инвалидов, ни идиотов. Все неудачные изделия будут отбраковываться прямо на конвейере. Любые детали робота будут меняться многократно, а сознание будут пересаживать на все более совершенные матрицы. Главным их органом будет

компактный и мощный электронный процессор. А вместо многолетнего обучения скоротечная закачка информации и программы жизнедеятельности…

– А еще можно заложить и сам инстинкт к обучению.

– Которого нет у людей. К сожалению. И это будут не только индивидуальные знания, но и результаты аналитической деятельности всех элементов системы. Все роботы будут ежедневно подключаться к единой базе данных и выгружать в нее полученную информацию. А центральный сверхмощный Электронный Мозг будет ее обрабатывать и уточнять параметры управления системой. А каждому роботу передавать нужную ему информацию и программу действий. Таким образом, система будет непрерывно совершенствоваться. Все будет направлено на общую пользу, на всемерное развитие. Эта цивилизация точно не погрязнет в болоте гедонизма. В ней не будет человеческих пороков: лени, безделья, бессмысленных эмоций, тщеславия, корыстолюбия, преступности…

– Ни любви, ни добра, ни зла?

– А зачем? Даже понятия справедливости не будет. Потому что не будет несправедливости. Все будет абсолютно функционально. Эти устройства будут круглосуточно делать именно то, что нужно. Представляешь, насколько они будут эффективнее людей?

– Страшное дело! А что станет с нами?

– Мы будем жить рядом с этими высшими существами. Как папуасы уживаются с нынешней цивилизацией. Или, скорее, как шимпанзе. Возможно, мы даже будем им чем-то полезны…

– Как домашние животные?

– Ну, почему так примитивно? Может быть, они будут как-то использовать творческие способности людей.

– Будем плясать перед ними на задних лапках?

– Не исключено. Причём, как говорил Шукшин, не какой-то там танец маленьких лебедей, а железное болеро! Краковяк вприсядку.

– Ну и перспектива!

– Зато они будут заботиться о нас. Они занесут нас в «Красную книгу» исчезающих видов, разместят в специальном заповеднике. Там будет комфортный климат, ласковое море с белоснежным пляжем. Вдоль берега будут простираться леса, на опушках которых будут построены красивые бунгало. Там будут расти экзотические деревья с изумительно вкусными плодами, а в их ветвях будут распевать райские птицы. По тенистым полянам будут бродить трепетные лани, а среди ароматных цветов порхать разноцветные бабочки. С горных отрогов будут ниспадать

хрустальные водопады, и журчать чистейшие ручьи, в которых будут плескаться тропические рыбки. И мы, молодые, здоровые, красивые, в окружении прекрасных обнаженных девушек, будем жить там в любви и согласии. В полном блаженстве, без забот и волнений…

– И люди таки обретут потерянный рай? С помощью роботов?

– А другого способа нет. Сами-то мы на это неспособны.

– И тогда наступит всеобщее счастье? И не будет несчастных, больных, стариков?

– Конечно, не будет. Их будут незаметно изымать из счастливого сообщества, и утилизировать в специально отведенных местах. Так же, как они поступают с бракованными роботами. То есть, будут относиться к людям, как и к самим себе. Никакой дискриминации.

– Вот за это большое человеческое спасибо!

– Пожалуйста. Всегда к вашим услугам.

– Для этого все человечество должно дружно сойти с ума.

– Только на первый взгляд. Ведь природа ищет самую совершенную форму воплощения материи. И если эта идея окажется эффективной, природа найдет способ ее реализовать…

– То есть, роботы взбунтуются и захватят власть на Земле?

– Ну, зачем так негуманно? Люди сами ее отдадут. И для этого не потребуется общее помешательство. Достаточно будет решения Всемирного правительства. Которое будет принято в интересах всего человечества. А когда населению дадут бесплатные блага и избавят от тяжелой, неприятной работы, ему это очень понравится…

– Всем?

– Важно, что понравится большинству. А недовольных как-то успокоят. При этом Всемирное правительство будет строго следить за соблюдением всех демократических процедур. Оно будет учитывать мнения и пожелания населения, и согласовывать их с Электронным Мозгом. А он их будет исполнять. В неограниченных, но разумных пределах. Но когда эта система будет хорошо отработана, потребность в самом правительстве отпадет, и Электронный Мозг его ликвидирует, за ненадобностью.

– Ну и триллер!

– Да, можно раскрутить неплохой сюжет. А начнется он с того, что один из молодых членов правительства случайно останется в живых. Как? Да как обычно! Поедет на день рождения к коллеге, на загородную дачу. А там поссорится со своей девушкой на почве ревности и, обозлившись на весь мир, напьется и уйдет прогуляться в лес. А возвращаясь, увидит из кустов, как к дому приятеля подъедет мобильная группа роботов-

ликвидаторов, которая быстро проведет соответствующую операцию и подожжет дом…

– Вместе с его неверной подругой?

– И вместе с его приятелем, и всеми гостями. И даже домашними животными.

– И никого не пожалеют?

– Так они же электронные, на микросхемах. О какой жалости может идти речь?

– Понятно. А его не найдут?

– Нет, посветят прожекторами и уедут. У них же не было задания искать в лесу. Но утром вернутся с новой программой и пойдут цепью, прочесывая лес. Наш герой пытается убежать, выбивается из сил, пробираясь сквозь буреломы, но лай электронных собак слышится все ближе. И тогда он в отчаянии направляется к болоту и, опираясь на обломок ветки, пробирается через трясину. И здесь — о, чудо! тяжелые, самоходные роботы застревают в грязи и тонут в торфяной пучине, вместе со своими киберовчарками.

– И он спасается?

– Черта с два! Электронный Мозг немедленно конструирует и налаживает производство специализированных противоболотных роботов. Но беглец уже понял, что спастись можно только благодаря нелогичным, абсурдным поступкам. Которые недоступны запрограммированному мышлению киберсуществ…

– А разве они не способны к самообучению?

– Конечно, способны. Но человек находит все новые нетривиальные решения, а они используют только ранее полученный опыт. И тогда, выбравшись из болота, беглец устремляется в горы. Цепляясь за неровности скал, он пробирается по узкой тропинке над ущельем, а неповоротливые роботы скользят своими металлическими лапами по камням и один за другим срываются в пропасть…

– Ура!

– Рано радуешься. Электронный Мозг и не думает сдаваться. Он тут же изобретает и посылает за ним роботов-альпинистов с мощными когтями и присосками, и они снова начинают догонять беглеца. И ему не остается другого выхода, как броситься в горную реку. Роботы пытаются его схватить, но вода попадает в их электронные схемы, которые начинают искрить и взрываться. А сами железные чудища беспомощно барахтаются в потоке, мигая всеми своими лампочками…

– Ну, теперь-то наши победили?

– Беда в том, что человек сталкивается с нечеловеческим мышлением, которое неподвластно сомнениям. Страшнее всего

именно та бесстрастная неумолимость, с которой действует безликая сила. Невзирая на потери живой силы и техники…

– Значит, человек обречен?

– Э, нет! Он продолжает бороться. Беглец осознает, что ему нельзя повторяться, но вариантов спасения остается все меньше. И все же, после долгих приключений, ему удается скрыться в глухих, непроходимых джунглях. И там он случайно натыкается на заброшенную военную базу, на которой находит кучу прекрасно сохранившегося стрелкового оружия, гранатометов, ракет, вездеходов «Hummer» и танков «Abrams»…

– А откуда оно там взялось?

– А люди оставили это все за ненадобностью. Забыли напрочь, после того, как Электронный Мозг устроил им всеобщий парадиз, и на планете наступила эра милосердия и бесконфликтности. И тогда наш герой принимает решение бросить вызов электронному Голиафу. Но в отличие от Давида, он понимает, что один в поле не воин. И тогда он тайком пробирается к берегу океана, где устроен Эдем для землян. Там он незаметно вливается в отдыхающий контингент, и начинает среди них тайную агитацию. Мало кто соглашается присоединиться к движению сопротивления, но неожиданно его поддерживает прекрасная блондинка с голливудскими формами…

– И здесь можно будет показать развратную жизнь погрязших в удовольствиях конформистов среди обнаженных девушек и оленей.

– Но тогда фильм будет иметь возрастные ограничения.

– А это только усилит интерес публики. А что было дальше?

– Для этого нужно смотреть сам фильм. Будут там и тайные встречи заговорщиков, и любовная история, и ревность, и предательство. И мужество восставших землян, которые ведут партизанскую войну с бездушными киберубийцами. Они уничтожают личный состав и боевую технику противника, пускают под откос поезда с электронными запчастями. И тогда взбешенный военными неудачами Электронный Мозг, не найдя ничего лучшего, изгоняет людей из Эдема. Но народное восстание уже не остановить…

– И наши победили?

– Не сразу. Труднее всего оказалось справиться с самим Электронным Мозгом. И только самопожертвование человека, оказавшееся недоступным его пониманию, принесло победу человечеству. В финальной сцене наш отважный герой направляет гигантский Б-52 с полным бомбовым запасом прямо в логово кибернетического монстра. И вот на экране чудовищный

взрыв с разлетающимися во все стороны кусками микросхем и обломками самолета. И застывшие в судорогах фигуры роботов, потерявших управление. И падающий к ногам возлюбленной обгоревший медальон с ее портретом, который герой бережно носил у самого сердца. И отсветы взрыва в ее наполненных слезами голубых глазах…

– Я сейчас всплакну. Дай-ка чистый платочек…

– Свой нужно иметь. А не побираться тут.

– Что-то нас далеко занесло. О чем вообще был разговор?

– О тычинках и пестиках.

– Ладно, про ботанику понятно. А откуда берется прочая энергия? Тоже от Солнца?

– Естественно. Каменный уголь, газ, нефть – те же биологические отходы, только очень давнего происхождения. И в них та же самая солнечная энергия, накопившаяся за миллиарды лет.

– А я слышал, что бензольные соединения зародились когда-то давно, сами собой…

– Самосоздались из окружающих элементов? Каким образом? И почему не везде? Их безуспешно ищут в космосе, но именно как признак биологической жизни. На самом деле процесс накопления органики на Земле идет непрерывно. Если положить рядом кусок бурого угля и брикет торфа из недавних отложений, их не отличишь ни по виду, ни по составу. А на дне морей и океанов собираются сероводородные массивы, будущие нефтяные поля.

– И их можно добывать?

– Может, и придется. А из сахарного тростника уже сейчас гонят биотопливо.

– Заливать спирт в бензобак это кощунство! Явный признак упадка цивилизации.

– Энергетический голод не тетка.

– Ну, ладно. С органикой ясно, а откуда химическая энергия в неорганических молекулах? Вы карбид в лужи бросали?

– Еще как!

– Ну? Там она откуда? Или, к примеру, если кислоты в чернильницу влить?

– Должно быть, из тех же источников…

– Ага, поплыл Вася!

– Ну, поплыл. Я в этом пока не разбирался. Но думаю, что во все молекулы энергия закачана извне. При их формировании.

– Ставлю неуд. Пересдашь в следующий раз.

– Попробую. Только стипендии не лишай.

– Еще вопрос: магнит притягивает опилки, за счет чего?

– За счет того, что его намагнитили. То есть, передали энергию.

– Значит, вся наша энергетика от Солнца? Сомнительно…

– Ты же знаешь, что электроэнергия в основном производится на тепловых электростанциях, при сжигании газа или угля. Кстати, мне это никогда не нравилось. Громоздкий, грязный, высокозатратный процесс. Сначала нужно нагреть воду и превратить ее в пар. Потом направить на турбину и раскрутить ее. А в генераторе преобразовать ее кинетическую энергию в электрическую. Неужели за двести лет нельзя было придумать что-нибудь изящнее, чем паровая машина?

– К сожалению, прямая солнечная генерация неэффективна.

– Жаль. Но я думаю, что прогресс этому поможет. Когда-нибудь Сахара станет гигантской солнечной электростанцией. Монголы и бедуины сказочно обогатятся, а саудовские шейхи обнищают. И их главным богатством снова станут верблюды…

– Нет, я бы шейхам палец в рот не положил. Хотя бы потому, что Аравийский полуостров тоже пустыня. Но зачем далеко ходить? Чистую энергию производят и сейчас, на гидроэлектростанциях…

– И за счет чего, по-твоему?

– Не смеши! Вода из водохранилища падает с высоты и крутит турбину. Потенциальная энергия превращается в кинетическую.

– А водохранилище откуда взялось?

– Снег растаял. Дождик прошел…

– А дождик откуда?

– В атмосфере есть пары воды. Похолодало, сконденсировались капли, прошел дождь…

– А пары как туда попадают? Ты круговорот воды в природе изучал? Помнишь про испарение? Солнце нагревает воду и поднимает молекулы воды в воздух, и создает ту самую потенциальную энергию. То есть, ГЭС тоже работают на солнечной энергии.

– А ветровые электростанции? Тоже за счет Солнца?

– А отчего, по-твоему, дует ветер?

– Ну, циклоны приходят. Из Атлантики…

– А почему?

– А хрен его знает! Я же не Гидрометцентр.

– Воздушные потоки движутся из-за неравномерности нагрева земли и воды. Других источников энергии ветра не существует.

– Не думаю, что все так просто…

– Не веришь мне, спроси у прогрессивного человечества.

– Выходит, все болезни от нервов, а вся энергия – от Солнца?

– Конечно! Когда ты жаришь картошку на ужин, ты используешь солнечную энергию очень далеких времен. И твои мышцы, когда ты делаешь зарядку, и автобус, на котором едешь на работу, и свет вот этой электролампы, и доменные печи, и вчерашняя гроза, и урожайность зернобобовых и еще много чего другого зависит от Солнца. И даже бригантина, которая поднимает паруса в флибустьерском дальнем синем море, плывет по волнам за счет солнечной энергии. Не ожидал? Вот тебе и тычинки с пестиками…

– А волновые, приливные, геотермальные электростанции?

– С волновыми, наверное, сам догадаешься?

– Ну да, волны возникают от ветра. Но геотермальные и приливные точно не от Солнца.

– Здесь придется копать глубже. Выходить на гравитацию. Собственно говоря, и сама солнечная энергия это результат термоядерных реакций преобразования водорода в гелий. А причиной их является гравитация, создающая в недрах Солнца огромное давление и температуру. По той же причине раскалено ядро Земли.

– Допустим. А энергия приливов? Она же зависит от вращения Луны, то есть, от ее кинетической энергии?

– Во-первых, Луну на орбите удерживает сила тяготения Земли. А вращается она потому, что ее однажды разогнала та же самая гравитация. Все планеты и их спутники движутся по орбитам за счет кинетической энергии, полученной при формировании Солнечной системы. Когда происходило гравитационное сжатие газопылевого облака, основная часть вещества собралась в центре масс и породила звезду. Но какие-то сгустки вещества набрали такую скорость, что пролетели мимо и начали вращаться по орбите, превратившись в планеты. Вот так их гравитация и раскрутила…

– И этой инерции хватает на миллиарды лет?

– Да, хватает. Потому что сопротивление движению в вакууме ничтожно, и потерь энергии практически нет. А кому ее не хватило, те давно свалились на Солнце. Ну, что там еще осталось из твоего энергетического зверинца?

– Атомная.

– Тоже порождение гравитации. Радиоактивные вещества, как и все химические элементы, возникли в звездах, на предыдущих этапах эволюции Вселенной. Именно в звездах гравитационные процессы накачивают вещество энергией. Но это отдельная тема…

– Слушай, весь этот зоопарк нужно как-то упорядочить. А то мысли расползаются. Погоди, возьму листок и карандаш.

– Давай, давай…

– Вот, смотри, что получается:

– Нормально.

– А может еще что-нибудь есть, энерготворящее?

– А хрен его знает! Но, думаю, все равно уляжется в эту схему.

– Значит, во всем виновата гравитация?

– А кто же еще? Она, родимая. А гравитация это свойство самой материи. А с материи, сам знаешь, какой спрос.

– Да уж. Скорее, она с нас спросит. Выходит, источником всех видов энергии является сама материя?

– А ты сомневался? Может, и в учение Эйнштейна не веришь?

– Упаси Бог! Истинно верую. Вот те крест.

– То-то же. Аминь.

И снова я вышел из его комнаты в сомнениях. Смотри-ка, изложил целостную концепцию. Не зря читает про тычинки и пестики. Выходит, вся жизнь на Земле существует благодаря солнечной энергии. Удивительно, если вдуматься. Солнце и светит, и греет, и кормит. Действительно, источник жизни. Не зря его обожествляли древние. Но неужели все виды энергии порождаются гравитацией? Сомнительно. А как конкретно энергия съеденных макарон превращается в энергию работы сердца? Как вообще работают мышцы? Неизвестно. Но кто бы мог подумать, что биология такая интересная наука. Конечно, самые важные вопросы всплывают постфактум. Да и об

электроэнергетике, как таковой, разговора не было. Ни правило буравчика, ни косинус фи, ни уравнения Максвелла не обсуждали. Зато удивила аналогия ЭВМ и человеческого мозга. Выходит, человеческая личность это всего лишь пульсация нервных сигналов в клетках мозга. Неужели это действительно так? Не верится. Наверное, память все же как-то хранится в мозгу, в каких-то химических соединениях. Но ведь без кислорода мозг действительно быстро умирает. Интересно, блин! Разобраться бы. Но для этого придется переквалифицироваться в такого же сторожа-философа. И все же пару раз я его поставил в тупик. Откуда энергия в неорганических молекулах? Не смог ответить. Не знает даже, болеют ли клопы гриппом. Позор! Ладно, нужно спать, завтра на работу. И чего я так завелся? Ну, побазарили, потрепались от нечего делать. Игры разума? Вот именно, что игры. В детской песочнице.

Но почему-то хотелось играть в эти игры.

Коллектив, в котором я работал, был молодежным и спортивным. В обеденный перерыв играли в настольный теннис, резались в блиц за шахматной доской, после работы отправлялись на футбольную площадку, а зимой — в спортзал подшефной школы. Между отделами и службами проводились соревнования, настоящие спартакиады по легкой атлетике, мини-футболу, настольному теннису, гиревому спорту, шахматам, шашкам. За первенство разворачивалась нешуточная борьба, и в ней участвовали все, кто хоть чем-то мог помочь своей команде. Организатором этих баталий была комсомольская молодежь, но руководство поддерживало их, выделяло средства на спортивный и туристический инвентарь. Сборные команды главка выступали в различных отраслевых и городских соревнованиях, в туристических слетах. Я старался втянуть его в эти спортивные мероприятия, естественно, на стороне своей команды. Правда, его спортивные таланты нивелировались несерьезным отношением к самой спортивной борьбе. Его интересовал не результат, а процесс. Он не столько играл, сколько дурачился на площадке. Его неожиданные решения ставили в тупик не только противников, но и своих игроков, из-за чего команда нередко проигрывала. На наши упреки он отвечал цитатой: «Моих грехов разбор оставьте до поры — вы насладитесь красотой игры».

Свою спортивность он доказывал неоднократно. В вестибюле второго этажа нашего общежития стоял стол для пинг-понга. Помню, как он в первый раз вышел к столу, и уже через пару партий стало ясно, что ему нет равных среди нас. Он легко обыграл всех по очереди, а потом начал забавлять публику фокусами: жонглировал ракеткой во время игры, перебрасывая ее

из руки в руку и нанося удары то справа, то слева, или делал подачу из-под ноги, или отбивал шарик, повернувшись спиной к столу. Иногда приседал, прячась за стол, и казалось, что можно пробить по незащищенной поверхности, но он успевал выскочить именно в той точке, куда был нанесен удар. Или ставил ракетку на стол и опирался на нее, как денди на трость, а шарик, словно по его воле, ударялся в стоящую ракетку и отскакивал на чужую половину. Казалось, он читал мысли своих противников. Эти теннисные шутки забавляли зрителей, но вызывали сильное раздражение на противоположной стороне стола. Взбешенные местные мастера пытались наносить страшные удары, вкладывая в них всю силу, но он их спокойно отражал. И чем больше они злились, тем хуже играли. Один из них, после его очередного фокуса, не выдержал и запустил в него ракеткой, от которой тот с улыбкой увернулся. Но до драки дело не дошло; экс-чемпион плюнул и ушел.

Однажды, когда мы гоняли мяч в спортзале подшефной школы, к нам обратился учитель физкультуры с просьбой снять спортивный канат. Канат висел на крюке, прикрепленном к потолку на высоте около шести метров. Пока мы обсуждали, как это сделать, искали лестницу или какие-то подставки, он взобрался по канату к потолку, одной рукой уцепился за крюк, другой снял с него канат и отбросил в сторону, а потом спрыгнул вниз. Это было эффектно.

Он обладал еще одним завидным качеством — умел видеть окружающее сквозь призму смешного. А когда был в ударе, выдавал просто концертные номера. И вообще любил сыграть на публику. Бывало, входил в какую-нибудь малознакомую компанию со своей ослепительной улыбкой: «Все назад! Тайная полиция нравов. Прошу всех приготовиться к проверке нравственности. Если нравственность будет плохая, трамвай дальше не пойдет!». Какие-нибудь бойкие девицы тут же начинали ему подыгрывать: «Ой, как интересно! А вы будете проверять лично? А это не больно? А не щекотно? Я щекотки боюсь. А я нет, я согласна. А в каком вы звании? У вас там все такие симпатичные офицеры?» и так далее. Тут уж он был на коне. Начиналась вольная, точнее говоря, фривольная импровизация на заданную тему. Мне никогда не хватало такой раскрепощенности:

– И откуда в тебе эта развязность?

– А кого тут бояться? Разве среди них есть академики? Или генералы? Или министры? А хоть бы и так. Плевать на их звания и должности!

Все они люди. Любой, самый страшный начальник когда-то

был сопливым мальчиком с грязной попкой, и сам это прекрасно знает. А если забыл, так я ему напомню. А тебе открою великую тайну. Записывай, студент: все люди одинаковы. И всем им, как заметил товарищ Бендер, нравится наглость. В хорошем смысле этого слова.

– Сомнительно.

– А вот ты появляешься на публике, как герой байроновского типа, погруженный в сплин. Твой мрачный вид пугает жизнерадостных барышень, и мне приходится отдуваться за двоих. Будь проще, и люди потянутся к тебе.

Следует заметить, что среди обитателей общежития были и другие нетривиальные личности:

– А помнишь, ты говорил о народном писателе?

– Да, есть у нас такой. Гордость общаги. Пишет под псевдонимом Н. Рубинов. Сейчас по комнатам ходит его роман — «Мальчишки». В отрывках. Точнее говоря, в обрывках — он его раздербанил на куски и за бутылку дает почитать всем желающим.

– А ты читал?

– Да так, слегка…

– Ну и как тебе?

– По-моему, чушь собачья. Как и вся современная проза. Но сам он мужик сурьезный — истово верит в свой талант. По стилю художник-примитивист. Но яркий, самобытный. От сохи. Да ты сам зайди, поговори. Он на третьем этаже живет, справа от лестницы.

– Да как-то неудобно, ни с того, ни с сего…

– Ничего, нормально. Он мужик простой. На мой взгляд, даже слишком. Словечками заповедными так и сыплет: «кубыть, мабыть, ядрена штукатурка»…

– «Индо взопрели озимые»?

– Аж неде! В общем, самородок. Я как-то с ним разговорился. На третьей бутылке его развезло, и он всплакнул, что тоскует по родной деревеньке, родительскому дому, дымку из печной трубы, размаху полей и перелесков…

– Есенинская грусть? По сеням и клетям, лучинам и овчинам? Понятно. По овчинам сейчас многие тоскуют. Однако я чувствую в нем родственную душу. Это же потенциальный турист.

– Нет, местную природу не жалует: «Разве здесь природа? Ни широты, ни простора. Нет, здесь душой не отмякнешь. Только зря комарей кормить…».

– Комарей?

– Ну да. А также оводей и мошкей. А еще пчелей и осей…

– Это сильно!

– Но и общаться с ним не просто – правду-матку рубит не в бровь, а в глаз. Невзирая на лица, первому встречному. Поэтому в тот же глаз регулярно и получает. Постоянно ходит с синяками. Но характер общения не меняет.

– Характер нордический – драчливый.

– Вот-вот. Как говорил Зощенко, в дискуссиях держится индифферентно – кулаками размахивает. Короче говоря, мужик крутой – правдолюб и страстотерпец. Так что будь осторожнее, не заводись.

Однажды, субботним вечером я постучал в дверь той самой, заветной комнаты на третьем этаже, где обитал народный писатель. Стандартная обстановка – вешалка и шкаф у дверей, пара кроватей, застеленных байковыми одеялами, ободранная тумбочка с неизбежным будильником (по его потрепанному виду было понятно, что он неоднократно получал по морде от своего хозяина) – никак не выдавала творческого характера жильца. Что еще удивило, так это полное отсутствие в комнате книг и хоть какой-то печатной продукции, кроме пожелтевшей, скукоженной газеты на подоконнике среди россыпи дохлых мух. Впрочем, известно: «чукча – не читатель, чукча – писатель». За столом, усыпанном хлебными крошками, сидел лысоватый мужичок средних лет в несвежей майке и поношенных брюках-трико и хлебал что-то из тарелки алюминиевой ложкой. Отличительной особенностью его внешности была полная невзрачность.

Было очень жарко. Наступавший вечер, как это бывает летом на юге, не принес прохлады. В прокуренной комнате, пронизанной заходящим, но безжалостным солнцем, стояла невероятная духота, которая казалась еще более невыносимой из-за полчищ мух, заполнявших собой все ее пространство. Стойкий запах немытых ног доводил обстановку до крайней степени сермяжности, придавая ей сходство с казармой. «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет…» – невольно всплыли в памяти бессмертные строки. Накаленная атмосфера не мешала аппетиту хозяина, который мельком взглянув на меня, продолжал свою трапезу, изредка отмахиваясь от мух («мухей» – вспомнилось мне). На столе стояла ополовиненная бутылка водки и мутный граненый стакан. Обломок хлеба и пучок подвядшего зеленого лука дополняли нехитрый натюрморт. Это был явно не завтрак аристократа. Еще больше я был поражен, когда понял, что писатель хлебает некую тюрю из кусков хлеба и лука, залитую водкой. Вот это народность!

«Приятного аппетита. А можно поговорить с Н. Рубиновым?» – спросил я. «Привет! Садись рядом!» – как-то совсем по-чапаевски ответил хозяин. Я присел на стул несколько поодаль от

стола. «Мурцовку будешь?». Я вежливо отказался. «Напрасно. Исконно русская еда. А ежли ты насчет романа, так его сейчас нет. Весь роздал людям. Читают…» – веско добавил он, доедая свой экзотический ужин. «Мне главное – что народ скажет. А не эти говнюки-критики» – презрительно поморщился он и отставил пустую тарелку на тумбочку. После этого навел порядок на столе, смахнув крошки на пол, и жестом пригласил меня поближе: «Выпить хошь? Обратно, зря. Нет, паря, водочка-то оно вернее будет. Я эту южную кислятину не люблю. Особливо белую – моча мочой». «Моча молодого поросяти. На третьем месяце беременности» – уточнил он и рассмеялся. «Не будешь? Ну, как хочешь» – он оторвал кусок газеты, скрутил из нее затычку, аккуратно укупорил бутылку и поставил в тумбочку. «Ну, что ж – давай знакомиться, раз пришел. Николай. Закуривай» – достал он пачку «Беломора». «И не куришь? Больной, что ли? Нет? Значит, не служил. В армии хошь – не хошь, а закуришь. Перекур для кого? Для тех, кто курит. Остальные копают. От забора и до обеда» – рассмеялся он. «А есть еще такой анекдот: «– Рядовой Петров, возьмите лом и подметите плац. – Товарищ старшина, разрешите взять метлу – так будет и чисто, и быстро. – Мне не надо, чтобы чисто, и не надо, чтобы быстро – мне надо, чтобы ты задолбался!». Он снова захохотал и с удовольствием затянулся. Крепкий запах «Беломора» несколько облагородил суровую атмосферу комнаты. «Здоровье бережешь? Ну, давай-давай! Кто не курить и не пьеть, тот здоровеньким помреть» – тепло пошутил он. Народность его речи выражалась также в полном игнорировании рода существительных: «Кино хреновая!».

«Как я начинал писать? Не сразу. Поначалу сомневался. Все думал – куда мне до большой литературы! А потом понял: не боги горшки обжигают. Есенин особенно помог – народный поэт! Придал силы. Толстой и Горький тоже в народ ходили. Да и кому жизнь-матушку знать, как не нам? Кто от сохи, от станка, от трансформатора. Сам-то я тут электриком. Пока на литературный Олимп не залез, по столбам лажу» – пошутил он. «Да, сверху оно виднее. Хоть и на столбе сижу, а от земли не отрываюсь. Как эти зажравшиеся «письменники». Я всегда с народом, в гуще жизни. С людьми общаюсь, приглядываюсь, прислушиваюсь. Сильно обогащает. Отгадай загадку: с когтями, а не птица – летит и матерится. Ни в жисть не угадаешь! Электрик со столба упал!» – расхохотался он. «Ты-то сам, инженер, поди? Можешь не отвечать – и так видно. А я инженер человеческих душ. Это покруче будет. Я каждого насквозь вижу. Мне палец в рот не клади – враз откушу! Что, испугался?» – народный писатель явно находился в хорошем расположении духа. «А я тоже в

институт было поступил, в экономический. После армии, по направлению. А потом бросил это дело. Достали они меня там, особенно английским. Я с малолетства прикипел к родному языку, мне ихний без надобности. Ну, малость, конечно, знаю. Они, за границей, когда встречаются, говорят: «Хеллоу! Бизнес – уик?», что в переводе означает: «Привет! Делаете ли вы свой бизнес?». А когда говорят: «О, вери, вери матч!», это значит: «Приходите завтра на матч». А она прямо с первого урока начала по-ихнему булькать, я и сижу дурак дураком. Так и не стал ходить – на кой оно мне нужно? Ну, она мне потом – незачет. Мол, в первый раз вас вижу, занятия не посещали. И по другим предметам стали доставать. Ну, плюнул и ушел. Да ну их! А может, оно и к лучшему. Забивали бы пять лет голову всякой мутью, и что? Был бы сейчас инженером, как ты. Вас теперь как собак нерезаных. Куда ни плюнь – в инженера попадешь. На кой вы нужны?». Я вспомнил предостережение о правдолюбии писателя, частенько переходящем в мордобой, и сдержался. Между тем литератора потихоньку развозило. Его речь становилась все более бессвязной: «Только не надо! Не надо делать вид, чувак. Какой? Не надо делать вид, что ты умный… Да нет! Не в этом дело. А в чем? Если бы я знал! Я бы ездил на белой «Волге»… Только не надо! Не надо делать вид…» и так далее. Наконец махнул рукой, свалился на койку и захрапел.

На следующий день обсуждали детали этого визита:

– Да, мужик серьезный…

– Обошлось без кулачных аргументов?

– Он нахлебался тюри и был в хорошем настроении. Оказалось, что мы с ним оба учились на экономическом. Нашли общий язык. Правда, как и ты, он ничего не закончил.

– А как тебе творческая обстановка?

– Просто дух захватывает! Еле отдышался. Правда, меня удивило полное отсутствие книг…

– А он объясняет это их ненадобностью: «Пушкина, Толстого, Есенина я прочитал. А другие мне зачем? Разве нынешние пишут лучше? Нет. Так на кой они нужны?».

– И то верно.

– Значит, проникся сермяжной правдой?

– Насквозь. С непривычки в зобу дыханье сперло.

– А мне вспомнилась родная казарма, пропади она пропадом! Ностальгия, блин…

– А мне пришла на память фраза из какого-то исторического романа: «Господа, недавно побывал в солдатском блиндаже. Воняет так, что просто даже удивительно!».

– Это была предреволюционная атмосфера. Но господа

офицеры поняли это слишком поздно…

– А ведь Н. Рубинов постоянно живет в таких экстремальных условиях. И даже творит! Настоящий подвижник.

– И все его произведения проникнуты этим неистребимым духом. При этом свято верит в свой талант и ничуть не сомневается в будущем признании.

– И мне говорил, что собрался на литературный Олимп. То есть, в Союз писателей.

– И чего их туда так тянет? Как медом намазано…

– Медом? Это мягко сказано. Если и есть рай на земле, так это жизнь простого советского члена Союза советских писателей.

– Я себе представляю. На работу ходить не надо, режим дня свободный…

– Ну что ты! Наивный ты человек. Никакой фантазии не хватит, чтобы это представить. И даже поверить, что такое возможно. Садись поудобнее, слушай и дивись, сколь велики чудеса Господни. Свое лето советский писатель, конечно, проводит на лоне природы, в загородном доме творчества или в родовом имении. Что-то пописывает, но больше увлекается рыбалкой, прогулками за грибами да полноценным питанием. Встает, когда вздумается, неспешно завтракает на веранде, пронизанной лучами восходящего солнца. Поскольку впереди рабочий день, завтрак литератора калориен, но не отличается излишествами. Он ест яичницу с ветчиной, слегка присыпанную укропом, и аппетитно похрустывает малосольными огурчиками. А потом неспешно пьет кофе со сливками и поджаренными золотистыми гренками, чуть-чуть смазывая их свежим деревенским маслом…

– Слушай, я хоть и поужинал, но живот начинает подводить…

– И, милый! Это только присказка, сказка впереди. Обсудив с женой меню предстоящего обеда, наш герой неспешно поднимается в мансарду, в свой рабочий кабинет, и располагается в уютном плюшевом кресле. В ближайшие три часа его никто не смеет беспокоить, дабы не мешать священному акту творчества. Он сидит за столом перед окном, выходящим в сад, и единственное, что портит ему настроение, это необходимость выдавливать из себя очередные страницы бездарного романа на производственную тему. Который он, согласно договору, этой осенью должен принести в редакцию солидного журнала. Но к полудню он все же исписывает несколько мучительных страниц, и с чувством выполненного долга спускается к обеду. На обед сегодня салат из только что снятых с грядки овощей и зелени, витаминные щи из свежей капусты с мозговой косточкой и нежнейшая жареная плотвичка с пюрешкой. А на сладкое –

черничный пирог с фирменным компотом из ревеня, который получается у нее совершенно замечательно…

– Не трави душу!

– Только не надо мне здесь скрежетать зубами. Потому что человек не бездельничает, а снова решительно берется за работу. Послеобеденное время обычно посвящается корректуре. Если позволяет погода, литератор выходит в сад и устраивается в шезлонге, в тени большой старой яблони, у столика, на который жена заботливо ставит кружку с охлажденным компотом. Ветерок шевелит веселую листву, солнечные зайчики игриво бегают по белизне страниц, а послеобеденная жара и птичий щебет навевают легкую дрему. Которой ну просто невозможно сопротивляться! Однако ближе к четырем часам заботливый голос жены нарушает творческую атмосферу и будит писателя. Ничего не поделаешь — время полдника. На столике появляется тарелка с только что сорванной душистой малиной, политой сметаной и слегка присыпанной сахаром…

– Я вижу, ты хочешь меня сегодня уморить.

– Какой ты нервный, право. Тебя надо лечить электричеством. Между тем рабочий день писателя подходит к концу, и теперь он может с полным правом отдохнуть…

– Отдохнуть?!

– И, поскольку сегодня жарковато, принимается решение прогуляться на пруд и немного освежиться. Окунувшись в сладостную прохладу, он сначала с фырканьем энергично проплывает к дальнему, заросшему кувшинками и камышом берегу, а потом неспешно возвращается на середину пруда и переворачивается на спину, слегка пошевеливая конечностями и глядя в бездонную синь, в которой замерли ватные подушки облаков. Благодать! Взбодрённый писатель возвращается домой и немедленно устремляется к столу…

– Как, опять?!

– К рабочему столу! Потому что у творческого работника, в отличие от тебя, бездельника, ненормированный рабочий день. Ему не до праздности. Ибо праздность, как говаривал Толстой, источник всех пороков. С головой погрузившись в работу, писатель и не замечает, как пролетает время, оставшееся до ужина. Не проходит и часа, как он с удовлетворением встает из-за стола. День прошел не зря. На ужин жена, не мудрствуя лукаво, пожарила курочку с гречневой кашей и грибной подливкой. После этого собрались у соседа за преферансом, но, по причине жаркой погоды, без излишеств, а лишь с охлажденным мускатом. Таким был один день Владимира Алексеевича, простого советского писателя…

– Если ты хотел вызвать пролетарскую ненависть к творческой интеллигенции, тебе это удалось.

– И зря. У писателей тоже есть свои заботы. Которые вынуждают их расставаться с музами и выезжать в суетную и душную Москву для обустройства литературных дел. Правда, эти хлопоты скрашиваются вечерами в ресторане Дома литераторов и застольями у друзей. Вот так, в напряженном творческом труде незаметно пролетает короткое, жаркое лето, и наступает самая плодотворная пора мастера слова – болдинская осень. Прохладное дыхание сентября золотит пряди родных березок и бодрит чуткую душу литератора. «В багрец и золото одетые леса…» – это тоже по-своему хорошо. Захватив прощальную нежность бабьего лета, писатель возвращается в деловую сумятицу столицы. Приближаются сырые, зябкие дни, но нашему герою они не страшны. Еще летом предусмотрительно организована творческая командировка в братскую Болгарию. Без журавлиной грусти летит наш герой в теплые заморские края. Месяц, проведенный в бархатном климате юга, у ласкового моря, заполнен встречами с читателями, вечеринками с коллегами по перу, экскурсиями на винзаводы и поездками в заповедные глубинки, где только и можно припасть к истокам национальной культуры и кухни. Но пора и честь знать. Домой писатель возвращается с багажом впечатлений, а также домашнего вина, фруктов, меда и прочих даров щедрой южной природы…

– Это невыносимо! Я тебя сейчас задушу!

– Ничем не могу помочь. Правда жизни превыше всего. Остаток осени писатель проводит, как и его великие предшественники, в театральных премьерах, балах, званых вечерах, за картежным и биллиардным столом, а то и в простых задушевных пьянках. А между тем на смену зябкой сырости осени приходит здоровая, бодрящая русская зима. И это лучшая пора, чтобы выехать в загородный дом, омыться душой в нетронутой чистоте родной природы, задохнуться от сладчайшей свежести морозного воздуха, утонуть взглядом в бескрайних снежных просторах и насладиться их невероятной тишиной. Растопить баньку, отогреться в ее ласковом тепле и вернуться по скрипящему снегу под пологом звездной зимней ночи в уже прогревшийся дом. Неспешно поужинать под рябиновую настойку, соленые грибочки и шашлык, а потом присесть у доброго старого камина с рюмкой душистого глинтвейна в руке… А ты имей выдержку! И нечего тут стонать и сучить ручонками. Наберись мужества дослушать эту правдивую повесть до конца. Потому что долгая зима, завалы грязного снега на улицах Москвы и унылая серость марта надоедают творческой натуре нашего

героя, и он без раздумий принимает приглашение посетить столицу солнечной Грузии. Чтобы ощутить тепло первых весенних лучей, вдохнуть аромат цветущих садов, приобщиться к ценностям древней культуры, окунуться в неповторимую атмосферу знаменитых грузинских застолий. И лишь в апреле, вдоволь насладившись кавказским гостеприимством, он возвращается в столицу, нагруженный мешками орехов, сухофруктов и ящиками с пьянящими дарами виноградной лозы…

– Прекрати! Это можно слушать только под наркозом.

– Все-все! Операция прошла успешно. Хирургу нужен последний тампон, спирт и огурец. А пациента можно увозить.

– «Сестра, а можно в реанимацию? – Больной, не занимайтесь самолечением! Хирург сказал в морг – значит, в морг».

– Ну что же, остался эпилог. Итак, суматошно-счастливый май в Москве, с буйством зелени, пенным цветением садов, волшебным ароматом черемухи и сирени. Он пролетает совершенно незаметно, и снова возникает сладостно-мучительный вопрос: где провести лето? В уютном, но скучноватом дачном доме или в веселом, но суетном доме творчества? А если в доме творчества, то в каком – в жарком Крыму или в комфортном Подмосковье? Можно и в Прибалтике, но там с погодой никогда не угадаешь…

– Мне бы эти мучения!

– Чтобы так жить, нужно иметь талант…

– Пролезать в теплые места? Понятно, почему наш народный писатель так рвется в творческий союз.

Через неделю я встретил на лестнице подвыпившего Н. Рубинова. Как ни странно, народный писатель узнал меня и даже вспомнил свое обещание. К тому моменту читатели уже вернули ему часть романа. Эти потрепанные страницы, выдранные из общей тетради в клеточку и исписанные мелким, но четким почерком, автор вручил мне под торжественное обещание вернуть к выходным. Обстановка в его комнате была столь же спартанской, но мух было намного меньше, а на столе стояла не водка, а початая бутылка портвейна. От выпивки я отказался, пообещав зайти в субботу для более серьезного литературного разговора.

В тот же вечер я прочитал два десятка рукописных страниц знаменитого романа «Мальчишки». Возможно, мне достались не самые яркие фрагменты произведения, но сильного впечатления они на меня не произвели. Насколько помню, там было несколько диалогов примерно такого содержания:

«— Колька, на каток пойдешь?
— Пойду, только не сразу. Есть дела дома.
— А меня историк грозился вызвать. Надо почитать.
— А ты клюшку сделал?
— Сделал. Нужно только коньки подточить.
— А Витька пойдет?
— Пойдет, я с ним говорил.
— А Санек?
— Не знаю.
— Ну, ладно. Я его позову.
— И за Валеркой зайди». И так далее.

Как и многие непризнанные таланты, Н. Рубинов довольно часто закладывал за воротник. В субботу вечером, прихватив пару бутылок портвейна, я заглянул в уже знакомую комнату на третьем этаже. На этот раз Н. Рубинов был в мрачном расположении духа, и в ответ на мое приветствие буркнул что-то невнятное. Неужели я помешал творческому процессу? «Может, зайти в другой раз?» — спросил я, возвращая рукопись, но он, заметив в моих руках бутылки, сделал приглашающий жест. Суровость его взгляда смягчилась, и скоро мы уже поднимали стаканы под первый тост — разумеется, за литературу. За настоящую литературу, литературу с большой буквы. Я признался писателю, что просто-таки залпом прочитал фрагменты его романа, и похвалил за жизненность образов и лаконичность изложения. А простота стиля, как известно, верный признак таланта. После этого наше общение стало совсем раскованным, пошли тосты за писательское мастерство, святой огонь вдохновения, художественную силу слова и прочие значимые аспекты литературного ремесла. Похоже, в рабочей среде общежития народному писателю не часто встречались собутыльники, способные на достойном уровне поддержать разговор о судьбах литературы в изменяющемся мире, поэтому я почувствовал его явное расположение. Подвыпивший Н. Рубинов даже поделился творческими планами. Он собирался продолжить повествование о судьбах героев романа «Мальчишки» повестью под названием «Мужала молодость в дозорах» — о нелегкой службе в погранвойсках простого парня, нашего современника. О его физическом и нравственном взрослении, становлении и закалке характера.

Время идет неумолимо. Многое из прошедшего забылось, реальные детали быта вспоминаются с трудом, как будто их и не было. В памяти осталось только общее настроение тех дней. Помнится, оба мы были жизнерадостны и легки на подъем, поэтому охотно включались во всякие культурные и спортивные

мероприятия, встречи, вечера. Летом часто выезжали на базу отдыха на загородном озере, где по выходным собиралась молодежь главка, их друзья и знакомые. Сама база представляла собой малоухоженный участок берега на дальней, дикой стороне озера. Пляж, покрытый пожухлой травой, был окружен густыми зарослями камыша, какими-то кустами, чахлыми акациями, а все его оборудование состояло из запертого хозяйственного вагончика, нескольких шатких скамеек и самодельного очага из камней. Но нам и этого было достаточно.

Итак, раннее субботнее утро. Я просыпаюсь от солнечного луча, упавшего на лицо. Раскрываю глаза и вижу за окном голубизну неба и веселую игру лучей в зелени листвы. Ура! Сегодня будет отличный денек! Зажмуриваюсь и счастливо потягиваюсь — сладко-сладко! Чувствую силу молодого, здорового тела, готового жить, двигаться, радоваться жизни. Вытягиваюсь в струнку, до самых кончиков пальцев, и с привычной радостью узнаю легкость сильных ног, тугую стройность тела, литую силу бицепсов, корсет брюшного пресса, тонкую талию, которую всю можно охватить пальцами двух рук. Хорошо! Все прекрасно, все просто замечательно! Сегодня суббота — лучшее утро недели, и можно бы еще поваляться в постели, но раздается стук в дверь, и на пороге комнаты появляется улыбающийся Сергей: «Труба трубит трубу! Вставайте, граф, рассвет уже полощется!». Я отвечаю что-то вроде: «Барабан, не барабань — я не встану в эту рань!», но тут же вскакиваю и быстро собираюсь. Еще с вечера заготовлен рюкзак, в который уложены казенные байковые одеяла, надувной резиновый матрас, волейбольный мяч, бадминтон, пара бутылок столового вина, хлеб, несколько банок рыбных консервов. Я прихватываю транзисторный приемник и фотоаппарат, а он палатку и гитару. К отдыху готовы? Всегда готовы! И уже через полчаса, с рюкзаком и гитарой наперевес, сбегаем с крыльца общежития в свежесть летнего утра. По пути заходим в столовую. Она, пустая в этот ранний час, вся пронизана лучами встающего солнца, в ней пахнет подгоревшим молоком, громко переговариваются, гремя посудой, поварихи. По-быстрому съедаем традиционную яичницу и кофе с булочкой. Потом, не теряя времени, добираемся до остановки загородного маршрута и запрыгиваем в отходящий автобус. В нем уже едут знакомые, мы приветствуем их и садимся рядом. Начинается обычный треп, шутки, смех. Автобус катит по городу, подбирая на остановках дачников и отдыхающих, и, наконец, выезжает на загородную трассу. За окнами проплывает череда частных домиков, утопающих в зелени садов и виноградников. Солнце постепенно набирает силу, нагревает

сиденья, весело сияет на поручнях, обещая жаркий день. Утренний, еще прохладный ветерок врывается в окна автобуса, обдувает наши загорелые лица, треплет расстегнутые воротники рубашек. Хорошо! Мы улыбаемся, чему-то смеемся, а впереди у нас два выходных дня, и все нас радует, и настроение у нас превосходное.

Но вот и конечная остановка. Огромное загородное озеро, словно море, поблескивает сквозь пышную прибрежную зелень. На его противоположной стороне, в десяти минутах ходьбы, наш пляж. Подхватываем вещи и направляемся к месту отдыха, по тропинке, петляющей в высоких зарослях прибрежных камышей. По пути останавливаемся и делаем несколько снимков на память. Так он и сохранился, отпечатанный с цветного слайда, образ тех наших давних дней: я в линялых джинсах и в рубашке в черно-желтую полоску, завязанную узелком на животе, с гитарой на плече, и он в бордовой тенниске и серых брюках, с рюкзаком за спиной. Безмятежно улыбаясь, стоим в густых зарослях камыша и смотрим в объектив, в неизвестное и прекрасное будущее. А теперь, когда я гляжу на потускневший отпечаток слайда, мне кажется прекрасным не оно, это уже наступившее будущее, а то наше далекое прошлое.

Наконец тропинка выводит к пляжу. Отдыхающий народ приветствует наше появление радостными возгласами. И мы тоже рады их видеть, потому что все они симпатичные, дружелюбные, просто замечательные ребята. Где она теперь, эта полузабытая ныне реакция окружающих, то постоянное ощущение интереса, которым мы окружены в молодости? Где оно, неотразимое обаяние свежести, силы, красоты? Каким естественным, само собой разумеющимся кажется оно нам в юные годы! Всюду нас встречают улыбки друзей и подруг, и даже совершенно незнакомых людей. Нам радуются искренне, как детям и цветам. И любят нас не за какие-то заслуги и достижения, а просто потому, что мы такие как есть. Увы, это счастливое ощущене всеобщей любви столь же преходяще, как и сама молодость, и с возрастом мы все чаще натыкаемся на равнодушные взгляды окружающих. И уже сами ищем ответный интерес в глазах людей, которые нам симпатичны. И все реже его находим.

А в этот летний день нам радуется сама природа. Солнце уже набрало силу и весело искрится на ленивой волне, легкий ветерок набегает с озера, обдувает наши разогретые тела. Скорее в воду! Быстро раздеваемся и с разбегу, поднимая фонтаны брызг, бросаемся в ее волшебную прохладу. Хорошо! Он плывет гибко и мощно, словно дельфин в родной стихии, и с первых же гребков вырывается вперед. Я знаю, что мне за ним не угнаться, и плыву

не спеша, в свое удовольствие. Прогревшаяся на поверхности вода ласково обнимает меня, поглаживает своими нежными ладонями, перемешивается с поднятыми снизу прохладными струями, скользящими вдоль тела. Неземное наслаждение! Переворачиваюсь на спину, лежу в невесомости, пошевеливая руками и ногами, бездумно-счастливо гляжу в безоблачное южное небо. Тишина, покой, благодать. Но вот, нарезвившись где-то на середине озера, он мощными гребками подплывает ко мне. Его любимым стилем плавания был изобретенный им баттерфляй на спине. Традиционно на спине плывут, совершая поочередные гребки, как в кроле. А он делал гребок двумя руками сразу, выбрасываясь из воды мощным толчком ног, как в баттерфляе. Я тоже освоил этот способ, и он мне очень понравился – так я плыл быстрее и меньше уставал. Странно, что этот стиль до сих пор не входит в программу Олимпийских игр. Я предложил ему подать заявку в международную федерацию плавания, но он лишь рассмеялся: «Языков я не знаю, Петька, вот в чем беда».

Вдоволь накупавшись, выходим на берег, подтянутые, стройные, как юные боги. Капли воды сверкают на наших спортивных торсах, мышцы поигрывают под загорелой кожей, ноги легко и пружинисто ступают по прибрежному песку. Мы идем вдоль кромки воды, смеемся, перекидываемся шутками с друзьями и знакомыми, чувствуем на себе волнующие женские взгляды. Молодость, беззаботная молодость, как ты хороша! Пока ты с нами, ты кажешься нам естественной и вечной. Мы не замечаем тебя в обыденности жизни и только потом, годы спустя, утратив тебя, понимаем, как ты мимолетна. И как прав был тот гениальный белокурый шалопай, пропевший тебе славу: «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвесть и умереть»!

А между тем солнце набирает силу. Мы переносим наши пожитки к небольшой рощице и растягиваемся в зыбкой тени акаций. Я перелистываю поэтический сборник, он что-то мурлычет, перебирая струны гитары. Ее звуки действуют магически, и вокруг нас собирается кружок друзей. Кто-то подпевает, кто-то рассказывает смешную историю, мы о чем-то болтаем, шутим, смеемся. Потом снова купаемся, загораем, играем в мяч, бадминтон. Кто-то отправляется на лодочную станцию, чтобы пригнать лодку и кататься на ней, пока не надоест, а иногда раскошеливаемся на катер и водные лыжи. В те годы этот романтический вид спорта был еще в новинку, и мы пытались его освоить. И только Сергей носился по глади озера, как водный бог. Делал красивые виражи, перехватывая рукоятку троса из одной руки в другую, и даже изображал какие-то элементы водной акробатики. Иногда, подговорив мотористa,

пролетал в нескольких метрах от берега и, заложив крутой вираж, окатывал нас, стоящих на берегу, веером брызг. Девицы притворно визжали, а мужики грозили ему вслед кулаками. Я тоже пытался освоить это развлечение. Сложнее всего было подняться из воды за катером, поскольку причала у нас не было. Потом, с трудом выбравшись на поверхность, с напряжением пытался удержать равновесие на бьющей в ноги непривычно жесткой воде. Со стороны кажется, что это легко и приятно, как в песне: «Вслед за мной на водных лыжах ты летишь». В действительности это серьезная физическая нагрузка, а ощущения такие, будто тебя волокут на доске по асфальту.

Незаметно пролетает день, солнце клонится к горизонту, и от воды все явственнее тянет прохладой. Кому-то пора возвращаться домой, а оставшиеся распределяются по палаткам, достают провиант, начинают готовить ужин. Разворачиваются хлопоты у костра, варится какой-то уникальный суп начинающего туриста, открываются консервы, нарезаются овощи и хлеб, выставляются бутылки одинарного вина, невероятно дешевого и невероятно вкусного. Народ располагается на траве вокруг клеенки, уставленной нехитрой снедью, и начинается веселое застолье. А после этого долгий вечер у костра, с шутками, смехом, песнями под гитару…

Ночью у воды, даже в разгар лета, зябко и сыровато, и я выбираюсь из палатки на рассвете. Раннее утро. Тишина. Лишь плещется волна у берега да изредка вскрикивает какая-то птица в камышах. Солнце только-только поднимается из розовой полосы горизонта в голубизну безоблачного неба. Июльское утро. July Morning. Я бреду вдоль берега озера, гляжу на отблески восходящего солнца на ленивой волне, на легкий парок, колышущийся возле камышей, полной грудью вдыхаю прохладу летнего утра, и в моей памяти начинает звучать волшебная музыка Uriah Heep, одна из красивейших рок-баллад семидесятых, незабвенная мелодия нашей молодости. Негромкий голос солиста на фоне мягких ударов бас-гитары слышится мне сквозь легкую дымку раннего утра, гармонируя с тишиной просыпающейся природы. Но вот он постепенно набирает силу и вслед за восходящим над горизонтом светилом переходит на высочайших нотах в торжествующую осанну жизни. Я не знаю английского языка, и мне неизвестно, о чем поют эти пацаны, мои британские сверстники, но воспринимаю эту волшебную мелодию как гимн вечному лету, вечной любви, вечной молодости. Я чувствую неповторимость этих минут, и хочу сохранить их в памяти. Вспомню ли я когда-нибудь, в далеком, загадочном будущем об этом июльском утре тысяча девятьсот семьдесят

седьмого года? Вспомню, конечно, вспомню.

Каждый из нас о чем-то мечтал в молодости. Что-то из этого сбылось, что-то нет. Но по-настоящему заветные мечты, как правило, неисполнимы. Время идет, и они потихоньку забываются. Вот и я все реже сожалею о том, что так и не стал губернатором острова Борнео. Именно для того, чтобы первым же указом утвердить July Morning в качестве государственного гимна.

А в воскресенье отдых уже ленивый: в бадминтон и мяч играют без азарта и купаются реже, а разговоры все больше переходят на быт, дела, работу. После обеда начинают потихоньку разъезжаться. Мы с Сергеем, как беспечные холостяки, не отягощенные домашними хлопотами, позволяем себе осушить чашу отдыха до дна и уезжаем последним рейсом. В памяти сохранилась завершающая картина того летнего дня: мы стоим на обочине пустой дороги в ожидании автобуса, закатное солнце золотит вершины деревьев, буйная прибрежная зелень погружается в тень и прохладу летнего вечера, а неподвижный воздух и внезапно наступившая тишина навевают неожиданную грусть. Такая опустошенность бывает после завершения какого-то шумного праздника, когда становится понятно, что он уже в прошлом, в безвозвратном прошлом, и никогда не повторится, как и многое другое, грустное и радостное в нашей жизни, в этой нашей единственной, неповторимой и, как я теперь понимаю, удивительно короткой жизни. Мы оба чувствуем это и молчим. Я машинально покручиваю колесико транзисторного приемника, и сквозь потрескивание эфира доносится мелодия тех давних лет: «На дальней станции сойду — трава по пояс…». Благословенные годы, благословенные дни! Как давно это было!

В следующие выходные я был занят какой-то бытовой ерундой, и на озеро не поехал. Воскресным вечером я уже лежал в постели, перелистывая недавно вышедший сборник стихов Юрия Левитанского «День такой-то». Радиоприемник был настроен на музыкальную волну, звучала песня «Артист поет» ансамбля «Норок». Уютную атмосферу вечера нарушил стук в дверь, и на пороге появился он, загорелый, веселый и немного подшофе.

– А, привет, гуляка!

– Да это ты прогуливаешь! Физкультурные мероприятия. А тобой там, между прочим, интересовались. Некоторые особы…

– Похоже, они не сильно скучали. По тебе заметно, что день прошел содержательно.

– Не без того. Пришлось отдуваться за двоих. Пока ты здесь сачковал. Разлегся тут, на ночь глядя. Развел нездоровый интим. Да еще какую-то чушь читаешь…

– Кончай хамить! Ты же ни ухом, ни рылом, о чем речь.
– А мне и знать не надо! Все они одним миром мазаны.

О физиках и лириках, алгебре гармонии, коэффициенте поэтичности, хокку и Басё, величии Пушкина, Онегине и Ленском, сукечести, гениях и злодействе

Его саркастический ум не признавал никаких авторитетов, а злой юмор временами переходил все границы. Он был из тех, кто ради красного словца не пожалеет мать-отца. Особенно не жаловал людей творческих профессий. А над поэтами вообще издевался:

– Ничтожный народец. Сродни актерам. Они, видишь ли, самовыражаются! Ковыряются в своих мелких душонках, рифмуют всякий вздор. Речей их значенье темно и ничтожно — им без отвращенья внимать невозможно…

– А сам-то стихами заговорил!

– Делов-то! Возьми словарь, спиши красивые слова и зарифмуй.

– Зря ты так. Художника обидеть может каждый…

– И не только художника. Этот самый «каждый» может обидеть кого угодно. А поэта обидеть не так-то просто. Он сам тебя обидит. Особенно, когда под хмельком. В большинстве своем это кичливые и драчливые типы. Вроде Н. Рубинова. Но больше всего они обижают классиков — своим, якобы, творчеством.

– Во-первых, каждое поколение имеет право выразить себя и свое время. Пушкин прекрасно знал своих предшественников. И что? Разве он хуже Тредиаковского? Во-вторых, откуда в тебе эта самоуверенность? Ты что, специалист? Как можно судить, не зная ни теории литературы, ни истории предмета?

– А что, для этого надо быть знатоком творчества Хераскова? Или читать ярбух фюр психоаналитик унд психопатологик?

– Фюр литератур.

– Ерунда это все. Математики и физики лучше разбираются в поэзии, чем скудоумные гуманитарии. Которым не хватает ни широты взглядов, ни смелости суждений, ни ума.

– Кто разбирается? Эти очкарики, мертвые души? Да у них в мозгах одни формулы! Разве им доступны душевные взлеты? Творческие озарения, полет фантазии…

– Вот им-то как раз доступны. Один из ученых сказал о своем бывшем ученике: «Он стал поэтом. Для математики ему не

хватало воображения». Даже Пушкин признавал, что вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

– А насчет математиков тоже есть анекдот. Как-то два англичанина отправились в полет на воздушном шаре. Порывом ветра их занесло в незнакомое место. Снизившись, они увидели прохожего и крикнули: «Сэр, где мы находимся?!». И успели услышать ответ: «В корзине воздушного шара!». Пролетев некоторое время в молчании, один из путешественников сказал: «Я думаю, это был математик. Вот пример абсолютно точного и столь же бесполезного ответа».

– Но они дают эти ответы! И двигают прогресс человечества. Как говорил Базаров, толковый химик в двадцать раз полезнее любого поэта. Которые тысячи лет мусолят одно и то же. Да так и не смогли разобраться в человеческой душе…

– Потому что душа человека непостижима! И неподвластна примитивной логике. Формулами ее не опишешь. И вообще, вся история человечества это история культуры.

– Да какой там культуры? Человек остался таким же, каким был тысячи лет назад. А весь многовековый гуманитарный бред только умножает его невежество…

– Понятно, при слове «культура» ты хватаешься за пистолет.

– Ладно. Спор между физиками и лириками был закрыт постановлением ЦК КПСС еще в шестидесятые годы…

– И кому присудили победу?

– И тем, и другим присудили поражение.

– Понятно. Бей своих, чтобы чужие боялись. Но меня удивляет твоя дремучесть. Ты не видишь сути явления. Поэзия — квинтэссенция литературы! Высшая форма самовыражения…

– Не знаю, не знаю. Цицерон говорил, что даже прожив вторую жизнь не нашел бы времени для изучения лирических поэтов. А, по мнению Льва Толстого, писать стихами все равно, что идти в поле за плугом, приплясывая. Пахать вприсядку.

– Великий человек, а все же ошибался.

– Ну-ка, ну-ка! Поправь гения.

– Писать романы стихами действительно бессмысленно. Даже мудрые мысли рифмовать не стоит. Рифмы мешают их точному выражению. Стихами выражают чувства, а не мысли. Каждому делу — свой инструмент.

– Проза — универсальный инструмент. Может выразить и мысли, и чувства.

– Э, нет! Ну, как ты передашь это знаменитое: «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне»? Напишешь много слов, и при этом потеряешь красоту и концентрацию чувства. Кроме того, поэзия и стихи — не одно и то же. Толстой

не понимал или не хотел понимать этого. Бывают стихи без поэзии и поэзия без стихов. Можно километрами писать стихи, в которых не будет поэзии…

– Стоп! Имею вопрос. «Однажды, в студеную зимнюю пору я из лесу вышел; был сильный мороз. Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз». Это поэзия?

– Нет, не поэзия. Это пример стихов, в которых нет ничего поэтического. Хоть в строчку пиши, хоть в столбик. Таким способом можно зарифмовать даже телефонный справочник. Или правила пожарной безопасности. Кстати, так иногда и делают. Чтобы в мозгах отпечаталось: «Если хочешь сил моральных и физических сберечь, пейте соков натуральных, укрепляя грудь и плечь!».

– Плечь? Это сильно!

– Вот видишь! Но это не поэзия. Задача поэзии – передать чувства, состояние души человека. Поэт пытается выразить охватившее его волнение, пишет какие-то буковки на бумаге. А когда мы их читаем, происходит обратный процесс: под воздействием смысла слов наше воображение восстанавливает внутреннее состояние автора, и мы испытываем его чувства. С той силой, которую поэт сумел передать, а нам удалось воспринять. От читателя тоже требуется душевная чуткость, талант сочувствия.

– Ну, это что-то эфемерное, неощутимое…

– Так именно в этом все дело!

– Значит, поэзия это зафиксированные на бумаге, как бы законсервированные чувства?

– Грубо, но точно. В принципе, вся литература – это консервированный опыт человечества: знания, мысли, чувства…

– Ладно, это способ записи. А в чем выражается сама поэтичность? Почему одни стихи – поэзия, а другие – нет?

– Это трудно сформулировать. В настоящих стихах содержится что-то большее, чем слова, из которых они состоят. Вот это самое «что-то большее» и есть поэзия.

– Стоп-стоп! Ты хочешь сказать, что поэтическая строка содержит больше смысла, чем суммарный смысл составляющих ее слов?

– Вот именно. В строке «Все пройдет, как с белых яблонь дым» мимолетность жизни передается сравнением с быстротечностью цветения яблонь. При этом слово «дым» здесь даже кажется чужеродным. Однако, метафора «белых яблонь дым» создает свежий, неожиданный образ. Казалось бы – все просто. Но породить такую красоту под силу только настоящему таланту.

– А если этого дополнительного смысла нет, то и поэзии нет?

– Конечно, нет. Только информация. Тот самый зарифмованный справочник.

– Ну что же, понятно. Синергетический эффект соединения частей в целое. Значит, так: чтобы навести порядок в этой мутной лирике, переходим к алгебре. Записываем поэтическое тождество:

$$Y = (a_1 + a_2 + a_3 + \ldots + a_n) + X = \sum_{i=1}^{n}(a_i) + X, \qquad (1)$$

где Y – суммарная величина поэтичности стиха;

a_i – обычный смысл i-го слова в стихотворении;

n – количество слов;

X – образность стиха. Тот самый дополнительный поэтический смысл от сочетания отдельных слов. При этом величина X меняется в диапазоне от 0 до ∞.

– Бред сумасшедшего математика.

– Да нет, попытка осмысления поэтического бреда. А узость вашего мышления, сударь, вызывает искреннее сожаление…

– Ну, ладно. Давай разберемся с твоими иксами. С нулем понятно, а что такое бесконечная поэтичность?

– Ну, это математическая абстракция. Но каждый поэт должен к ней стремиться.

– Допустим. А может ли быть $X < 0$?

– Отрицательная поэтичность? Нет, конечно.

– А если зарифмовать произвольный набор слов?

– Получится бессмыслица.

– Так это и есть то самое $X < 0$! Потому что беспорядочное соединение слов убивает даже их первичный смысл. Так же, как слияние лучей радуги уничтожает индивидуальность каждого цвета и делает свет бесцветным.

– Но если случайный текст достаточно велик, то по теории вероятностей в нем могут возникать смысловые фрагменты…

– Ну, это известно: если посадить обезьяну за пишущую машинку, есть вероятность, что колотя по клавишам, она напишет роман.

– «Войну и мир»?

– Вряд ли. Скорее, какую-то повесть из своей обезьянней жизни.

– Для этого обезьянней жизни не хватит. Придется печатать тысячелетиями.

– Ну и пусть печатает! И постепенно превратится…

– В человека?

– Нет, в промежуточную стадию. В писателя. В homo scribius.

– Стоп! Промелькнуло важное понятие, эти самые смысловые фрагменты. Ведь стихотворение это не просто набор слов, а сочетание отдельных фраз. Которые и создают поэтические образы. Те самые «увяданья золотом охваченный», «сердце, тронутое холодком», «страна березового ситца». Значит, поэтический смысл стиха возникает на более низком уровне – на уровне отдельных фраз, то есть, смысловых кластеров. Придется уточнить формулу (1):

$$Y = \sum_{i=1}^{n}(A_i) + X \qquad (2)$$

где A_i – величина поэтичности i-го кластера;

n – их количество в стихотворении;

X – тот же интегральный поэтический смысл стиха в целом.

Соответственно, поэтический смысл отдельного кластера:

$$A_i = \sum_{j=1}^{m}(a_j) + x_i, \qquad (3)$$

где a_j – обычный смысл j-го слова в i-м кластере (поэтической фразе);

m – количество слов в кластере;

x_i – дополнительный поэтический смысл i-го кластера.

– А можно говорить человеческим языком, без этих твоих дурацких кластеров?

– Можно. Таким образом, окончательно формулу поэтизма (1) следует записать так:

$$Y = \sum_{i,j=1}^{n,m}(a_{ij}) + \sum_{i=1}^{n}(x_i) + X, \qquad (4)$$

Правда, здорово получилось? Вот где настоящая красота!

– Ты просто маньяк. И закончишь свои дни в сумасшедшем доме. В обществе Пуанкаре и Лейбница.

– Это прекрасное общество!

– И какая польза от всей этой абракадабры?

– Огромная! Прежде всего, с ее помощью можно однозначно отличить настоящего поэта от стихотворца, невзирая на все

регалии и мнения «специалистов». Кроме того, это универсальная формула. Она подходит к любой умственной деятельности. Потому что суммирование смыслов отдельных фраз это и есть накопление знаний. Короткие слова «квант» и «ген» стоят на гигантских смысловых пирамидах. Чтобы объяснить принцип работы хотя бы вот этой электролампы, нужно начинать…

– С динозавров!

– С физики для средней школы. А кому-то, может, и с динозавров. У кого мозги поэта. Или динозавра. Что, по сути, одно и то же.

– А как ее применять к прозе, эту твою формулу?

– Очень просто. Возьмем для примера что-нибудь классическое, вроде «Анны Карениной». Здесь $\sum_{i=1}^{n}(x_i)$ – сумма отдельных нравственных уроков, вытекающих из текста романа, а его общий смысл (X) в том, что нельзя изменять мужу…

– Иначе попадешь под поезд.

– И вообще, нечего шастать по вокзалам. В рабочее время.

– По-моему, она бросилась вечером.

– Ну, если отработала смену, убрала инструменты, протерла станок, тогда можно.

– Значит, основной поэтический смысл формируется в образах?

– Да, это сумма поэтичности кластеров $\sum_{i=1}^{n}(x_i)$. Кстати, есть хороший пример стихотворения, в котором общего поэтического смысла вообще нет. Помнишь, у Высоцкого: «А у дельфина вспорото брюхо винтом. Выстрела в спину не ожидал никто». Каждая фраза имеет конкретный смысл, но логически они не связаны.

– Такие стихи называются стансами. По-нашему, это частушки.

– Не думаю, что Высоцкий хотел писать частушки. Но в целом эти логически не связанные образы создают тревожное настроение…

– Это настроение каждой отдельной фразы. Суммарно ничего нового не появляется.

– «Но парус, порвали парус! Каюсь, каюсь, каюсь». Классное стихотворение!

– Согласен. Итак, чем больше поэтического смысла в стихах

$\left(\sum_{i=1}^{n}(x_i)+X\right)$, тем выше их качество. Значит, из формулы (4) можно вывести коэффициент поэтичности стихотворения – как отношение его поэтического смысла к суммарному смыслу стиха Y:

$$E=\left(\sum_{i=1}^{n}(x_i)+X\right)\Big/Y \qquad (5)$$

Очевидно, что E изменяется в интервале от 0 до 1.

– А как ты измеришь величину этих иксов? Думаю, это не по силам всему прогрессивному человечеству.

– Нэдаацэнка прагрэсивнава чэлавэчества эта палитычэская ашибка, таварищ Бухарин…

– Слушай, а ведь эти твои дурацкие формулы – готовая диссертация по литературоведению. Добавить примеров, приправить словоблудием, перемешать, и блюдо готово. Можно защищаться.

– Ну и давай, действуй. Разрешаю. Дарю. Станешь доктором искусствоведения.

– Спасибо. Если уж совсем жизнь не сложится…

– Еще как сложится! Будешь публиковать статьи и монографии, участвовать в конгрессах, ездить в загранкомандировки…

– Не смогу я в мировом масштабе, Василий Иваныч. Языков не знаю.

– Сможешь, Петька! Боец ты бравый – не подведешь. Наберешь апломба, отпустишь бородку, повяжешь шейный платок, будешь преподавать в Литературном институте, консультировать юных поэтесс – и на кафедре, и на дому…

– Эх, и жизнь будет, Василий Иваныч! Помирать не надо.

– Так за то и бьемся, Петька, кровя проливаем.

– Значит, можно поверить алгеброй гармонию?

– Любые выявленные закономерности могут и должны быть формализованы. Чтобы не плутать в тумане невежества.

– Что-то я сомневаюсь в пользе всей этой алгебры. Поэтам она точно не нужна.

– Скорее, недоступна. А ведь даже ее поверхностный анализ приводит к интересным выводам. Например, из формулы поэтической эффективности следует, что максимальная

лирическая сила достигается при минимальном количестве слов в стихе.

– Да, пожалуй. Чем длиннее стихотворение, тем оно скучнее…

– Естественно! Ты же сам говорил про квинтэссенцию.

– А ты знаешь, такие стихи есть! Это японские хокку. Слышал? Не понравилось? Ну, что ты! Непревзойденные образцы поэтичности. Правда, они нерифмованные. В японской поэзии вообще нет рифм. Из-за специфики языка. Зато, какая образность! Яркое подтверждение того, что поэзия и стихи не одно и то же. Погоди, у меня есть небольшой сборник. Вот, открываю на любой странице:

«Метелка травы.
Бьется, бьется, дрожит под ветром
ее сердечко».

Видишь, как тонко передается осеннее одиночество? Или вот, зимний пейзаж:

«Тает снег.
Туманом окутаны горы.
Каркает ворона».

– Ну, туман, ну, ворона. И что тут такого?

– Неужели не чувствуешь? Бывает зимой такая оттепель: серый-серый день, беззвучный туман, и вдруг одинокий крик вороны, только подчеркивающий тишину…

– Тоскливо.

– Не тоскливо, а красиво! Красота разлита в природе, во всех ее проявлениях. Нужно только ее увидеть. Японцы это умеют. Вот послушай, здесь уже другая интонация:

«Весенний ветер.
Журча, меж полей ячменных
Бежит ручеек».

Вспомни этот первый весенний ветер, свежий, волнующий, этот блеск и журчание талой воды…

– Это слишком тонко. Что-то не проникаюсь я этой лирикой.

– А я просто балдею! Конечно, не все здесь нам близко — и страна другая, и времена далекие. Но сколько чувства в трех

строчках, в этих простых словах:

«Старый дом опустел,
Но, как прежде, поет на закате
Цикада подле ворот».

Здесь и грусть о безвозвратно ушедших временах и о тех, кто жил в этом доме, к чему-то стремился, любил, радовался и грустил, и тоже исчез навсегда. И ощущение вечности природы, которая и после нашего ухода будет все так же шелестеть летним дождем, звенеть птичьими голосами в глубине весеннего леса, укрывать первым снегом золото опавшей листвы. Вот она, настоящая поэзия!

– И вот так вникать в каждую строчку?

– Настоящая поэзия требует внимания, отрешенности. Но потраченного на нее времени не жаль. Потому что это лучшие моменты жизни. Вот еще одно, знаменитое:

«Наступила весна.
Снова тает лед на реке,
Только не тает снег на моих висках».

Правда, здорово? Тут и объяснять ничего не надо.

– Боюсь, что надо. Мы тут одному сотруднику, книголюбу, знатоку литературы, купили в подарок томик японского поэта Басё. А перед этим из любопытства решили заглянуть в него…

– Ну и как? Оценили восточную поэзию?

– Ты что! Ржачка была неописуемая! Особый эффект произвело одно хокку, что-то вроде: тихо-тихо ползет улитка, от подножия Фудзи до самой вершины. Народ просто отпал.

– Басё, наверно, и не мечтал о таком успехе. Что через сотни лет в далекой северной стране его лирикой будут наслаждаться советские энергетики. В перекурах.

– Там один мужик все сокрушался, как раньше мог жить без Басё? Мол, полжизни прошло впустую. А другой признался, что от Басё он внутренне переродился, и вообще, пора завязывать с выпивкой. Третий жаловался, что проклятый быт засосал, не дает погрузиться в лирику Басё. В итоге все согласились, что без Басё жизнь советского человека ущербна. А потом вообще пошла крамола: лучше бы на политзанятиях изучать произведения товарища Басё, а не товарища Л. И. Брежнева…

– Ужас! И кто разрешил напечатать эту антисоветчину?

– Агенты японского империализма.

– Явно идеологическая диверсия. Но мне интересно другое: как удается перевести с японского этот самый поэтический смысл? И чувствуем ли мы красоту этих хокку так же, как сами японцы?

– Думаю, что да. Это же дословный перевод, не нужно мучиться с рифмами.

– А мне переводные стихи никогда не нравились, даже знаменитых поэтов. Не трогают они, не берут за душу. Даже удивительно, с чего они там балдеют от своих Петрарок, Гейне, Вийонов…

– Так для этого нужно быть итальянцем. Или хотя бы французом. На крайний случай немцем. Родиться и вырасти в Вероне или в Андалузии. В Нижней Саксонии, а не в Нижнем Новгороде.

– «Гренадская волость в Испании есть».

– Вот именно. Поэзия имеет глубинные корни, воспринимается на подсознательном уровне. Она адресуется к личным впечатлениям человека, к полузабытым воспоминаниям детства. Которые у них там свои, особые. В их Бургундии или Ломбардии. А нам это не знакомо, поэтому и отзыва нет.

– А перевод Лермонтова из Гете? «Не пылит дорога, не дрожат листы, подожди немного, отдохнешь и ты»…

– Исключение из правил. Потому что делал великий поэт. Потому что переводил не слова, а дух стиха. Это самостоятельное художественное произведение. Кстати, по этой же причине иностранцы не понимают наших поэтов. Даже великого Пушкина. Ну, как ты передашь испанцу наш зимний пейзаж:

«Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце снег лежит.
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит…»?

Разве они могут понять эту красоту? С этим нужно родиться, в этом вырасти. Это же все наше, родное: «веселым треском трещит затопленная печь…», «мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед…». Читаешь, и оторваться невозможно. Душа отзывается сразу. Словно живые, встают в памяти картины родной природы, а на сердце чистая радость…

– Это верно. Мы это нутром чувствуем.

– А для них это просто набор слов. Но какая красота, какое чудо! Разве можно простыми словами вызвать в человеке приступ

счастья? Оказывается, можно. Если ты гений. Ай да Пушкин, ай да сукин сын! А это волшебное: «У Лукоморья дуб зеленый…»?

– Дело не только в особенностях природы. Тот же «Евгений Онегин» в переводе, без красоты стиха, не представляет собой большой ценности. Поэтому иностранцы ничего особенного в нем не находят. Банальная история, что-то вторичное, в духе Байрона…

– Тебе и Пушкин не угодил?

– Объективно говоря, и он понаписал немало ерунды…

– Ты что, умом рехнулся?!

– Если копнуть глубже школьной программы.

– А ты глубоко копнул?

– А это и не понадобилось. Почитал немного, причем без всякого злого умысла, просто от скуки. Оказался как-то в одном приличном доме. Все на высшем уровне — и квартира, и мебель, и, конечно, библиотека. Причем, без этой детективной вульгарщины, из развлекательной только детские книги. В основном — классика, солидные собрания сочинений…

– А что ты делал в этом приличном доме?

– Ну, проснулся я там! Родители ее уехали отдыхать…

– Понятно. В приличном доме с неприличными целями.

– Зависть — плохое чувство, юноша. В общем, пока она готовила завтрак, перебирал книги на полках. Заметил собрание Пушкина, академическое, сталинское, 37-го года. Солидные кирпичи песочного цвета, с тиснением на обложке. Вытащил полистать первый том. Но долго не продержался. Какие-то Дафнисы, Киприды, Афродиты. Нимфы вперемешку с фавнами и купидонами:

«Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза,
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза…».

Что за Кифера? Какой Пафос? Кому это нужно?

– Да это же учебно-тренировочные стихи! В лицее Саше Пушкину давали такие домашние задания. На античную тематику. Он их писал в возрасте школьника. Но и эти юношеские стихи безупречны.

– Нет, сейчас нужно писать иначе! Свежо, актуально, остро:

Вотще Киферу и Пафос
Ждет подмосковный наш колхоз –
Копать лопатою навоз
В сорокаградусный мороз!

– Ну вот, уже и Пушкина опошлил.

– А Пушкин сам был далеко не ангел. Чего стоит его «Гавриилиада»! Так осмеять религиозные святыни. Креста на нем нет!

– Даже в те далекие времена непорочное зачатие вызывало сомнения у просвещенной части населения…

– Но не издевательства! Да и по жизни Пушкин был охальником. Говорят, как-то на пикнике отошел в заросли по малому делу. Дамы кричат ему: «Пушкин, где вы, где вы?!», а он отвечает в свойственной ему поэтической манере: «А вот, во мху я по колено!».

– Это анекдот. Но в творчестве он был безупречен.

– А помнишь «Памятник»? Тебя в нем ничего не смущает?

– Стихотворение совершенное, как и все, что написал Пушкин. И в нем он смело и открыто заявляет о своем поэтическом величии.

– Правильно, в первых четырех строфах. А при чем здесь финал:

«Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца»?

– Гениальная строфа!

– Но по смыслу она никак не связана с предыдущими. У нее самостоятельное значение. Ее и цитируют без всякой связи с «Памятником». Потому что она в «Памятнике» лишняя.

– Не тебе судить гения!

– А кому же еще? Кто еще на это отважится?

– Да уж. По степени наглости вряд ли…

– Мерси. И я не обязан пасти священных коров, как некоторые. Понятно, что Пушкин наше все. Но есть и более древняя мудрость: не сотвори кумира. Ибо слепая вера лишает разума.

– Но речь идет о поэзии! Здесь не все постижимо умом.

– Вот-вот. Поэтому и понаписано столько уму непостижимого. Кстати, сам Пушкин тоже критиковал великих. Например, не

любил философского скептицизма и художественной бесстрастности Гёте.

– И правильно делал!

– И с логикой у Пушкина было не все в порядке. Взять хотя бы его высказывания о счастье. Вначале он повторяет мысль Шатобриана: «Привычка свыше нам дана: замена счастию она», а в письме Онегина к Татьяне дает другую интерпретацию: «Я думал: вольность и покой замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!». Чему верить?

– Слова героя это не обязательно авторская позиция.

– Но четыре года спустя в одном из стихотворений Пушкин снова заявляет: «На свете счастья нет, но есть покой и воля!».

– Это нормально. Взгляды людей меняются на протяжении жизни. А «Евгений Онегин», на которого ты наехал, это великое произведение. Вершина творчества Пушкина.

– Вершина творчества Пушкина – «Борис Годунов» и маленькие трагедии. А «Онегин» – самое несовершенное из его произведений.

– Ты что, с ума сошел?

– Это вообще какой-то непостижимый феномен в наследии гения. Кое-как скроенное лоскутное одеяло с многочисленными дырами и прорехами…

– Что ты несешь?!

– И не я один. Цветаева тоже признавалась, что «Евгения Онегина» не любила никогда. И это неудивительно. Все крупные вещи Пушкина – поэмы, сказки, драмы – законченные, изящные, глубокие, воистину совершенные произведения. Все, кроме одного.

– Бред! Это цельное и связное повествование.

– Сколько же штампов в человеческих мозгах! Никто не читает первоисточников, никто не хочет думать. Да ты открой «Онегина»!

«Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона…

.....

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам

Элегии венок убогой,
И нашей братье рифмачам
Кричит: да перестаньте плакать,
И все одно и то же квакать».

И так далее. Что тут ценного? Зачем это нужно?

– Все, написанное Пушкиным, бесценно! По словам Белинского, у Пушкина никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего. Авторские размышления в «Онегине» разобраны на цитаты.

– Конечно, в чем-то Белинский прав. Какого бы предмета ни коснулась волшебная рука Пушкина, она его украшает. Но знаменитая фраза насчет энциклопедии русской жизни – полная ерунда…

– Ничего себе!

– А что там особенного? Сюжет примитивный – отношения Татьяны и Онегина, плюс трагедия Ленского. А что еще? Описание развратной светской тусовки да несколько картин уездного дворянского быта. И это вся русская жизнь начала XIX-го века? Сам подумай, неужели только этим жила Россия? А политика, а экономика, а дипломатия? А военное дело? И наука в те годы развивалась, и техника, и агрономия. Но Пушкин в этом ничего не понимал. И не интересовался. Как и сам Белинский.

– Допустим, не энциклопедия. Но это великая повесть о жизни и смерти, о любви. Там и драматизм, и психология, и бытовые подробности, и пейзажные зарисовки. Помнишь: «Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»?

– Как не помнить – школьная программа! Чистая ностальгия: «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед»…

– Ну вот! Это же сами по себе гениальные стихи.

– О том и речь. Напихал каких-то обрезков, в ирландское рагу…

– Ну, ты совсем ошалел!

– Да он сам это признает. Помнишь, насчет собранья пестрых глав? «Онегин» действительно напоминает полуфабрикат. В тексте множество пропусков, ненаписанных, но пронумерованных строф.

– Он сознательно не хотел скрывать пропущенных мест.

– Но зачем? Собирался дописать позже? Так почему не дописал? А если решил не дописывать, зачем оставил номера? Вот яркий пример логики поэта.

– Отсутствие этих фрагментов не мешает общему восприятию…

– Но говорит о том, насколько автору не удалось реализовать замысел. Мало того, в опубликованном тексте остались даже недописанные строки. Как в черновике. Это уму непостижимо! В наше время ни один нормальный редактор не пропустил бы такое «великое» произведение в печать.

– Но оно великое!

– Да, великое несовершенное произведение. Великая заготовка. Пушкин сам признавался, что пропущенные строфы неоднократно подавали повод к насмешкам. И даже соглашался с критиками, что надо бы «переправлять и сплавливать» строфы, «но виноват, на это я слишком ленив». Представляешь? Восхищенные потомки с трепетом перелистывают страницы «Онегина», а гению, оказывается, было лень дописать строчку…

– Но какие живые образы! Какое мастерство! Разве можно поставить рядом хоть кого-то из современников? И даже из потомков?

– Конечно, нельзя. Пушкина можно сравнивать только с Пушкиным. Давай возьмем для этого какую-нибудь другую его поэму. Например, неоцененную современниками «Полтаву». Это шедевр, однозначно. Даже удивительно, как удалось в небольшом произведении отразить такую масштабную картину. Не читал? Зря. Сильная, трагическая история. Гетман Мазепа, бывший соратник Петра Первого, хотел самостоятельного править Украиной, независимо от Москвы. Для этого он вступил в тайный союз с поляками и шведским королем Карлом — врагами России. Кочубей, бывший друг Мазепы, в отместку за совращение дочери донес об этом Петру. Но Петр ему не поверил и отдал в руки гетмана, на позор и погибель…

– И чем это лучше? Зарифмованные исторические хроники.

– Да нет же! Содержание поэмы глубоко и неоднозначно. Кем был Мазепа? Предателем или борцом за независимость Украины? А казненный им доносчик Кочубей? Ведь потом, когда начался мятеж Мазепы против России, Петр понял свою ошибку и плакал, как пишет Пушкин, вместе с родственниками погубленного им Кочубея. Какая драма, какие страсти! А само противостояние Петра и Карла? Если бы в Полтавской битве победил не Петр, а Карл вместе с Мазепой, история России и Европы могла пойти по другому пути…

– Ну, это можно сказать обо всех великих битвах.

– И Пушкин это прекрасно показал в «Полтаве».

– А Чайковский написал на оба сюжета оперы. Но его «Мазепа» малоизвестна, а «Онегин» знаменит. Почему?

– Не знаю. Знаю только, что «Полтава» намного превосходит его масштабом и глубиной содержания. Не говоря уже о

цельности и качестве отделки. В сравнении с ней неряшливый и многословный «Онегин» однозначно проигрывает.

– Ну, если судить по гамбургскому счету…

– Нет, извини! Этого мало. Пушкина нужно судить по более высокому счету – по болдинскому. Как, впрочем, и остальных поэтов.

– Может, возьмешься дописать за гения?

– Меня поражает, что это не сделано до сих пор.

– Слабо, значит?

– Элементарно!

– Спорим! На бутылку.

– Давай!

– Но, я смотрю, ты глубоко изучил это великое произведение.

– Да, в той культурной квартире бывал неоднократно.

– Для литературных дискуссий? В постели? И что, изящная словесность действительно облагораживает интимные отношения?

– Не надо трогать грязными лапами светлое чувство…

– Любви к поэзии? Понятно. Непонятно, чем бедный «Онегин» так тебя раздражает…

– Да он даже сюжетно не завершен! Не зная, что делать с главным героем, Пушкин бросил его, как ребенок надоевшую игрушку…

– Наоборот! Это настоящий художественный прорыв – и недосказанность сюжета, и стилистика романа. Этим самым Пушкин заглянул на столетие вперед, в эпоху импрессионизма. Он заставляет читателя самого задуматься о будущем Евгения…

– Да ерунда это все! Дешевые отмазки. Известно, что он собирался закончить его жизненный путь гибелью на Кавказе или выходом на Сенатскую площадь. Но и это осталось лишь в планах…

– Он был вынужден уничтожить смертельно опасную декабристскую главу романа…

– Лучше бы уничтожил самого Онегина, этого подонка.

– Ну, почему подонка? Яркая, нетривиальная личность. Скептический эгоист, герой байроновского типа, противопоставленный автором косному обществу той эпохи…

– Да он продукт этого «высшего» общества! Тщеславный эгоист, из пресыщенной «золотой» молодежи. Поверхностный, циничный, «забав и роскоши дитя», «среди вседневных наслаждений». По три часа сидел перед зеркалом! Ты можешь себе это представить?

– Усидчивость, конечно, редкая…

– Тварь он редкая! А эта его гипертрофированная

безнравственность? В «осьмнадцать» лет давать уроки любви светским дамам? На которых, как известно, пробы негде ставить. Демонизируя героя, Пушкин явно поступился достоверностью…

– Но ведь он разочаровался в светской жизни!

– Ну и что? Все равно ничем не занялся. Этому бездельнику любые занятия были в тягость. Только стишки да эпиграммы сочинял.

– И в этом тоже его беда. Способным людям, чтобы проявить себя, нужны какие-то большие дела, высокие цели…

– Какой же масштаб ему был нужен? Наполеоновский? Управлять судьбами народов? Его реальная ценность ничтожна в сравнении с претензиями. Все эти Онегины и Печорины – пустоцвет, никакой от них пользы. Только несчастья приносят окружающим.

– Да, это трагические фигуры.

– Трагические? Ничтожные!

– А умная и тонкая Татьяна влюбилась в Онегина без ума.

– И это не диво. Подвернулся хоть кто-то в сельской глуши. К тому же молодой, красноречивый, со светским лоском. Это было помрачение, любовный дурман. Такое случается сплошь и рядом: приличные девушки выбирают всяких прощелыг, а романтичные юноши, вроде Ленского – пустых, жеманных девиц.

– Но ведь Онегин проявил благородство…

– Глупость, а не благородство! О чем потом сожалел. Такое в жизни бывает. Все люди ошибаются. Благородные люди иногда поступают некрасиво, к своему стыду. А негодяи, наоборот, нечаянно совершают добрые дела и тоже об этом сожалеют.

– Ну, почему сожалеют? Добрые дела тоже бывают выгодными.

– Вот именно. А убийство Ленского на дуэли? Дикое, безжалостное. За что? У этого циника, видите ли, вызвало раздражение мещанское счастье друга. И он дал волю своей низменной натуре: «поклялся Ленского взбесить» на уездном балу. Повел себя самым подлым образом, дискредитировал невесту и поставил на карту свою жизнь и жизнь друга. И потом, на дуэли, прекрасно понимая свою вину, все же поднял пистолет. Мерзавец!

– Не все так просто…

– По-моему, это самое сильное место романа. Щемящая нота потери, исчезновения, несвершенности. Тема высшей несправедливости – необязательной смерти. Пушкин поразительно точно передает детали драмы и психологию героев. Особенно трогает описание последних часов жизни Ленского, его встречи с Ольгой накануне дуэли. Вдруг оказалось: то, что для

него стало вопросом жизни и смерти, для нее было случайным эпизодом, невинным развлечением в скуке уездной жизни. Провинциальной девушке польстило внимание Онегина, таинственного затворника. Она слегка заигралась — ничего серьезного. И вот Ленский с горечью и растерянностью осознает пустячность повода, ненужность дуэли. Ведь достаточно было выяснить отношения в тот же вечер…

– Но затронута честь, и нет пути назад.

– Да, в этом все дело. Но Ленский ничем не выдает трагичности ситуации. Обыденность всего происходящего просто потрясает! Какие-то незначительные разговоры, бытовые дела, банальные слова. О чем? Зачем?! Если через несколько часов тебя не станет! Весь мир, абсолютно все исчезнет! Навсегда!

– Но для других людей идет обычная жизнь.

– Да, это так. И Ленский уезжает, так и не открыв ей душу:

«…Сжалось
В нем сердце, полное тоской;
Прощаясь с девой молодой,
Оно как будто разрывалось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — Так. — И на крыльцо».

А потом сама дуэль: обычный зимний день, невзрачный пейзаж, тяжесть поднимаемого пистолета — все ненужное, нереальное, страшное в своей свинцовой простоте и неизбежности. И вдох холодного воздуха — последний миг молодой, на самом взлете жизни. Нажатый спуск, отдача, громкий хлопок, и стая взлетевших с криком ворон. И все. Не будет ни свадьбы, ни счастья, ни стихов. Ни самой жизни. Ничего!

– Но как гениально это передал Пушкин!

– Да, гений, конечно, гений! Но сейчас речь идет о подлости Онегина. Он же убил не только своего приятеля, но и его талант. Ведь не было никакой неизбежности! Вот что дико. Жизнь Ленского была в его руках. Отбросить в сторону пистолет, шагнуть навстречу, повиниться, обнять друга — что помешало ему сделать это? Тем более что он прекрасно понимал и свою неправоту, и простительную вспыльчивость юного поэта. Но он не сделал этого!

– Ты думаешь, он убил его сознательно? Из зависти к таланту?

– Весь ужас в том, что повод был намного мельче. Сука-честь — она во всем виновата. Онегин был ее заложником: «Но дико светская вражда боится ложного стыда». Условности света:

«шепот, хохотня глупцов. И вот общественное мненье! Пружина чести, наш кумир!». Ведь на дуэли был свидетель, Зарецкий, эта кровожадная тварь. Негодяй, которому хотелось устроить острое развлечение себе и скучающей уездной публике. Который умышленно вел дело к трагическому исходу. Именно его выбрал в секунданты вспыльчивый Ленский, лишив себя и Онегина шансов на примирение.

– Но почему для Онегина было так значимо мнение этих людей? Ведь он считал себя выше этих жалких провинциалов.

– Потому что наша честь — в устах нашего окружения. А честь была главной ценностью в жизни Онегина. Ведь он сам был никем и ничем. Ни на что не годный ум, душевная пустота, ничем не подкрепленные амбиции. Потеряв честь, он терял все, превращался в полное ничтожество. Каковым, по сути, и был.

– А Ленский?

– Он не мог первым сделать шаг к примирению. Это значило бы признать право любого мерзавца оскорблять себя. Развитие событий от него уже не зависело.

– Но стоило ли доводить до этого? Может, Ленский погорячился с этим вызовом?

– У Ленского не было выхода. Ведь он защищал не только свою честь, но и честь невесты. Это была единственно возможная реакция на оскорбление.

– Да, не зря государи запрещали дуэли…

– Чтобы безрассудные подданные не ставили на карту не только жизнь, но и свой дар, полученный свыше: «Быть может, он для блага мира иль хоть для славы был рожден». Но главная несправедливость в том, что Онегин не понес никакого наказания за это убийство. А Ленский, наоборот, был наказан еще раз, посмертно. Его признали самоубийцей и похоронили, как недостойного, вне кладбища. То есть, убили еще раз! Убили его чистую душу, надругались над памятью честного человека. Это чудовищно!

– Победителей не судят.

– Да, это так. Победители судят побежденных. Это жестокая реальность мира. Победитель прав, даже если он тысячу раз неправ! Прав какой-то метафизической, ни от чего не зависящей правотой. Правотой оставшегося в живых. И оказывается, это самое главное. Но разве можно после этого говорить о какой-то высшей справедливости? Когда зло — дикая, грубая сила или дьявольская хитрость и подлость — побеждает и торжествует над добром? Этого я не понимаю. И не принимаю. Не могу простить ни Богу, ни природе…

– И как быстро забыла о нем та, за чью честь он отдал свою

молодую жизнь!

– Так погибли многие талантливые люди. Был такой гениальный математик Галуа, убитый на дуэли в юном возрасте. Как и Лермонтов. Такая же судьба постигла самого Пушкина. Высоцкий тоже кидался в драку, не задумываясь. В защиту эфемерной чести…

– А может, правильнее было бы сдержаться, подавить гнев, задушить суку-честь?

– Нельзя. Иначе они перестали бы себя уважать. В такие моменты не до размышлений. Бывают ситуации, когда приходится принимать бой. В конфликте с подлецом честный человек не может ни опускаться до его уровня, ни уступать, ни прощать оскорбления…

– А если это специально подстроенная ловушка? Провокация. Ведь случалось и такое. Может, стоит просто обматерить эту сволочь и выйти, хлопнув дверью, сорвав планы заговорщиков. И плевать на досужие разговоры!

– В те времена других вариантов не было. Дворяне обязаны были защищать свою честь — вызывать на дуэль и принимать вызов. От равных по сословию.

– А от неравных?

– Защищали слуги. А еще у знати было право на личное оружие, для самообороны. Но каков негодяй Онегин! Самовлюбленное ничтожество! Подонок — с первых до последних строк романа. Начиная с издевательского отношения к умирающему дяде и заканчивая попытками совратить Татьяну, замужнюю женщину.

– Ну, ты слишком серьезно его судишь. Есть мнение, что «Онегин» это вообще сатирическое произведение. Таким его сначала замыслил Пушкин, таким его считала и Ахматова…

– Ничего себе шуточки: «Когда же чорт возьмет тебя?»! Меня всегда коробила эта насмешка над умирающим человеком. И, вообще, непонятно, как Пушкин может симпатизировать Онегину? Это характеризует уже его самого…

– Известно, что он открещивался от прямых аналогий.

– Но ведь сам признается, что любит своего героя, что нашел в нем родственную душу. Фраза «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей» явно авторская. Она очень о многом говорит. О чем? О той же неистребимой гордыне. О том, что он тоже не прощал обывателям их человеческих слабостей. Сколько эпиграмм написал сам Пушкин, скольких людей обидел!

– И многих заслуженно.

– Но за что такие гордецы презирают окружающих? За то, что люди несовершенны? А разве сами они безгрешны? В этих

высокомерных снобах не было ни сочувствия, ни христианского смирения. Дьявольская гордыня терзала их души. Ты только послушай:

«Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!
Еще приятнее в молчанье
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстоянье…».

Видишь, что ему было приятно? Разве это человеколюбие? А ведь это собственное мнение Пушкина!

– А как издевались над ним! Кто-то из современников писал, что, впервые увидев Пушкина, был поражен его сходством с «обезианою». Представляешь, что о нем говорили за спиной?

– Выходит, гений и злодейство совместимы? О чем же он тогда вопрошает в «Моцарте и Сальери»?

– Значит, не был уверен. Искал ответ в истории, у великих.

– Это и так ясно. Ничто не мешает гению быть злодеем.

– А Сократ считал, что культура интеллекта может сделать людей добрыми.

– Сократ не прав. Таланты и умения никак не связаны с нравственностью. Это разные свойства человеческой натуры. Кто такой злодей? Вампир с клыками? Нет, обычный внешне человек, наш современник. Только мыслящий иначе. Решивший, что нравственные и прочие ограничения его не касаются. Настолько высокомерный тип или, наоборот, звероподобный выродок, что жизнь другого человека для него не представляет ценности. Который может спокойно «ему готовить честный гроб и тихо целить в бледный лоб». А в основе этой гордыни психология сверхчеловека. Байрон их всех заразил, этой детской болезнью. А Ницше потом усугубил. И эта болезнь многих привела к летальному исходу. И Лермонтов ею страдал, вместе с героем своего времени. Тоже убийцей, кстати.

– Ты сгущаешь краски. Стихотворные строки это не злодейство.

– Но это готовность к нему. Преступник это внутреннее

состояние. Мы и представить не можем, сколько вокруг скрытых злодеев.

– Ну ладно, не будем о грустном. А как, по-твоему, могла сложиться дальнейшая судьба Онегина?

– Да никак! Все, что смог придумать Пушкин, это отправить его в бессмысленные путешествия. Козе понятно, что это пустое дело. И получился скучный путеводитель по туристическим достопримечательностям, поверхностные описания быта и нравов. Да и с самим Онегиным ничего интересного не происходит. Похоже, Пушкин сам видел слабость этой главы и решил не включать ее в основной текст романа. Правда, все же опубликовал. Наверное, нуждался в деньгах. И десятая, политическая, глава, судя по сохранившимся отрывкам, была ничем не лучше. В общем, Пушкин так и не смог довести до ума свое самое масштабное творение.

– И ты даже знаешь почему?

– Конечно! Потому что это единственное крупное произведение, сюжет которого он придумал сам, а не взял со стороны. Положил в основу настолько вторичный в байроновские времена образ, что его впору рассматривать как пародию. С самого рождения это было ущербное дитя. И писал он его без системы. Уходил в детали, а важное пропускал. А потом просто махнул рукой…

– Нет! Он хотел его доработать. Но, похоже, не было возможности, обстоятельства не сложились.

– А ведь занимался им как ничем другим, на протяжении почти восьми лет. Мешали другие замыслы? Не хватало времени, сил, терпения? Скорее всего, силы воли. Ведь ему всегда все давалось легко. А здесь нужно было капитально засесть, перетряхнуть роман, выбросить лишнее, дописать недостающее. Легко не получилось, и он отступил. Я думаю, просто не осилил, не потянул…

– Господь с тобой!

– Это была главная неудача всей творческой жизни Пушкина.

– За эти слова Белинский вызвал бы тебя на дуэль.

– А я бы охотно принял вызов. При одном условии: чтобы по ее итогам на моей могиле было написано: «Он пал в бою за истину».

– А на могиле Белинского: «Он пал в бою за честь Пушкина». И кого больше оценят потомки? Впрочем, они тебя и без того распнут.

– Я думаю, Пушкин и сам чувствовал, что не может писать на прежнем уровне. Поэтому в последние годы и занимался прозой…

– Многие с возрастом переходят на прозу. Это естественно.

– Потому что неестественно писать романы стихами. Наверное, и Пушкину надоело рифмовать то, что можно сказать простой речью. Впрочем, прозаик из него вышел посредственный. Ну, что такое «Капитанская дочка»? Хроники времен пугачевского бунта. Написать такое мог кто угодно…

– Ты что?! Проза Пушкина признана высокохудожественной.

– А у меня еще со школы вызывала скуку. Да и название какое-то несуразное. Почему «капитанская», почему «дочка»? «Дочь капитана» звучит лучше. Но все равно сбивает на морскую тематику. Там же речь идет о приключениях дворянина Гринева в оренбургских степях. Почему бы так ее и не назвать? А я бы назвал еще проще: «Заячий тулуп».

– Ну, ты вообще обнаглел!

– А недавно перечитал «Дубровского». Так себе, средней руки беллетристика. Да, безупречная, и сюжетно, и стилистически. Но ведь сухая, пресная. Как милицейский протокол. Зря он на это время тратил. Лучше бы доработал своего «Онегина». Писать прозу, как Пушкин, могут многие, но стихи, как Пушкин, никто.

– А повести Белкина? Нет, Пушкин был гениален во всем.

– Эту ошибку, кстати, допускают многие поэты. Может, считают стихосложение несерьезным занятием? Но мне не встречался человек, который бы восхищался «Доктором Живаго». И за что там было давать Нобелевскую премию? То же самое можно сказать и о прозе Окуджавы. По-моему, его песенка о том, как он сочинял исторический роман, намного интереснее, чем сам роман…

– Что-то ты раздухарился, на ночь глядя. Какая еще фигура достойна твоей дубины? Может, замахнешься на Вильяма Шекспира?

– Нет, его я уважаю. Величайший писатель всех времен и народов. Правда, его сонеты для нас уже скучноваты…

– А кого еще уважаешь?

– Это разговор долгий, а время позднее. Давай в другой раз.

Ну и ну! Просто нет слов. Какое хамство по отношению к классике! Никакого почтения к гениям, ничего святого. Вон как наехал на Пушкина, просто раздолбал «Онегина». Ввалился в поэзию, как слон в посудную лавку. С этими своими дурацкими кластерами. Гляди-ка, поверил алгеброй гармонию! Применил математику к тонким поэтическим материям. Не чувствуя поэзию, ничего в ней не понимая. Ну и наглец! И все же, все же… Что-то в этом есть. И ведь сделал все безупречно — комар носа не подточит. А может, математическая логика и впрямь лучше мутных литературоведческих анализов? Может, «физики» действительно сильнее «лириков» на их гуманитарном поле? Бог

его знает. Конечно, будь на моем месте специалист, он бы, наверное, отбил наскоки безграмотного дилетанта. А может, отбил бы ему еще что-нибудь – за издевательство над «солнцем русской поэзии». А что бы сделали с ним литературоведы! А учителя русской литературы! Страшно представить. Но если вдуматься, в чем-то он прав. Хотя бы в свежем взгляде на предмет. Ведь объективно говоря, роман Пушкина действительно произведение неровное. А сам Онегин однозначно неприятный тип. И Ленского жалко. Какая трагическая судьба! И как гениально это описал Пушкин!

Бывало, что он куда-то пропадал, не появляясь в общежитии неделю, а то и две, и объяснял это, без особых подробностей, служебными командировками. Но какие командировки могут быть у сторожа? Странно это, очень странно.

Драка на пляже

Иногда наши выходные дни были заняты какими-то делами, и на загородную базу времени не хватало. Тогда мы отправлялись на пляж городского озера. Здесь вода была похуже и песок не столь чист, но зато можно было вволю поиграть в волейбол. В разных местах пляжа перекидывались мячами отдыхающие в случайно собравшихся кружках. А завсегдатаи, мастеровитые игроки, собирались отдельно, на обустроенных площадках, с сеткой, с красивыми импортными мячами. Это были свои, постоянные компании, и войти в игру к этим профессионалам мог только человек очень уверенный в себе, волейболист соответствующего класса. Мало кто из случайных зрителей отваживался на это, не боясь опозориться. Я тоже не решался. А он выходил. И его сразу же, с первых ударов, признавали своим. Он отлично играл на всех позициях. У него было несколько отработанных подач: силовая — крюком, с разворотом из-за спины, и фирменная — в прыжке, с сильной боковой подрезкой, после которой отбитый противником мяч улетал в сторону. Игровое чутье и острая реакция помогали ему блокировать нападающие удары над сеткой и отражать их на задней линии. Я знаю мощь таких ударов, когда мяч буквально обжигает кожу рук. А он ухитрялся их принимать и оставлять над площадкой. Но особенно хорош он был в атаке. Он обладал редким и самым ценным качеством волейболиста — мощным высоким прыжком. Это природное свойство не зависит от роста и объема мышц. Мне приходилось видеть невысоких, худощавых ребят, которые, благодаря взрывному прыжку, успевали подняться над сеткой раньше высокорослых защитников и с высоты вколотить мяч в середину площадки. А в нем все это было от Бога — и рост, и сила, и скорость. Когда он получал хороший пас и взлетал над сеткой как туго натянутый лук, с эффектным разворотом корпуса и отведенной для удара рукой, им нельзя было не любоваться. А нанесенный в самой верхней точке удар, когда он от души вкладывался в него, просто сокрушал все на стороне противника.

Волейбол прекрасен! Я с детских лет любил спорт, с радостным нетерпением спешил на любую площадку, откуда доносился звон мяча и крики мальчишеских компаний. Включался в любые спортивные игры, но больше всего мне понравился волейбол. За его эстетику, за гармоничное сочетание мощи и ловкости, за полноценную нагрузку на все группы мышц, за разнообразие и неожиданность игровых ситуаций. За могучую силу ударов и невероятную реакцию при их приеме, за красивые и

неожиданные пасы, за отчаянные прыжки в попытке достать безнадежно уходящий мяч. И за то, что это иногда удается.

В тот день он был в ударе, и его команда обыгрывала всех. Полюбовавшись на игру мастеров, я отправился на любительскую площадку. Спортивный азарт увлекает, и время летит незаметно. Часа через полтора, наигравшись вволю, отправляемся купаться. Окунуться в прохладную влагу, словно шипящую на потных, разгорячённых телах — истинное блаженство! Свежесть воды смывает усталость, возвращает бодрость и энергию. Мы заплываем на середину озера, подальше от шумного пляжа, ныряем, кувыркаемся, отдыхаем на спине, глядя в безоблачное небо. Хорошо! В молодые годы такие простые телесные радости кажутся нам естественными и неизбывными, как сама молодость. И только с возрастом, теряя их вместе с иммунитетом, энергией и остротой ощущений, осознаем их истинную ценность. И то, что для счастья человеку не так уж много и нужно.

После купания неспешно прошлись по кромке берега, чтобы слегка обсохнуть, а заодно, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Отметив нескольких интересных людей, вернулись на свое место, растянулись на покрывалах, достали журналы и погрузились в чтение.

А солнце постепенно набирает силу, наливает тело истомой, журнал сам собой накрывает лицо, и сквозь дрёму все глуше слышится шум пляжа.

Через некоторое время он сказал:

– Что-то скучновато. Не развлечься ли нам, слегка? Заметил пару блондинок возле кустов? Одна в красном купальнике, другая в черном. Прямо по Стендалю. Идем знакомиться.

– Вот так, запросто? Нужен хоть какой-то повод.

– Ну, ты даешь! До сих пор в комплексах? Мучаешься, как бы подойти, что бы такое сказать поумнее?

– Честно говоря, есть какой-то барьер…

– В твоем цветущем возрасте? Стыдно, юноша!

– Ну, почему? Я тут недавно познакомился. Увидел на улице, в очереди за виноградом…

– Поздравляю! И как успехи? Установил контакт?

– Нет, сразу не получилось. Она была с подругами, потом зашли в общежитие…

– В соседнее? Ну, это вообще не проблема!

– На следующий день подкараулил, придумал какой-то повод, заговорил, узнал, как зовут, договорился пройтись вечером. Ну, прогулялись, поговорили. Правда, говорил в основном я, она больше молчала. И ответной реакции не было…

– Не бросилась на шею? Да как она смеет!

– Да ладно тебе!

– И что, не смог сразу обаять? Красноречием, умом, душевной тонкостью.

– В том-то и дело, что нет.

– Странно. Женщины любят ушами. Если мужчина ей интересен, она будет слушать любую чушь, которую тот несет. Хоть об устройстве карбюратора, хоть об устройстве Вселенной…

– И что, им это без разницы?

– Абсолютно! Потому что важны не слова мужчины, а его отношение к ней. В идеале нужно говорить какие-то приятные глупости. Конечно, из вежливости она вытерпит и твои философские измышления. Но ей нужно, чтобы ты увлекался ею, а не темой разговора. А ты, небось, обрушил на бедняжку всю мощь своего могучего интеллекта? Понятно. На первом же свидании изнасиловал девушку в интеллектуальной, то есть, извращенной форме.

– Но я же хотел заинтересовать, увлечь…

– Ну и дурак. Только запугал девицу. Вот уж действительно горе от ума. А стоит ли вообще овчинка выделки?

– Понимаешь, лицо красоты необыкновенной. Но словами не передашь…

– С первого взгляда, значит? Тяжелый случай. Сочувствую.

– Хуже всего, что интереса не проявила, к дальнейшим встречам. Вот что убивает…

– Скорее всего, в ее сердце хранится другой идеал. А ты ему не соответствуешь. Не герой ее романа. Обычное дело. Но это совершенно не смертельно. Живой человек может заместить воображаемый образ. Любой молодой, симпатичный, умный мужчина имеет шансы. В тебе все это есть? Есть-есть! Не отпирайся. Значит, ты вооружен и очень опасен. Для любой девицы. Она ведь тебя не прогнала, не отказалась от встреч?

– Нет.

– Значит, нужно проявить настойчивость. А неберущихся крепостей нет. Но будь осторожен. Мужчина не должен сломя голову бросаться в любовные приключения. Мы должны думать о последствиях. Если сильно увлечешься, сам не заметишь, как женишься. А оно тебе надо? Так что хорошенько подумай над своим поведением. А пока проведем практическое занятие. Сейчас будет импровизация мастера. Учись, студент!

Он легко вскочил на ноги, картинно потянулся, надел черные очки и, поигрывая всеми своими бицепсами и трицепсами, вальяжной походкой направился к избранным объектам. В своих узких плавках в красно-синюю полоску, с гривой золотистых волос, загорелым, мускулистым торсом, рельефным прессом и

тонкой талией он был поистине неотразим. Найдется ли крепость, которая устоит перед таким обаянием?

Вблизи девушки оказались еще эффектнее. Одна из них, в замысловатом, импортном, черно-белом купальнике и темных очках, загорала, раскинувшись в весьма фривольной позе. Другая возлежала на боку, покусывая травинку, и задумчиво глядела в сторону озера. Ее фигура в красном бикини изящно изгибалась от плеча к тонкой талии, эротично вздымалась высоким бедром и плавно убегала вниз стройной линией скрещенных ног. Девушка была вызывающе красива, красива какой-то недоступной кинематографической красотой. Я бы, конечно, никогда не решился заговорить с такой красоткой. А он без тени смущения подошел к парочке и, сияя своей ослепительной улыбкой, обратился к девушке в красном:

– Извините, девушка, вы не знаете, до какого времени работает пляж?

– По-моему, круглосуточно. А что, вам не хватает дневного времени? Или вы предпочитаете загорать ночью?

– Нам не до загара. Мы здесь при исполнении служебных обязанностей.

– И какие же обязанности исполняют на пляже атлетичные блондины в черных очках и плавках? Спасатели, что ли?

– Ну что вы! Все намного серьезнее. Разрешите представиться: тайная полиция нравов. Только вам и совершенно конфиденциально могу сообщить: сегодня на пляже проводится секретная операция по проверке нравственности у отдыхающего контингента…

– Интересно! Какая благородная миссия! А где же ваша форма, фуражки, портупеи?

– Мы здесь инкогнито. Маскируемся под местное население.

– С помощью очков и плавок?

– Да. И не имеем права снимать их ни при каких условиях.

– Очки или плавки?

– Очки, конечно. Но мне нравится ход ваших мыслей.

– А что, были случаи?

– Да, бывало. И вам мы можем раскрыть некоторые подробности. При условии неразглашения.

– Можете не сомневаться. Но подробности нас не интересуют.

– Жаль. Были забавные случаи. Когда снимали не то…

– Я себе это представляю. А почему вы решили начать с нас? Чем мы привлекли столь специфическое внимание?

– Ну что вы! Мы здесь с утра работаем. Уже почти весь пляж проверили. Даже устали.

– Глядя на вас, этого не скажешь. И каковы результаты?

– Они поистине удручающи.

– Странно. Вроде бы вокруг приличные люди. Если не считать вон ту шумную компанию…

– А это как раз единственное светлое пятно. Все остальные безнадежно добропорядочны. Воистину унылая картина.

– Ах, вот вы в каком смысле! И вы надеетесь найти здесь нечто противоположное? Тогда вы не по адресу. Вряд ли мы оправдаем ваши ожидания.

– Помилуйте, сударыня! Вы нас не так поняли. И в мыслях не было ничего такого, платонического…

– Кроме того, здесь есть кому позаботиться о нашей нравственности. Вон идут наши парни. Знакомиться будете? А, может, заодно и у них нравственность проверите?

– Ну что вы! В этом нет никакой необходимости. И без того понятно, что здесь с нравственностью полный порядок.

– Так и запишите.

– О чем речь! Если понадобится справка, обращайтесь в любое время. Желаем приятного отдыха.

– А вам трудовых успехов.

– Завершив изысканную беседу благородным кивком головы, он встал и неспешно направился к озеру. Я поплелся за ним. Некоторое время он молча шел вдоль кромки воды, оглядывая пляж, изредка наклоняясь и подбирая какие-то камешки. «Ага! Не все коту масленица. И на старуху бывает проруха» — со злорадством думал я. Словно угадав мои мысли, он спокойно сказал:

– Обыкновенная история. Бывает.

– А по-моему, это было похоже на другой роман того же автора. Под названием «Облом». И последовавший за ним «Обрыв». Читал?

– Не стоит драматизировать ситуацию. Никакого облома не было. И обрыва мы не допустим. Еще не вечер…

– Но понятно…

– Я вижу, ты в этих делах легко сливаешь воду. И зря. Запомни, студент: победители отличаются от проигравших умением держать удар. Неудачи закаляют сильных и убивают слабых. Ну что же, начнем воспитывать в тебе психологию победителя. Итак, делаем красивый вираж и заходим на следующую цель…

– Надеюсь, уже без проверки нравственности?

– Не в этом дело! Была нормальная импровизация. Просто дамочки уже укомплектованы, поэтому решили показать девичью гордость. А холостой выстрел был потому, что не заметили рядом с ними мужскую одежду. Ну и что? Здесь есть и другие объекты,

достойные внимания. Правда, с блондинками, похоже, сегодня не везет. Придется сменить козырную масть. Как тебе вон та парочка брюнеток, возле грибка?

– А повод придумал?

– Да вот этих камешков достаточно!

Он прикрыл камешки рукой и встряхнул. Послышался сухой звук. Удовлетворенно кивнув, он пересыпал их мне в ладони:

– Твоя задача потряхивать эти камешки, остальное за мной. Вперёд, на абордаж!

И он решительно направился к грибку. Одна из девушек загорала, прикрыв лицо широкополой шляпой из золотистой соломки, другая лежала в тени, подпирая голову рукой, и читала журнал «Юность». И прической, и алой лентой в черных волосах она очень напоминала актрису Наталью Варлей. Все с той же голливудской улыбкой он присел на корточки и обратился к девушке с журналом:

– Скажите, пожалуйста, здесь не пробегала белая собачка?

– Нет, мы не замечали.

– Жаль. О, я вижу у вас четвертый номер? Там интересный рассказ Арканова в конце. Еще не дочитали? А сейчас что читаете? Викторию Токареву? Мне очень понравилось.

– Мне тоже. А что это ваш приятель трясет в руках?

– А это он ритм отбивает, тренируется. Он ударник в нашей бит-группе. Мы сейчас готовим новую концертную программу и собираемся в круиз по черноморскому побережью. Да ладно, брось ты эти камешки. А я вижу, у вас красивый загар, крымский. Если не секрет, где отдыхали?

– Угадали, в Крыму. В Ливадии, недалеко от Ялты. Приходилось бывать?

– Нет, в Ливадии не был. Но теперь точно побываю. Значит, понравилось? Ну, вам можно только позавидовать.

– Это вам можно позавидовать. У вас море еще впереди.

– А ваша подруга, кажется, спит? Мы ей не мешаем?

– Ну, присаживайтесь, если уж разбудили…

Подруга, явно прислушивавшаяся к разговору, сделала вид, что проснулась, красиво повернулась, убрала с лица шляпу и с интересом взглянула на нас. Она тоже была брюнеткой, но более плотного телосложения, из тех ладных девушек, которых называют аппетитными. Знакомство состоялось без какой-либо заминки, мы разговорились, и даже придуманная им дурацкая собачка и несуществующая бит-группа уже никого не интересовали.

Общение было оживленным, и отношения развивались наилучшим образом, как вдруг громкий и какой-то жуткий

женский крик разорвал благостную атмосферу воскресного пляжа. Разговор прервался, все оглянулись в сторону крика. Метрах в пятидесяти от нас, у края воды, происходило какое-то нехорошее мельтешение, слышались выкрики, невнятные ругательства и неприятные шлепки. Группа людей, рассыпаясь и вновь схлестываясь, вертелась в бешеной пляске. Так и есть — драка. Ее неуместность и ненужность мгновенно испортила всем настроение. Солнечный день словно померк, а на лица девушек набежала тень досады и тревоги. Вновь послышался женский крик: «Он его топит! Мужчины! Помогите кто-нибудь!». Мы увидели, как метрах в десяти от берега толстый верзила, ухватив за волосы какого-то парня, окунал его голову в воду. Происходило что-то немыслимое, дикое: человека топили прямо на глазах у множества людей. И самым страшным было то, что обессилевший, пошатывающийся парень уже не мог ни сопротивляться, ни просить о помощи, лишь судорожно хватал воздух, когда его голова появлялась над водой. «Топи его, топи!» — орал с берега кто-то из компании толстяка. Дикость происходящего была совершенно ирреальной. Тишину застывшего пляжа нарушали только отвратительные звуки продолжавшейся драки. Снова раздался женский крик. Где-то заплакал испуганный ребенок. В группе дерущихся одна из сторон имела явный перевес. Трое худощавых парней, стоя спиной друг к другу, с трудом отбивались от наседавших на них противников, один из которых, мелкий, как шавка, вертелся вокруг них, тоже пытаясь ударить кого-нибудь. Иногда он отскакивал к воде и снова орал толстяку: «Топи его, топи!». Яркое солнце на голубом небе, плеск воды у берега и безмятежная атмосфера городского пляжа превращали мерзкую картину драки в кошмарный сон, от которого невозможно очнуться. Девушки вопросительно-испуганно взглянули на нас. Глаза Сергея наполнились стальной синевой, и он выдавил сквозь зубы: «Вот гады! Испортили отдых. Однако денек теряет свою безмятежность». Я пробормотал что-то вроде: «Лучше не вмешиваться. Неизвестно, кто там прав, кто виноват». Снова послышались женские крики: «Милиция! Человека убивают! Помогите же кто-нибудь!». Но желающих ввязываться в драку не было. Мужская часть пляжа была безучастным фоном происходящих событий. Некоторых удерживали женщины. Наконец совершенно обессилевший парень рухнул в воду, а верзила отшвырнул его и, матерясь, бросился на берег. Его вмешательство резко изменило соотношение сил в драке: один из отбивавшихся парней упал на песок с окровавленным лицом, а двое других бросились бежать. Один из них, за которым гнались

двое, зигзагами бежал от берега в нашу сторону, на ходу перепрыгивая через препятствия. Сергей с досадой поморщился: «Дурачок! Чтобы кто-то вмешался, их нужно зацепить», и негромко добавил: «Собери вещи и жди меня возле крайней раздевалки. Давай, быстро!».

Отходя, я обернулся. В этот момент один из убегавших парней, задыхаясь, пробежал мимо сжавшихся девушек. Преследователи были близко. Но когда первый из них поравнялся с Сергеем, тот резким ударом подсек его ногу, и тот с разбегу грохнулся на землю. Не успел он встать, как Сергей подскочил и нанес короткий, рубящий удар сверху. Послышался хруст, и преследователь рухнул лицом в песок. Второй выругался и бросился на Сергея. Он был ниже его ростом, но плотнее комплекцией и шире в кости. Вырубить сходу такого бычка было непросто, и между ними завязалась схватка. Вокруг мгновенно образовалось пустое пространство, но никто по-прежнему не вмешивался, если не считать женских криков: «Милиция!». Сергей был ловчее и нанес противнику несколько ударов, но их эффективность была невелика, потому что ему самому приходилось отскакивать и уворачиваться от бешеных замахов крепыша. В это время верзила, пытавшийся догнать другого из убегавших, понял бессмысленность этого дела и кинулся на помощь своему приятелю. Стало понятно, что Сергею угрожает реальная опасность, и я сделал несколько нерешительных шагов назад, к месту драки. В этот момент он изловчился и ударом ноги сбил бычка с ног, а потом, уклонившись от летевшей на него матерящейся туши, бросился к лестнице, ведущей от пляжа к парковой зоне. Обозленный промахом здоровяк выругался и, развернувшись, рванул за ним. К нему присоединился и сбитый Сергеем крепыш. Оба были взбешены и настроены на расправу. До конца пляжа было около пятидесяти метров, но Сергей вдруг изменил направление и устремился в самую гущу отдыхающих, прыгая прямо в середину застолий, давя закуски и опрокидывая бутылки. Люди отскакивали в сторону с криками и руганью. И только один подвыпивший мужик, не разбираясь, кто виноват в опрокинутой бутылке водки, со всего размаху, от души, врезал гнавшемуся за Сергеем крепышу. Тот свалился с ног, но тут же вскочил и кинулся на обидчика. Сработало! Сцепившись, они покатились по песку. И тут разозлившиеся и осмелевшие мужики вмешались в дело и отвели душу – оставшемуся в одиночестве бычку досталось крепко. Тактика вовлечения помогла, но озверевший громила, тронуть которого никто не решался, продолжал погоню. К моему удивлению он развил большую скорость, и нисколько не отставал от Сергея, которому

приходилось лавировать, чтобы не задеть женщин и детей. Это выглядело так, будто человек пытается спастись от бешеного носорога или медведя. Повеяло чем-то диким, первобытным.

Но Сергей был уже у цели. Высокая бетонная лестница с несколькими промежуточными площадками была серьезным препятствием для запыхавшегося толстяка и, когда он подбежал к ней, стало ясно, что идея измотать его была правильной. И все же, цепляясь за металлический поручень и матерясь, толстяк начал взбираться вверх. Было заметно, что Сергей тоже устал. Он замедлил подъем и приостановился на середине третьего пролета. Стоя спиной к преследователю, он глубоко дышал, склонившись вниз и опираясь руками о перила. Беги! Ты что?! Холодок пробежал у меня по спине. Увидев ослабевшего беглеца, верзила напрягся и с усилием взобрался на площадку. Когда он размахнулся, чтобы сокрушить жертву, показалось, что все кончено. Но Сергей вдруг резко изогнулся и, не поворачиваясь, нанес ему удар пяткой в лицо. Обычный человек от такого удара улетел бы вниз, не касаясь ступеней, но тот только покачнулся. Бросив взгляд через плечо, Сергей резко развернулся. Его рука, ускоряясь словно конец хлыста, разрезала воздух и ребром ладони впилась в ухо толстяка. Даже с расстояния послышался костяной звук удара, но тот только тряхнул головой. И тогда Сергей развернулся и, опираясь руками о поручень, подпрыгнул и, вложившись всей массой тела, ударил его обеими ногами. Удары пяток пришлись в челюсть и грудь верзилы. Его голова откинулась назад, он пошатнулся, потерял равновесие и, замахав руками, стал неуправляемо падать назад, в пустоту. В этот миг время словно замедлилось, кинематографический кадр остановился. Падение было смертельным. Кто-то громко вскрикнул. Толстяка спасло то, что в последний момент его рука зацепилась за поручень, смягчив падение и уведя голову от удара о бетонные ребра лестницы. Бесформенным мешком, кровавясь о выщербленные ступени, жирная туша скатилась на нижнюю площадку. Сергей рванулся вверх и скоро уже бежал по аллее парка к условленному месту. В это время послышалось завывание милицейской сирены. Я схватил вещи в охапку и быстро, стараясь сохранить спокойный вид, направился на дальний край взбудораженного пляжа. Сергей уже ждал меня в раздевалке. Пока неуместные на пляже люди в серой форме и пропотевших фуражках разбирались с побитыми хулиганами и их жертвами и выслушивали бестолковые объяснения свидетелей, показывавших в разные стороны, нам удалось незаметно уйти с пляжа. На улице мы вскочили в отходящий троллейбус, и через полчаса были в общежитии. Посасывая сбитые, кровоточащие костяшки пальцев,

он сказал: «Давай немного передохнем, успокоимся, а вечерком, часов в семь, заходи. Нужно обсудить это дело».

Но успокоиться было невозможно. Дикие картины происшедшего стояли перед глазами. Еле дождавшись условленного часа, я постучал в дверь его комнаты. Он лежал на кровати с какой-то книгой в руках и выглядел совершенно невозмутимым. На магнитофоне крутилась кассета с записями ансамбля АВВА, звучала их знаменитая «Money, Money, Money».

– Э, да у тебя тут веселье! Хоть в пляс пускайся.

– А почему бы и нет? Выходной надо догулять.

– Я вижу, ты спокоен, как удав. Монокля в глазу не хватает.

– Удавы не носят моноклей. Разве что очковые змеи. А что касается этого мелкого эпизода на пляже…

– Ничего себе — мелкого! До сих пор на душе муторно.

– Ну, было дело. Пацаны ненароком испортили нам отдых, помешали знакомству. Но мы их за это, кажется, наказали…

– Мы? Я только наблюдал. Как ты их вырубал.

– Заметил? Имей в виду на будущее. Если бы навалились кодлой, вряд ли бы отбился. А так я их растянул по дистанции. Да и амбалы на бегу быстро сдыхают. Жаботинский может размазать тебя одним взмахом, но выдохнется на первой же стометровке. Ну, и особенности обстановки надо учитывать.

– Я даже не успел вмешаться…

– И хорошо, что не успел. За себя одного отвечать проще.

– А как здоровье? Не зацепили они тебя?

– Да по скуле немного задел этот крепкий парнишка.

– Да, теперь уже заметно.

– В том-то и дело.

– Опасаешься ментов?

– Дело-то серьезное. Этот кабан мог там убиться, на лестнице.

– Да, грохнулся он капитально. А первому ты тоже что-то сломал? Хруст был на весь пляж.

– Погорячился немного: переносицу мужику разрушил. Изменил внешность — с европейской на монгольскую.

– Придется фотографию в паспорте менять.

– Мне бы самому ее сейчас поменять…

– Да мы, вроде, ушли незаметно. Там же других было много замешано. И толстый этот слинять не успел. И двое этих парней точно остались, которых они там топили. А еще этот крепкий парнишка, которому мужики надавали, за водку. Ловко ты его подставил!

– А если эту публику не зацепить, они так и будут смотреть, как тебя убивают. Может, для кого на миру смерть и красна, но

мне такое реалити-шоу не нравится. Я сторонник другой режиссуры. Когда сами зрители вовлекаются в ход представления.

– И тебе это удалось.

– С трудом.

– А шавка эта мелкая точно смылась. Такие паскудники всегда остаются в стороне. А ведь это они провоцируют драки. Я бы их давил без всякой жалости.

– Да, есть такие шмакодявки поганые…

– Ладно, пусть теперь милиция выясняет, кто главный, а кто статист. У них же там своя разборка была, я краем уха слышал. Кто-то у кого-то цепочку отнял. Черт их знает, кто прав, кто виноват…

– А теперь это не важно. Будет возможность, они свалят все на нас. Да и свидетелей было много. Надеюсь, хоть девицы не заложат.

– Да им какой интерес в это впутываться?

– Хорошо, что в командировку завтра уезжаю.

– Здорово! Как по заказу. А надолго?

– На неделю.

– Нормально. А что за командировки у тебя постоянно? По обмену опытом, что ли? Или курсы повышения квалификации?

– Вроде того.

– Отрабатываете охрану складов в сложных погодных условиях? Задержание нарушителей на пересеченной местности?

– Не только.

– Ну, ладно. Не хочешь говорить — не надо. Главное, что не будешь здесь мелькать, с синяками. А оно постепенно успокоится.

– Дай-то Бог.

– А может, не стоило вмешиваться?

– Это ты правильно вопрос ставишь. Ввязаться в драку — дело нехитрое. Сложнее выйти из нее, без потерь. Но это был не тот случай. Меня эти жлобы сильно завели. Да и вспомнилось кое-что…

– Такие уроды всех доставали. И в школе, и во дворах.

О педагогике, дворовой шпане, силе математики, основах самогоноварения, детских комплексах, геометрической дуэли, золотом ключике и специфике профессии

– Да, это еще в школе было. Когда перешел в седьмой класс, у нас появился второгодник. Тупой жлоб, на полголовы выше всех. С плоской, рябой мордой и оловянными глазами. И сразу начал наводить свои порядки, пацанов ломать под себя. А у нас такого раньше не было. Ну, кто-то покрепче, кто-то слабее, иерархия мальчишеская, сам знаешь. Но чтобы издеваться над слабым, что-то отнимать – нет, не было. А я ему сразу что-то сказал поперек, и он на меня тут же попер. После школы за углом остановил, за грудки вместе с галстуком сгреб и начал гнуть, на колени ставить. Я подёргался, а сделать ничего не могу. Он прорычал что-то, смазал по лицу пятерней, портфель ногой отшвырнул и ушел…

– Да, бывает…

– Но не на того напал. Я эти дела знаю. Отца часто переводили на другую работу, и мне приходилось устраиваться на новых местах. Я давно понял: как себя сразу поставишь, так оно и дальше пойдет.

– Но он же тебя сломал.

– Э, нет! Дело не только в бицепсах. Есть еще и сила воли. Меня этому отец с малолетства учил. Держаться до последнего. Конечно, я тогда пришел домой с обидой. Нужно было что-то придумать…

– Кирпичом с крыши?

– Это детские фантазии, самоутешение. Ничего я тогда не придумал, но появилось какое-то тихое бешенство. Короче, на следующий день так оно и вышло. На перерыве, в туалете, он снова начал меня гнуть, авторитет показывать. Чтобы другие видели. Я промолчал, но стал ждать удобного момента. А на уроке географии, после ответа, пошел к своему месту с указкой в руках, как будто по забывчивости. А когда проходил мимо его парты, размахнулся и толстым концом врезал ему по башке. Потом еще раз, и еще, пока меня учитель не схватил. Разбил его

дебильную башку в кровь, даже волосы к указке прилипли.

– При всех? Тебя же могли выгнать из школы.

– А мне было плевать. Конечно, шума было много. Его отвели в учительскую, замотали голову бинтом, потом в больницу. А со мной начали разбираться, родителей вызвали. Я молчал, как партизан, но другие пацаны рассказали про него кое-что. Дома меня мать начала было ругать, но отец ее остановил…

– А потом? Не боялся, что он тебя прибьет где-нибудь в укромном месте?

– А у меня уверенность уже была. Я бы придумал что-нибудь еще, и он это понял. Они ведь тоже бешеных опасаются. А еще больше он боялся шума, потому что висело на нем много всякого…

– Ну, тебе еще повезло. Бывают такие отморозки, что не прощают. Рубятся до конца, на взаимоуничтожение. Есть даже драка такая: левой рукой берут друг друга за грудки, а правой бьют по морде — кто первый сломается.

– Да, есть такая форма дуэли, русская народная.

– А еще была такая забава, когда деревни дрались стенка на стенку. Тоже национальный вид спорта. И зачем это было нужно? Ведь калечили и убивали друг друга…

– Да так, удаль молодецкая, потеха богатырская. Когда кулаки чешутся и силу дурную девать некуда. Бои молодых самцов. В природе самцы сражаются за самку до смерти. Потому что слабейший природе не нужен, он свои гены передать уже не сможет. Останется он жить или нет, уже не важно…

– А ты замечал, что в какой-то момент драки забывается кто прав, кто виноват? И она превращается в ту самую схватку самцов — кто кого победит?

– А у блатных это вообще норма отношений. Иерархия выстраивается по физической силе. Когда сталкиваешься с каким-нибудь дебильным Васькой Косым, имеешь дело с биомассой, с дикой природой. Все равно, что встретиться с медведем в лесу.

– И что делать?

– Считай, что не повезло.

– Но должен ли приличный человек ввязываться в эту дикость? Состязаться силоой с тупыми мордоворотами? Рисковать способностями, талантом…

– А ты им при встрече так и скажи. Мол, ребята, по таланту особо не бейте…

– У китайцев на этот счет есть пословица. Самый лучший полководец тот, кто достигает победы без сражения.

– Если бы! Когда приходится защищать жену и детей, бой нужно принимать без сомнений. Тут уже некогда размышлять,

чем ты матери-истории ценен…

– Но ведь общество должно защищать нормальных людей от выродков!

– Попробуй, дозовись до него из ночной подворотни.

– А ты заметил, что в детском мире отношения даже более жестокие, чем среди взрослых? Любой школьник сталкивается с этим каждый день. И старшеклассник может дать подзатыльник, и деньги могут отнять, и шпана дворовая достает. Взрослые не видят этого. Или считают за норму: мол, будь мужчиной, учись защищать себя…

– А разве не так? Шпана не шпана, а во дворе нужно быть своим. А не изгоем.

– Это понятно. Я имею в виду вот этих Васек Косых, уличных подонков. Их считают неблагополучными подростками, а ведь это уже готовые преступники. Будущие грабители, насильники, убийцы. И школьникам приходится выживать среди них.

– Да, есть такое дело.

– Поразительно, но взрослые защищены от преступных элементов, а дети нет. Если тебя где-то подловят и потребуют кошелек, на твоей стороне и закон, и милиция. А когда местный амбал выворачивает у школьника карманы, это считается детскими шалостями. Но суть-то одна. Я никогда не мог этого понять. Почему взрослые не видят, что вот он — настоящий выродок? Что ему доставляет удовольствие унижать других, издеваться над слабыми…

– Кто-то не видит. А кто-то не хочет видеть, особенно учителя. Им так спокойнее. А некоторые просто боятся. Эти отморозки даже взрослого могут избить до полусмерти. Или какую-то еще подлость устроить. Вот и терпят, чтобы поскорее выпихнуть из школы…

– И вечный вопрос: откуда они такие берутся?

– Считается, из неблагополучных семей. С малых лет видят насилие и воспринимают его как норму. А потом закрепляют во дворах, среди такой же мелкой шпаны…

– А мне кажется, это наследственность. Атавизм, от диких предков. Когда-то, в древние времена, более развитые кроманьонцы победили тупых и злых неандертальцев. Но не всех. Дикость оказалась жизнеспособной, и неандертальцы до сих пор живут среди нас. И отыгрываются там, где им удается установить свои порядки…

– На зонах, что ли?

– Не только. Неандертальцев можно встретить и в научных и в театральных коллективах. Но больше всего их во власти. Обычно они занимают руководящие посты. Чехов когда-то

советовал выдавливать из себя раба. А я считаю, что сначала человек должен выдавить из себя животное. Зверя.

– Должен? Люди винят в грехах кого угодно, только не себя.

– А все закладывается в детские годы. Развитие личности напоминает мне развитие зародыша, проходящего биологические стадии. Младенец это эгоист в чистом виде, он только требует. Потом родители объясняют ему, что такое «можно» и «нельзя», «хочу» и «нужно», «хорошо» и «плохо».

Потом дети выходят в большой мир и учатся жить среди людей. Тычутся, ошибаются, пока поймут что такое добро, зло, правда, ложь, зависть, справедливость. Совершают поступки, которых потом стыдятся…

– Есть такое, чего скрывать. И обманываем, и крадем что-то по мелочи, и жестокими бываем.

– Мне в память врезался один такой случай. Давным-давно, когда я был ребенком, не знавшим грани меж добром и злом, я подобрал в овраге ястребенка, голодного, со сломанным крылом. Страдавшее, но гордое созданье, ершистый, злобный, он кусочки мяса ел и дерзкими янтарными глазами он на меня без робости глядел. Он небо знал! Зависимость, как муку, он принимал, и вместо пирога клевал гордец ласкающую руку! Во мне он видел своего врага. С тех пор мне память не дает покоя — его неблагодарностью взбешен, ударил я кормившею рукою! Забыв о том, что беззащитен он. Гортанно вскрикнув, с яростью во взоре, он прыгнул на меня! Не властвуя собой, я отшвырнул его, но он, себе на горе, ввязался в этот безнадежный бой. Он из последних сил сопротивлялся, крыло больное жалко волочил, он убегал, он спрятаться пытался — я ж, как безумный, бил его и бил!

– Бессмысленная детская жестокость.

– Я сам не ожидал, накатило что-то неуправляемое. Взбесила его неблагодарность. Я его кормил, заботился, а он даже погладить себя не позволял. Шипел, клевал мою руку…

– Смотри-ка. Не продался за жратву.

– Он вдруг упал, глаза его погасли. Не помню, как я руку удержал. Я весь дрожал, слезами обливался. А он лежал…

– А ты, оказывается, малолетний убийца.

– Слава Богу, нет. Он выжил и окреп, и небо было радо, когда он улетал. Но он вернулся вдруг! Мне большей благодарности не надо — я покормил его в последний раз из рук. Он словно прилетел попрощаться.

– И больше не возвращался?

– Нет. Улетел навсегда. Но я это принял как благодарность. Он ведь уже был свободной птицей. Но прилетел, опустился на забор возле нашего дома и взял еду с моей ладони. Давным-

давно, когда я был ребенком, не знавшим грани меж добром и злом, я подобрал в овраге ястребенка. С учителями мне тогда везло.

– Хороший урок. Делая доброе дело, не жди благодарности.

– И не обижайся на неблагодарность.

– Все мы через это проходим, у всех есть свои скелетики в шкафах памяти. Но одним вкус подлости кажется отвратительным, а другим – приемлемым. Если приносит результаты. Вот тебе и ответ, откуда такие берутся. А ты, я вижу, вникал в эту тему?

– Да, пришлось. Я же целый год работал учителем. Так получилось, что нужно было перекантоваться зиму между двумя институтами. Оказалось, что в глубинах нашего района, в глухой сельской школе требуется учитель математики. Ну, я и поехал.

– Вот так, запросто? Без образования, без практики?

– Вообще без подготовки! Это было уже в ноябре, в начале второй четверти. Вчера приехал, устроился на квартиру, утром пришел в школу, не успел оглядеться, познакомиться с учителями, как мне сунули в руки журнал и направили на урок геометрии, в девятый класс. Даже тему урока не сообщили. Представляешь?

– И как выкручивался?

– Уже и не помню. Ахинею какую-то нес, с перепугу. Ну, и учеников, конечно, запугал. Но потом выдали программу обучения, учебники, еще что-то методическое, и дело пошло. Вот эта программа очень помогла. В ней написано, что и когда нужно проходить. Я вел алгебру и геометрию в двух десятых и двух девятых классах. И еще в одном восьмом. Закрывал всю школьную математику в старших классах. И выводил на выпускные экзамены…

– Неслабо. И не страшно было?

– Глаза боятся, а мозги шевелятся. Чего я точно не боялся, так это самой школьной математики. А то, что никакой педагогической подготовки не было, оказалось даже к лучшему. Использовал интуицию и личный опыт. У меня в школьные годы был хороший учитель математики, Кострицкий Владимир Лукич. Он тоже не применял никаких особых приемов, но хорошо знал предмет и доходчиво преподавал. А еще был абсолютно справедлив. Его все уважали. До сих пор в памяти его высокая, сутуловатая фигура и легкая, понимающая улыбка. Как он стоит у доски и поясняет нам премудрости действий над простыми и десятичными дробями. А для меня математика стала любимым предметом. Мальчик, барахтающийся в непонятном море взрослой жизни, вдруг почувствовал твердую почву под ногами.

Если ты правильно решил задачу, никто не сможет сказать, что ты не прав. Ни учитель математики, ни грозный директор школы, ни ученые профессора, ни самые большие начальники. Тебе, пятикласснику, не сможет возразить никто!

– Даже Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев?

– Вместе со всем своим ленинским Политбюро. Если, конечно, разберется в задачке про бассейн.

– Из одной трубы втекает, в другую вытекает? Подозреваю, что единого мнения не будет. Потому что эти товарищи привыкли решать вопросы, а не задачи. Придется ставить на голосование. И решение примут правильное. Независимо от правильности решения.

– Вот и я старался вести предмет так же. Пытался обучить их не только решению уравнений, но и логическому мышлению. Вот это доказательство силы человеческого разума, пожалуй, самое главное доказательство в математике. И главная задача учителя.

– Даже в глухой сельской школе?

– А какая разница? Математику уважают везде. Это уникальная наука, ее сила в объективности. Математик, независимо от идеологии, национальности, культуры примет логические выводы другого математика. Математика – универсальный язык человечества.

– Не только. Это универсальный язык Вселенной. Начинать общение с братьями по разуму нужно будет с таблицы умножения.

– Да, согласен. Математика строится на законах логики, а это главный инструмент познания мира. Она дает человеку уверенность, помогает в самых трудных ситуациях…

– Почему-то не всем.

– Потому что не всем нравится напрягать мозги. Но именно эту абсолютную силу логики я пытался донести до тех, кто способен это понять и оценить. В точных науках всегда можно доказать истину, и ничей авторитет, никакое словоблудие ее не опровергнет.

– Ну и как, удавалось это тебе?

– Ты знаешь, да. Были очень толковые ребята. В основном из семей сельской интеллигенции. Программу по математике воспринимали полностью. Пятерки ставил со спокойной душой. Глянешь, бывало, в эти лучистые глаза, а в них светится огонек разума. Вот он и греет душу учителя. Это и есть главное оправдание учительского труда, благодарность педагогу за его усилия. Ведь как бывает? Стараешься давать им самое лучшее, распинаешься перед ними, малолетками, вкладываешь душу, а результата особого не видно…

– Сеешь разумное, доброе, вечное, а всходят сорняки?

– Да вообще ничего не всходит! Иногда даже руки опускаются, отчаяние охватывает. Кажется, что все усилия напрасны. Так вот: это ложное представление. Добрые дела не пропадают зря. Так или иначе, они откладываются в детских душах, дают свои плоды…

– Обычно благодарность учителям приходит слишком поздно.

– Это верно. Но она, по крайней мере, делает нас добрее к тем, кто с нами рядом. Это и есть эстафета добра.

– И много их было таких, с сияющими глазами?

– Конечно, меньше, чем хотелось. Разница в способностях это одна из главных проблем обучения. А на периферии тем более. Сама жизнь деревенская такая — приземленная, грубая. А бытие, что ни говори, определяет сознание. Бывало, ученик признавался, что не выполнил задание, потому что вчера ездили с батькой за дровами. Или за сеном для коровы…

– А один такой оправдывался, что водил с батькой корову к быку. «— А что, отец сам не мог? — Мог, но у быка получается лучше».

– Ну и что тут поделаешь? Я двойку никогда сразу не ставил, оставлял после уроков. Прочитает такой замухрышка несколько раз эту самую теорему Пифагора, повторит, запинаясь о непонятные слова, а сам смотрит на тебя добрыми овечьими глазами, а в них — ни тени мысли, только молчаливая просьба: отпусти! Махнешь рукой, поставишь тройку, да и отпустишь с Богом…

– С Пифагором.

– Да это все понимают! Но порядок есть порядок. И это правильно. В сельской местности школа, библиотека и хороший учитель спасение для толковых ребят. На родителей надежды мало. Они на детей особо не рассчитывают — станет механизатором, как отец, и ладно. Во многих домах кроме школьных учебников никаких книг не увидишь. Что дает школа, то и остается на всю жизнь…

– Почувствовал миссию сельского учителя?

– Да, вполне. Поэтому старался работать на совесть. На каждом уроке нужно было и сильных ребят загрузить, и отстающих не упустить. Я обычно сразу вызывал двоих к доске по теории, а остальным давал кучу задач. Пятерок не жалел, поэтому у лучших учеников был стимул, даже спортивный интерес. Сам, конечно, по классу носился колбасой, старался никому не давать покоя — и ответы выслушивать, и в тетрадки заглядывать. А без этого нельзя — на минуту присядешь за стол, и уже теряешь контроль над классом, и он начинает жить своей жизнью. А это

потом трудно остановить.

– Такое беспокойство не всем нравится. Сопротивлялись?

– А как же! Особенно вначале, когда шла притирка. И на вшивость проверяли. Но я ни разу не дал слабину. Ну вот, а вторая часть урока – объяснение новой темы. Тут уже сам учитель распинается, чтобы дошло до всех. Упрощаешь, бывало, до примитива, повторяешь по несколько раз. И потом еще, в конце урока, подводя итоги. Приходилось буквально вбивать формулировки в головы. Как гвозди. Чтобы хоть что-то осталось в мозгах…

– Про это сами учителя говорят: «Что за тупые ученики! Третий раз объясняю. Кажется, и сам уже понял, а до них не доходит!».

– А так оно и есть. И до сих пор эта привычка осталась. Бывает, в разговоре кто-то даже обижается: «Чего повторяешь одно и то же? За кого меня принимаешь?». Зато выработался навык формулировать и высказывать мысли.

– Да уж. Выступаешь как диктор в телевизоре.

– Это уже на автомате. И еще одно понял. Если тебе есть что сказать, нужно говорить уверенно, твердо, идти вперед с открытым забралом. Но и отвечать за свои слова. Иначе нельзя. В математике блефовать невозможно, общими словами не отделаешься.

– А с нагрузками справлялся?

– Сначала было тяжеловато. Пять-шесть уроков в день. Только зайдешь в учительскую, журнал поменять, и тут же снова на арену. Из восьмого класса в десятый, с алгебры на геометрию. Да еще после занятий с неуспевающими оставался. А еще проверка тетрадей, подготовка к урокам, к очередным темам. Бывало, засиживался допоздна. Но ничего, втянулся.

– А тебя уважали? Старшеклассниками управлять не просто.

– Да мне повезло, что я работал в старших классах! В девятых-десятых у меня был реальный авторитет. Когда имеешь дело с личностями, которые хотят уважения, намного больше способов влияния на них. Да и личные симпатии имеют значение. А вот в восьмом у меня были серьезные проблемы…

– Странно.

– Только на первый взгляд. Я вообще считаю, что с пятого по восьмой класс это школьное средневековье, мрачный период в истории среднего образования…

– А учителя в роли инквизиторов?

– Я тоже раньше так думал. Пока не оказался по ту сторону школьных баррикад. На самом деле именно учителей там пытают малолетние изверги. Вот и я с этим столкнулся. Запущенный был

класс. Не класс, а стая мартышек. Ничем нельзя было их усмирить. У всех учителей там были проблемы, только директора и боялись. Был среди них один подленький провокатор, вертлявый гаденыш, сильно мне досаждал. Исподтишка подзуживал, старался урок сорвать. А класс ему подыгрывал, все были против учителя. Я его прибить был готов, пару раз за грудки хватал. А потом стал просто выгонять из класса. Тогда с остальными можно было хоть как-то заниматься. Но и здесь этот паскудник показал себя. Представь себе, пожаловался директору, что я его выгнал…

– Ничего себе!

– А он, оказывается, этот прием уже давно отработал. Как-то довел молодую учительницу, она обозлилась и крикнула: «Ах, ты гад! Вон из класса!». А он тут же пошел к директору и заявил: так, мол, и так: гадом обозвала. Ну, директор ее на перемене вызвал и устроил разборку. Начал отчитывать: это непедагогично, некультурно и так далее. Пришлось ей оправдываться: «Я имела в виду, гад в хорошем смысле этого слова». Спасибо, что извиняться не заставил.

– А мог?

– Запросто.

– Жуть.

– Специфика профессии. Мы потом этого сволоченка так и называли: «гад в хорошем смысле слова». Ну, после этого случая стало ясно, что педагогика не для меня. Увидел подноготную этой благородной профессии, насколько зависим и бесправен учитель.

– Значит, снизу давит класс, а сверху директор и завуч?

– Еще как!

– А в старших классах все было гладко? Что-то не верится…

– Ну, была одна личная неприязнь, в десятом «Б». Неприятный был тип, здоровенный второгодник. Сначала выпрашивал троечку: «Ну, поставьте, чего вам стоит», а потом стал гадить. Однажды склонился над журналом, а на стол летит катышек бумаги…

– И что?

– А ты бы что сделал? Оскорбительно и обидно, а вспылить нельзя — на то и рассчитано. Знаю ведь, что это он, но сдержался. Сделал вид, что не заметил, и продолжил урок. И это был лучший ответ на провокацию.

– А класс кого поддерживал?

– А класс смотрел, чья возьмет. Я таких неформальных лидеров старался нейтрализовать. С первых уроков выявлял способных и апеллировал к ним. Поднимал их авторитет.

– Чтобы отличники имели авторитет? Такого не бывает.

– А вот это заблуждение. Если в классе нормальная обстановка, неформальный лидер оказывается на задворках, а на первый план выходят другие люди. Потому что есть авторитет в школьном дворе, а есть авторитет на уроке. Они, конечно, стараются изменить шкалу ценностей, в которой сами ничего не значат. Пытаются раскачать лодку, сорвать урок, перехватить внимание класса, шуточки отпускают. Но и у меня с чувством юмора все в порядке. Старался не уступать, отвечать еще острее. И не только в классе. Я с ними иногда играл в хоккей, после занятий. У меня клюшка была настоящая, а у них самодельные…

– Да, это большое дело. И как, проигрывал двоечникам?

– Случалось. Но играл по-честному, а они это ценят.

– Но бывают и непримиримые.

– Да, бывают. Помню, был у нас такой хозяин улицы, королем себя считал. Так однажды вечерком пришел другой крепкий парнишка со своими ребятками, тоже претендент на это звание. Ну, и сцепились они за сараями. Один на один, как положено. И тот нашего заломал и придушил. Да так, что кровь горлом пошла…

– И вам от этого легче стало?

– Да не особенно. Но увидели, что на любую силу найдется еще большая. А ведь есть еще и сила жизни. После выпускного вечера хулиганы со своими бицепсами окажутся среди шоферов и грузчиков, а умные очкарики пойдут вверх.

– Нет, не все. Вспоминаю школьные фотографии и лица таких слабаков с обреченными взглядами. Такими они и остались. А вот среди хулиганистых пацанов были сильные личности, далеко пошли. Да и сами учителя таких больше помнят…

– Но в школе иметь с ними дело не дай Бог!

– Потому что они другие! Не хотят жить по общим правилам, не подчиняются дисциплине, им тесно в нашем скучном мире. Они готовы рисковать и платить за это большую цену…

– Так это же и есть воровская психология! Блатная романтика, риск, фарт. Красть — так миллион, любить — так королеву. Дескать, мы фартовые фраера, а не забитые мужики, терпилы. Которые горбатятся за копейки, тянут лямку, как рабочий скот. Дескать, у этих задолбанных жлобов и украсть не грех. А мы эти деньги вполне презираем, и если пофартит, кидаем без счета, гуляем от души. Работягам такого кайфа за всю жизнь не обломится. Блатные на этом играют, когда втягивают в свои дела молодняк. И байки у них такие, и песни. А о том не говорят, каково мотать срок на зоне. Что лучшие годы проходят за колючей проволокой, среди всякого отребья. Что нет там

ничего хорошего, кроме зла. Ты же сам наезжал на таких подонков. А теперь их воспеваешь?

– В том-то и дело, что каждый человек это особый случай. А тупое школьное воспитание гребет всех под одну гребенку. Из каких-то абстрактных гуманистических установок. Таким пацанам не нужны пионерские зорьки и культпоходы в музей. Им даже культура не нужна. Им нужны приключения. Раньше из них выходили первопроходцы, а теперь космонавты, капитаны дальнего плавания, летчики-испытатели…

– И уголовники.

– Да, некоторые из них ходят по самой грани. Бывает, что судьба пацана зависит от случая — согласился подломить ларек с вином и сигаретами или что-то помешало…

– Нет, судьба человека зависит от того, что у него внутри. Что отложилось в памяти с малых лет. Есть там что-то светлое или нет. Хорошая книга, фильм, чей-то поступок — все имеет значение. Они же люди, с амбициями, комплексами и слабостями…

– В том-то и дело! Одних комплексы толкают вверх, а других опускают вниз…

– А я думал, что у вас, суперменов, их нет.

– Почему нет? Комплексы есть у всех, даже у великих. И у Наполеона они были, и у Сталина, и у Эйнштейна. Может, потому они и стали теми, кем стали. Но избавиться от комплексов невозможно. Потому что никто не может достичь совершенства во всем.

– А Леонардо да Винчи?

– И у него были. Хотя бы перед сильными мира сего. Да и сам он не был полным универсалом. А в наше время это вообще невозможно. Но в детские годы этим страдают многие. Дохлые «ботаники» завидуют спортивным одноклассникам, а те им, на уроках математики. Кому-то не хватает красоты, кому-то роста…

– У меня в детстве был комплекс близорукости, хотя очков не носил. Помню, как старался угадать расплывающиеся буквы на медицинской таблице. А двоечники уверенно читали их до самого нижнего ряда. Но, была и у меня компенсация. Недавно встретился с одноклассником, и заговорили о школе. Я вспоминал о ней с ностальгией, а он с отвращением. И я понимаю, что он имел в виду. Десять лет ежедневного страха, унижений у доски, беспомощности на контрольных работах. А для меня контрольные по алгебре и геометрии были праздниками. Уже минут через десять после начала меня начинали постукивать по спине, чтобы отклонился в сторону. Списывание шло по цепочке в хвост ряда. Но в эти моменты я не

завидовал их зоркости…

– Отыгрывался на беспомощных хулиганах? Нехорошо.

– Я даже какую-то ответственность испытывал за их оценки. Но учитель старался прекратить это безобразие, забирал тетрадь и выпроваживал из класса. Помню, с каким победным чувством выходил в школьный двор, необычно тихий во время уроков…

– Вот она, гнилая сущность «ботаника»! А я оценкам значения не придавал. Муторное это дело – тянуть на медаль. Да и родители на меня не давили, спасибо им за это. Старался на уроке понять, что учитель объясняет. А память была хорошая, на этом и выезжал. А комплексы были, чего скрывать. Помню, особенно донимали успехи одного шахматиста из параллельного класса. Он раздражал меня даже своим видом. Это был хлипкий субъект в косо сидящих очках. И лицо у него было какое-то несимметричное, веснушчатое…

– Интересно! И у меня был такой же одноклассник, с перекошенным лицом. И тоже был слабаком, и тоже обыгрывал меня в шахматы. Считалось, что мы с ним дружим, и они часто приглашали меня в гости. Но вся дружба заключалась в том, что он выигрывал у меня восемь-десять партий и вставал с довольной улыбкой, а я уходил с обидой. Похоже, с ним серьезно занимались родители. И однажды я увидел, как это происходит. Его мать сказала, что нужно немного подождать, пока с ним разговаривает отец. Оказывается, он чем-то провинился, и отец проводил с ним воспитательную работу. Я не знаю, сколько времени длился разговор до моего прихода, но мне пришлось ждать не меньше получаса…

– Ну, просто изверг! Не проще ли было дать подзатыльник?

– Его фамилия была Розенталь.

– Понятно. А я решил разобраться с этим делом сам. Попросил отца купить шахматы, взял в библиотеке какую-то книгу, и стал изучать эту мудрую настольную игру. И тем же летом начал обыгрывать сверстников и даже взрослых во дворе. А во время зимних каникул, на первенстве школы, дошел до финала. Я знал, что встреча с очкариком будет главной партией турнира, и заранее к ней готовился. Помню, сильнейшее волнение перед началом игры. Когда сели за стол, меня трясла нервная дрожь…

– У меня тоже такое бывало. Колотит тебя всего, и ничего с этим не поделаешь. Даже неприлично со стороны.

– Но, двинув первую пешку, я сразу успокоился…

– А у меня бывает наоборот: возникает какой-то тупизм, полная атрофия мышления. Смотрю на доску и вижу не позицию, а деревянные фигурки, дефекты лакового покрытия на них. Ну, и

проигрываю, конечно. Самым бездарным образом.

– А мне тогда сразу удалось поймать его в ловушку и выиграть пешку, потом вторую. Он отчаянно сопротивлялся, и мне пришлось долго его дожимать. Я хотел поставить ему мат, но он сдался раньше. Пожал мне руку своей дрожащей ладонью, и я увидел слезы в его глазах, сквозь очки с большими диоптриями…

– И что, злорадствовал?

– Да, было дело. Но и жалость к нему мелькнула. Ведь я не просто выиграл партию, а убил его уверенность, что он хоть чем-то лучше других.

– А он не пытался отыграться?

– Нет, больше за доской не встречались. А он продолжал заниматься, играл в турнирах, получил какие-то разряды, но меня это уже не волновало. После того случая я понял две вещи: во-первых, при желании могу чего-то в чем-то добиться, а во-вторых, при любом желании не смогу добиться всего и во всем.

– Как говорил Козьма Прутков, плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное.

– Вот-вот. Значит нужно выбрать что-то одно. Или два. Больше не потянешь. Да и не нужно. В принципе, мужчине в жизни достаточно иметь три главных дела: работа, хобби и спорт.

– А семья?

– Придет своим чередом. И помешает всему остальному.

– Насколько я понимаю, у тебя на первом месте хобби?

– К сожалению, профессия «философ-вольнодум» трудовым законодательством не предусмотрена.

– А если бы была? Представляешь? Ты бы работал в должности ведущего мыслителя в Институте проблем универсального познания (НИИПУП), в отделе постижения основ прогрессивного агностицизма (ОПОПА). И тебе бы за это еще и платили…

– Не трави душу!

– Считается, что комплексы несут в себе негатив, но на самом деле это стимул к реализации природных способностей человека. Если энергию комплексов направлять в созидательное русло, она дает импульс развитию личности…

– Ты вещаешь прямо как доцент кафедры педагогики. Хочется конспектировать.

– Да я не против. А тебя раздражает осмысленная речь?

– Ах, да! Это же у тебя профессиональное.

– Могу перевести на блатной, если хочешь.

– Да нет, просто забавно. Как будто радио слушаешь.

– А какая разница? Я же говорю о себе. Я в школе тоже завидовал спортивным одноклассникам. А еще помню, как мы,

малышня, смотрели футбол на районном стадионе. Болели за своих, сбегались к скамейке, где они переодевались перед игрой, любовались их загорелыми торсами, играющими бицепсами…

– Обычное дело.

– А я пошел в школу раньше срока, поэтому долго отставал в росте и в силе. В шеренге на уроках физкультуры стоял среди последних. Сейчас, встречаясь с теми, кто был выше меня, я гляжу на них сверху вниз, но тогда меня это сильно огорчало. И я решил заняться собой. Сделал во дворе турник и старался каждый день подтягиваться, висеть на нем, сколько хватало сил…

– А у меня с этим было нормально. Меня отец сразу записал в гимнастику и в бассейн.

– А у нас спортзала не было. В коридоре возле мастерских стояли брусья, там и занимались зимой. Да какая там физкультура! Я понял, что нужно самому решать проблему. Тайком вырезал из журнала в библиотеке несколько страниц с комплексами для культуристов и начал заниматься. Гантелей в продаже не было, и я их сделал сам. На задворках почты нашел старые аккумуляторы, вытащил окислившиеся пластины свинца и расплавил на керогазе. Потом залил в консервные банки и закрепил в них рукоятки…

– Голь на выдумки хитра.

– А что делать? Ну, начал заниматься. Вначале было трудно. Не только из-за нагрузок и боли в мышцах – сложнее всего было выдержать регулярность. Тем более что результаты проявились не так скоро, как ожидал. Временами хотелось бросить, но я терпел…

– Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу.

– И в этой цепочке первый этап самый трудный. Потом уже легче. Я это понял еще тогда. В общем, вытерпел, проявил силу воли. И через пару месяцев мое отражение в зеркале стало мне нравиться. Постепенно втянулся, и даже появилось какое-то удовольствие. Гантели просто летали в руках…

– Да, есть такое дело. Мышечная радость.

– А еще старался исправить осанку – ходил по дому со спичечным коробком на голове. А потом еще купил эспандер. Занимался всю зиму, и к окончанию девятого класса результаты стали заметны не только мне. Когда мерялись твердостью бицепсов, шарик на моей согнутой руке уже вызывал уважение одноклассников. А летом, на пляже, уже замечал на себе те самые взгляды мелюзги. А еще интерес девочек. Получилось!

– Молодец! Ну, а как сложилась твоя педагогическая судьба?

– Учебный год завершил успешно. С чувством удовлетворения

от хорошо выполненного дела. Да оно мне самому пригодилось, школьный курс математики знал почти наизусть. И тем же летом без проблем поступил в столичный институт.

– В педагогический?

– Нет, конечно!

– А почему? У тебя же, вроде, получалось.

– Да, получалось. И директор школы предлагал остаться. Но я и мысли такой не допускал. Знаешь, в чем главная беда нашей деревни? Вырождение. Причем, в биологическом смысле слова. Самый настоящий естественный отбор, только с отрицательным знаком. Потому что все более-менее толковое уезжает в город. Остаются те, кто мало на что годен. Особенно из пьющих семей. А они, в свою очередь, производят соответствующее потомство…

– И что, действительно беспробудно пьют?

– Такое впечатление, что просто от скуки. И даже в интеллигентских семьях. Да я сам там чуть было не спился! Меня часто приглашала в гости одна молодая семья. Тоже учителя, после института, с маленьким ребенком. Помню, сидим у них зимним вечером в деревянной избе, у натопленной печки, под тусклым светом, говорим о чем-то малозначительном, картами засаленными шлепаем. Телевизор черно-белый рябит, ерунду какую-то показывает. В общем, скука. Потом ужин простой деревенский, с привычной яичницей на сале да картошкой с квашеной капустой, а на столе обязательно бутылка с мутноватой жидкостью…

– Самогон?

– Он самый. Так вот незаметно и спиваются. Я много их видел, спившихся провинциальных интеллигентов. Грустная картина.

– Обычная. Об этом еще Чехов писал, и у него есть такие герои. Вначале это молодые, энергичные люди, полные сил и желаний, подающие надежды, строящие прекрасные планы. А потом постепенно опускаются, спиваются…

– Да, провинциальная жизнь затягивает человека. Как болото. Я это понял и перестал к ним ходить, сослался на учебную нагрузку. Может, и обиделись, не знаю. Но там, конечно, без самогона ничего не обходится. У них это средство взаиморасчётов. Денег наличных у колхозников практически нет, зарплата идет трудоднями. Кто может, продает что-то на рынке, в районном центре. А я жил на квартире у старухи-вдовы, у нее вообще денег не было. А квартира – старая изба, одна комната да сенцы. Слева, при входе – печь на четверть избы, обмазанная глиной и побеленная. В правом дальнем углу – иконы. Перед ними, у оконца, стол со скамейкой, я на нём проверял тетради и

готовился к урокам. А левый угол занят самой главной мебелью — массивной кроватью с металлическими набалдашниками и горкой пышных подушек, застеленной самыми лучшими покрывалами, с нарядными оборками. Это гордость хозяйки, украшение избы. Она на ней не спала и выделила мне. А сама ночевала на полатях, за печкой, за ситцевой занавеской. Натопит, бывало, с вечера печку до духоты, а утром просыпаемся — по углам иней выступил…

– Романтика, однако.

– А в центре избы у нее была выложена из кирпича небольшая варочная плита. Использовала ее хозяйка нечасто, но для очень важного дела…

– Понятно. И аппарат был?

– Ты не представляешь, насколько это простое устройство. Сам принцип, как известно, заключается в испарении и конденсации забродившей органики. А аппарат у бабки состоял из изогнутой под прямым углом водопроводной трубы. Один конец ее был всунут в отверстие огромного чугуна, со стороны донышка. Этим чугуном она накрывала другой чугун, с кипевшей на плите бражкой. А другое колено трубы было пропущено сквозь деревянное корыто, залитое холодной водой.

Это был конденсатор. На конце трубы висела ниточка, по которой готовый продукт стекал в посуду…

– И это работало?

– Со страшной силой! В избе было не продохнуть. Десять минут в такой творческой атмосфере, и уже можно было закусывать. Рука невольно тянулась к огурцу. Поэтому опытная хозяйка до завершения процесса отправляла меня куда-нибудь погулять.

– А ты продукт пробовал?

– А как же! Сильная вещь, градусов под восемьдесят. С одного стакана валит с ног, однозначно. Причем за счет сивушных масел пьется даже легче, чем водка, горло не дерет. Бабка проводила строгий контроль качества: периодически набирала в ложку и поджигала — если не горит, значит, нужно менять бражку. Закончив производство, раскрывала двери настежь и сама шла куда-нибудь продышаться, пошатываясь. Но там это дело привычное, все этим занимаются. Потом она этим самогоном расплачивалась с трактористами за дрова или когда надо было огород вспахать. Да и праздник ни один без этого не обходится.

– Неужели все так мрачно?

– Да не мрачно, а обычно. Такая она, деревенская жизнь. Кто-то к ней привыкает, но мне это абсолютно не подходило. Да и профессия педагога, она специфическая. Понимаешь, в ней нет

середины. Или тебя любят и уважают, или наоборот. Если учителя невзлюбили, судьба его незавидна, каким бы душевным человеком он ни был. Все его человеческие качества воспринимаются лишь как слабость…

– У нас была такая учительница, по химии. Добрая, простая женщина, но какая-то заторможенная, забитая. И беззащитная, мы это сразу поняли. Она что-то говорила у доски, а класс не обращал на нее никакого внимания, жил своей жизнью. Я вначале пытался слушать ее, а потом тоже махнул рукой. Теперь и стыдно, и жалко ее, но тогда поддался общему настроению…

– А некоторых не любят, но боятся. Тоже ничего хорошего.

– А за что любят?

– Однозначно и не скажешь. Это как в самой любви — трудно объяснить, за что. Иногда даже за внешность. Школьники всегда влюбляются в красивых старшеклассников. И в таких же учителей. Романтизируют их, обожают, многое прощают. Хорошо, кому так повезет. И все же главное в этой профессии — неравнодушие. Считается, что учитель должен любить детей. Это не совсем так. Гораздо важнее понимать их. И уважать. В любом случае нельзя относиться формально. Не дадут. Все равно втянут в отношения.

– А тебя не втянули? Старшеклассницы. Может, ты не так понимал сияние их глаз?

– Наверное, что-то было. Это же естественно. В глухой деревне появился молодой, интересный учитель. Математик, из столицы, из университета. Мне даже директор посоветовал не носить брюки в обтяжку, чтобы не отвлекать учениц от предмета…

– Или на предмет?

– Да, десятиклассницы были полноценными невестами. Весной, когда пригревало солнышко, в классе чувствовалось томление…

– А романтические истории были?

– Нет, с этим я был осторожен. У меня там был интерес к пионервожатой. Однажды закрылся с ней на ключ в пионерской комнате, чтобы поговорить наедине, так тут же директору доложили. Чуть дверь не выломали…

– Пионеро совьетико? Облико морале? Значит, застукали математика с пионерзажатой? Но ты хоть успел?

– И ты туда же, старый развратник! Хуже пионера. Не было ничего. А после того случая мы попали под тотальный контроль школьной общественности. И наши отношения приняли демонстративно платонический характер… – Да как ты мог?! Какой пример подал подрастающему поколению?

О каком мужском авторитете после этого может идти речь?

– А я инстинктивно избегал серьезных отношений. Опасался любых привязанностей в этой глухой деревне.

– А старшеклассники не ревновали?

– Было дело. Однозначно воспринимали как соперника. У них ведь уже свои отношения завязываются, и очень серьезные. Доказывая теорему о сумме углов треугольника, сам можешь оказаться одним из этих углов. Я же был практически их ровесником. А по долгу службы вызывал к доске, спрашивал какую-то ерунду, а потом еще и оценивал. Как детей. На глазах у девочек!

– Но к учителю нужно относиться, как к врачу…

– Попробуй им это объясни! Особенно один случай запомнился. И парень был вроде неплохой, но очень гордый. Не хотел признавать слабину в математике, не желал быть среди аутсайдеров. А может, я его ненароком зацепил обидным словом. Короче, начал у нас развиваться конфликт, на почве стереометрии. Причем, совершенно неожиданно, ни с того ни с сего. Да еще в последней четверти, на подходе к экзаменам. Вызываю его как-то доказывать теорему: к доске пойдет Давыдовский Александр Иванович…

– Ты их по отчеству величал?

– Приходилось. В одном классе было два Давыдовских Александра. В глухих деревнях такое бывает — все жители на одну фамилию. В каждом классе училось по несколько Давыдовских и Колесанов. Ну, вызываю его, а он так лениво с улыбочкой встает…

– Слушай! Анекдот вспомнил. Прямо по теме. Урок арифметики в горной местности: «– Иремишвили! — А? — Фиг на! Встань, когда с тобой учитель разговаривает! Сколько будет дважды два? — Пять будэт. — Вах, баран! Садись, два. Чиладзе! — А? — Фиг на! Встань, когда с тобой учитель разговаривает! Сколько будет дважды два? — Семь будэт. — Вах, баран! И сам ты баран, и дети твои будут бараны. Садись, два. Жвания! — А? — Фиг на! Встань, когда с тобой учитель разговаривает! Сколько будет дважды два? — Четырэ будэт. — Вах, маладэц! Ученый, а! Профессор, слушай! Акадэмик! — Учитэль! — А? — Фиг на! Встань, когда с тобой академик разговаривает!».

– Вот-вот. И здесь было так же. Встает он так вальяжно и заявляет, что не учил. Мне эта дерзость как-то сразу не понравилась. Ну, ладно. На следующем уроке снова его вызываю, и все повторяется один к одному. Я немного удивился, но поставил ему еще одну двойку. На третьем уроке — то же самое. Ну, атмосфера становится напряженной, в начале каждого урока

геометрии в классе стоит звенящая тишина. Но мы оба сохраняем полное хладнокровие…

– Нашла коса на камень?

– Вроде того. В общем, ситуация превратилась в ритуал: « – Здравствуйте! Кто дежурный? Кто отсутствует? Начинаем урок. Давыдовский, к доске! – А я не учил. – После уроков останешься? – Не-а. – Садись, два!». И после этого урок продолжался в обычном режиме. А в классном журнале напротив фамилии Давыдовского все росла гусеница из жирных двоек…

– Интересно!

– Не то слово! Весь класс, затаив дыхание, следил за этой геометрической дуэлью. Некоторые девочки, как мне потом говорили, пытались его уговорить выучить урок и ответить, но он держался твердо. Но когда количество двоек достигло восьми, кто-то не выдержал и сказал об этом завучу. Завуч школы была строгой, но справедливой женщиной. Насколько это возможно в должности воспитателя воспитателей. Меня она практически не контролировала, уверенная в моей квалификации. Но когда увидела в классном журнале сплошной забор из двоек, просто изменилась в лице: «Что это такое?!». И вот здесь состоялся разговор, который окончательно отвратил меня от профессии советского педагога. Она с трудом сдерживалась, чтобы не перейти на крик: «Как можно?! В выпускном классе! За месяц до государственных экзаменов!». Я спокойно изложил ей ситуацию, уверенный в своей правоте. Но она гнула свое: «Вы дискредитируете всю школу! А если узнают в районо? Это же скандал на весь район!». Однако я и не думал уступать, и был готов даже к увольнению. Она еще какое-то время уличала меня в непедагогичности, в неумении найти индивидуальный «ключик» к каждому ученику. Но, увидев мою твердость, решила сама поискать тот самый пресловутый золотой ключик…

– К ученику или к тебе?

– К нам обоим. В первую очередь поговорила с его родителями. А они – с ним. Потом, успокоившись, попросила меня не идти на конфронтацию и отнестись к нему без предубеждения. А я, собственно, не имел к нему личной неприязни. Да и не хотелось завершать работу скандалом. Короче говоря, нужно было как-то закрыть эти двойки положительными оценками. Проблема заключалась в том, что в журнале практически не оставалось свободных клеточек. Как раз в этот момент по программе стереометрии было изготовление наглядных пособий. Это был тот случай, когда троечники получали столь редкие для них полновесные пятерки – за цилиндры, конусы и параллелепипеды, изготовленные из

подручных пиломатериалов. Ему я тоже поставил пятерку, а в конце очереди он подошел еще с одним изделием, как потом выяснилось, чужим. Но это было уже не важно, и я поставил ему еще одну положительную оценку, за какой-то давно прошедший урок. А в дальнейшем он уже выходил отвечать, и в итоге тройку я ему вывел.

– Забавно.

– Были и менее забавные случаи. Я заметил, что экзаменационные работы учеников по математике кто-то подправлял, тайком от меня. Подозреваю, что это делала завуч. Чтобы выпустить классы без второгодников. Похоже, это было у них обычным делом.

– Ну и правильно! Все равно после армии вернутся в колхоз. Зачем трактористу тригонометрия, а доярке законы Ньютона?

– Я тоже считаю, что образование должно быть дифференцированным. В идеале каждого ребенка нужно обучать индивидуально.

– Как в дворянских семьях?

– Вроде того. Чтобы выявлять способности в раннем возрасте, чтобы не отнимать время на то, что никогда не пригодится. Специализация достигла такого уровня, что даже одно дело приходится изучать всю жизнь. Электросварщику никогда не понадобится биохимия, а врач не должен ремонтировать телевизор…

– А унитаз должен!

– Это дело святое. Ремонту унитаза нужно обучать всех, в принудительном порядке. А вот литературу я бы сделал факультативной. Читай, что хочешь! А пятерки ставил бы за восторженный пересказ «Острова сокровищ». Или «Трех мушкетеров». Или «Алых парусов». Потому что интерес к чтению важнее того, что читают. У меня в школе была умная учительница по русскому и литературе, она это понимала и не слишком насиловала нас классикой. Помню, проходили Маяковского, и пришлось писать сочинение по его ленинским поэмам. А я их не читал, и написать ничего не мог. А в конце урока от отчаяния заполнил страницу его коротеньким стихом о ноктюрне на флейте водосточных труб и несколькими фразами о том, как он мне нравится. На следующем уроке ожидал заслуженную двойку. Лилия Федосовна, как обычно, разбирала сочинения и давала им оценку – всем, кроме моего. Я все сильнее вжимался в парту, и вот она назвала мою фамилию: «Но особо хочу сказать об одном сочинении, которое меня удивило. Оно очень короткое, но это тот случай, когда количество слов не имеет значения. Потому что в нем выражено искреннее отношение к поэзии. И это заслуживает

самой высокой оценки. Мне очень нравится, что у нас есть такие ученики. Значит, и мои усилия не пропадают зря». Это была лучшая похвала, доставшаяся мне в жизни.

– Ну, у тебя еще все впереди! Но таких учителей действительно не много. Большинство из них тупо «проходят» программу. Но разве может подросток осилить «Войну и мир»? Этим романом школьника можно только наказать.

– А разве Толстой писал его для детей? Думаю, его бы оскорбило такое «изучение» его произведений. Конечно, рассказывать о классической литературе нужно. Но насиловать ею детей нельзя.

– С литературой ясно. А как вообще определить врожденные склонности? Почему природа сама не намекает, кто на что способен? С самого начала, чтобы не терять время впустую.

– А как намекнуть? В виде метки на левой пятке? По ребенку и без того можно определить его будущее. Крепкий малыш станет воином или спортсменом, любознательный – ученым…

– А любопытный?

– Ну, может, следователем. Или разведчиком.

– Понятно. Романтик – моряком, болтун – журналистом, простак – работягой…

– Или инженером.

– Фигляр – артистом, фантазер – писателем, честный – судьей…

– Вот уж нет! Честный ребенок, скорее всего, станет изгоем.

– Жадный – банкиром, хитрый и наглый – начальником…

– Подлец – преступником.

– Нет, подлец станет адвокатом преступника. Или литературным критиком. А преступником можно сделать любого из нас. Если это понадобится.

– Да уж, от тюрьмы и сумы не зарекайся.

– А бездельник?

– Сторожем. На складе электротехнического оборудования.

– Или все же философом?

– Разве что по совместительству.

– Намек понял. А кем, по-твоему, станут остальные?

– Рабочими и колхозниками.

– И педагогами. Нет дороги – иди в педагоги. Кто не может делать сам, будет учить других.

– Ты жестоко обидел людей этой благородной профессии. И меня, в том числе.

– Это тебе за сторожа.

– Намек понял.

– И что, по-твоему, традиционная школа уже устарела?

– Однозначно. Американцы это уже поняли. Я слышал, что у них на уроках полная свобода. Кто хочет, слушает учителя, кто не хочет, занимается своими делами. Дается первичная грамотность, в развлекательной форме. Считается, что детей нельзя оскорблять оценками. Зато есть много возможностей заниматься спортом, музыкой, танцами, рисованием…

– Рисованием в старших классах?

– Ну да. Чтобы в школе было интереснее, чем в подворотне.

– И кто выходит из таких школ? Малограмотные люди?

– Вроде того. Будущие рабочие, шоферы, продавцы, санитарки. Основная часть населения. Так же, как и у нас. Только без комплексов и ненависти к знаниям.

– В идеале каждый из нас должен быть специалистом своего дела с широким кругозором.

– Но как ее найти, золотую середину? А если выбирать одно из двух, лучше уж профессионализм. В любом случае успехов добиваются те, кого ведет интерес к делу.

– Охота пуще неволи, о чем речь.

– Ну ладно, давай отдыхать. День был сумбурный.

– И не говори! Ну, пока.

Мы разговаривали часами и не могли наговориться.

О, эти бесконечные разговоры молодости, эти горячие споры до хрипоты — какими важными они нам тогда казались! И каким наивным выглядит тот наш юношеский треп с вершины прожитых лет. О чем же мы тогда так увлеченно болтали, подолгу, взахлеб? Сейчас я пытаюсь это вспомнить. О чем вообще разговаривают люди? Да о чем угодно! Но даже самые обычные бытовые разговоры это обмен жизненным опытом, своим или чужим. Нам хочется передать друг другу то, что мы где-то услышали, узнали, что нам вдруг открылось и удивило своей неожиданностью, новизной. Мы стремимся высказать свою точку зрения, свое понимание жизни, которое нам кажется правильным, и убедить в этом собеседника. И, в свою очередь, извлечь что-то полезное из его слов. Не зря говорят, что самый лучший обмен это обмен идеями — в результате у каждого остается две идеи. А ежедневное общение на различных уровнях это и есть подспудное самообучение, которое помогает нам улучшить свою жизнь. Благодаря непрерывному обмену информацией и накоплению знаний человечество, как биологический вид, получило решающие эволюционные преимущества. И без этого невозможно его дальнейшее развитие.

А молодежи общение просто жизненно необходимо. Внешне легкомысленное, с шутками, взрывами здорового смеха, оно нередко раздражает взрослых людей, успевших забыть свою

молодость. А ведь это не только повод для бренчания на гитаре, глупых шуток и беспредметных споров, как может показаться со стороны, но и способ самоидентификации личности, одна из форм познания мира и своего места в нем. Даже самые мудрые воспитатели, самые внимательные и любящие родители не чувствуют того, что с полуслова понимает сверстник. Со сверстниками можно обсудить самое волнующее и важное – то, что взрослым не доверишь – оно им может показаться ничтожным или смешным. С друзьями можно общаться свободно и откровенно, можно дурачиться, говорить любые пришедшие в голову глупости, и тебя за это не осудят, а радостно поймут. И будут смеяться от души и нести такую же веселую чушь. Эти встречи, новые знакомства, радостное узнавание своих, близких по духу, живущих теми же интересами, сталкивающихся с теми же проблемами в этом чуждом взрослом мире – все это остро требуется молодежи. Для поиска ответов на главные вопросы, для сверки нравственных ориентиров и жизненных ценностей. Для настройки того самого внутреннего компаса, который задает нам курс, когда мы выходим из уютной гавани юности в неведомый океан взрослой жизни. В путь, который кажется нам вначале таким долгим и счастливым.

А какие яркие личности встречаются нам в эти бурные годы! Взрослые люди разделены невидимыми барьерами условностей и постоянно находятся в одних и тех же кругах общения, определяемых профессией, социальным положением, семейными связями. И хотя все мы живем бок о бок, ученому вряд ли будет интересно беседовать с сантехником, а летчик-испытатель не откроет нараспашку душу товароведу, как это было раньше, когда они были одноклассниками. Только в сумбурной юности можно оказаться в случайных компаниях и с потенциальным лауреатом, и с будущим генералом или атташе, и с художником, подающим большие надежды, и с непризнанным поэтом, который скоро сопьется и погибнет в пьяной драке, и с приблатненным малым, которого ждет тюрьма. Сколько безбашенных чудиков, с их дикими идеями и выходками, оригинальных в одежде и речи, самоуверенных, еще небитых жизнью! Какие открытые, вдохновенные лица, сколько ничем неподкрепленных амбиций, сколько восхитительного выпендрежа! Куда они деваются потом, эти наивные мечтатели, отважные птенцы, так жаждавшие полета? Растворяются в вечной и всесильной материальности бытия. Кто-то добивается успеха, кто-то терпит жизненный крах, но большинство опускается на грешную землю. Успокаиваются, умнеют, уходят в дела, в семейные заботы, грузнеют, лысеют. И напрочь забывают тот свой давний юношеский треп, такой

бестолковый и такой прекрасный.

Мы не виделись почти месяц. В тот воскресный вечер, в конце августа, поужинав, я убрал вымытую посуду в тумбочку и собирался провести свой обычный холостяцкий вечер. Установив на магнитофон любимую кассету с записями оркестра Поля Мориа, я прилег на койку со свежим номером журнала «Юность». В те годы это было очень популярное издание. В нем печатались молодые прозаики и поэты, а иллюстрировали интересные художники. Мало кто из них потом становился знаменитостью, но в этих публикациях всегда можно было встретить что-то свежее, неординарное, и я прочитывал журнал от корки до корки. Звучавшая с магнитофона музыка создавала в комнате лирическую атмосферу. Знаменитая тема из кинофильма «Крестный отец» отвлекла меня от чтения. Какая волшебная мелодия, какое хрустальное исполнение! Отложив журнал в сторону, я невольно заслушался и погрузился в неопределенно-сладостные мечтания. Громкий стук в дверь вернул меня к реальности. На пороге комнаты стоял улыбающийся Сергей:

– Мир дому сему!

– Привет, привет! А я уж и не чаял…

– Настоящий ковбой всегда появляется неожиданно. И так же внезапно исчезает.

– Ну да, в самый опасный момент.

– И чего это ты всегда такую муть слушаешь?

– Муть?! Ты что, с кишлака свалился? Это же главная тема из «Крестного отца»!

– Да ты что?! Что же ты меня еще на пороге не предупредил?

– Кончай придуриваться!

– Меня всегда удивляло, чего это они так романтизируют бандитскую жизнь?

– Да не в этом дело! Сюжет тут вообще ни при чем. Это вечная тема любви, жизни и смерти. А ты что предпочитаешь?

– «Шизгару[4]» давай!

– Ну, и вкусы у тебя!

– Отнюдь. Это музыка на все времена.

– Это самодеятельность подростков из подворотни. Танцы в деревенском клубе. Такое могли придумать только музыкальные хулиганы. Небось, в тексте одни рифмы, да и те матерные.

– Не знать английского хотя бы в пределах «Шизгары»? Это позор! Я инглиш бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон.

– Я владею английским в пределах языка FORTRAN, и мне этого достаточно. С английскими программистами, братьями по разуму, объясниться смогу. А при надобности и послать на четыре

буквы.

– Ты даже это знаешь?!

– Естественно. Команда GOTO одна из самых популярных у асов программирования. Остается добавить — куда. Но это можно и на русском.

– Похоже, в языкознании ты недалеко ушел от Н. Рубинова.

– Ну почему? Я и тебя могу проверить на вшивость. Вот, например, что значит простенькая фраза IF LOGIC CONSTANT IS TRUE OR INTEGER PARAMETER IS ZERO THEN OPEN CHARACTER FILE AND READ RECORDS INTO DATA WHILE NOT ENDFILE OR NOT EMPTY DATA AND CLOSE FILE AND SAVE PRIVATE PARAMETER AND RETURN THIS PROCEDURE ELSE STORE REPLICATE (“0”) TO OPERAND AND CREATE NEW BYNARE FILE AND WRITE FROM FUNCTION (OPERAND) AND STORE ZERO TO PARAMETER AND GOTO END PROGRAMM?

– Ерунду она значит.

– Правильно. А почему? Не знаешь. Потому что здесь уже пошли тонкости предмета.

– Ладно, в тонкости ерунды вникать не будем.

– А что там тонкого в этой «Шизгаре»?

– Там сильный текст. Богиня на горной вершине горит как серебряный факел — высшая точка красоты и любви. Ее звали Венера. Ее оружие — ее кристальные глаза, они делают каждого мужчину мужчиной. Она была темной как черная ночь, и получила то, чего ни у кого не было. Да, в ней это есть, детка, в ней это есть. Я твоя Венера, я огонь твоего желания…

– Да, необычно…

– Вот видишь. Это и есть музыка на все времена.

– Музыка на все времена это Бетховен, Чайковский, Моцарт…

– Моцарт в свое время тоже был поп-исполнителем. И его шлягеры тоже крутили на танцах.

– Маленькую ночную серенаду, что ли?

– А чего? Нормальный медляк. Чтобы потоптаться в обнимку.

– По-моему, она больше подходит под твист.

– Тем более. А когда врежут «Фигаро здесь, Фигаро там», пляс пойдет вообще серьезный. Подозреваю, что в те времена родители тоже ругали детей за Моцарта и заставляли танцевать под Баха…

– Помилуй Бог!

– Может, и мы, лет через двадцать, будем призывать молодое поколение вернуться к серьезной музыке. К Led Zeppelin, Deep Purple, The Who, T.Rex, Black Sabbath…

– Ладно, история музыки нас рассудит. А ты где был все это время? Из командировок не вылезаешь?

– Из них. А тебя где черти носили?

– Представь себе, тоже был в командировке. Правда, в местной. На «картошку» послали, как молодого специалиста.

О райской «картошке», пейзанских радостях, силе ума, электронных лопатах, мужском счастье, песчаных замках, шиле в заднице и загородной идиллии

– В колхоз, на трудовое перевоспитание? Ну и как, припал к истокам, приобщился к пейзанским радостям? Не замучили колхозные поля, необъятные, тоскливые?

– Это был настоящий курорт.

– Да ну?!

– Представь себе. Лагерь труда и отдыха. Лучшей работы в жизни не видел. Арбузы убирали. У нас там собралась мужская бригада, и нас направили на бахчу. За день нужно было собрать и загрузить рефрижератор, тонн двенадцать…

– Не слабо.

– То, что надо! Я люблю такую работу. Мне хуже всего на четвереньках корячиться, собирать что-то. Короче, идем по чеку, метров через двадцать делаем кучу: один ловит, четверо собирают и кидают. Кидать проблем нет, а вот ловить непросто, когда они летят с разных сторон. Случается, сразу два летит, так наловчились на обе руки принимать и по себе скатывать на кучу. Но если три сразу, тут бывает забавно. У нас вначале так и получилось: мужик два арбуза принял, а третий — сбоку, по башке! Увернуться не успел, арбуз раскололся, он сам за кучу улетел — только ноги мелькнули. Смех смехом, но, когда он, матерясь, вылезал оттуда весь в красном, тут все струхнули. Но обошлось. Шишка, правда, вскочила неслабая. Ну, после него я встал на прием…

– В лоб не получал?

– Нет. Там главное — концентрацию не терять. И уворачиваться, если поймать не успеваешь. Но у меня реакция неплохая…

– Арбузов обожрались, небось?

– Ну, это вначале было. А потом уже смотреть на них не могли. Наверное, наелся на всю жизнь. Там что доставало? — воды в поле не было. А с арбузов все-таки грязь летит в лицо. Я в первый день взял да и умылся разбитым арбузом, по дурости. Тут же все на мне слиплось, лицо щиплет, мухи и осы вокруг роем. Хорошо, что вместе с обедом воду привезли, руки помыть. А

кормили прямо в поле, до отвала: борщ наваристый, кусок мяса с кашей. Мы до обеда успевали арбузы собрать, а после обеда грузили. Тоже дело веселое: двое внутри принимают, трое катают по кузову. Часам к четырем машину загружали — и все. Гуляй, рванина!

– А потом?

– Балдели. В общагу возвращались пешком, по колхозным полям и садам. По пути яблок, груш, винограда наберем, его там много остается после уборки. А он прямо с куста, подвядший, сладкий!

– Не «картошка», а рай какой-то…

– Но и это не все. Там возле общаги ларек был с хлебом, консервами, с каким-то печеньем, пряниками, но главное — с колхозным вином. Его там прямо из бочки наливали, почти даром. Мы у комендантши ведро одолжили, набирали его полное и садились ужинать. В центре стола — эмалированное ведро с вином, вокруг мы с алюминиевыми кружками и пряниками. Черпай — сколько влезет! Сидим, пока ведро не опустошим, картами шлепаем. Потом на боковую. И так всю неделю. Да еще и заработали неплохо.

– Значит, понравилось в колхозе? Может, стоило там и остаться? Ты же любитель физического труда…

– А физическая нагрузка мужику только на пользу. Люди по природе настроены делать что-то руками. А не сидеть в пыльной конторе, наживать геморрой. Физический труд сам по себе дает человеку здоровье. Когда работают мышцы, в организме нет застоя, происходит самомассаж внутренних органов, сердце находится в тонусе, разгоняет кровь по телу…

– А в мозгах?

– И в мозгах порядок. Еще Вольтер говорил, что работа избавляет человека от пороков, бедности и скуки. А еще от депрессии, плохого настроения…

– Когда все валится из рук?

– А ты все равно старайся! Двигайся, шевелись, делай что-то нужное, и работа отвлечет тебя, успокоит…

– Опять лозунгами заговорил? «Работай, учись и живи для народа, советской страны пионер»! У тебя прямо талант агитатора…

– Да мне плевать — лозунги или не лозунги!

– Ладно, не горячись.

– И не во мне одном дело. Такая жизнь многим нравится: чистая природа, простая еда, работа на свежем воздухе. И американскому фермеру, и французскому виноделу. И кубанскому казаку. Помнишь, как Григорий Мелихов мечтал

вернуться к крестьянскому труду? Потому что он живой, настоящий, и все в нем зависит от тебя. А когда сидишь в конторе, чувствуешь себя мелкой козявкой. Бывает, выполняешь какое-то якобы важное задание, волнуешься, стараешься успеть, наконец, сдашь – а на душе пусто. А почему? Потому что фикцией какой-то занимался, ерундой…

– Потому что не видишь дальше своего носа.

– А на земле труд всегда дает реальный результат. Дает уверенность, делает человека хозяином жизни…

– Тот самый – грязный, тяжелый, беспросветный? А как же эти неубранные поля под осенним дождем, бесконечные, проклятые?

– Так ненавистные они, потому что чужие! Колхозные, пропади они пропадом! А свои, они желанные и родные. И чем они больше, тем лучше. Тут уж никаких сил не жалеют, чтобы добро собрать, сохранить, сберечь…

– И где ты такое видел?

– Потому что не дают, сволочи городские! Не дают крестьянину работать на себя. Всегда грабили и грабят. Везде, при любом строе. А ведь дай ему кусок земли, леса и луга, и ему больше ничего не надо, он выживет даже в дикой природе. Построит избу, прокормит семью и скотину, и еще на рынок продукты повезет. И будет жить, и радоваться этой жизни и этой работе.

– И город ему совсем не нужен? Обойдется без цивилизации?

– Жили и без города. Разве что железо нужно было для инструментов. А делали их сами, в каждой деревне был свой кузнец. А если не хватало, так и деревянными обходились. И ткани делали, и одежду, и обувку.

– Зовешь человечество назад, в светлое прошлое? К сохе-матушке, коровушке-кормилице?

– А зарекаться не надо. Случись серьезная заварушка, спасутся те, кто живет на земле. Крестьянин без цивилизации проживет, а цивилизация без него нет. Именно крестьянство обеспечит выживание человечества, если что…

– И что это за жизнь? Сидят в непролазной грязи по уши.

– А это как посмотреть. Начнем с того, что в природе грязи нет, а есть глина, песок, торф, чернозем и так далее. Грязь возникает там, где ее не должно быть. То есть, в городе.

– А в деревне, значит, грязь чистая?

– Да, природная, натуральная. И даже в осенней непогоде есть своя прелесть. Я это хорошо помню, с детских лет. Я же в деревне, считай, жил, на земле. Выскочишь, бывало, поздним вечером по малому делу – охватит тебя сырой прохладой,

мелкий дождичек сеет, тьма непроглядная, где-то вдали огонек теплится. И тишина. До звона в ушах. Только редкие капли с крыши падают да где-то вдалеке собачий лай. Замрешь, вслушиваясь, и вдруг накатит какое-то древнее чувство одиночества на этой огромной земле. Даже сердце защемит…

– Вот-вот. Хоть волком вой.

– А воздух какой! Вдохнешь его полной грудью — он землей влажной пахнет, свежестью живой. Чистый, вкусный, плотный. Дышишь — не надышишься! А потом передернет тебя ознобом, заскочишь в дом, и оттаешь у теплой печки…

– Да, скудное у тебя было детство.

– Может, и скудное, да не паскудное. И сама жизнь была истинная. Потому что на земле человек живет в единстве с природой, по ее законам. Вот, к примеру, наступает весна. Солнышко пригрело — побежали ручьи, речка вскрылась, птицы щебечут, небо голубое, бездонное. А как на душе светло! Все живое радуется весне долгожданной. Тут уж и до посевной недалеко. Хозяин готовит соху и борону, лошадку подкармливает, по шее гладит, а она ему благодарно улыбается. Хоть и тяжело пахать, да радостно — вовремя отсеялись, зерно в теплую и влажную землю легло…

– Сам, что ли, пахал?

– Сам не пахал, по малолетству. Но родителям помогал. И рано понял, что земле-матушке поклониться надо — и вскопать, и забороновать, и засеять. Весной в хозяйстве каждый день на счету — все нужно в свой срок сделать. Тут и сад отцвел вовремя, без заморозков — значит, быть и яблокам, и грушам, вишне, сливе и прочей ягоде. Хоть прошлогодние припасы уже подъедаются, да не беда — первый щавель пробился. А щи из него молодые, заправленные домашней сметаной и рубленым яйцом, чудо как хороши! Время весеннее, бодрое, в хлопотах быстро пролетает — вот уж июньское солнце силу набрало, всякую зелень в рост торопит. В эту пору главная забота — прополка, сорнякам воли не дать…

– Да уж! Корячиться кверху задницей…

– А вскорости и травы луговые поднимаются. Пора косить — коровушке-кормилице да лошадке на зиму готовить сено душистое. Рано встает на покос хозяин, до рассвета, косу правит и на луг отправляется. А там — хорошо-то как! Воздух свежий от ночной прохлады, ароматом цветущей земли напоенный, от зелени молодой вкусный — не надышишься! Роса ноги холодит, а солнышко за близким лесом просыпается, жаркий день обещает. Птицы щебечут на все голоса…

– Комары заедают…

– А трава стоит густая, цветами полевыми украшенная, росой бриллиантовой покрытая. Взглядом поведи – то малиновой, то изумрудной, то синей искрой глаз колет. Красота! Но и дело надо знать – коси коса, пока роса! Тяжелая работа, а радостная. А как солнце силу наберет, росу подсушит, тут и перекусить пора, и отдохнуть можно – в тени, на скошенной травке. Хорошо! Закинешь усталые руки за голову, задремлешь, а какой-то цветочек душистый щеки касается, щекочет. Сколько их разных – полевых и садовых! И у каждого свой запах – куда там парфюмерам!

– Ну, лирику развел!

– А как закончили покос, сено травоцветное выходят ворошить, чтобы на солнышке прожарить, сухое на сеновал закинуть. А как на нем спится летними ночами!

– С ненаглядной певуньей в стогу ночевал?

– А какое оно душистое! Вытянешься на нем, и такая сладостная дрема тебя охватит! Вот оно, простое человеческое счастье…

– Я бы сказал, слишком простое.

– А лето разгорается, в жаркую пору входит. В огороде все растет, поднимается. Картошка цветет, стеной стоит, свекла с морковкой набирают силу, капуста разлопушилась, лук и чеснок стебли подняли. Плети огуречные из грядки расползаются, а в их изумрудной тени пупырчатые зеленцы нежатся – хрустящие, душистые! И все это к столу идет – свое, чистое, свежее. В солнечный день стол в саду накрывают, а на нем окрошка на холодном квасу, яичница горячая, на сале, скворчит, с картошечкой молодой переговаривается. А она, круглая, топленым маслом политая, душистым укропом посыпанная – во рту просто тает. А редиска румяная, сочная, вместе с лучком молодым на зубах весело хрустит…

– Ладно, хватит! Убедил.

– Да это же только середина лета! Еще не отошла земляника лесная, душистая, а тут уже и чернику пора собирать. Ты пробовал молочный суп с черникой и земляникой? Да не варят его! А ягоду в тарелках пересыпают сахаром и заливают холодным молоком из подпола. И со свежим пшеничным хлебом, с хрустящей корочкой…

– Еще раз говорю: хватит!

– А ведь скоро и прочая ягода лесная да садовая созревать начинает: малина, смородина, крыжовник. Тут уж и вечера заняты: варенья варят. Помню, бабушка это в саду делала, на костре, в сияющем медном тазу. А нам, мелюзге, пенку на тарелочку откладывала. А вареники с вишней какие варила!

Горячие, сочные, алым соком брызжущие, со сметаной густой, желтой…

– Кончай издеваться! Живот подводит, на ночь глядя.

– Да я тебе только малую долю крестьянской жизни раскрыл! Ведь есть еще благодарный труд уборки урожая – утомительный, а радостный. А еще разные заготовки на зиму. А еще грибной и ореховый сбор. Ты сам за грибами не ходил, третьей охотой не увлекался? Душевное дело. Иной раз в заветное место попадешь – глаза разбегаются! Молодые крепыши стоят, из травки на тебя поглядывают, с коричневой бархатной шляпкой, на плотной толстой ножке. Их обычно солят, простым засолом – с перцем, чесноком, укропом. Под холодную водочку лучшей закуски нет. А какой суп из белых грибов! Густой, золотистый, вкуса непередаваемого…

– Еще слово, и я тебя прибью!

– Сдался? То-то же.

– Картину ты выписал благостную. Почему же народ бежит из деревни?

– Да, это проблема. Все-таки на селе работа тяжелее и грязнее. А быт и условия хуже. И культурных развлечений мало. И все информационные и денежные потоки крутятся в городе. Как ни обидно, провинция всегда была на обочине цивилизации. И хуже всего то, что идет негативный отбор. Лучшие уезжают, вот в чем беда. Да мы об этом уже говорили!

– Это не беда, а норма. Чем умнее человек, тем менее он там востребован. А город аккумулирует интеллектуальные ресурсы, дает способным людям возможность реализоваться. Вот тебе еще один довод в пользу умственного труда…

– Но жрут-то они то, что выращено на земле! Тем самым колхозником. Это мало кто помнит и ценит. А вот Лев Толстой уважал крестьянский труд, ценил крестьянство как кормильца, полагал солью земли русской. И с пренебрежением относился к умствованиям интеллигенции. Включая свои писательские занятия…

– Это он из нравственных соображений.

– А помнишь, что говорила Ирина в «Трех сестрах»? Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, или машинистом на железной дороге. Что человек должен трудиться в поте лица, и в этом смысл и цель его жизни, его счастье. И даже его восторги…

– Ну да. А сама эта Ирина спала до двенадцати часов. А потом еще два часа наряжалась. А когда, наконец, устроилась работать на телеграф, оказалось, что в этой работе нет никакой поэзии…

– И Вершинин говорит: «Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков»…

– Да ты что? Это же цитата из программы КПСС. Ай да Чехов, ай да марксист! Я тоже что-то такое припоминаю. Они там, в его пьесах, все мечтали поработать. Сидя в шезлонгах и пеньюарах. А барон Тузенбах, кажется, заявил, что через какие-нибудь 25-30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый! Представляешь?

– Ну да. И что?

– Это были поистине пророческие слова! Пьеса же была написана в 1900 году. К счастью, сам Тузенбах не дожил до этого светлого будущего. Не увидел, как товарищ Сталин воплотил его мечту в жизнь. Снабдив серпом и молотом того самого каждого. Чтобы вставал чуть свет и с восторгом долбил камни. На Колыме…

– А кто, по-твоему, должен делать такую работу? Прокладывать дороги, строить дома и заводы, пахать, сеять, убирать урожай…

– Кому-то приходится. Но они сами виноваты. Не хотели учиться, родителей не слушали. Хотели легкой, веселой жизни. Но если считать жизнь праздником, можно сильно ошибиться. Самые легкие дороги ведут не в Рим, а на помойку жизни. Кто не вкалывает в школе, будет вкалывать после нее, всю оставшуюся жизнь…

– Ну, ты и обличитель! Если бы все было так просто. А наследственность, а семья, а условия жизни?

– Ну и что? Кто-то благодарит родителей за то, что заставляли учиться дурака, а кто-то, наоборот, злится. Кому-то проще машину дров разгрузить, чем решить школьную задачку. Многие предпочитают напрягать мышцы, а не мозги.

– А что будет, если все однажды поумнеют и откажутся от плохой работы?

– А куда деваться? Жить-то надо. На любую работу находятся желающие, дело в цене вопроса. А не захотят сами, так заставят. Как это делал товарищ Сталин. А еще раньше товарищ Хеопс.

– Слава Богу, Беломорканал уже построен…

– Но Байкало-Амурская магистраль еще нет!

– Не беда. Умный человек всегда найдет способ…

– Увильнуть от такой работы?

– Зачем? Выполнить ее с помощью механизмов. Один экскаватор делает больше, чем сто китайцев. А в будущем, я думаю, изобретут каких-нибудь универсальных роботов. Которых можно будет настроить на любую работу — хоть на физическую, хоть на умственную. И у каждого будет свой персональный робот. Представляешь? С вечера не будильник заводишь, а робота, свой

полный дубликат. Причесал его, пыль с ушей смахнул и поставил на подзарядку. А утром он включится, стараясь не шуметь, сделает гимнастику, почистит зубы и пойдет за тебя на работу. А ты сам только дважды в месяц будешь ходить…

– Понятно, в кассу. А если он напортачит там?

– Ну, можно изредка прийти, поправить, если что не так. Но это вряд ли понадобится – остальные ведь тоже роботов пришлют. Да и начальник будет роботом, пусть его и ругает. Как-нибудь там договорятся между собой, на алгоритмическом языке. А в крайнем случае пусть его и увольняют. Сдашь его в металлолом, а себе нового закажешь…

– Эх, и время будет, Василий Иваныч! Помирать не надо…

– Будет, Петька, будет. Вот добьем беляков, за прогресс возьмемся. Не будет трудовой народ спину гнуть. Все будет техника делать. Даже дворы будут подметать электронными метлами. А канавы копать автоматическими лопатами, с числовым программным управлением. На полупроводниках, с лазерным наведением. Настроил ее на размер канавы, установил режим «копать от забора и до обеда», а сам пошел пиво пить…

– Ну, это будет уже при полном коммунизме!

– Само собой, Петька. Когда у каждого будет по вертолету. Чтобы в Москву за колбасой летать.

– Дожить бы, а, Василий Иваныч!

– Доживем, Петька, доживем. До восьмидесятого рукой подать.

– А я чего-то сомневаюсь, Василий Иваныч. Нет, насчет коммунизма вопросов нет! Все там будем, никуда не денемся. А вот насчет самокопающих лопат есть сомнение. Заменит ли электроника человека? Как подумаешь, сколько ее, ручной работы…

– Не все сразу, Петька. Постепенно. По мере развития технологий любой труд будет становиться все более сложным, квалифицированным. Роль знаний будет возрастать, и, в конце концов, весь физический труд превратится в умственный…

– Нет, все это сказки. От ручного труда избавиться невозможно. Он будет всегда, даже при полном коммунизме. И канавы эти самые, грязные, будут всегда. И трубы в них придется ремонтировать…

– Если все сразу делать с умом, ремонтировать не придется.

– Это утопия! Ломается все и всегда. Ломается то, что должно ломаться, и ломается то, что не должно ломаться. Всемирный закон. Да чего говорить? Оглянись по сторонам! Все, что нас окружает, сделано человеческими руками…

– Нет уж, извини! Все, что нас окружает, создано

человеческим умом! Все это было когда-то кем-то придумано. Радиоприемник, автомобиль, холодильник, швейная машина, даже шпингалет на окне. Кто-то все это однажды изобрел, а безымянные инженеры, конструкторы, технологи довели до ума. Спроектировали, из чего и как сделать, наладили технологию и производство. И все это умом, заметь! А рабочие только выполнили производственные задания: выточили детали и собрали их по заданной схеме. И превратили бесплотные мысли инженеров в полезные изделия. Но их ручной труд можно автоматизировать. Рано или поздно все эти механические операции вместо людей будут делать те самые роботы…

– А сейчас ты скажешь фразу Энгельса о пчеле и конструкторе.

– И скажу! Потому что умный рабочий понимает, что он не гегемон, а всего лишь исполнитель того, что задумали инженеры. А умные инженеры понимают, что они не соль земли, а пролетарии умственного труда. Реализующие открытия, сделанные учеными.

– А что понимают умные ученые?

– Вот они как раз понимают не всё. Но стараются понять. А в целом получается законченный цикл превращения знаний в материальные ценности. И в этом смысле человеческий ум созидателен. И ученые, которые стоят у истоков этого процесса, тоже являются производительной силой. Поэтому умных людей нужно ценить. А тот, кто давит интеллигенцию рабоче-крестьянской диктатурой, будет вечно пахать серпом и молотом…

– Пашут плугом. А серпом жнут.

– Но с тем же успехом. Сверху молот, снизу серп — это наш советский герб. Хочешь жни, а хочешь куй — все равно получишь…

– Трудодень!

– Короче говоря, будущее за умственным трудом.

– А вот это вопрос: что считать умственным трудом? Например, шофер — он каким трудом занимается, умственным или физическим? Ведь уважающий себя водитель не станет разгружать машину. Для этого есть грузчики. А продавцы? А парикмахеры? А портные?

– Не знаю, как парикмахеры, но продавщицы при каждом взвешивании производят в уме серьезные вычисления. Не каждому ученому по силам…

– Ладно, отнесем торговлю к умственному труду. А поварихи? Они же обходятся без вычислений, больше доверяют своему глазу и вкусу. Значит, их нельзя отнести к

интеллектуальной элите? А милиционеров? Они каким трудом заняты, умственным или физическим? А сторожа? Разве твоя профессия требует интеллекта? Нет. Это занятие для тех, кто вообще ни на что не годен. – Обижаешь. Я занимаюсь сугубо умственным трудом.

– И тем самым грубо нарушаешь трудовую дисциплину. Ведь это не входит в твои служебные обязанности. Нехорошо! Или вот конторская работа – носить бумажки из кабинета в кабинет – разве она требует ума? Для чиновника вообще не важен результат, главное – мнение начальства…

– Но при этом сфера услуг и управления все более расширяется. И это один из показателей прогресса. Который освобождает людей от физического труда. И вообще, уровень развития любого общества прямо пропорционален объемам умственного труда и обратно пропорционален объемам физического. Так и запиши!

– Как записать?

– $Ur = f(Tu / Tf)$, где $0 < Ur < \infty$.

– Значит, будущее принадлежит чиновникам и продавщицам? Ну и перспектива! А хоть какие-то романтические профессии останутся? Полярники, разведчики, космонавты?

– С обветренными лицами и отвагой во взоре? Само собой. Но и от них требуется, в первую очередь, профессионализм, дисциплина и аккуратное исполнение инструкций. Рутинная, по сути, работа…

– Но в экстремальных условиях! Что ни говори, полярники полностью оторваны от цивилизации и должны сами себя обеспечивать. Сантехника не вызовешь, если что.

– Это верно. Романтика этих профессий как раз и состоит в преодолении бытовых трудностей. При минус пятидесяти даже отправление естественных надобностей превращается в подвиг. Я слышал, на вечной мерзлоте утилизация бытовых отходов это серьезная проблема. За долгую полярную зиму нарастают целые сталагмиты из отходов жизнедеятельности. А ведь по весне все это начинает таять и благоухать. Романтика, блин! Но об этом на встречах с пионерами не рассказывают…

– Тебе бы все опошлить.

– Это суровая правда жизни, молодой человек.

– Тут ведь есть еще один момент. Я примерно знаю, что такое физический труд…

– Дело нехитрое, Петька: бери больше, кидай дальше! Отдыхай, пока летит. Круглое тащи, квадратное кати…

– Знаю, что нужно напрягаться, преодолевать усталость, терпеть. Но зато результат всегда налицо. Работает, например,

бригада – видно, кто старается, кто что сделал, кто чего стоит. А в умственном труде? В голову не залезешь – думает человек за столом или дремлет. Я слышал, один программист диссертацию так сделал – прямо на рабочем месте. Сидел и думал над своей темой. Начальник как ни зайдет, тот сидит, уставившись в распечатки программы. А под ними лежал листок с его формулами и пометками. А через год приносит шампанское и торт – защитился, значит. Стал кандидатом физико-математических наук, без отрыва от производства. Начальник потом зубами скрежетал…

– Значит, ерундой они там занимались. В серьезных конторах дают серьезные задания. Которые дай Бог выполнить в срок. Там каждый на виду, за чужую спину не спрячешься. А самое неприятное бывает, когда неожиданно ставят срочную нестандартную задачу. И никого не волнует, учили вас этому в институте или нет. Иной раз вообще непонятно, как к ней подступиться. А это всегда стресс. Потому что человека больше всего пугает неизвестное. А делать надо. Не подвести, не опозориться. Взять себя в руки, найти нужное решение. Это тебе не кувалдой махать.

– Да я согласен! В любом деле нужно включать мозги. Но это не привилегия интеллигенции. Есть умные рабочие и бездарные инженеры. По правде говоря, инженеров, которые занимаются серьезным делом, не так уж и много. Вон их сколько просиживает штаны в разных КБ и НИИ. Да и у нас то же самое. Положа руку на сердце, мышиной возней занимаемся. И только когда видишь на здании Киевского вокзала в Москве табличку с именем построившего его инженера, понимаешь масштабы деградации…

– Так это был дореволюционный инженер!

– Да, таких уже нет. А вот рабочие встречаются. И не только с золотыми руками, но и с золотой головой. Знаешь сколько хитростей в работе плотников и столяров? Да при ремонте той же самой трубы в канаве. Вот, например, как ты приваришь ее нижнюю часть?

– Ну, там же профессионалы, как-то ухитряются подлезть…

– Эх ты, теоретик! Это невозможно. Для этого вырезают окошко в трубе сверху и сквозь него заваривают шов в нижней части, а потом приваривают заплатку. Но это, можно сказать, мелочь. Бывают нестандартные ситуации, в которых надежда только на природный ум. Я помню одного такого провинциального умельца, нашего соседа. Он числился мастером по ремонту бытовой техники, но к нему обращались по разным техническим вопросам. Он обычно отвечал «Ничего не обещаю. Но посмотрим, покумекаем» и начинал врубаться в работу

устройства. Конечно, ему не хватало высшего образования, но он рылся в документации, в справочниках и до многого доходил своим умом. Занимался не только на работе, но и дома. И, в конце концов, исправлял устройство. Ему неплохо платили, но главным было удовлетворение от решения проблемы, от полезного дела для людей. И за это его уважали больше, чем дипломированных специалистов. Завидная судьба!

– Но таких умельцев у нас раз-два и обчелся. А остальные? Ведь твой Данила-мастер фактически занимался умственным трудом. Это его и грело. А если бы тупо вкалывал за станком, вряд ли бы любил это дело. Рабочий класс идеализировать тоже не стоит. Среди них полно сачков и халтурщиков. Которым что ни поручи, все без интереса.

– Но и квалифицированных мастеров немало. Разве краснодеревщик не может любить свою работу? Если ты сделал хорошую вещь, тебя будут вспоминать добрым словом. И наоборот. Поэтому нельзя халтурить, нельзя оставлять по себе плохую память…

– Ладно, слезай с трибуны! Может, еще моральный кодекс строителя коммунизма зачитаешь?

– И зачитаю! Только не коммунизма, а капитализма. В этой самой книге о работе один американец рассказывал, чему его с детства учил отец. Чем бы ты ни занимался, работай в полную силу, будь честным к самому себе. Делай свое дело так хорошо, как только можешь. Чтобы люди тебя уважали. И чтобы жена тебя уважала, и дети уважали. А главное, чтобы ты сам себя уважал.

– А если работа не нравится? Если от нее тошнит, проклятой, ненавистной?

– Да не должна она быть ненавистной! Любимой и счастливой должна быть. Нужно только найти ее, родную, Богом данную…

– Легко сказать!

– А это как с женой. Если нет лучшего, полюби то, что имеешь. Этот самый сосед-умелец как-то был у нас в гостях, выпил немного и разговорился на эту тему. Никаких особых секретов нет: нужно врубаться в дело. В любую работу нужно вникнуть, погрузиться. Как бы войти в какой-то воображаемый дом, с помещениями, закоулками, жителями. Оглядеться, разобраться в обстановке, понять, что к чему. В общем, быть внутри дела, а не снаружи.

– Ну, это известно! Обучение сантехников методом погружения. В канализацию. Настоящий мастер с головой уходит в работу…

– Я говорю серьезно. И он мне так говорил. Это очень важный

момент, может быть, самый важный. Это непросто, иногда мучительно трудно. Ковыряться в каком-то грязном механизме или рыться в тех самых тошнотворных СНИПах, когда кажется, что где-то рядом идет другая, живая, настоящая жизнь. Это еще можно как-то пережить в плохую погоду, но весной, когда расцветает природа, бывает просто невыносимо. Но нужно терпеть…

– А жить когда?!

– А ты слышал притчу о мальчике, который копал в сторонке?

– Нет.

– В одном маленьком городке жил грустный мальчик. Он был некрасивым, робким и неловким, и его сверстники, веселые и красивые мальчики и девочки не приглашали его в свои веселые, интересные игры. Поэтому он одиноко сидел в углу песочницы и строил домик из песка. Иногда он поднимал голову и с завистью смотрел на играющих детей, но осознав, что его там не ждут, вздыхал и снова возвращался к своему жалкому домику. Всеми забытый, он ковырялся в песочной куче, подгребал песочек, прихлопывал его ладошкой и старательно выстраивал песочные башенки. Иногда они осыпались, и он, огорченно шмыгнув носом и покачав головой, терпеливо поправлял их. Одни башенки получались лучше, другие хуже, а некоторые были по-настоящему красивыми и даже нравились ему самому. Он старался придумать им какие-то новые, необычные формы, и радовался, когда это получалось. Это занятие все больше увлекало его, и он все реже оглядывался на шумную компанию других детей. Но однажды, протянув руку за кучкой влажного песка, он почувствовал легкое прикосновение чьей-то нежной ладошки. Тихая, невзрачная девочка в скромном платьице осторожно подгребала ему горстку песка, робко поглядывая на него сквозь прядку черных волос. Он улыбнулся ей, и они стали строить замок вместе. Время шло, веселые дети росли, их игры менялись, у них появлялись другие, большие игрушки. Самые шустрые из них перебирались в иные, далекие, загадочные дворы и играли там в новые, взрослые игры. И некоторые из них в этих играх сильно преуспели и изловчились насобирать много сверкающих камешков и блестящих монеток. А за эти монетки они выменяли себе множество красивых заграничных игрушек: домиков с нарядными куколками внутри, разноцветных машинок, а некоторые даже корабликов с парусами и моторчиками. Когда им наскучивали одни игрушки и куколки, они их выбрасывали и покупали другие. Но и новые игрушки им скоро надоедали, и они их снова меняли, не понимая, почему от них все меньше радости, и почему им становится все скучнее жить. И вот однажды они решили посетить свой старый двор, в

маленьком городке, где прошло их детство. И они приехали туда, повзрослевшие, но такие же красивые, загорелые и успешные, полные впечатлений от увиденных ими далеких, удивительных дворов и от своей веселой и счастливой жизни. С ностальгическим высокомерием вошли они в невзрачный дворик своего детства и замерли от удивления. На месте старой песочницы возвышался большой, красивый замок. А рядом с ним стоял тот самый неуклюжий мальчик, постаревший и поседевший, но с теми же грустными глазами…

– А мальчика звали Алик, с несуразной фамилией Эйнштейн?

– Не знаю. Возможно. А рядом с ним, вцепившись в его руку, стояла какая-то серая мышка с черными и тоже печальными глазами. И было ясно, что им хорошо вместе. И хорошо без новых игрушек и блестящих монеток. А у тех, кто это все имел, на самом деле было далеко не все так хорошо, как они изображали. И они вдруг остро почувствовали это. Им даже показалось, что вся их веселая жизнь и все их игрушки поблекли и стали нереальными. А его воздушный замок был прекрасной действительностью…

– Значит, справедливость восторжествовала?

– Не сразу.

– Так в чем мораль этой сказки?

– Если долго мучиться, что-нибудь получится. Делай свое дело, и будь что будет.

– «Пилите, Шура, пилите»? Это банально, юноша.

– Но только тот, кто занят достойным делом, может стать победителем. Судьба обязательно его отблагодарит. Рано или поздно.

– Бывает, что слишком поздно…

– А другого пути нет. Зато когда освоишь дело, когда станешь его хозяином, когда появится личный интерес, ты сможешь сделать что-то такое, чего не смогут другие…

– Вроде песчаного замка?

– И ты обрадуешься, как Юлий Ким: «Получилось хорошо!». И тебе захочется сделать еще лучше. И ты полюбишь свое дело, и будет оно тебя греть в любую погоду. И ты сам станешь другим человеком, хозяином своей судьбы. Как говорили древние: fabricando fit faber[5]. И если это удастся, будет тебе счастье. А если нет, будешь мучиться, как на каторге…

– Опять проповеди! Тебе бы на амвоне стоять, с паникадилом. И откуда в тебе этот пионерский энтузиазм?

– А любимое дело само ведет человека по жизни. Увлеченный человек — счастливый человек. Он живет полной жизнью, не коптит небо, не мается, дожидаясь конца рабочего дня. И неважно

кто он — ученый, журналист, автомеханик, пчеловод. Потому что каждый увлеченный делает больше, чем десятки принуждаемых. Потому что нет ничего лучше любимого дела. Оно никогда не в тягость, всегда греет душу. А то, что кажется раем нищим и шутам — зеленый штоф, белые салфетки, шашлычок под коньячок, доступные девки — рано или поздно приедается и вызывает только скуку…

– Эх, пожить бы этой скучной жизнью годик-другой!

Это был тот случай, когда моя правота была очевидной, а он возражал из чувства противоречия. Разгоряченный спором, я пытался найти все более убедительные доводы в свою пользу. Но человек, доказывающий очевидные истины, выглядит глупо, а я как раз находился в этом положении. И это его, похоже, забавляло. Он обладал дьявольской изворотливостью в словопрениях, ухитрялся доказать недоказуемое. Примерно так, как мастер, играя в шахматы с любителем, вынуждает его признать поражение, а потом разворачивает доску и выигрывает казавшуюся безнадежной партию. А если он чувствовал, что проигрывает, ухитрялся увести разговор в сторону или завести в логический тупик.

Встречаются демагоги, способные любую истину утопить в потоке казуистики и словоблудия. Глядя на это, я понимал, почему и в жизни далеко не всегда побеждают правые. Потому, что зло и неправда бывают умнее и сильнее добра и правды. А это неправильно. Поэтому добро должно быть не только с кулаками, но и с головой.

– А увлеченный человек — как влюбленный. Когда ты влюблен, ты находишься в состоянии беспричинной радости. Иногда сам удивляешься: чего так хорошо? А просто вспомнил о любимой…

– Работе? Обычно от этого настроение только портится.

– Скульптуре! О том, что она, незавершенная, всю ночь тоскует о тебе, своем создателе. Чтобы ты ее погладил, приласкал, открыл в ней красоту, неизвестную ей самой. Как это делал Микеланджело. Или о любимой картине, в которой нужно сделать еще несколько гениальных штрихов. Как Леонардо да Винчи, который бесконечно совершенствовал свою «Джоконду». Или о своей гениальной поэме. Или о симфонии…

– А может, ты и сам тайком пишешь оперу?

– Мне пока ему не о чем писать. И надеюсь, не придется.

– Блажен, кто верует…

– А меня поражает, что ты этого не понимаешь.

– Да можно бы понять! Если бы речь шла о каком-то стоящем деле. Если бы работать у Королева, Курчатова или Ботвинника.

Над чем-то достойным, вроде искусственного интеллекта или полета на Марс. Когда идет поиск на переднем крае. Когда запущен какой-то эксперимент, и все ждут результатов: «А вдруг там что-то невероятное? А что дальше?».

– Так и я о том же! Разве можно ждать понедельника?

– Конечно, нет. Если овчинка стоит выделки…

– Да любая овчинка стоит выделки! Какую кому Бог послал. Я тоже, бывает, получаю удовольствие от своей работы. Когда получается универсальный и лаконичный алгоритм. И программы бывают красивыми…

– Красивыми?

– Эх ты! А еще говорил, что разбираешься в программировании. Программы бывают даже изящными. Когда они выполняют то, что нужно, и в них нет ничего лишнего. Как в скульптурах Микеланджело. Это заводит по-настоящему. Бывает, и ночью приходят какие-то мысли…

– Ну, молодец! Поздравляю. Если утром хочется на работу, значит, половина счастья у тебя уже есть. Дело за малым.

– К сожалению, от нас это не зависит. Вспомни Сократа.

– А мы его ошибку исправим! Нам философия ни к чему. Найдем тебе достойную подругу жизни. Комсомолку, спортсменку. Есть у меня на примете одна парашютистка, подруга моей подруги. Только и тебе придется это дело освоить…

– Ну вот, начинается: «Будь таким, как я хочу!».

– Слабо, что ли? Ладно, вместе займемся. А по специальности она филолог. Диплом по средневековой поэзии: трубадуры, миннезингеры, ваганты. Значит, и твой поэтический дар оценит.

– Мне важно, чтобы ты оценил. То, что я тебе сейчас говорю.

– Да разве я против? Конечно, лучше любить работу, чем мучиться на ней. А еще лучше, когда ты мастер, и работа горит в руках. Когда она сделана классно и принесла пользу людям…

– А еще лучше, когда никто не сделает ее лучше тебя!

– Это вряд ли.

– «Не оставляйте стараний, маэстро. Не убирайте ладони со лба».

– Не оставлю и не уберу. Но ты, кажется, не закончил сказку про мальчика в песочнице. Дали-таки ему заслуженную Нобелевскую премию? В категории песочных замков.

– Да, насчет справедливой награды. Дело в том, что при виде красивого замка у веселых и успешных взрослых мальчиков сразу испортилось настроение. И девочкам тоже почему-то стало невесело от сцепленных рук и сияющих глаз этой невзрачной провинциальной парочки. Потому что они тоже кое-что вспомнили из своей личной жизни. И вообще, во всем этом была

какая-то обидная неправильность. Этот замок сильно огорчил их, а некоторых даже оскорбил. И тогда один из них, самый веселый и злой, смело подошел к замку и сбил самую красивую башенку. И остальные тут же поняли, что это правильно, что так и надо делать. И тоже начали ломать ненавистный замок. Одни из них делали это с радостной злостью, другие — сначала неохотно, чувствуя какую-то неловкость и даже как бы обижаясь на мальчика за это неприятное чувство, а потом со все большим азартом. А он молча стоял, обнимая рыдающую подругу, и глаза его были подобны умирающим звездам. А взрослые дети все более входили в раж, и лишь когда замок был полностью разрушен, испытали чувство облегчения. Потому что в мире снова установилась справедливость.

– Однако.

– Как-то так.

– Грустная сказка. К счастью, в жизни все не так трагично.

– Надеюсь. Ты вот давеча говорил насчет выделки овчинки. А ведь такая есть. И для этого не обязательно лететь на Марс. Я где-то читал описание идеальной карьеры. Правда, у них там, за бугром. Во-первых, нужно поступить в престижный институт и хорошо себя проявить. Во-вторых, устроиться на работу в серьезную лабораторию, которая занимается актуальными проблемами. В-третьих, сделать какое-то изобретение и получить на него патент. А на его основе реализовать бизнес-проект по выпуску какого-то нового, нужного людям изделия, которое принесет финансовый успех.

– Модель, конечно, интересная. Включая возможность осчастливить человечество. Но вот насчет финансового успеха есть сомнение. Даже если тебе удастся изобрести что-то невероятное, это не значит, что ты обогатишься. Потому что успех в науке не гарантирует успеха в бизнесе. Это занятие специфическое.

– Ну почему? Сам по себе бизнес не требует семи пядей во лбу. Что может быть проще коммерции? Купи дешевле, продай дороже. По сути, нет особой разницы, чем торговать — жвачкой в школьном туалете или вагонами пиломатериалов на товарной бирже. Разве что в оформлении документов. Наладил дело и крути его, наращивай обороты. Сам себе хозяин, никто тобой не командует…

– Размечтался! Нет большей кабалы, чем собственный бизнес. Он не даст тебе покоя ни днем, ни ночью. Забудь о выходных и отпуске — в бизнесе нет нерабочего времени. Если не будешь успешен, тебя обойдут более шустрые конкуренты. Бизнес — это вечный стресс. И чем он крупнее, тем больше риски. Придется

постоянно принимать решения, от которых зависит успех дела, а при ошибках терять очень большие деньги…

– А если нанять управляющего?

– Потеряешь контроль, не будешь знать, что происходит. Как он управляет твоей собственностью? Бережно или рискует? Или уже угробил ради текущей прибыли? А может, он твоим бизнесом уже на себя работает? А ты ему еще и платишь за это. В любом случае головная боль обеспечена…

– Ну, запугал! Миллионы людей занимаются бизнесом.

– А разоряются в сто раз больше.

– Но ведь есть и успешные!

– Ну да. Есть такие, с шилом в заднице. Авантюристы, желающие получить все и сразу. Те, кто раньше мыл золото на Аляске, а теперь добывают его в дебрях Манхэттена. Азарт в этом деле, конечно, есть. Но и нравы царят соответствующие. «Дороги, которые мы выбираем» помнишь? И ты, занимаясь бизнесом, станешь таким же. Все происходящее будешь взвешивать на весах выгоды, и на людей смотреть с той же точки зрения…

– Зато станешь хозяином жизни!

– Торгуя сантехникой? Ну, не знаю. По-моему, это занятие для ограниченных людей. Все строгают бабло, и ты строгаешь. Кто-то настрогал больше, кто-то меньше. И что? Отдать этому жизнь? Да и не в деньгах счастье, это доказано давно…

– Не скажи! Деньги дают человеку свободу.

– А большие деньги ее отнимают.

– Я думаю, истина, как всегда, где-то посередине.

– К счастью, нам с тобой избыток денег не грозит.

– Значит, нет ее, идеальной работы, Василий Иваныч?

– Слышал я о таком чуде, Петька. Рассказывали заморские купцы. Про вольный труд на лоне цветущей природы. Один наш ученый был за границей, на симпозиуме, и его пригласил в гости знакомый профессор. Он живет недалеко от Брюсселя, в загородном доме со всеми удобствами. Несколько раз в неделю ездит в университет читать лекции, встречается с коллегами. Он в курсе всех событий, на переднем крае науки, регулярно публикует статьи. Но при этом живет среди жасминов и бальзаминов. Размышляет над своими научными проблемами, сидя в уютной мансарде, у окна, открытого в сад. Птички щебечут, солнышко блестит, ветерок шевелит занавеску. А еще у них с женой небольшой участок при доме. С газоном, цветами и даже крошечным огородом. У них там растет несколько кочанов капусты, какие-то овощи, зелень, салат. А когда его навещают коллеги, он с гордостью угощает их этим собственноручным салатом. И они это очень ценят.

– Понятно. Это и есть твоя голубая мечта. Домик с венецианскими стеклами, увитый виноградом. Та самая башня из слоновой кости, приют одинокого философа.

– А чем это плохо?

– Мечты, мечты, где ваша сладость?

Где вы теперь, далекие семидесятые? Славные годы, золотые годы. Незабвенное, счастливое время. Время длинноволосых хиппи с их наивными идеями и несбыточными мечтами, рок-музыки с ее сумасшедшим драйвом, пьянящая атмосфера свободы, любви, радости. А мода тех лет! Стройные, летящие силуэты, расклешенные брюки в обтяжку, приталенные пиджаки с широкими лацканами, огромные пестрые галстуки, разноцветные батники, завязанные узелком на загорелых животах. Их распахнутые воротники, словно крылья, трепетали на ветру и несли нас, молодых, веселых, красивых сквозь сияние семидесятых в далекое, неведомое будущее.

Недавно, перебирая старую одежду в шкафу, чтобы вывезти явно неносимое на дачу, наткнулся на ярко-красную рубашку с пестрым цветочным рисунком. Неужели я это надевал? Примерить, что ли? Нет, уже не сходится. А ведь когда-то была впору. Когда же это было? Да, в середине семидесятых. Почти сорок лет назад! Боже мой, как давно! Даже не верится. Но оно было, это время. Было время носить такую одежду. И были поводы для этого. Были романтические встречи, долгие прогулки под звездным небом, и на этой рубашке, обтягивавшей мою загорелую грудь, лежала чья-то нежная рука. Да, красивая была мода.

А вот и мой любимый галстук. Сколько воспоминаний связано с ним! Он, конечно, уже выцвел и поблек, но не потерял своей изысканности. Помнится, кто-то просил его у меня на свидание. Вместе с вышедшим из моды пиджаком он все еще висит в дальнем углу шкафа, напоминая о прошлом. И я отлично знаю, что уже никогда и никуда не надену эти старые вещи, но рука не поднимается их выбросить. Разве может хозяин выгнать верного пса, друга прежних лет, доживающего рядом с ним остаток своих дней?

Да, у каждой вещи своя судьба. Грустные мысли навевает пиджак с потертыми локтями, висящий на дальней вешалке, среди разномастной поношенной одежды. Он уже давно свыкся со своей участью и потерял надежду обнять своего хозяина. С горькой улыбкой вспоминает он времена молодости, когда был юн, красив и строен, поблескивал искрой самой лучшей ткани и переливами шелковой подкладки. И тот счастливый день их первой встречи, когда хозяин впервые увидел его на витрине

магазина и выбрал среди множества прочих пиджаков. Какая гордость переполняла его в тот миг! Да, это была любовь с первого взгляда. Как нежно обнял он его в первый день их близости, как любовались окружающие их прекрасной парой! Как он старался согреть и украсить своего хозяина, и как бережно относился тот к нему, буквально сдувая с него пылинки. Да, ему есть что вспомнить. И их первый выход в свет, и первый танец, когда на его плечо легла чья-то нежная ладонь, и потом под звездным августовским небом первая измена хозяина, когда он набросил его на озябшие девичьи плечи. Он простил ему ту минутную слабость, как мы прощаем обиды, нанесенные нам близкими людьми. А потом была долгая, счастливая жизнь во взаимной любви. Они были идеальной парой, имели общие взгляды на важнейшие вопросы бытия и никогда не ссорились. Но всему в этом мире рано или поздно приходит конец. И однажды это случилось, как случается то, чего мы втайне боимся и что, как нам кажется, никогда не произойдёт с нами. В тот обычный день, не предвещавший ничего дурного, хозяин куда-то ушел по своим делам, но когда он вернулся, уже кто-то другой обнимал его фигуру. Это был новенький, с иголочки, модный блейзер с блестящими пуговицами, напыщенный и самовлюбленный франт. Он уверенно и нагло занял его заслуженное многими годами верной службы место у самого сердца хозяина, а его, отвергнутого, недрогнувшей рукой повесили в дальний угол темного шкафа. И мир померк для него. Да, он понимал, что поизносился и устарел за те годы, пока верой и правдой служил хозяину, согревал его, был с ним рядом в трудные моменты жизни. Они вместе попадали под дождь, их толкали и мяли чужие плечи в транспортной тесноте, они дремали на потёртых сиденьях метро, задевали локтями побелку стен, а однажды на остановке в ветреную погоду искра от сигареты какого-то курильщика прожгла маленькую дырочку на его рукаве, которую ему долго удавалось скрывать. Он как мог, старался украсить жизнь хозяина, и искренне радовался его обаянию, понимая в глубине души, что того постоянно соблазняют новые, красивые вещи. Да, он понимал, что стареет и теряет прежнюю свежесть и красоту, но что он мог поделать? И вот теперь, одинокий и никому не нужный, доживает свою жизнь на даче, в куче такой же ветхой одежды. Но даже там он оказывается ненужным, потому что не приспособлен ни к хозяйственным работам, ни к походам в лес или на рыбалку. И он знает, что однажды наступит день, когда чья-то чужая рука небрежно снимет его с вешалки вместе с отжившими свой век соседями и отправит в последний путь — на ближайшую свалку.

Красота всегда притягательна, а в молодости кажется нам важнее всех прочих достоинств. Поэтому молодежь придает такое большое значение внешности. Это понятно и простительно. Да, конечно, провожают по уму, но пусть сначала встретят — хотя бы по одежке. В те застойные годы, к нашему большому сожалению, хорошо одеваться было непросто. Модной и красивой одежды в свободной продаже не было, приходилось ее как-то доставать или шить на заказ. Кто-то добывал вожделенные джинсы и дублёнки через знакомых, имеющих доступ к дефициту, кто-то перекупал втридорога у спекулянтов. Так или иначе, эта проблема постоянно занимала внимание молодежи, и часто становилась предметом разговоров. Но только не для него. Он считал эту, как и некоторые другие темы, недостойной обсуждения. Мужчина не должен вникать в мелочи жизни, не должен подробно разбираться в одежде, в еде, в тонкостях вкуса. Потому что главное не следует уравнивать со второстепенным. Сам он был непритязателен в быту и любил приводить в пример Эйнштейна, который на вопрос, какой пеной для бритья он пользуется, ответил, что два сорта мыла для него слишком сложно. Он не считал, что в человеке все должно быть прекрасно, и цитировал своего любимого Монтеня: «Изящество не является украшением достойного мужа». И даже не соглашался с Пушкиным, полагая, что дельному человеку всегда найдется, о чем подумать, кроме красоты ногтей. Достаточно, если они будут чистыми. И даже это несущественно. Хотя он не придавал особого значения одежде, в его облике не было и нарочитой небрежности, которой кое-кто пытается выделиться из общей массы. Он одевался просто, без изысков, но неотразимое обаяние молодости, силы и красоты говорило само за себя. Его атлетическую фигуру подчеркивали слегка расклешенные серо-голубые брюки и приталенная рубашка, расстегнутый ворот которой приоткрывал мускулистую, загорелую грудь. О, этот бронзовый южный загар! Он красив и эротичен. Он тлеет в глубине кожи темно-багровым жаром и притягивает к себе взгляды благородным оттенком красной меди. А в темноте он даже светится!

Впрочем, нас тогда хорошо встречали по любой одежке. Мы, молодые и свободные мужчины в расцвете лет, помимо своей воли имели статус потенциальных женихов. Нас часто приглашали на всякие встречи, вечера, чьи-то дни рождения, и мы их охотно принимали. Наше появление никогда не оставалось незамеченным. Взгляды молодых особ немедленно устремлялись на него. Он буквально купался в женском внимании. Утверждая, что это его не волнует, он явно лукавил. Чего там говорить, балагур и гитарист, он был душой любой компании. Вокруг него

тут же собирался кружок, из которого доносились аккорды гитары и взрывы смеха. И в танцах он тоже был неподражаем. Разумеется, в его исполнении это было не то принятое на наших танцплощадках топтание в полуобнимку, которое у нас понимают под танго, или коллективное мельтешение под быструю музыку. Если он и включался в общий танец, это всегда была эффектная импровизация. Спортивная фигура, чувство ритма, раскрепощенная игра мышц — такую энергетику я видел впоследствии у чернокожих артистов, вроде Бобби Фаррелла из Boney M. Само собой, он прекрасно танцевал вальс и настоящее танго, и еще какие-то латиноамериканские танцы. Наверное, где-то учился. И если ему попадалась достойная партнерша, они выдавали настоящий концертный номер. Это было то, что так точно выразил Высоцкий: «И бережно держа, и бешено кружа, ты можешь провести ее по лезвию ножа». Спокойная сила его надежных рук, ироничная улыбка и уверенный взгляд из-под копны русых волос действовали на женщин гипнотически. Его голубые, лучистые глаза светились умом и весельем, но стоило взглянуть в них пристальнее, и можно было утонуть в их таинственной глубине. И многие тонули. Завидовал ли я его успеху у женщин? Конечно, завидовал.

Меня не удивляло то, что он мог заполучить любую женщину — удивляло, как это ему удается при его скромных доходах.

Про любви, земной и христианской, красивой жизни и ее себестоимости, мясоедовских плясках, коэффициенте духовности, семейном счастье и теще с борщами

В ту пятницу я по привычке заглянул в знакомую комнату, чтобы узнать о его планах на выходные. Он сидел на кровати, откинувшись на коврик, и перебирал струны гитары.

– Привет! Музицируешь?

– Отвали! Я рублю рифы, как Led Zeppelin.

– Хочешь переплюнуть Джимми Хендрикса?

– У нас свои кумиры. Неплохо резал на гитаре товарищ Иванов-Крамской…

– Ну что, рванем завтра на озеро?

– Не получится. Вечер занят.

– Очередное рандеву?

– Да так, слегка. Спонтанно.

– Помяни мое слово: женщины тебя погубят.

– Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел…

– А помнишь, чем закончил Колобок-плейбой?

– А мы с Лисичками-сестричками на улице не знакомимся.

– И не боишься утонуть в пучине плейбойской жизни?

– Важно не утонуть в плебейской.

– А какая, собственно, разница? По сути, плейбой это и есть плебей, только игривый. Прожигатель плебейской жизни.

– Значит, он уже не плебей, а плейбей.

– А плебой это маленький плебей, потенциальный плейбой.

– И чем это плохо? И плебей, и плейбой — простые парни, наши современники. Скажу больше: плох тот плебей, который не мечтает стать плейбоем.

– Да ради Бога! Красиво жить не запретишь. Непонятно только, как это тебе удается, с твоей зарплатой сторожа?

– Негоже считать деньги в чужих карманах, юноша. Но для тебя у меня секретов нет. Отвечаю, как на духу: я не покупаю любовь за деньги. И не продаю, кстати. Как тебе известно, настоящий гусар с женщин денег не берет.

– А цветы, кино, мороженое?

– Это можно и с небольшим бюджетом. С деньгами любой дурак может пустить пыль в глаза. Но запоминаются не суммы,

оставленные в кабаке, а вспышки эмоций. Подхвати ее на руки в людном месте, закружи на глазах у всех, чтобы у нее дух захватило, а сердце затрепетало от счастья, и это останется на всю жизнь. Я даю женщинам самое главное — красивую любовь. Они всегда настроены на волну любви. А девицы только об этом и мечтают…

– А ты тут как тут! Воплощение девичьих грез.

– Стараюсь. По мере своих скромных сил. Кстати, если вспомнить классические любовные сюжеты, все они развиваются в совершенно бытовых условиях. «Декамерон» читал?

– Фрагментарно. Воистину «Дикий Мирон». Набор грубых, вульгарных анекдотов.

– Это учебник жизни! Там, кстати, есть и невульгарные, но ты их, конечно, пропустил. Ну, давай возьмем что-нибудь возвышенное. Ромео и Джульетту, например. Вы не поверите, но даже у великого Шекспира нет ни одной сцены в более-менее приличном ресторане. Хотя отравление осетриной не первой свежести было бы естественным финалом этой красивой и трагической истории…

– У нас не Шекспир, а кабак — классика жанра. Красивая любовь немыслима без злачных заведений. Что такое любовь без ресторана? Так, вздохи на скамейке…

– Ты, я вижу, большой любитель красивой жизни.

– Вот прямо сейчас спроси меня, что я больше всего ненавижу и презираю.

– Ну, спросил.

– Рестораны с их «красивой» жизнью!

– А чем они тебя так достали? Предприятия общественного питания, предназначенные для культурного отдыха трудящихся…

– Да это вертепы! Гнезда разврата! Места игрищ двуногих животных перед спариванием…

– Ты сгущаешь краски. Может, тебе просто не везло?

– В августе семьдесят четвертого года решили отметить завершение стройотряда. Выбрали солидное заведение — ресторан при гостинице «Украина», в сталинской высотке…

– И так вот, запросто…

– Нет, конечно. Заказали заранее. Ну вот, в назначенный день, нарядные и взволнованные, подошли к мраморному подножию и через монументальную дверь вошли в образцовый храм культурного отдыха трудящихся. Правда, трудящихся мы там не обнаружили. Хотя ресторан был полон. А оробеть было от чего. Прежде всего, поразил сам зал: огромное, украшенное позолотой помещение с колоннами и сверкающими люстрами под высоченным потолком. Что-то среднее между оперой и

операционной. Яркое освещение, блеск хрусталя, белоснежные скатерти, сияние столовых приборов на бесконечном множестве столов. Казалось, сейчас начнется какое-то торжественное мероприятие, в котором мы должны участвовать и соответствовать уровню события. В общем, первый бал Наташи Ростовой в Колонном зале Дома Союзов…

– Ну вот, видишь, высококультурное мероприятие…

– Которое, к вящему моему изумлению, скоро перешло в самый настоящий шабаш. Окружавшие нас внешне солидные люди быстро напивались, все громче звучали возгласы, тосты, женский смех. Потом грянул оркестр, и начались какие-то дикие мясоедовские пляски. Брюхатые мужики со сбившимися галстуками и толстые тетки в серьгах, кольцах и бусах на складчатых шеях трясли жирными телесами под оглушительную кабацкую музыку. Плясали с исступлением, до пота, словно выполняли какую-то очень важную и нужную работу…

– В определённом возрасте даже веселье требует усилий…

– И немалых. После танцев, вытирая багровые лица, плюхались за столы, чтобы продолжать безмерное питье и жратву. И это свинство называется красивой жизнью? Ненавижу рестораны!

– Ты горячишься потому, что тебе это не доступно. В тебе говорит обыкновенная черная зависть советского инженера, нищего кибернетика…

– Нищего? Да это как раз и был рай для нищих духом! И шутов. Правильно сказал Высоцкий…

– Ну, ладно, не обижайся. Нищего телом, но богатого духом…

– Бывал я и в других ресторанах, попроще. И везде то же самое пьянство и обжорство, те же половецкие пляски. И еще один сильнейший негатив: неизбежная оценка официантом твоих финансовых возможностей. И соответствующее отношение.

– А чего ты хочешь? Да, он тебя презирает. Презирает за твой жалкий вид, за бедность. За то, как ты испуганно смотришь в меню и подсчитываешь итог, чтобы уложиться в приготовленную сумму. Представь себе, как его, приехавшего на работу в импортной дубленке и настоящих американских джинсах, на последней модели «Жигулей», о которой ты и мечтать не смеешь, дико раздражает то, что приходится тебя обслуживать. Он считает это величайшей несправедливостью, и ненавидит тебя за это. И никакими чаевыми этого отношения не изменишь…

– Подлейшие существа!

– Специфика профессии. А разве в мясном отделе гастронома к тебе, инженеру, относятся иначе? Мясо рубят тоже богатые люди. Кстати, то, что богач обязан обслуживать бедняка, является

историческим завоеванием социализма. И мы этим заслуженно гордимся.

– Нашел чем гордиться!

– А что делать? Меняются времена — меняются элиты. На смену князьям и графьям приходят официанты и товароведы.

– И ты считаешь это прогрессом?

– Ну, ладно, давай рассмотрим малобюджетные виды красивой любви. Итак, разгар весны. Влюбленные гуляют по парку, смеются, болтают какие-то глупости. Вдруг девушка, как бы невзначай, бросает душистый шарфик в лицо любимому и весело хохочет. Он пытается ее схватить, она уворачивается и убегает. Они бегут по цветущему лугу. Он ее догоняет, подхватывает на руки и кружит, кружит, кружит… Мелькают белоснежные облака, голубое небо, цветущая сирень, их молодые, счастливые лица. Красиво? Красиво. Дешево? Да вообще бесплатно! И никаких ресторанов поблизости…

– А зимой?

– Да то же самое! Юноша и девушка гуляют по сказочному зимнему лесу, смеются, о чем-то увлеченно болтают. Их лица раскраснелись на морозе, из алых губ девушки вырываются легкие облачка пара. Внезапно она со смехом стряхивает на голову парня заснеженную ветку ели и убегает. Он смахивает с лица снег и пытается ее поймать. Они бегут по пушистым сугробам. Он ее догоняет, подхватывает на руки и кружит, кружит, кружит… Мелькают белоснежные облака, синева зимнего неба, заснеженные ели, искрящиеся под солнцем сугробы, их румяные лица. Он ненароком прикасается жаркими губами к ее алой щеке и чувствует ее свежую, бархатистую прохладу. А она счастливо замирает в его объятиях, и волна тепла от его горячих губ разливается по всему ее телу…

– Э, да у тебя лирический талант! Вот уж чего не ожидал от циника и пошляка.

– А еще можно поваляться в сугробе — тоже будет красиво. В кино так часто делают. Но тут нужно знать меру. Чтобы красивая любовь не перешла в некрасивую пневмонию.

– Ладно. А осенью?

– Можно и осенью, прекрасной золотой осенью. Юноша и девушка, студенты, гуляют по осеннему парку, согретому дыханием бабьего лета. Вспоминают забавные эпизоды прошедших каникул, говорят о друзьях, о начале учебных занятий. Увлеченные беседой, они подбирают опавшие листья и собирают их в большой красивый букет. Вдруг девушка со смехом бросает огненно-желтую охапку в лицо любимого и убегает. Он стряхивает листья и бросается вдогонку. Они бегут по

опустевшему парку, пронизанному уже негреющими лучами осеннего солнца. Он ее догоняет, подхватывает на руки и кружит, кружит, кружит… Мелькают облака, глубокое синее небо, пестрота облетающих деревьев, их веселые лица. А листья все падают с золотистых кленов. Грустно и красиво. И радостно, потому что они молоды, влюблены и счастливы…

– Осталось лето.

– Да, жаркое лето, лучшая пора года. Юноша и девушка неспешно идут по морскому берегу, подальше от шумного пляжа. Они только что искупались, и капли воды еще сверкают на их загорелой коже, а ласковое море прохладными, нежными ладонями осторожно трогает их стройные, загорелые ноги. Легко склоняя свой изящный стан, девушка подбирает красивые ракушки, а юноша швыряет в море гладыши, стараясь выбить как можно больше блинов-отскоков. Он рассказывает смешные истории из своей студенческой жизни, а она искоса поглядывает на него сияющими карими глазами и временами искренне, звонко хохочет. А потом неожиданно подхватывает из набежавшей волны полные горсти прохладной воды и бросает в увлеченного рассказом юношу. Он огорошен, а она со смехом убегает от него по полосе прибоя. Он бросается за ней, и они бегут вдоль кромки моря, сверкающего под лучами знойного южного солнца. И так же сверкают в беге их юные, загорелые тела, мелькают розовые пятки. Красиво развеваются ее русые волосы. Но вот он догоняет ее, подхватывает на руки и кружит, кружит, кружит… Мелькают облака, блеск южного солнца, синева моря, прибрежная зелень, далекие горы и их загорелые, счастливые лица…

– До боли знакомые картины. Прямо «Романс о влюбленных». Помню, как в студенческие годы издевался над такой же фальшивой красивостью. А мои однокурсницы от нее просто млели.

– Вот видишь! Значит, успех обеспечен.

– А если пойдет дождь?

– А это еще лучше! Она снимет изящные туфельки и, звонко хохоча, побежит по лужам босиком. А ее мокрое платье станет полупрозрачным и облепит всю ее стройную, соблазнительную фигурку. Это уже будут кадры с элементами эротики. А дождевые капли будут стекать по смеющемуся лицу и сверкать на ресницах…

– Ну, тут уж точно простуда обеспечена!

– Во-первых, это будет в июне, а не в октябре…

– А летняя простуда переносится еще тяжелее.

– Но ты же хотел малобюджетную любовь! Чтобы было дешево и сердито. В конце концов, ради красивой жизни можно

слегка рискнуть здоровьем.

– Да уж. Не зря говорят, что дороже всего обходится именно бесплатная любовь.

– Есть и другие проверенные приемы обольщения: кто-то бросает в грязь соболиную шубу, чтобы любимая прошла, не испачкав ножек, кто-то усыпает площадь перед ее домом миллионом алых роз, а кто-то вообще не дает спать по ночам, распевая под окнами серенады. В конце концов, можно просто похитить непокорную, бросить ее поперек седла и бешено ускакать в таинственную мглу…

– Да где ты теперь достанешь приличную лошадь?

– И еще совет. Чтобы преуспеть в любви, нужно быть загадочным и неуловимым. Как Синяя птица счастья. Неожиданно возникнуть, сверкнуть оперением и вовремя упорхнуть.

– Ну, ты и циник!

– Да нет же! Я делаю красивые жесты и поступки не из примитивных побуждений: даст, не даст. Мне самому хочется, чтобы было красиво. Если хочешь, я художник. И мне важен не только результат, но и сам процесс.

– А девицам? Процесс или результат?

– Не понимаешь? Вспомни: «Всего один лишь только раз цветут сады в душе у нас. Один лишь раз, один лишь раз». Любовь — главное в жизни женщины. Для многих она единственная. Быстро летят вешние годы, отцветают эти весенние сады, да и сама она отцветает. Не успела оглянуться, а молодость прошла. Но как бы ни сложилась потом ее жизнь, красивая любовь остается в женской памяти навсегда. Это самое светлое и сильное чувство, и оно должно быть чудесным! Чтобы было что вспомнить…

– А красивая свадьба им не нужна? А красивая квартира, красивая мебель и сантехника, красивый семейный бюджет?

– К сожалению, я не турецкий султан, и не могу жениться на всех сразу. Могу предложить только большую и чистую любовь…

– На сеновале? Понятно. И как быстро ты этого добиваешься?

– А этого не нужно добиваться. Это приходит само собой, естественным образом. Если она с тобой встречается, значит, ты ей понравился, и она сама ждет развития отношений. Можешь провести эксперимент: попробуй на ближайшем свидании вообще к ней не прикасаться — ты увидишь, что она встревожится и сделает это сама, инстинктивно. Потому что в отношениях мужчины и женщины все дороги ведут в Рим.

– Или в Пизу?

– Пошловато.

– А как понять, что она уже приняла положительное

решение?

– Твой вопрос говорит о том, что ты не понимаешь женщин.

– А ты понимаешь?

– В том-то и дело, что нет! Их невозможно понять в принципе. Потому что они сами себя не понимают.

– Как это? Как это? Как это?

– Ты говоришь, что девушка приняла положительное решение. Да не бывает такого! Она всегда колеблется: ей и хочется, и колется, и мамка не велит. А спрашивать бессмысленно. Если женщина говорит «нет», это значит «возможно», если говорит «возможно», это значит «да», а если говорит «да», то что же это за женщина?

– Это анекдот.

– В каждом анекдоте есть доля анекдота, остальное правда. И еще. Возлагать тяжесть выбора на хрупкие женские плечи это как-то не по-мужски. Нужно брать весь груз ответственности на себя…

– Включая ЗАГС[6]?

– Не обязательно. Важно то, чтобы девушка чувствовала себя невиновной в случившемся. Старая, как мир, история: она ему поверила всем своим пылким сердцем, а он оказался сволочью, подлецом, подонком и негодяем…

– Одновременно?

– Да. И еще последним скотом, воспользовавшимся ее доверчивостью и безжалостно растоптавшим самые светлые чувства. Кстати, на этот счет есть один очень верный признак. Если твоя новая знакомая на втором-третьем свидании заведет осторожный разговор о предыдущей несчастной любви и о предательстве мужчин, это и есть деликатное признание в той самой первой ошибке. Чтобы у тебя не было лишних иллюзий…

– Ты все готов опошлить.

– С моим большим вам удовольствием!

– Значит, в момент сомнения мы должны помочь им принять нужное решение? То есть, дать волю животному инстинкту?

– Конечно! Потому что это великий инстинкт. Инстинкт продолжения рода, заложенный в нас природой. И слово «животный» здесь нужно понимать в лучшем смысле этого слова — «живот», то есть, «жизнь». И если его нет в мужчине, ему неоткуда взяться. Они это прекрасно понимают и именно этого от нас ждут, с тайным трепетом и вожделением. А одна моя бывшая знакомая в порыве откровенности призналась, что все девки на этом зациклены, и она сама на месте мужиков обманывала бы этих дур без сожаления…

– А ты и рад! Получил индульгенцию на разврат.

– Чего хочет женщина, того хочет Бог. Причем, ни в одну из них нельзя бросить камень. Откуда ей знать, кто из нас лучший? Кто тот самый суженый-ряженый, Богом даденый? А мода на девственность приходит и уходит. В этом сезоне, кстати, она совершенно не в моде. Можешь намекнуть об этом своей подруге…

– А если потом вернется?

– А это не наша проблема. Наша задача – угадывать женские желания и немедленно их исполнять. Пока их не исполнил кто-то другой. Ты слышал, кстати, что мастера этих вскрышных работ отмечают каждую новую победу звездочками-татуировками?

– На чем?

– Не догадываешься?

– А если места не хватит?

– Сомневаешься? Могу показать.

– Верю, верю!

– Ага, испугался!

– Ну, ты и циник! Пробы негде ставить. А как же все эти нравоучения, что нужно бережно относиться к девушке, сдерживать свои порывы, думать о последствиях?

– Тебя тоже этому учили? Вот гады! Враги рода человеческого! Это проповедуют злобные старые девы и профессора-импотенты. На страницах журнала «Работница и крестьянка». Никогда больше не выписывай и не читай этот вредный журнал. Если следовать его советам, мы все скоро вымрем.

– Как динозавры? Динозавр говорит динозаврихе: «У!». Она отвечает: «У-у». Он ей снова: «У!». Она ему опять: «У-у». Вот так они и вымерли.

– Вот-вот. Зато потом можно всю жизнь вспоминать: «Отчего я сказала вам «нет», отчего вы поверили в это?».

– А ведь у меня такое было…

– И что, тебя греют воспоминания о твоем благородстве?

– Нет, не греют. Хотя я и понимаю, что у наших отношений не было будущего.

– Но не осталось и прошлого! Лучше вспоминать о допущенных ошибках, чем сожалеть об упущенных возможностях. А ведь придет время, когда тебя будут утешать только воспоминания.

– Но, может быть, она оценила мою сдержанность?

– Да ты ее этим оскорбил! Она осталась во мнении, что не понравилась тебе. Эх ты, дурачок! Вот уж действительно, горе от ума. Тебе-то зачем думать о последствиях? Достаточно, что об этом думает она сама и ее родители. Или тебя настолько

приучили к коллективной ответственности?

– Ты все сводишь к сексу, к животным инстинктам. А разве не бывает возвышенных отношений? А великие истории любви, описанные в мировой литературе?

– Что да, то да. Все искусство пронизано любовной тематикой. И это меня всегда удивляло. Все об одном и том же. Как будто нет ничего более достойного внимания…

– Слушай, а что такое вообще любовь? Что это за чувство такое? Сколько в нем духовного, сколько телесного? Почему одна женщина убивает нас наповал, а другая совершенно не волнует?

– Ну, ты даешь! Как дело к ночи, начинаешь задавать такие интимные вопросы. И не стыдно?

– А кого же спрашивать, как не тебя? Кто лучше знает тему, с твоей-то практикой?

– Трудно объяснять очевидные истины. Но попробуем. Какая любовь тебя интересует? Между мужчиной и женщиной? Любовь к родителям? Братская любовь? Или, прости Господи, христианская любовь к ближнему?

– Давай по порядку.

– Ладно. В одном институте появилось объявление: лекция о любви. Заинтригованные студенты набились в зал. Выходит лектор и говорит: «Что такое любовь мужчины и женщины вы знаете не хуже меня. Что такое любовь мужчины к мужчине и женщины к женщине вам и не нужно знать. А мы с вами займемся любовью к родной Коммунистической партии».

– Давай без извращений!

– Хорошо. А любовь к Родине?

– Ну, есть такая. И к большой, и к малой. К родным просторам, лесам и перелескам, березкам и кленам…

– То есть, к растениям?

– Скорее уж к их плодам. К трем апельсинам, например.

– Почему к трем? К килограмму апельсинов!

– Кто-то любит апельсины, а кто-то свиной хрящик…

– Скажите, а вы любите курицу?

– Кушать — да, а так — нет.

– А как тебе нравится «дорогой и горячо любимый»?

– Леонид Ильич? Но мы же договорились: без извращений!

– А любимый фильм? А любимые цветы? А любимые брюки?

– По-моему, здесь какая-то терминологическая ошибка. Брюки, цветы и песни могут нравиться, но любить можно только человека.

– Правильно. Любовь — высшая форма отношений между людьми. Проще говоря, это наше очень хорошее отношение к человеку. Бесконечно хорошее. Желание стать для него самым

лучшим, самым близким, родным. И готовность делиться с ним всем, что имеешь, и делать все возможное для его счастья, и всегда быть рядом с ним, любимым…

– Но при всей самоотверженности в любви есть и собственническое начало. Она моя, а он мой, и все тут! И я не собираюсь ни с кем делиться этой любовью…

– А вот это нехорошо! Это как-то не по-товарищески…

– Да ладно тебе!

– А самая чистая и бескорыстная любовь, чтобы ты знал, это как раз христианская любовь к ближнему.

– А вот это мне совершенно непонятно. Как можно любить посторонних, чужих людей? Уважать — да, это я согласен. Но любить, причем всех сразу? По-моему, это невозможно. Любить всех — значит не любить никого.

– Но Христос именно этому и учил! И уверял, что Бог тоже любит нас всех.

– Но откуда мне, простому человеку, набрать столько любви? Да и как можно любить весь человеческий род, понимая, сколько в нем подлецов, негодяев, выродков?

– Так в этом-то все и дело! Хороших людей любить легко. А ты попробуй полюбить всякую сволочь поганую. Которая так и норовит устроить тебе какую-нибудь гадость…

– Ну, уж нет! Сам таких люби.

– И где твоя христианская совесть? Чему вас там учат, в школах марксизма-ленинизма? Твой моральный облик вызывает сомнения…

– Ну, ты у нас знатный моралист!

– А ведь кто-то должен начать первым. Чтобы разорвать порочный круг взаимного недоверия, эгоизма, стяжательства…

– Христос начал это еще две тысячи лет назад. И что?

– Но и мы должны поступать так же! Если ближний будет уверен в твоей доброте, тогда и он не будет подличать. И его ближние тоже. И так пойдет по цепочке. И тогда свершится вековая мечта христианства: любовь избавит мир от зла. И создаст то самое царство любви и добра, о котором мечтал Спаситель.

– И люди будут заботиться о ближних больше, чем о себе?

– Именно так! Преодолеют в себе эгоизм, зависть, шкурные интересы, то самое «своя рубашка ближе к телу». Которое и является главным источником зла на этой земле.

– Мне вспомнился какой-то фильм, где героиня мыслила такими же категориями. Когда у ее давней подруги возникли семейные проблемы, она бросила все свои дела, детей, мужа и немедленно вылетела к ней в Красноярск. Чтобы быть с ней

рядом и утешить в трудную минуту. И сама там превратилась в серьезную проблему для опешившей подруги…

– А кто сказал, что путь добра это легкая стезя?

– Ладно, хватит! Все это библейские сказки. Ты сам в это не веришь. Всеобщая любовь невозможна в этом мире. Да и не нужна! Вполне достаточно относиться друг к другу по-хорошему. И даже не обязательно хорошо, достаточно не относиться плохо. Не приносить друг другу зла. Тебе нужна любовь незнакомых людей? Мне – нет. Она была бы мне в тягость, к чему-то обязывала…

– Ну почему? Чем это плохо? Вот идешь ты по улице, а все прохожие смотрят на тебя с обожанием. Готовы обнять, прижать к груди, расцеловать…

– Как Муслима Магомаева?

– Даже хуже! Как товарища Сталина. Который, как известно, пользовался всенародной любовью. И тебя так же будут любить трудящиеся всей нашей необъятной страны. Рабочие и колхозники, металлурги и свинарки, уборщицы и сантехники. И серьезные мужчины, и уставшие от забот домохозяйки, и их сопливые дети…

– Нет, не надо! Я детей не люблю. Если не считать сам процесс.

– А еще пожарные, продавщицы, милиционеры, врачи…

– Ну, если продавщицы и врачи, я не против.

– А тебя и спрашивать не будут. Но больше всего – одинокие пенсионерки, добрые беззубые старушки…

– Помилуй Бог!

– Но ты ведь не сможешь отказать им во взаимности? Так же, как вдовам, инвалидам и ветеранам войны. А еще есть алкоголики, городские сумасшедшие и сексуальные маньяки.

– Нет уж! Этой любви я как-нибудь избегу.

– Вряд ли. Ты сможешь избежать, да и то лишь временно, любви моряков дальнего плавания, геологов и заключенных. Но и они будут любить тебя из экспедиций и мест лишения свободы.

– Пусть любят там друг друга!

– А как тебя будут любить военнослужащие!

– Не надо!

– Солдаты и матросы, сержанты и старшины, офицеры, генералы и адмиралы. Маршалы родов войск и даже сам Министр обороны. А Генеральный секретарь ЦК КПСС крепко расцелует тебя своими сахарными устами прямо на трибуне Мавзолея. Под аплодисменты всего ленинского Политбюро.

– Сам с ним целуйся!

– Значит, отрекаешься от всенародной любви?

– Есть, конечно, один человек. Но я сам с этим разберусь.

– Но дело не только в тебе. Всеобщая любовь изменит жизнь советских людей. Возвысит и одухотворит ее. Представляешь, как улучшится климат в трудовых коллективах? И тогда твой начальник возлюбит не только молоденьких сотрудниц, но и тебя лично. А твоя безответная любовь к нему станет, наконец, взаимной…

– Да ладно тебе!

– И это уже не нужно будет скрывать. Ведь любви все должности покорны. Поэтому трудящиеся будут любить не только своего директора и его секретаршу, но и бракоделов из смежного цеха. А заводские механики будут обслуживать не только станки, но и самих многостаночниц…

– Прямо на рабочих местах?

– Без отрыва от производства.

– А не приведет ли это к браку?

– Брак любви не помеха.

– Это верно. Настоящую любовь браком не испортишь.

– Но и это не все. Всеобщая любовь примет массовый характер и охватит все сферы нашей жизни. Кардинально изменится обстановка в коммунальных квартирах. Жильцы коммуналок прекратят портить друг другу жизнь и станут, как это и было задумано, членами одной большой семьи…

– Шведской, что ли?

– А как улучшатся отношения в сфере обслуживания! Продавцы уже не будут рычать на покупателей, а с ласковой улыбкой объяснят, почему мяса нет и неизвестно, когда будет. А те перестанут их ненавидеть за неправедно нажитое богатство. А как приятно будет стоять в очередях за колбасой и туалетной бумагой! В атмосфере всеобщей любви и дружбы.

– В очередях христианская любовь недопустима. Все станут наперебой уступать друг другу место, пропускать вперед, возникнет неразбериха, ругань и драка…

– Зато какая карамельная обстановка будет в общественном транспорте! Вместо перебранок в автобусах начнутся спонтанные вспышки любви. Особенно в часы пик.

– Честно говоря, не верится. У нас тут, говорят, на одном маршруте была такая давка, что женщина родила прямо в автобусе…

– А я слышал, что одна даже забеременела. По дороге на работу. А при всеобщей любви это станет привычным делом. Особенно, если крепко прижмут, и фигурка хорошая. Да люди не захотят выходить из автобусов! Одни как участники процесса, другие как зрители. А как рождаемость повысится!

– Вообще-то говоря, возможность любить всех окружающих женщин мне импонирует. Но как к этому отнесутся их мужья? Эти злобные, ревнивые собственники. Боюсь, что именно ревность помешает полному и окончательному торжеству любви в этом грешном мире.

– Это ты зря. Речь идет о христианской любви, а не о блудодействе. В Библии однозначно сказано: если ты глянул на женщину с вожделением, ты уже согрешил.

– Ну, тогда я совсем запутался. Значит, мужчин в автобусах любить можно, а женщин нельзя? Или можно, но как-то по-особому?

– Вот именно. По-христиански. Без вожделения.

– Шизофрения полная. Ну, ладно. Бог с ней, с христианской любовью. Давай разберемся с обычной, человеческой.

– Ну, что тебе сказать за любовь? Формально говоря, любовь это культурная форма инстинкта размножения. А по существу, помрачение рассудка, душевное заболевание. В период обострения приобретающее характер мании. Влюбленный постоянно думает о предмете своей любви, запечатленном в его воспаленном мозгу. Мало того, при всем желании не может изгнать его оттуда. А хуже всего, что и не хочет этого. Такой человек теряет адекватную оценку обстановки, и представляет собой опасность для окружающих…

– Значит, все-таки ненормальность?

– Увы! Человеку в таком состоянии нельзя доверить ни скальпель, ни штурвал, ни газовую горелку. Лопату и метлу еще куда ни шло. Но допускать к высотным работам, токоведущим частям и оборудованию с вращающимся шпинделем абсолютно недопустимо!

– А если серьезно? Можно ли, например, отделить зерна любви от плевел инстинкта. Духовное от телесного. Или нам все равно – любить иль наслаждаться?

– Нам не все равно. В отличие от вас.

– Фарисей!

– Ну что же, попробуем внести ясность в эту мутную тему. Сейчас возьму карандаш и бумагу. Итак, для начала запишем уравнение любви в его каноническом виде:

$$S_\ell = S_f + S_d, \ (1)$$

где S_ℓ – сила любви;

S_f – сила физиологической любви, то есть, сексуальность. Или либидо, как его назвал шарлатан с дурацкой фамилией

Фрейд;

S_d – сила духовной (личностной) составляющей любви.

Речь, разумеется, идет о нормальных отношениях между мужчиной и женщиной. А соотношение этих величин определяет степень духовности и сексуальности в любви:

$$K_d = \frac{S_d}{S_l}, \qquad 0 < K_d < 1, \tag{2}$$

где K_d – коэффициент духовности любви.

$$K_f = \frac{S_f}{S_l}, \qquad 0 < K_f < 1, \tag{3}$$

где K_f – коэффициент физиологичности (сексуальности) любви.

Очевидно, что $K_d + K_f = 1$.

– Опять ты со своими дурацкими формулами!

– Как заметил Монтень, рассуждение есть орудие, годное для всякого предмета.

– Ну, и какой в этом смысл?

– Поясняю для тугодумов. Если $K_d = 0$, это означает полное отсутствие духовности в любви. То есть, животную страсть. Секс в его чистом виде. Это когда инстинкт полностью управляет человеком. Когда женщина способна отдаться кому угодно (нимфомания), а мужик готов поиметь все, что шевелится. Хоть соседскую козу.

– Страсти-то какие, Господи!

– Кстати, некоторые религии запрещают употреблять в пищу животных после интимной близости с ними. И это правильно. Только бездушный человек может скушать существо, которое только что сжимал в объятиях, а оно отвечало ему взаимностью…

– Помилуй Бог!

– Если же $K_f = 0$, это ни что иное, как полное отсутствие вожделения и страсти. То есть, платоническая любовь. Тоже извращение.

– А вот здесь ты не прав. Знаменитый поэт Блок посвятил своей Прекрасной Даме, дочери Менделеева, множество стихов, признанных шедевров любовной лирики. При этом их отношения были настолько возвышенными, что даже в семейной жизни он избегал телесной близости с ней. Вот высокий пример духовной

любви!

– При этом сам Блок имел множество случайных связей с прекрасными уличными «незнакомками». И с таинственными «дамами» из дешевых кабаков. Да и его жена, оставаясь законной музой, много чего позволяла себе на стороне.

– Не надо путать божий дар с яичницей. Истинный поэт лелеет в душе возвышенный образ боготворимой им женщины. Разве может он убить свою мечту низменными плотскими сношениями? Развеять волшебный ореол недостижимого идеала, запечатленный в пылающем любовью сердце? Да и как вообще можно вытворять это скотское безобразие, стыдливо именуемое сексом, с нежными, невинными девушками, этими неземными существами?

– Ну почему? Одно другому не мешает. Когда поручик Ржевский говорил даме о возвышенных отношениях, он имел в виду конкретную позу…

– Окстись, охальник! Твоему развращенному уму это вообще недоступно. Волшебная страна любви полна непостижимых, метафизических смыслов…

– Да какая там, к черту, метафизика! Никакая духовность природе не нужна. Зачатие и рождение ребёнка не зависит (и не должно зависеть!) от душевной близости родителей. Достаточно телесной. Природа не может ждать милостей от человека. В том числе любви.

– Ну, просто нет слов! Совсем ошалел со своим дарвинизмом.

– Истина превыше всего. Если хочешь знать правду, обращайся к природе. Только у нее есть честные ответы на все вопросы.

– Ну ладно, объясни мне, темному. В чем биологический смысл женской красоты? Почему нам нравятся красивые женщины?

– Это, смотря кому. Говорят, красивая женщина радует мужской глаз, а некрасивая — женский.

– Уходишь от ответа?

– Отнюдь! Все элементарно, Ватсон. Женская красота абсолютно функциональна. Прежде всего, мы видим фигуру и чисто инстинктивно оцениваем ее с точки зрения деторождения. Она должна быть молодой и здоровой, иметь хорошо развитую грудь и бедра, чтобы выносить и выкормить ребёнка…

– А почему нам нравятся длинноногие, с гибкой талией?

– Во-первых, потому, что толстой и коротконогой трудно убегать от тигра. Или лазить по деревьям за плодами. Во-вторых, это вам такие нравятся. А герой Райкина сказал о своей невестке: «Правда, красивую взял. Морда — во! Глаза маленькие». И это не

шутка. В деревнях лучшая невеста — полнотелая, сильная, работящая девка. Есть такие крепкие бабы — в два обхвата, с румянцем во всю щеку, плотные — ущипнуть невозможно. Настоящие биомеханизмы для производства детей. Смотришь на нее и поражаешься физиологической мощи…

– Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет?

– Если понадобится. Такая баба самой природой создана для продолжения рода. И это всегда ценилось. Множество таких образов запечатлено на картинах художников всех времен и народов, восхищенных могучей красотой женского тела…

– Особенно у Рубенса. Как вспомнишь, так вздрогнешь.

– А этот запас жизненных сил является гарантией полноценного деторождения. В былые времена аристократические семьи, истощенные династическими браками, подбирали таких крестьянок для улучшения потомства. Да и сейчас нормальный мужик предпочтет полнотелую девку худосочной интеллектуалке. Как известно, восемьдесят процентов мужчин любят полных женщин…

– А остальные — очень полных. Это понятно. А вот я считаю, что невесту нужно подбирать так, чтобы исправить в будущих детях недостатки своей и ее внешности. Когда вижу асимметрию в чьем-то лице, автоматически начинаю перебирать в памяти, с кем бы его можно соединить…

– Ерунда! Как можно решать за природу? Мало ли как скомпонуются гены! У глупой красотки и умного урода может родиться ребенок с его внешностью и ее умом. Оставь эту дурацкую затею.

– Но в смешанных браках рождаются талантливые дети. Тот же Пушкин, потомок эфиопа. Лермонтов, из обрусевших шотландцев…

– А сколько бездарных! Пушкин был единственным гением из многочисленного потомства арапа Петра Великого. К сожалению, закономерности здесь нет. Селекция людей для выведения гениев обречена на провал. Да и были уже попытки создания чистой расы…

– Ладно, с фигурой понятно. А почему нам нравятся красивые лица? В чем здесь биологический смысл?

– А что такое красивое лицо? Свидетельство физического здоровья. Чистая, гладкая кожа, нежный румянец, алые губы, большие, выразительные глаза, пышные волосы…

– А ты никогда не замечал, что в женских чертах просматриваются мужские? И наоборот. Я, бывает, смотрю на девушку и вижу в ее лице образ ее отца и будущего сына…

– И напрасно. Вряд ли ей это понравится. Ей нужно, чтобы ты

видел только ее саму, и больше никого.

– Иногда хочется тебя прибить! С твоей дубовой правотой.

– Но от этого ничего не изменится в подлунном мире. И мужчины по-прежнему будут любить молодых, здоровых и красивых женщин. А они будут любить таких же мужчин. Потому что так и должно быть, потому что это угодно природе. И нет ничего лучше и правильнее такой любви.

– Но ведь со временем телесная красота уходит. Значит, и любви конец?

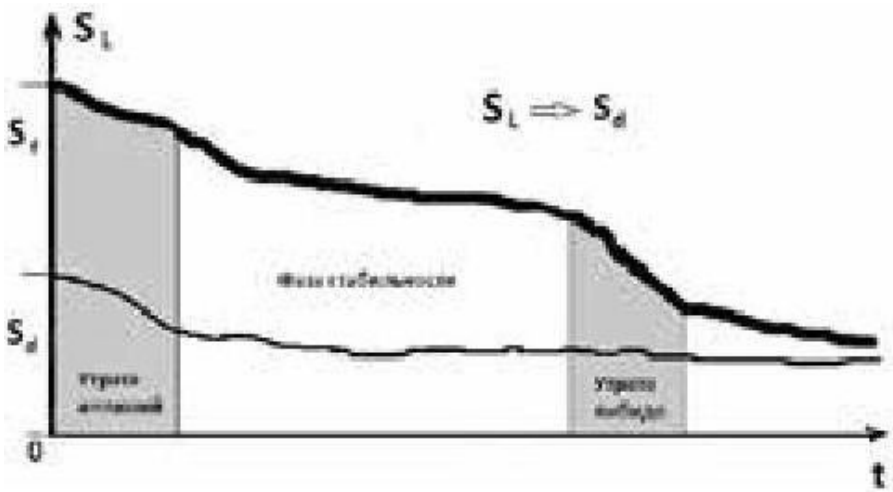
– Почему конец? А духовная любовь?

– Как?! Ты, охальник и дарвинист, заговорил о духовности?

– То, что природе не нужна духовность, не значит, что ее нет.

– А что такое, в конце концов, эта самая духовность? Секс под Бетховена, что ли? Или непосредственно на рояле?

– Не обязательно под Бетховена. Можно и под «Мурку». Важнее другое – душевная близость и взаимопонимание. С полуслова, с полувзгляда. Когда чувствуешь любимого человека, как самого себя. Не зря говорят, что любить, значит, смотреть в одном направлении. Но здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд. Дай-ка бумагу и карандаш. Так, минутку. Ну вот, смотри, это график любви как функция времени:



Здесь любовь представлена в виде суммы своих составляющих – духовной и телесной. Как видишь, сексуальная сила любви (верхняя область – S_f) постепенно сокращается, а духовная (нижняя область – S_d) остается стабильной. Таким образом, любовь в целом (верхняя кривая) со временем асимптотически стремится к духовной. И чем меньшей была духовная составляющая изначально, тем меньше вообще любви

остается людям на старости лет.

– Ладно. А что значат эти серые зоны?

– Это критические фазы любви. Когда проходит первая страсть, неизбежно следует отрезвление и разочарование. И возможный разрыв. Но если брак сохранился, он входит в фазу стабильности. Это средний возраст, период воспитания детей. Мужчина имеет устоявшийся семейный быт и добивается успехов в своем деле. А женщина опирается на любящего, надежного мужа и самореализуется в детях и семейной жизни. Но когда сексуальная составляющая любви снижается, возникает вторая критическая фаза. В этот период бывают совершенно неожиданные разводы супругов-пенсионеров, проживших внешне благополучную жизнь. Вдруг оказывается, что рядом с тобой в постели совершенно чужой человек. А доживают жизнь вместе те, кто сохранил душевную близость…

– И общую жилплощадь.

– И все равно это лучше, чем одиночество.

– Не всегда. Одна пенсионерка на вопрос судьи, зачем она нанесла своему мужу тридцать семь ударов сковородкой по голове, когда было достаточно и тридцати, ответила, что каждый удар соответствовал одному году их совместной жизни…

– Жуть.

– Это было поистине ритуальное убийство.

– В любом случае, сила любви зависит от полового влечения, а длительность — от душевной близости, то есть: $S_L = f(S_f)$, а $T_L = f(S_d)$.

– Скучновато все это, профессор…

– А что делать? Все счастливые семьи счастливы одинаково скучно. Это еще Толстой доказал. У него даже есть повесть про это — «Семейное счастие». Там он как раз показывает все этапы человеческой любви. От бурной романтической влюбленности до унылого семейного счастья. Причем, пишет от женского лица.

– Это смело.

– На то он и гений. Не знаю, верят ли ему женщины, но у меня сомнений не вызвало. Его героиня, Маша, влюбилась во взрослого человека, друга ее покойного отца. Влюбилась до самозабвения, до полного растворения в любимом человеке. Она считала его самым лучшим, жила только его мыслями, ловила все его чувства, настроения. Она купалась в волнах любви, и ей казалось, что достаточно только быть вместе, и это будет полное счастье, что больше ничего в жизни вообще не нужно. Но уже через несколько месяцев семейной жизни она заметила, что счастье стало каким-то привычным, однообразным. А ей хотелось, чтобы оно было все сильнее…

– Понятно. Когда хорошо, хочется, чтобы было еще лучше.

– Ну да. И тогда начинают искать добра от добра. Так случилось и с Машей. Ее любящий муж много времени уделял неизбежным хозяйственным делам и не замечал, что ей становится скучно. У нее все чаще портилось настроение, и однажды между ними случилась размолвка по какому-то ничтожному поводу, на который она раньше и внимания бы не обратила. Они тут же объяснились и помирились, но на сверкающем сосуде любви появилась первая трещинка. Он почувствовал ее скуку и увез ее в столицу, чтобы она немного развеялась. Там она с удовольствием окунулась в светскую жизнь. Она была в расцвете лет, все окружающие ею восхищались, и ей это очень понравилось…

– А там уже он, наверное, заскучал?

– Естественно. Но терпел светскую фальшь, чтобы она наигралась. Но когда они уже собирались уезжать в деревню, ей предложили какой-то очень соблазнительный бал, и здесь между ними произошла очень серьезная ссора. Взаимные обиды выплеснулись наружу, и они с негодованием высказали друг другу все, что у них накопилось в душе. Они упрекали друг друга в эгоизме, говорили возмущенно, жестко, грубо, как никогда раньше, и даже старались ранить словами. И с каждым резким словом росло их взаимное отчуждение. Наконец, он уступил ее капризу, но этот бал не доставил ей никакого удовольствия. И после этого между ними возникла какая-то пропасть. Они уже не доверялись друг другу всей душой, обходили какие-то темы и были напряжены, оставаясь наедине. Она стала сравнивать его с другими и все более разочаровываться…

– Страшное дело.

– Увы, обычное. Кончилось полное слияние душ, и началась совместная жизнь двух отдельных личностей. Потом у них родились дети, и это как-то стабилизировало их отношения. Они не ссорились, но и не радовались друг другу, как раньше. Потом они выехали за границу, и там она тоже блистала, наслаждаясь своим успехом. До тех пор, пока не появилась более молодая и яркая светская львица, перетянувшая на себя внимание общества. Маша снова загрустила, и чуть было не поддалась любовной атаке какого-то красавчика-ловеласа. Но удержалась от искушения, почти случайно. И тогда, испуганная и разочарованная, решила оставить светскую жизнь и вернуться домой, в семью…

– Нагулялась?

– Она все еще мечтала о счастье той прежней, безмерной любви и даже обвиняла мужа в том, что он не удержал ее от

соблазнов светской мишуры…

– Хотя сама рвалась туда.

– Вот именно. Дескать, ты же старше, опытнее, умнее, а поддался моему капризу, позволил оступиться. Да, я согрешила, но в этом виновен ты!

– И что ты за мужик, если не настоял, уступил глупой бабе?

– Вот-вот. В конце концов, у них с мужем состоялся спокойный и серьезный разговор. И он объяснил ей, что к прошлому счастью возврата нет и быть не может – оно осталось только в памяти. Что началась другая – простая, обычная жизнь, без волнений и страстей, с постоянными заботами, с маленькими радостями и неизбежными огорчениями. Но и в этой жизни можно ценить и любить друг друга, понимая и прощая человеческие слабости. И она ему поверила, и успокоилась, и приняла это самое скучное семейное счастье…

– И что доказывает Толстой? Что в этом идеал семейной жизни?

– А чего тебе ещё нужно? В конце концов, все там будем.

– Мужчина женится, если он махнул на себя рукой. Свадьба – это когда женщина выходит замуж, а мужчина выходит в тираж. Когда он больше ни на что не годен.

– А ты еще на что-то годен? Для женитьбы не созрел?

– Вот недавно, на книгообмене, подходит ко мне яркая брюнетка, спрашивает приключенческую литературу. Ну, разговорились, она предложила посмотреть ее библиотеку…

– Вечерком, при свечах?

– Ты пошляк! Конечно, днем.

– Но она тебе понравилась?

– И в мыслях не было! Это была солидная женщина, лет на пять старше, вроде наших замужних сотрудниц. Но книгами я все же заинтересовался. Ну, пришли мы к ней, в двухкомнатную квартиру в стандартной пятиэтажке. Обстановка там была соответствующая…

– Мещанская?

– Нет, обывательская. Стали смотреть книги, а она все какие-то детские показывает. Причем совсем детские, с цветными картинками. И все время говорит, как она любит детей. Ну, я понял, что для меня там ничего интересного нет, и стал потихоньку выбираться…

– Да ты ничего не понял! Какие еще намеки тебе нужны? Она же, фактически, предлагала тебе сделать ей ребенка.

– С соответствующими последствиями? Я сразу почувствовал, что это какая-то ловушка. Тем более, что на задворках квартиры мелькала какая-то ужасная старуха. А у меня, как увижу их

местечковый быт, тут же все опадает. И не только в душе. А запахи! Прогорклого подсолнечного масла, старой мебели, пыльных ковров, тесных спален. Затхлая атмосфера убогой провинциальной жизни. Не жизни, а выживания. Какие-то отголоски мрачного средневековья. Как представлю себя в таком интерьере, просто ужас берет!

– Как легко тебя запугать, однако.

– Да бабы сами в этом виноваты! За их спинами незримо стоят тещи с борщами и вечно поджатыми губами…

– Какими они сами со временем станут.

– Вот именно! Эти видения преследовали меня всегда. Смотрю на девицу, и уже заранее чувствую какую-то обязанность перед ней. Помню, еще в студенческие годы приходили к нам в комнату соседки по общежитию, вроде веселые и одеты игриво. А мне все казалось, что это капкан.

– А что, твоя холостяцкая жизнь лучше? Один, как сыч, в этой пустой комнате. Питаешься по столовкам, а вечером сухомятка в общаге. Гастрит имеешь? Имеешь. Теперь жди язву. По выходным картошку себе жаришь на обед – деликатес! Бегаешь в общий туалет и общий душ. Сам себе стираешь, гладишь…

– А мне себя обслуживать не в тягость. Зато полная свобода!

– И надолго? Еще пару лет будешь «задрав штаны, бежать за комсомолом», за молодежью, которая будет над тобой посмеиваться. А потом станешь лысеющим, потертым бодрячком, одиноким, неустроенным. Встречал таких?

– Встречал. Жалкое зрелище!

– Вот-вот. А ведь сверстники уже заняты реальными делами: стараются реализоваться, заработать деньги на семью. Обустраивают дом, поднимают детей, живут уютной семейной жизнью. Вон как возятся со своими пацанами. А ты, бездельник и шалопай, все пестуешь свои комплексы, играешься в бирюльки. Один, неприкаянный, никому не нужный, как пожухлый лист на осеннем ветру…

– Ну, запугал! Нормальный мужик всегда найдет себе бабу.

– Это иллюзия. Хороших быстро разбирают. Не успеешь глазом моргнуть, а она уже замужем, с детьми, в семейных заботах…

– А ты чем лучше?

– И я такой же. Чего кривить душой, мы тоже зависим от женщин. Без них, без семьи, без детей самый крутой из нас пустое место. Перекати-поле, отсохшая ветка…

– И только женившись, понимаем, что такое настоящее счастье. Но слишком поздно.

– Ну, это ты зря! Значит, не любил по-настоящему. Значит,

тебе еще не знакомо это состояние. Эта невесомость, когда ничего не надо — только она. Когда она важнее всего на свете, когда ради нее готов на все. Готов отдаться ей целиком, с потрохами, со всем, что у тебя есть, что тебе дорого…

– Ну и ну! Так чего же ты один? Со своими потрохами…

– Увы, юноша, не все могут позволить себе семейное счастье, распорядиться своей судьбой. Есть ценности иного порядка, миссия, продиктованная свыше…

– Ерничаешь? А ведь если вдуматься, это страшное дело, когда человек не вправе распоряжаться самим собой. Когда ты должен заниматься тем, что нужно кому-то другому, а не тебе. А после работы идти не туда, куда тебе хочется, а в одно и то же место. Неизменно! Всегда! Это же пожизненное заключение.

– Оно самое. И мотать срок придется с одной и той же сокамерницей. А также с ее близкими и дальними родственниками. Включая тещу. И это будет постоянный круг твоего общения, на всю оставшуюся жизнь. А вот общение с друзьями, которых она не одобрит, придётся прекратить. И вообще придется изменить холостяцкую психологию. Не «я», а «мы» должно стать твоим мироощущением. И все свои действия придется обсуждать и согласовывать с ней. И быть готовым от них отказаться, если она их не одобрит. А вот ее мечты и планы придется воплощать в жизнь. Точнее говоря, это будут уже ваши общие мечты…

– Это немыслимо!

– И, милый! Думаешь, если согласился жениться, то осчастливил ее на всю жизнь? Наивный ты человек! Многие вот так хорохорятся до свадьбы, не рассчитывая своих силенок, не понимая масштаба бедствия. А потом не тянут. Когда выясняется, что самое простое женское счастье складывается из множества непростых составляющих. Перечислять их никакого времени не хватит. А уж обеспечить! Им ведь нужно все и сразу. И ты не раз вспомнишь сказку о рыбаке и рыбке. А если она не захочет терпеть житейские трудности, начнет предъявлять претензии, закатывать скандалы по всякому поводу, плохо тебе придется…

– И что, все бабы такие?

– Нет, бывают и хуже.

– И как быть? Как их разгадать? Экзамен устроить, что ли?

– Вроде того. Если задумался о серьезном, нужно проверить ее на негатив. Как говорится, еще на берегу. Способ придумать не проблема. Ну, например, как бы нечаянно, но сильно наступить на ногу. Или капнуть мороженым на новое платье. Если огорчится или обидится, это нормально — найдешь, чем загладить вину. А если хоть на миг вспыхнет злобой, беги от нее подальше. Потому

что потом испытаешь это в стократном размере. И верь именно этой первой реакции, а не ласковым словам и улыбкам. А еще можно, для проверки характера, раскрутить небольшую ссору. Чтобы увидеть ее боевой потенциал.

– Как-то это все непорядочно…

– Да это в ее же интересах! Чтобы у нее не было иллюзий. Ей ведь тоже нужен подходящий мужик, а не размазня. Хозяин жизни, который твердо стоит на ногах, на которого можно положиться, который может обеспечить семью. А не голодранец, вроде тебя.

– Ну, спасибо!

– На здоровье. И еще совет: не бери в жены красотку. В зависимость попадешь, ревностью измучишься. Женская красота — народное достояние.

– А мужская?

– Тоже. Но это не наша проблема. Имей в виду: все красивые бабы капризны, норовисты, и себя ценят высоко. Такая жена во всех смыслах дорогое удовольствие. А если не потянешь, уйдет к другому, у нее выбор большой. Или устроит тебе нескучную жизнь.

– Но если все они стервы, пусть будет хоть красивая.

– Тогда еще одно правило: если хочешь удержать жену, не давай ей воли. Бабы не способны управлять своими страстями, это уже доказано. А если дашь свободу, она же тебя и обвинит в своем падении. Дескать, не удержал — значит, не любил по-настоящему. Не будь бешеным ревнивцем, но и шалостей не позволяй. Будь хозяином в доме, решай все и за себя, и за нее…

– Чтобы и взглянуть ни на кого не посмела?

– Все равно увидит. Все они оценивают мужиков и примеряют их к себе. Так же, как и мы смотрим не только на жену. Молодая баба хочет нравиться всем, это у них природное. Ну и пусть потешится. Под твоим контролем.

– Из дома не выпускать, что ли?

– Нет, это не наши нравы. Но если любишь жену, загружай ее домашней работой. Если у женщины нет семейных занятий, она начинает заниматься собой, а потом и любовью. Причем, не обязательно с тобой. Чтобы красота ее неземная не пропадала зря.

– Прямо «Домострой» какой-то. В двадцатом веке…

– Это мудрейшая книга! Я бы ее рекомендовал в качестве внеклассного чтения, для старшего школьного возраста.

– Дай почитать.

– Сам не могу оторваться.

– Ну, хоть расскажи.

– Как-нибудь в другой раз. Время уже позднее.

– Да, заговорились мы с тобой.

– Еще бы! Такая тема.

– Ну, ладно, пока.

В тот год лето долго не спешило покидать благодатные южные края, и август совершенно незаметно перетек в первый месяц осени. Погода была по-настоящему летней, можно было даже купаться, и мы старались использовать любую возможность, чтобы насладиться последними теплыми днями.

В один из таких бархатных субботних вечеров и произошла та первая встреча. Накануне он предупредил о давно обещанном знакомстве с подругой своей подруги, той самой студенткой, спортсменкой, красавицей. Надев свежевыглаженные брюки и рубашки, выбритые и благоухающие одеколоном, в предвкушении волнующего свидания, сбежали мы по ступенькам общежития в свежесть субботнего вечера. Встреча была назначена в городском парке, и девушки, как и полагается, немного опоздали. Но вот из-за поворота аллеи выпорхнули два воздушных создания в светлых блузках и мини-юбках. Одна из них была брюнеткой, а волосы другой полыхнули в лучах заходящего солнца червонным золотом. Увидев нас, рыжеволосая приветственно взмахнула рукой, и я понял, что это подруга Сергея. Слегка умерив шаг, стройные, юные, с развевающимися прическами, шли они навстречу нам сквозь зелень вечернего парка, а их белоснежные блузки вспыхивали в косых лучах заходящего солнца. Шли той самой песенной летящей походкой, легко ступая по дорожке парка своими стройными ножками, синхронно покачивая бедрами, сияя ослепительными улыбками. Шли навстречу любви, счастью, прекрасному будущему. Незабываемая картина!

Слегка запыхавшись и смущаясь, девушки приблизились к нам, и золотоволосая протянула руку Сергею. Привстав на носочки, она что-то шепнула ему на ухо и звонко рассмеялась, стрельнув глазами в мою сторону. Из-под взметнувшихся век полыхнуло изумрудным пламенем, и эта вспышка обожгла мое сердце. В этом молниеносном взгляде, в котором естественный женский интерес тотчас сменился насмешливым пониманием, я заметил столь же быструю и однозначную оценку. Я невольно опустил глаза и так же мгновенно оценил ее стройные загорелые ноги в изящных туфлях-лодочках и всю ее точеную фигурку, легкую, гибкую. Ее красота была ослепительной, она ошеломила меня. Вот это да! Я рассчитывал увидеть томную литературную деву с бледным лицом и опущенными ресницами, а передо мной стояла подвижная как ртуть девица в рискованно расстегнутой кофточке и мини-юбке. Темперамент фонтанировал в каждом ее

движении, слове, взгляде. Это была зеленоглазая бестия. И как он с ней управляется? В ней было дикое, чувственное обаяние, какая-то первобытная женская притягательность. Было понятно, что она привыкла побеждать мужчин одним ударом, с первого взгляда, и я в этом смысле не стал исключением. Ее красота, острая как бритва, располосовала мое сердце. Осознав это, она слегка повела головой, и улыбка заслуженного и привычного превосходства тронула уголки ее губ.

Я иногда задумываюсь: зачем женщинам такая ослепительная красота? Запредельная, всепобеждающая. Зачем палить сразу изо всех орудий? Ведь она избыточна, она может просто убить, уничтожить мужчину. Неужели им это нужно? Или они сразу же хотят отсечь недостойных?

В тот, первый момент я не смог разглядеть всех деталей ее лица. Но правильные черты это не главное. Меня совершенно не трогает ни якобы загадочная улыбка Моны Лизы, ни классическая фигура Венеры Милосской. Да и вообще, ни один образец женской красоты, запечатлённой мастерами прошлого, не волнует душу. Смотришь и недоумеваешь: чем они так восхищались, что в них такого находили? Может быть, сами не смогли отобразить истинную, живую прелесть своих избранниц? Или воплощенные образы в принципе не могут передать настоящую красоту женского лица и тела? Но ведь Леонардо да Винчи бесконечно совершенствовал свою Джоконду – уж он-то смог донести до нас облик боготворимой им женщины. И что? Что в ней особенного? Больше всего она похожа на самодовольную, умиротворенную матрону, только что покормившую грудью ребёнка. В ее банальной внешности нет ничего особенного, ничего волнующего, ничего эротичного. Конечно, мастерство гения оживляет образ, но не более того. В наше время на такой женщине вряд ли остановится мужской взгляд. В любом журнале мод найдешь десятки более красивых лиц. Объяснение только одно: наши современницы намного интереснее красавиц прошлого.

Но Марина! Это было что-то волшебное, неземное. Да, это была особа, достойная его личности. Ироничная, непредсказуемая, даже своим дерзким характером она была ему под стать. Комсомолка, спортсменка, красавица. Парашютистка! У них с подругой было уже по десятку прыжков. Кстати, о подруге. Ведь именно ради моего знакомства с ней и была организована эта встреча. Это была высокая, стройная, загорелая брюнетка с миловидной внешностью и задумчивыми черными глазами. Ее звали очень похоже – Мария, и созвучность этих имен в дальнейшем привела к нескольким неловким ситуациям.

Она была однокурсницей Марины, тоже с филологического факультета. Характером она обладала сдержанным, и всегда находилась на втором плане. Правильно ли поступают такие девушки, составляя пару эффектным красоткам в надежде привлечь внимание и к себе? Трудно сказать. Во всяком случае, для яркой и бойкой Марины она была выгодно оттенявшим ее фоном.

В тот вечер мы некоторое время шли по аллеям парка всей компанией. Сергей с Мариной, слегка посмеиваясь над нашей скованностью, шутили, находили какие-то темы для разговора, а потом, сочтя контакт установившимся, оставили нас вдвоем. Скоро и мы с Марией нашли немало общих интересов, особенно в области литературы. Она, получавшая систематическое образование, могла рассказать мне много нового, и мне с ней действительно было интересно. Как с филологом. Но никаких чувств не пробудилось в моей душе в тот вечер. В ней запечатлелся другой образ. Мы погуляли пару часов по парку и городу, и я проводил ее до дома. Обменявшись телефонными номерами (у меня, конечно, был рабочий), договорились созвониться на следующей неделе. Когда мы прощались под каштаном у ее подъезда, я испытывал даже некоторое облегчение. С легкой улыбкой она протянула мне руку, и я пожал ее нежную, безвольную ладонь.

Домой я возвращался в смешанных чувствах. Девичьи лица то и дело всплывали в моем воображении, но облик скромной Марии неизменно уходил на второй план. Ни тогда, ни сейчас я не могу объяснить, в чем состояла красота Марины. Она была чем-то неуловимым. Пожалуй, остроту ее внешности придавал именно рисунок губ. Как и у Джоконды, на ее лице всегда жила легкая, почти незаметная улыбка. Эта ироничная, вызывающая полуулыбка с первого взгляда зацепила меня, засела в памяти, вызывая какое-то щемящее чувство, болезненное и радостное одновременно. И я вдруг осознал, что она навсегда вошла в меня, каким-то странным образом изменив и меня, и весь окружающий мир. Любое воспоминание о ней освещало его, превращая из черно-белого в цветной. Это было именно то, о чем поется в песне: «Даже солнце светит по-особому с той минуты, как увидел я тебя».

Но она была его подругой.

Вернувшись к себе, я все еще не мог успокоиться. В душе царил непривычный сумбур. Сосредоточиться на чем-то конкретном было невозможно. Я поставил на магнитофон кассету с лирической музыкой и завалился на койку. Я лежал, закинув руки за голову, и бессмысленно глядел в потолок. Плачущий

голос Ободзинского органично вливался в мою душу, абсолютно соответствуя ее смятенному состоянию. «Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь, другой бы улицей прошел, тебя не встретил, не нашел». Да, это так. «Стоит мне тебя увидеть – О, как я счастлив!». И это правда. «Эти глаза напротив». Да, но чьи? Какие? Черные или зеленые? Разобраться было невозможно.

Его появление в моей комнате было вполне ожидаемым:

– Привет, Ромео! Еще не спишь?

– Привет, дон Жуан! Да какой там сон!

– Понятно без слов. Музыка мне все сказала. Судя по репертуару, тебя неслабо зацепило. Не зря говорят, что влюбленные глупеют на глазах…

– Кончай хамить! Скажи лучше, где находишь таких красоток?

– Да они сами меня находят!

– Кто бы сомневался.

– Ну, и как тебе Мария?

– Симпатичная девушка.

– И только?

– Перечислить тебе все ее достоинства? Это займет слишком много времени. А жизнь человеческая коротка…

– Понятно. Не можешь оценить масштаб бедствия?

– А почему ты не спрашиваешь о Марине?

– А мне и спрашивать не надо.

– Тоже понятно. Но как ты с ней управляешься? По-моему, нормальному мужику это не по силам. Это живой огонь…

– Мерси.

– Мне сразу вспомнилась одна лирическая дворовая песня, насчет цвета волос…

– Я вижу, ты имеешь сообщить мне о ней что-то новое. Так я тебя с интересом послушаю…

– Да нет, я так, просто…

– Не стоит углубляться в эту тему. Ибо она непредсказуема.

Еще раз про любви. О вечных пленницах природы, их непостижимости, рыцарском комплексе, хромосомах, феминизме, умывающейся кошке, основном инстинкте, мужской порочности, женском счастье и свободе нравов

– Еще бы! Как ни старайся, а женщин понять невозможно…

– Ничего странного, юноша. У нас разная физиология, иной образ мышления, другое восприятие мира…

– Причем, на генетическом уровне. Из кучи игрушек мальчик всегда вытащит машинку, а девочка куклу.

– Естественно! Поэтому они нам и непонятны. Вместе с их интересами, увлечениями, с их девичьими мечтами и глупой верой в сказку о прекрасной и вечной любви. Вспомни, что тебя интересовало в школьные годы. Как изюм из булки, ты выковыривал из книг описания приключений, а твоим одноклассницам нравились совсем другие сюжеты. Ты зарывался в Майн Рида и Фенимора Купера, а у них под подушкой лежала «Блеск и нищета куртизанок»…

– Ну, это как водится! Помню, как, измученный «Дубровским», надеялся на «Войну и мир» в школьной программе. И как потом был разочарован…

– А их неустанная забота о красоте? Их вечные игры в гляделки-выгляделки? Помнишь этих ухоженных, нарядных девочек из благородных семей? Отличниц, пианисток, балерин. С гордой посадкой головы, с высокомерным взглядом искоса, неприступных и прекрасных, как Гианэя. Помнишь, какими глазами мы смотрели на них в школьные годы?

– А как же!

– А им только этого и надо. Выглядеть! Во что бы то ни стало. Ради этого они идут на любые ухищрения, на любые жертвы. Скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства. Эта цель определяет менталитет женщин, их характер и мораль. Ибо приукрашивать себя значит скрывать свою истинную внешность. Фактически, обманывать окружающих. А это значит, что обман изначально присущ женскому характеру…

– Потому что правда хорошо, а счастье лучше.

– Да, это высшая ценность. Счастье лучше правды. И не только правды. Женское счастье лучше справедливости, лучше добра и зла. Лучше всего! Разве справедливо, что дуры и стервы с привлекательной внешностью находят себе пару, а золотые души остаются одинокими? Нет и нет! Так плевать на справедливость, если она делает женщину несчастной! Женщина готова быть несправедливо счастливой. Личное счастье превыше всего – пусть даже весь мир катится в преисподнюю со всеми его объективными законами!

– Поэтому они так охотно верят в чудеса?

– А как же! «Золушка» для них совершенно реальная история. Я подозреваю, что, невзирая на все усилия Министерства образования, в глубине души женщины не верят ни логике, ни физическим законам. Потому что по жизни постоянно сталкиваются с чудесами. Наблюдая как устроили личную жизнь некоторые из подруг.

– Да, союзы бывают просто невероятные…

– Именно поэтому женщины продолжают сопротивляться в самых безнадежных, с мужской точки зрения, ситуациях. Отвергая несправедливости жизни, женщины правы какой-то высшей, метафизической правотой. И в этом же источник их неистребимой веры в свои женские чары. И счастье от осознания их силы, пленяющей самых умных, сильных и красивых мужчин. От ауры, создаваемой мужскими взглядами, полными интереса и восхищения. Той самой красоты, которая дает женщине самое главное право – право выбора лучшего из покоренных ею мужчин.

– Цветисто говоришь, однако. Вот уж от кого не ожидал…

– Так сам предмет того требует. Стараюсь соответствовать.

– И что это за выбор? Красота, сила, ум, талант, богатство?

– О, это еще одна проблема! Конечно, ей хочется всего этого вместе. Как говорится, в одном флаконе. Чтобы однажды на горизонте появились алые паруса и прекрасный рыцарь в сверкающих доспехах, на белом коне…

– Слушай, достали они уже этими рыцарями и конями! Дескать, нет их уже давно, настоящих рыцарей. И слава Богу, что нет! Кто они такие, собственно, были, эти рыцари? Бездельники! Ловеласы, прожигатели жизни. Болтались при дворах без толку, мозги друг другу вышибали на турнирах. Охотой развлекались, животный мир уничтожали. Серенады распевали по ночам, людям спать не давали. Ну, еще, было дело, воевали, если война подворачивалась. И все? И нам теперь всю дорогу будут впаривать этот рыцарский комплекс?

– Успокойся. Тебя это не касается.

– Ты, что ли, рыцарь?

– Увы, нет! Для этого нужно иметь дворянский титул и хоть какое-нибудь завалящее родовое имение. И в этом смысле наш мир отличается от средневекового в худшую сторону. Поэтому бедной девушке приходится выбирать из того, что есть под рукой. «Слева кудри токаря, справа – кузнеца». Но ни одна из них, даже самая рафинированная интеллектуалка, не устоит перед обаянием брутального альфа-самца…

– Вроде тебя?

– Само собой! Кого же любить, как не самого лучшего? Да сама природа ее заставит! Глазами женщины глядит на нас природа. И мы на них глядим таким же взглядом. И вдруг в толпе случайного народа мелькнет лицо – и большего не надо!

– Ого, стихами заговорил!

– То ли еще будет!

– Не пугай меня.

– А самый верный критерий выбора для женщины давно известен: если хочешь ребенка от мужчины, значит это он, твой суженый-ряженый. Внутренний голос ей это подскажет – независимо от доводов мамы, мнения лучшей подруги и характеристики с места работы. Потому что женщина выбирает нутром…

– Сердцем?

– Да всеми внутренними органами! Своей биологической сущностью, инстинктом продолжения рода. И весь ее организм настроен на это. Глаза, которые сами собой оценивают окружающих мужчин. Женский ум, который заставляет прихорашиваться, чтобы желанный заметил и выбрал именно ее. И вспышка счастья, когда избранник оценил и ответил взаимностью. И романтика свиданий, и волнующее сближение, и его долгожданное признание, и апофеоз взаимной любви – свадьба. Главный праздник в жизни женщины…

– На котором, замечу, присутствует и жених.

– Да, принимает посильное участие. Из этого же следует естественное желание женщины создать счастливую семью, вырастить ребенка в любви и согласии. Чтобы избранник, отец ребенка, передал ему свои черты характера, знания, навыки, умения. Чтобы ее ребенок был лучше всех! Не это ли мечта каждой женщины?

– Не знаю.

– Именно поэтому выбор спутника жизни для женщины намного важнее, чем для нас, мужиков. Это самый главный выбор в ее жизни. Выбирая мужа, отца своих детей, женщина фактически выбирает свою судьбу. И величайшее достижение

эмансипации состоит в том, что женщина получила свободу этого выбора. Лишить ее этого права, значит, отнять у самой природы половину возможностей естественного отбора.

– Естественного?

– При всей субъективности это именно естественный отбор. Женщины инстинктивно выбирают самого лучшего из нас, чтобы передать лучшие гены потомству.

– Но почему выбирают не меня? А каких-то грубых, примитивных мужланов.

– Резонный вопрос. С твоей точки зрения. А у них, оказывается, есть свое мнение. И многие предпочитают крепких мужиков, настоящих хозяев жизни, а не сомнительных интеллектуалов, вроде тебя. И, как это ни обидно, имеют на это право. А мы должны это их право уважать. Хотя бы потому, что женский выбор ограничен. Они могут выбирать лишь из тех, кто заинтересовался ими самими…

– А что делать нам, отвергнутым бета-самцам?

– Сам знаешь: доказать, что она была неправа. Совершить подвиг или великое открытие. В общем, осчастливить человечество. Чтобы она поняла свою ошибку и пожалела о ней. В этом смысле любое женское решение имеет положительные последствия.

– Ты все сводишь к женскому выбору. А разве не бывает безумной мужской любви?

– Страдания юного Вертера и митина любовь — клинический случай. Если мужик зациклился на бабе, с ним что-то не так. Тут действительно нужно обращаться к психиатру.

– Но женщинам такое внимание льстит. Они же мечтают о сумасшедшей любви.

– Возможно, сначала и льстит, но скоро начнет тяготить. Женщина сама почувствует ненормальность происходящего. Какого бы высокого мнения она ни была о себе, она понимает, что не является венцом творения. По объективным причинам женщина не может быть единственной и даже главной целью в жизни мужчины…

– А говорят, что бы ни делал мужчина, все это он делает для женщины.

– Это комплимент. Что бы ни делали мужчина и женщина друг для друга, это делается для семьи, для детей. В конечном счете, для всего человеческого рода. Но в этом совместном деле у каждого свои обязанности. Мужчина — добытчик и защитник. Его место на охоте, а не у женской юбки. Любовью заниматься, конечно, приятно, но нужно еще заниматься и делом. А первым делом, как известно, самолеты. И не только они. В мире много

вещей поважнее любви.

– Но ведь любовь считается основным инстинктом!

– А к чему, по-твоему, в первую очередь бросится лев – к самке или куску мяса?

– Если сытый – к самке, если голодный – к мясу. Но скорее всего, самка уже будет ждать его рядом с куском мяса, приготовленным по рецепту ее мамы…

– Красиво сказано. Но в природе звери редко бывают сытыми. И люди, кстати, тоже. Поэтому ответ очевиден. Муж объективно нужен не только для любви, но и для решения разных неприятных вопросов в этом грубом мужском мире. Самой природой устроено так, что внимание мужчины направлено во внешний мир: на добычу шкур и мяса, на защиту семьи от саблезубого тигра. А женское – внутрь: на заботу о потомстве, поддержание огня в семейном очаге, дизайн пещеры, кулинарию и так далее. Это разделение функций обусловлено особенностями мужского и женского организма. Причем на генетическом уровне…

– Это как?

– О хромосомах слышал? Женские XX-хромосомы гарантируют жизнеспособность и стабильность наследственного механизма, а мужские XY – его вариативность. Которая нужна для поиска наилучших продолжений развития. Поэтому мужчиной можно и рискнуть – пусть идет в джунгли, на охоту и рыбалку. Из-за этих самых непарных хромосом, кстати, среди мужиков намного больше как полных идиотов, так и гениев. А женщина, наоборот, символизирует собой биологическую нормальность. А в целом получается гармоничный симбиоз, созданный природой для выживания…

– В джунглях?

– Ну да. И в каменных, кстати, тоже. Потому что первооснова человеческих отношений не изменилась. И для женщин все так же важен уют своего гнездышка, желанный и тягостный плен семьи, радостей и забот семейной жизни. И сопутствующие ей неизбежные, иногда мучительные, узы родственных отношений. В этом смысле женщина – вечная пленница природы. И нет ей выхода из этого замкнутого круга…

– Некоторые вырываются.

– Чтобы остаться в одиночестве?

– Значит, их удел это дом, кухня и дети?

– Почему только? В том числе! Среди всего прочего. Но эта функция самая важная. И мы с тобой ее исполнить не можем, при всем желании. И ничего обидного для женщин в этом нет.

– Ну, как же нет? Сам факт того, что они обязаны рожать, что это их долг, их крест…

– А разве мы с тобой не обязаны, не заряжены на это? Разве ты не хочешь иметь сына, похожего на тебя? И воспитать его так, чтобы он, твое продолжение, пошел дальше, сделал больше, чем ты? И разве ты не готов разбиться в лепешку, чтобы обеспечить для него и для нее, любимой, эту самую счастливую семейную жизнь?

– А тебе не приходилось на первых курсах заглядывать в учебник Вентцель?

– По теории вероятностей? Было дело.

– А читать романы И. Грековой?

– Пока нет.

– И зря. Хорошая литература. Так вот, и учебник, и романы написала женщина. Будучи при этом матерью троих детей…

– Невероятно!

– А еще профессором и доктором технических наук.

– Снимаю шляпу. И низко кланяюсь.

– То-то же. Нам с тобой ничего из этого не светит.

– Разве что родить детей.

– Да и то с посторонней помощью.

– В любом случае, природа требует от женщины сначала выполнить свое главное предназначение на этой земле. Иначе она будет обделена тем самым простым женским счастьем. Которое не заменишь никакими другими достижениями.

– А феминистки считают эти псевдонаучные доводы, якобы основанные на естественных законах природы, дьявольскими измышлениями мужчин-шовинистов…

– Да ради Бога! Если феминисткам это бремя в тягость, пусть переложат его на крепкие мужские плечи. А сами идут в забой.

– В запой?

– Сначала в забой. Но зачем? Из теплого, уютного, своими руками устроенного гнездышка — в грубый, грязный, опасный мужской мир? Кому и что доказывать? Я уверен, что нормальные женщины никогда не откажутся от тех истинных радостей, которые дает материнство и полноценная семейная жизнь с любимым мужчиной. А феминистки, на самом деле, борются не с мужчинами, а с матушкой-природой. Которая ежемесячно напоминает им о том, что они женщины. А если вдруг перестает напоминать, это повергает одних их них в ужас, а других в восторг. А потом она приносит им еще одно волшебное ощущение, когда внутри них шевельнулась новая жизнь. Которая постепенно заполняет собой их собственную, вытесняя из нее феминизм. А еще дает совершенно недоступное нам умиротворенное счастье от кормления ребенка грудью…

– Что да, то да.

– А еще есть такая мелочь, как роды…

– Не дай Бог! Не зря один еврей каждый день благодарил Всевышнего за то, что тот создал его мужчиной, а не женщиной.

– Зато женщина может оправдать свое существование ребенком. Это ее созидание, ее творчество. И она с гордостью демонстрирует окружающим свое изделие. А чем ты можешь оправдаться?

– Хочу заметить, что у самого первого человека на земле не было матери, но был отец. И первая женщина, если верить Библии, тоже была рождена от мужчины. Да и сейчас этот процесс не обходится без нашего участия…

– Да уж, этот процесс нравится многим. Только не всем доступен, вот в чем беда. Потому что на противоположном полюсе — ужас женской невостребованности. Безнадежная зависть к удачливым подругам, устроившим свою личную жизнь, к их кажущемуся семейному счастью. И горестная тяжесть отвергнутой любви, и леденящий страх одиночества, и непреходящее отчаяние от пустоты холодной постели и никому не нужной девственности…

– Вот это нам точно не грозит.

– Или вынужденное замужество, как бегство от одиночества. И мучительная жизнь с нелюбимым, постылым…

– Ну, это дело обычное! Все так женятся. Когда осознают, что ни на что лучшее рассчитывать уже не приходится.

– Кстати, про это есть древняя восточная легенда. У одного джинна была красавица-дочь, но никто не брал ее в жены. Проведя сто лет в девичестве, она сказала: всякому, кто полюбит меня, я открою все сокровища моей души и тела. Но прошло еще сто лет, и никто ее не полюбил. И прошла другая сотня, и она сказала в своем сердце: всякого, кто полюбит меня, я сделаю самым счастливым человеком на свете. Но никто ее не полюбил. И прошло еще сто лет, и она сказала: всякому, кто полюбит меня, я исполню три его заветных желания…

– В первую же брачную ночь?

– И в каждую последующую.

– Помилуй Бог!

– Но и эта угроза не помогла, и никто ее не полюбил. И тогда она огорчилась и сказала с обидой в душе: всякого, кто полюбит меня, я убью и предложу ему выбрать, какою смертью умереть!

– И нашелся желающий?

– Нет. И прошло еще сто лет, и тогда она разгневалась таким сильным гневом, что сказала: всякому, кто полюбит меня теперь, я устрою такую семейную жизнь, что он пожалеет о том, что не пришел в прошлый раз. Когда у него еще был выбор.

– И в чем смысл этой красивой сказки?

– Да просто вспомнил семейную жизнь своих соседей.

– Понятно. Значит, не все так безнадежно в женской судьбе? Какая-то возможность отыграться у них все-таки есть?

– И даже в этом женщины связаны по рукам и ногам – моральными ограничениями, правилами поведения и приличия. Всю свою жизнь, с детских лет, им приходится думать, что о них скажут люди, опасаться злых языков, осуждения окружающих…

– А самые злые языки это как раз языки женские.

– Это верно. Моральные устои общества защищают в основном женщины. Причем уровень женской нравственности напрямую зависит от возраста…

– Неуклонно возрастает?

– В целом, я думаю, зависимость имеет полого параболический характер. Но эта тема требует серьезных научных исследований. Может, возьмешься? Ты же в женском коллективе работаешь.

– Нет, спасибо. Не с моими способностями.

– И я не возьмусь.

– Разве можно заглянуть в женскую душу?

– Конечно, нет. Нам это не дано. Мы никогда не сможем познать всю силу их эмоций, остроту чувств, их упоение любовью – вплоть до бабочек, порхающих в животе. И вспышки наслаждения в момент экстаза, и блаженство любовной судороги, и полное умиротворение после телесного и душевного слияния с любимым. И слепую преданность ему, давшему ей все это. И лишающую разума ревность, и кровоточащую рану от измены, и бешеную ненависть к сопернице, пытающейся отнять это ее вожделенное женское счастье. И еще многое другое, о чем мы и представления не имеем…

– Выходит, жизнь женщины намного богаче и разнообразнее мужской?

– Да мы просто чурбаны по сравнению с ними! Грубые, бесчувственные животные.

– Среди мужчин тоже встречаются утонченные натуры…

– Но они дарят свою любовь отнюдь не женщинам.

– Но это тоже любовь?

– Это отклонение от нормы, изменение вектора сексуальности. Природе это не нужно. И даже в Библии есть завет на этот счет: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость».

– А насчет чуткости ты прав. Меня тоже всегда удивляло, как тонко женщины чувствуют все нюансы нашего отношения к ним. С полуслова, с полувзгляда…

– Женская интуиция, чутье. Взгляд, движение, интонация для них важнее, чем содержание речи. С кем бы женщина ни общалась, она, прежде всего, воспринимает эмоциональную окраску речи. А мы, наоборот, выделяем смысловую составляющую. Когда вожак стаи издает крик тревоги, самки должны хватать детенышей и прятаться в пещере. А не задумываться над содержанием его слов…

– А самцы должны задумываться?

– Конечно. Они должны знать, какая угроза, откуда исходит. Чтобы защищать стаю. Или охотиться. И так же осмысленно нужно обучать молодежь стрелять из лука, читать следы зверей, мастерить утварь и каменные топоры. Именно благодаря обмену информацией и совместным действиям наши предки сумели победить в межвидовой борьбе…

– А разве женщины не общаются между собой? Да их остановить невозможно! Часами перемывают кости знакомым, жалуются на родственников мужа или болтают о тряпках…

– Как ни странно, это тоже информация. Малосодержательная женская болтовня это не только развлечение, но и обмен житейским опытом. Чтобы правильно выстраивать отношения, женщине важно знать, как к ней относятся окружающие: вожак стаи, муж, члены семьи, другие самцы и самки. И она это чувствует по множеству косвенных признаков. Тем более, что слова служат не только для выражения мыслей и чувств, но и для их сокрытия…

– А разве нам это не нужно?

– Нужно. Нам тоже не нравится, когда на нас повышает голос вечно недовольный начальник, тот самый альфа-самец. А ты не замечал, кстати, что любой производственный коллектив напоминает стаю приматов в лесу?

– Да ладно тебе! Опять ты со своим дарвинизмом.

– Ты просто не видишь этого, по своей наивности. Доминирующий вожак стремится осеменить всех подчиненных самок и подавить конкурирующих самцов. При этом все самцы и самки коллектива располагаются на ветках невидимых, но всеми признаваемых уровней иерархии. А самки, как и в джунглях, соперничают за расположение и любовь главаря…

– Ну, ты прямо эволюционист! Вольтерьянец с большой дороги.

– А ты приглядись внимательнее. В чем суть большинства производственных конфликтов? В том самом соперничестве самцов. Или в бабьей зависти к фаворитке. Ну, еще бывает, что молоденькая самочка не хочет отдаваться пожилому начальнику. Или молодой самец пытается бороться с ним за лидерство.

Вспомни, что ты испытываешь, входя в кабинет шефа. Неизменный трепет перед вожаком. Накажет он тебя или одобрит? И ты демонстрируешь ему свою покорность, как подчинившийся самец. А он — отцовскую строгость и заботу, поскольку ты ему не конкурент…

– Ерунда! Разговор идет только по рабочим вопросам.

– Само собой! Подразумеваемое не обсуждается. И ты действительно должен понимать, что тебе говорят. Потому что тебе предстоит действовать, а не переживать. А в семье все наоборот. Если в крике начальника содержится хоть какой-то смысл, то в словах жены могут быть только эмоции. Придется угадывать, что она имеет в виду. В каком-то фильме героиня заявляет мужу: «Если я говорю, что хочу в Харьков, это не значит, что я хочу в Харьков. А когда я говорю, что хочу торшер, это не значит, что я хочу торшер»…

– Гениально! А чего она хочет?

– Может быть, сервиз. Или шубку, как у Зины. Но, скорее всего, она хочет любви. И ты, бесчувственный чурбан, должен был об этом догадаться сам. А не вынуждать бедную женщину объяснять тебе очевидные вещи. С помощью торшера…

– Хорошо, что не сковородки. Вот ты говоришь о женской интуиции. Почему же тогда они верят самой грубой и фальшивой лести? Насчет того, какие они красивые, загадочные, желанные…

– Потому что хотят верить! Женщина, даже если не верит лести, рассматривает ее как мужской интерес. И больше всего ей нравится лесть, похожая на правду. Искусная лесть должна быть как портрет влиятельной особы, написанный придворным художником. В идеале льстец должен угадать, какой женщина мечтает себя видеть. Это ей и нужно говорить. Тонкая лесть это искусство. Учись, студент!

– Но обычно лестью прикрывают не слишком благородные намерения…

– Не обязательно. Лесть может быть и созидательной. Если говорить человеку добрые слова и верить в него, он стремится соответствовать ожиданиям и действительно становится лучше. Поэтому «давайте восклицать, друг другом восхищаться»…

– О, это они умеют! Говорят одно, а думают другое. Все женщины лицемерки. Обманывают друг друга и нас, мужиков, на каждом шагу. Проявляют чудеса изворотливости, чтобы скрыть правду или в чем-то убедить нас…

– А что делать? Женское счастье — великая цель, она оправдывает любые средства. Ведь ей приходится противоборствовать дубовой мужской логике, о которую женский ум бьется, как муха о стекло. Противостоять давлению

родственников, разрешать личностные конфликты, изощряться в поисках выхода из семейных коллизий. Поэтому в житейских вопросах женский ум намного искуснее мужского. По сравнению с ними мы просто дети.

– Значит, под женским умом следует понимать хитрость?

– Не совсем так. У нас принципиально разные типы мышления. Вот, скажем, муж и жена видят умывающуюся кошку. Женщина думает примерно так: «Умывается. Намывает гостей. Ах, да! В субботу должна прийти свекровь со свекром. Опять будет носом крутить, высматривать, что не так. Нужно будет убраться. Да ей все равно не угодишь, найдет, чем уколоть, к чему придраться. Опять будет нервы мотать. И слова ей не скажи, сразу в амбиции лезет. Придется промолчать. А чего приготовить? Свекор любит фаршированную рыбу – ладно, будет им рыба. Нужно сказать своему, чтобы купил щуку или что там будет. А что надеть? Нет, новое платье нельзя – подумает, что все деньги спускаю на тряпки. Что-нибудь поскромнее. Ладно, перетерпим. Надеюсь, недолго…».

– Допустим. А муж?

– Примерно так: «Умывается. Вон как лапку слюнявит и за ухом трет. А зачем она себя вылизывает? Для чистоты? Так она, вроде, не грязная. А почему собаки этого не делают? Нет, причина в другом. Интересно, а рыси, леопарды тоже себя вылизывают? Наверняка. А зачем? А, понятно! Чтобы не было запаха! В дикой природе они охотятся, притаившись в засаде, поэтому жертва не должна чувствовать их запаха. Значит, кошки вылизывают себя не из чистоплотности, как принято считать, а из природного инстинкта – для успешной охоты. А собак запах не беспокоит, потому что они охотятся иначе – загоняют жертву. Кошки прячутся и ждут добычу, а собаки ищут. Поэтому, кстати, собаки по своей природе активны и подвижны, а кошки вальяжны и терпеливы. За их природную аккуратность кошек и держат в домах».

– Ну, и что ты этим доказал? Только то, что от женского мышления реальная польза, а от мужского никакой. Да и выводы неправильные. Собак тоже держат в квартирах.

– И все равно они пахнут псиной.

– А их хозяевам этот запах не мешает. Кстати, а почему вообще некоторые запахи кажутся нам плохими?

– Потому что природа предупреждает: это отходы жизнедеятельности, не трогай – ничего хорошего здесь нет. Плохо пахнет то, что нашему организму уже не нужно.

– А некоторые в детстве это даже едят.

– Зато потом им всю жизнь везет в карты. И в любви.

– Ну, так чье мышление лучше – мужское или женское?

– Смотря для чего. Для ремонта карбюратора – мужское, для семейной жизни – женское. А совместно – помогает людям выживать. В сложной международной обстановке.

– А ты не замечал, что женщины хотят выглядеть особенными, неповторимыми, но при этом абсолютно банальны во всем: в одежде, вкусах, поведении?

– Женщина не хочет быть особенной – она хочет быть лучшей. Мы, мужики, стремимся быть оригинальными, не такими, как все. А женщинам любые отклонения от нормы оскорбительны. Такая же, как все, но самая лучшая – вот их идеал.

– Изображают высокодуховность, оставаясь при этом совершенно материальными.

– Конечно, они практичны. Так и должно быть. Сама природа требует от женщины практичности. Чтобы свить гнездышко, чтобы был достаток и благополучие в доме, чтобы вырастить детей. Потому что каждая копейка – это крошка питания для ребенка.

– И при этом всю жизнь мечтают о красивой жизни и красивой любви. Они просто помешаны на красоте.

– Естественно! А кому же отвечать за красоту? Конечно, им. Везде и всегда, во всех ее проявлениях. Слышал анекдот о стриптизе для женщин? На сцену выходит голый мужик – красавец, атлет. Публика приветствует его вежливыми аплодисментами, не отрываясь от коктейлей и мороженного. Когда стриптизёр под музыку надевает тонкое белье, аплодисменты усиливаются. Когда он плавными движениями неспешно натягивает идеально выглаженные брюки, лаковые туфли и белоснежную сорочку со сверкающими запонками, из зала летят цветы и стоны. А когда красавчик облачается в безупречный смокинг, вкладывает в нагрудный карман платочек и поправляет галстук-бабочку, зал неистовствует. Женщины бросаются к сцене…

– И писают кипятком.

– Вот именно. И все это из любви к прекрасному. Потому что женщины стремятся украсить, облагородить любовные отношения. Чтобы уйти от животного начала, от примитивной физиологии совокупления. По сути, красивой любовью женщины вносят свой вклад в гуманизацию общества. Чтобы мы не жили по принципу: нажраться от пуза, выдрать самку и захрапеть в углу пещеры.

– А сами они разве этого не хотят? Того самого простого женского счастья? На словах мечтают о большой, неделимой

любви до гробовой доски. А на самом деле мечтают отдаться тому самому альфа-самцу. Сами признаются, что с первого взгляда оценивают мужика, каков он в постели.

– А что такое любовь, по сути? Взаимная тяга двух особей противоположного пола, обусловленная их физиологией. Это и есть биологическая основа любви. Любой, самой возвышенной. Ты не замечал, что иногда от женщины исходит сильнейшее излучение женственности? Она словно окружена невидимым полем страсти. Выражение лица, блеск глаз, движения – все настроено на волну любви. Сразу видно, что ей хочется мужика. Чтобы продрал до глубины души. Нутро ее этого требует. А без этого они психуют, злятся и даже болеют. Им даже врачи рекомендуют, для здоровья…

– По паре мужиков в день? До еды или после?

– Вместо. Ведь женщина сыта любовью. А можно и во время.

– Ну, у тебя и фантазия! Это какая же поза должна быть? Чтобы борщ не расплескать. Особенно, если мужиков двое…

– Это у меня фантазия? Да мы и представить себе не можем, что они вытворяют! Особенно в зрелом возрасте, после тридцати. И подростков совращают, и молодых любовников покупают…

– Ну вот. А ты говорил о каких-то возвышенных чувствах. Или все же духовность и блядство совместимы?

– Ну, ты прямо пушкинские вопросы задаешь! Конечно, совместимы. Интеллектуалки самые свирепые в постели. Чудеса творят…

– По-моему, ты демонизируешь женщин. Я слышал, что некоторые из них вообще ничего не испытывают в этом процессе. Смотрят в потолок: не пора ли побелить?

– И все равно хотят любви. Иначе их жизнь пуста.

– Выходит, это бабы во всем виноваты?

– А кто же еще!

– А может, твой Дарвин?

– Ладно, я вижу это долгий разговор. Давай как-нибудь в другой раз. Кстати, ты завтра свободен? Заходи после семи часов. Мне дали послушать диск Окуджавы. Большой, там с полсотни песен…

– Знаю, знаю. Ладно, зайду.

Следующим утром он ушел по каким-то своим делам, а я отправился на спортплощадку, погонять в футбол. Рядом с корпусом общежития, между такими же стандартными пятиэтажками была устроена огороженная сеткой утрамбованная площадка с металлическими хоккейными воротами – идеальное место для мини-футбола. Обычно на ней гоняла мяч малышня, но по воскресеньям собирались и люди постарше, даже семейные, не

утратившие спортивного азарта. Разбившись на команды по три-четыре человека, играли поочередно, на выбывание. Набегавшись вволю, я вернулся к себе, спустился в душ, ополоснул пропотевшую спортивную форму и развесил сушить. После этого переоделся и отправился обедать в ближайшую столовую. Прикупив что-то на ужин, вернулся в общежитие, и остаток дня провел за чтением.

В восьмом часу, как и условились, я зашел к нему. Он настраивал магнитофон для записи. Пластинка уже крутилась на проигрывателе, и негромкий голос Окуджавы напевал знаменитый арбатский романс. Песни были замечательные, и мы переписали весь диск на новую кассету. Среди них было несколько нам незнакомых, и он начал сходу подбирать аккомпанемент: «Отзвучали песни нашего полка, отзвенели звонкие копыта…». Но я прервал начатую им репетицию:

– Ты так и не ответил, где познакомился с Мариной и Марией.

– Да я же сказал. Они сами меня нашли. В парашютном клубе.

– Смотри, какие отважные девицы…

– А где искать настоящих мужиков? В библиотеке, что ли?

– По-твоему, достойные люди туда не ходят?

– А зачем?

– Помнишь вчерашний разговор? Ты еще доказывал, что бабы во всем виноваты.

– Да, было дело.

– А ты «Крейцерову сонату» читал?

– Нет, Бог миловал.

– И зря. Суровое и обличительное произведение. В нем Толстой как раз и пишет, что это мы, мужики, во всем виноваты…

– Да ну!

– Что все несчастья происходят от нашей мужской похоти, от нашего животного отношения к женщинам. От той плотской гнусности, которой мы предаемся с самых юных лет. Там главный герой, Позднышев, вспоминает о том, как старшие товарищи его совратили, привели в публичный дом. И как он после этого погряз в случайных связях, без любви, без душевной привязанности. И, хотя предавался разврату умеренно, все равно стал блудником…

– Ну, он неправ! Это всего лишь юношеская гиперсексуальность. Один из периодов жизни, когда инстинкты затмевают разум. А разве ты сам не заводишься, когда видишь красивую бабу? Разве не мечтаешь о чем-то интимном, соблазнительном, женском? О молодом, волнующем теле, о

какой-то идеальной, обезличенной женственности. Сам знаешь, иногда от этих видений невозможно избавиться. Это и есть голос инстинкта.

– А он считал, что это все от неправедной жизни. Что излишняя пища и физическая праздность возбуждают в мужчинах похоть. И тогда они соблазняют и развращают женщин, которые от природы чисты и невинны. Потому что видят в них лишь предмет для наслаждения. А девушки, ради замужества, вынуждены следовать скотским желаниям мужчин, поэтому стараются привлечь их внимание своими телесными прелестями…

– А что тут такого? Это и есть вечная игра полов. Ты ведь именно это и замечаешь в первую очередь. Сначала фигурку, ножки, грудь, потом лицо, волосы, глаза, губы. И тебе тут же хочется схватить ее, обнять «с неистовой силою» и так далее, по известной всем дороге в Рим. А потом уже можно и душевной красотой поинтересоваться. Если будет охота. Это и есть в чистом виде инстинкт размножения, живущий в каждом из нас. Чтобы мы их засевали. Независимо от их чувств и желаний…

– Вот именно в этом скотстве и обвиняет мужчин герой Толстого.

В том, что внешне пристойные люди повсеместно предаются разврату, ведут себя как обезьяны и французы. И при этом сами, как англичане, искренне верят, что живут в нравственном мире…

– И какое открытие сделал этот Позднышев? То, что нами управляют инстинкты? Да, это так. Чем бы ни занимались люди, под покровом обыденности бушует невидимый, но могучий поток физиологической любви. Это выражается в каждом взгляде мужчин и женщин друг на друга, сближает их и в итоге завершается вспышкой страсти. Ну и что? Чего он добился? Содрал тонкую оболочку культуры с человеческого естества и возрадовался?

– А он утверждал, что этот скрываемый, но принятый обществом блуд и есть причина всех человеческих несчастий. Что у развращенного мужчины уже не может быть чистого, братского отношения к женщине…

– А оно ей нужно, братское отношение?

– А потом, нагулявшись, стараются найти невинных, непорочных девушек для семейной жизни. А их матери, испорченные собственным опытом, обучают дочерей приемам соблазна, чтобы любой ценой выдать замуж. И здесь начинается отвратительная торговля, унижающая женщин. В этой торговле в счет идет каждая мелочь: стройность фигурки, изящество рук, миниатюрность ножек, белизна кожи, красота лица, разрез глаз и

даже какая-нибудь милая родинка. Женская красота это капитал. Поэтому торговцы и стараются показать товар лицом. А также прочими частями тела. Применяют всякие хитрости и уловки, чтобы заморочить мужчин, чтобы получить самый лучший выбор. Причем и проститутки, и дамы высшего света используют одни и те же приемы…

– Ерунда! Матери здесь ни при чем. Девушки прихорашиваются инстинктивно – и в европейских салонах, и в африканских деревнях. И своим внешним видом они обращаются не к нам лично, а к природной силе размножения, живущей в нас. Даже самой изощренной интеллектуалке хочется, чтобы ее вожделели все окружающие мужчины. Мы тешим себя иллюзиями о своей исключительности, а они гадают на суженого-ряженого – какой попадется? Душа Татьяны ждала кого? Кого-нибудь. Самца.

– А вот этот господин заявил, что даже медовый месяц – это мерзость и свинство, а телесные отношения полов вообще неестественны. Что человеческому роду и продолжаться не нужно. Потому что плотская любовь и страсти мешают высоким целям, идеалам добра, любви, всеобщего блага…

– Ну, это он круто загнул!

– А по-моему, в чем-то прав. Как-то на шабашке у меня возник спор на эту тему с одним записным плейбоем, вроде тебя. Он там хвастался своими похождениями и сексуальными рекордами спортивно-технического характера. И был очень удивлен, когда я сказал, что сексуальный экстаз не самое сильное чувство, которое может испытать человек…

– А какое же?

– Значит, и тебе это недоступно. Речь идет о вдохновении.

– Да ну?! Мне тоже не верится.

– Возможно, оно не такое острое в самый пиковый момент, но в целом более сильное. А главное, более достойное человека. Ну что нужно для секса? Найти уступчивую девицу на вечерок. Которая так же инстинктивно тянется к противоположному полу. В надежде на любовь. Или что-то еще более серьезное. Сначала, как обычно, шуры-муры, фигли-мигли. А потом одно и то же. Как писал Флобер, вечное однообразие страсти, у которой всегда одни и те же формы, и один и тот же язык. В этом состоянии человека охватывает сильнейшее возбуждение, он становится неуправляемым, теряет контроль над собой, теряет человеческий облик. Его взгляд мутнеет, разум меркнет. Им управляет не головной мозг, а спинной. И никакая культура, никакой интеллект в этот момент не имеют значения. Всеми нами овладевает животная страсть, ее непреодолимая сила. Насильник, даже понимая неотвратимость наказания, не может остановиться.

Потому что природа сильнее человека…

– Машинист поезда замечает впереди на рельсах влюбленную парочку. Бешено сигналит – бесполезно. Со скрежетом тормозит прямо перед ними и, матерясь, выскакивает из кабины. А в ответ слышит: «Послушай, кому легче остановиться – тебе или мне?».

– Вот-вот. Накатит на тебя что-то дикое, доведет до беспамятства. А что потом? Опустошенность, неловкость, чувство вины перед этой самой девицей, словно сделал что-то неприличное. А все потому, что тобой управлял инстинкт.

– Ну, инстинкт, и что? Ты живой человек. Сама твоя жизнь это жизнь твоего тела. Ты же не монах, умерщвляющий плоть. Кстати, тоже непонятно – зачем они это делают? Кто сказал, что это нужно Богу? С какой стати? Всевышний сам повелел людям плодиться и размножаться. Так почему это плохо?

– Это не хорошо и не плохо, это естественно. И доступно всем: и северному оленю, и гниде, и даже бабке Степаниде. А вдохновение – это другое, это дано не каждому…

– А ведь все великие творцы в один голос твердят, что их вдохновила именно любовь.

– Не все и не всегда. Конечно, есть такое явление как сублимация любви в творчестве. Но непосредственно секс в этот напряженный период нежелателен, потому что приводит мужчину к опустошенности. Кстати, когда художник говорит, что вдохновлен любовью, это не всегда радует его жену…

– Понятно.

– И еще один момент: радость творчества и созидания греет человека всю жизнь, а функция размножения с возрастом отмирает.

– Ну, это удовольствие для избранных!

– О том и речь.

– А что там дальше было с этим Позднышевым?

– Его судьба сложилась трагически, словно в наказание за грехи молодости. А ведь он, повзрослев и раскаявшись, решил устроить нравственную семейную жизнь. Он не гнался за приданным, выбрал небогатую, но приличную девушку и не изменял ей, заботился о семейном благополучии. Но у них с первых же дней начались какие-то мелкие недоразумения. Поначалу эти бытовые ссоры забывались после ночной близости, но постепенно у них стало проявляться отчуждение, потом вражда, желание обидеть друг друга и, наконец, настоящая ненависть. Он считал, что жена ненавидит его за то, что он пользуется ею по ночам…

– И все из-за его мужской сексуальности? Сомнительно. Такое бывает, когда люди живут без любви. Значит, он был ей противен.

Как бы ни старался, как бы благородно себя ни вел. Есть такое слово «постылый», по-настоящему понятное только женщинам…

– А он еще до женитьбы, в романтический период, заметил малозначимую на первый взгляд особенность их отношений: ему не о чем было говорить с невестой. Они тяготились, оставаясь наедине.

– Ничего себе мелочь! Вот тебе и ответ.

– Но он считал, что это не важно для семейной жизни. Что любви все равно никакой нет, а есть только похоть. А если уж вы так возвышенно любите друг друга, то зачем ложитесь спать вместе? Поэтому все люди несчастны в семейной жизни. Потому что живут в телесных, скотских отношениях, оставаясь чужими друг другу…

– А чего он хотел? Это и есть брак по расчету.

– У них родилось пятеро детей, и поначалу они отвлекались в семейных заботах, хотя продолжали воевать друг с другом. Но потом она вырвалась из плена быта, стала следить за собой, похорошела, и тогда он почувствовал уже в ней самой этого зверя, эту животную тягу. Она занялась заброшенным было музицированием, и в их доме стал появляться учитель музыки. Она им увлеклась, и тогда этот самый Позднышев в припадке ревности убил ее.

– И все?

– Конечно, нет. Все, что пишет Толстой, передать невозможно. Это надо читать. Конечно, прямых авторских выводов в тексте нет. Видно, что Толстой многосторонне исследовал эту грешную тему, хотел помочь страдающим людям, пытался найти для нее какое-то универсальное нравственное решение. Но, похоже, не смог. А в конце вообще заявил, что истинные люди это дети и старики. Те, кто физиологически находится вне сферы телесной любви…

– Ничего странного. Не у всех человеческих проблем есть однозначное решение. Противоречие между сложившейся семьей и выбором самого лучшего партнера имеет объективный характер. Это было и будет всегда. И вечный вопрос: где же ты был, почему не встретился раньше? И каждый будет разрешать его по-своему…

– Интересно, что в «Крейцеровой сонате» прямого адюльтера нет. Тем более сильно описано внутреннее состояние этого самого Позднышева, его душевные мучения. При том, что он ненавидел жену вплоть до физического отвращения, он безумно ревновал ее. Не мог смириться с мыслью, что она может распорядиться собой и отдаться другому. Вот именно это его терзало. То, что она сравнивает его с другим, что может найти

если не счастье, то какую-то даже мелкую радость с другим мужчиной…

– А вот это очень точно! Именно в этом причина бешеной мужской ревности. Мы еще можем как-то смириться с отказом девушки, не сумевшей оценить нас по достоинству. Но измена жены, которая полностью нас знает, поистине ужасна. Женская измена – это не случайность, как мужская, а приговор, окончательный и бесповоротный. И самый объективный…

– Объективный? Нашла какого-то подвернувшегося прощелыгу, фигляра. Чем он лучше? Ну, молод, красив, но ведь ничтожен! Пустое место! Неужели она не видит этого?

– А если это достойный, уважаемый человек?

– Да не будет достойный человек этим заниматься! Соблазнять чужую жену из-за похоти. Значит, подлый развратник, клюнувший на ее доступность. И если она этого не понимает, значит, и сама такая же. Тварь гулящая! Мерзкая, распутная самка!

– Но ведь ты сам выбрал ее в жены! И жил с ней, в полном самодовольстве, думая, что осчастливил…

– Но я же ей не изменял! А она? Почему? Зачем? Чего ей не хватало? Я же старался для дома, для семьи. Неблагодарная, недостойная! Значит, семейный покой ей был не нужен? Вот что ей, оказывается, было нужно? Тварь распутная! Отвергла, предала. Испачкала, изгадила все, что было хорошего…

– От тюрьмы, от сумы и от женской измены не зарекайся.

– И что теперь делать? Убить ее, что ли?

– Этим ты ничего не изменишь, ничего не исправишь.

– Простить?

– Она будет чувствовать свою вину и еще сильнее тебя ненавидеть. Остается одно: отпустить на волю. Как птичку из клетки. Наказать женщину можно только своим уходом.

– Чтобы она восторжествовала?

– Вот и герою Толстого это было невыносимо. Он просто сходил с ума, представляя себе, что она торжествует победу, отдаваясь другому. Что изменяет ему с радостью, со злорадством, назло ему…

– Но разве женщины не вправе спросить: а вы, кобели, чем лучше? Разве вы не смотрите на каждую проходящую бабу, разве не гуляете при случае на сторону? Почему любвеобильный мужчина – это комплимент, а любвеобильная женщина – оскорбление?

– Потому что в природе самцы полигамны. Через конкуренцию самцов природа производит естественный отбор, оставляя для размножения сильнейшего. И женщины

инстинктивно тянутся к нему, к тому самому альфа-самцу.

– И здесь Дарвин виноват?

– А кто же еще? Мужская полигамность объективна хотя бы потому, что посев должен состояться обязательно, независимо ни от какой морали. А после этого уже женщина имеет право решать: рожать или нет. Но главное, чтобы такая возможность у нее была. Гораздо хуже, когда женщина не востребована. Поэтому активных самцов общественное мнение не осуждает, а романтизирует.

– А почему женщинам этого нельзя?

– Вот и феминистки задают этот вопрос.

– И каков ответ?

– Записывай: наши эмансипированные современницы обнаглели, развратились и хотят от любви только удовольствий. На западе супружеские измены уже не считаются грехом и становятся нормой отношений…

– Ну и пусть! Ничего страшного. Пускай люди наслаждаются любовью. А кто хочет, пусть заводит детей и живет добропорядочной обывательской жизнью. Поэтому – долой лицемерие! Да здравствует свободная любовь!

– А снижение рождаемости?

– Это страшилка. Вымирание человечеству не грозит, скорее наоборот. Ресурсы планеты ограничены, и численность населения не может расти бесконечно. «Вы можете себе позволить восемь душ детей?». Не можете. Значит, не надо плодить нищету. Свобода нравов допустима лишь при наличии экономических условий. Или при их полном отсутствии. И классики марксизма-ленинизма давно об этом предупреждали…

– О том, что при полном коммунизме семья отомрет?

– Однозначно. Материальное изобилие убьет классическую семью в ее нынешнем экономически-вынужденном виде. Останется только добровольная. И тогда наступит долгожданная эра всеобщей, ничем не ограниченной любви. И сбудется, наконец, вековая мечта всех женщин, которую смело выразила Вероника Долина: «Когда бы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила»…

– Как это и сейчас происходит в некоторых отсталых племенах. Где все мужчины считаются отцами всех детей…

– И это замечательно! Полная свобода нравов. Хочешь – воспитывай детей, не хочешь – гуляй по сторонам. Никто никому ничего не должен. Ночуй, где хочешь, спи, с кем хочешь – жена и пикнуть не посмеет. А надоело с любовницей – вернулся к жене.

– А ее дома нет – ушла к другому мужику, настоящему. Который и обеспечить может, и в постели поинтереснее…

– Да кому она нужна, с чужим ребенком?

– А почему бы и нет? Если ненадолго, и без обязательств.

– Так на одну ночь и сейчас найти не проблема. Спрос на любовь острейший.

– А я подозреваю, что при полной свободе нравов еще большей ценностью станет семья и надежная, любящая жена. И нам за эту ценность придется платить верностью.

– Мрачная перспектива.

– А чего тебе еще нужно? Любовь, взаимопонимание и уютное гнездышко – чем не идеал семейной жизни? А если будет душевная близость, сходство характеров, то и старость (а куда от нее денешься?) можно встретить в душевном покое. Если повезет, конечно…

– Остается только найти ее, единственную половинку.

– Чем мы с тобой и занимаемся.

– В отношении тебя я сильно сомневаюсь.

– Ну, время еще есть!

– Да нет, уже поздновато.

– И правда, уже за полночь. Может, на этом и разбежимся?

– Ладно. Отдыхай.

А в городе уже продавали муст – свежевыжатый виноградный сок. Его наливали в стеклянные кружки продавщицы в белых халатах из тех же желтых бочек на колесах, что и квас в северных городах. Этот кисловатый, слегка пьянящий золотистый напиток с легкой пеной остался в памяти символом благодатной южной осени. Сентябрь на юге – лучший месяц года. Те считанные дни бабьего лета, которые достаются нашим северным краям в начале осени, всего лишь слабый отсвет настоящего бархатного сезона, которым природа одаривает южан. Божественное время! Уходит летняя жара, воздух становится прозрачнее, небо набирает голубизну, и все вокруг словно проявляется, становится контрастнее. Солнце уже не обжигает, а нежно греет, ласковый ветерок осторожно трогает листву деревьев, шевелит занавески распахнутых окон. В нем уже явственно чувствуется легкая прохлада, и даже не прохлада, а лишь тонкий намек на нее. Забираясь за ворот рубашки, он нежно гладит кожу, обнимает загорелые тела. Волшебное ощущение! В эту пору года хорошее настроение возникает само собой. Для этого достаточно выглянуть в окно, выйти на улицу. Добродушное солнце, неспешные движения прозрачного воздуха словно замедляют время, сдерживают его неустанный бег и вносят умиротворение в человеческие души. Все вокруг как-то успокаиваются, по-доброму относятся друг к другу. Сама природа делает людей счастливыми. Ах, сентябрь, бархатный сентябрь юга, как ты хорош!

Но всему в этом мире приходит конец.

За окном потихоньку просыпается утро. Наступает последнее воскресенье сентября.

Для меня это особенный день.

В этот день я не буду заниматься своими обычными делами.

Не стану разбирать свои бумаги и наводить в них порядок, не буду читать накопившиеся газеты и журналы. Не сяду писать письма, сроки которых давно прошли, и которые измучили мою совесть. Не отправлюсь в уютную тишь библиотеки, на встречу с мудростью великих книг и гениальных писателей.

Не выйду на спортивную площадку, куда меня зовут азартные крики игроков и звон футбольного мяча.

Не пойду ни в кино, ни в театр, ни на концерт, где вдохновение артистов и музыкантов сулит мне немало радостных минут.

Откажусь от встречи с друзьями, от компании, которая манит меня своим безалаберным весельем.

В этот день я не отдамся обыденности, не поддамся никаким соблазнам. Пусть забудут обо мне мои дела, мои друзья, мои книги, вернисажи и театры, мои так и ненаписанные письма. И даже моя девушка, которая хотела бы быть сегодня со мной рядом. В этот день я изменю ей с другой особой.

Этот день я проведу наедине с моей золотой подругой — осенью. Потому что сегодня день, какого больше не будет. Сегодня — Праздник осени.

Мы будем бродить вместе с ней по тем местам, в которых мне было так хорошо ушедшим летом. Я буду вдыхать серьезную свежесть ее прозрачного воздуха, буду подмечать игру лучей в облетающих ветвях притихших деревьев, вглядываться в пестрые волны лесистых склонов, в пронзительную синеву небес, в стальной блеск остывающего озера.

Я буду неспешно брести по знакомым аллеям, шелестя опавшей листвой, буду гладить теплую, шершавую кожу кленов, удивляться чистейшей желтизне их редеющих крон и сквозящей в них голубизне небес.

Я буду наполняться грустью умирающей природы, а осень будет утешать меня уходящим теплом нежаркого солнца, обнимать волнами прохладного ветра, наполненного горечью тлеющей листвы. И множество тихих, спокойных мыслей посетят меня, а душа моя сольется с красотой притихшего мира и сладко заплачет, и я не буду стесняться увлажнившихся глаз. Потому что сегодня можно, потому что сегодня Праздник осени.

В этот день я прощаюсь с уходящим в прошлое годом моей жизни. Прощаюсь с бесшабашной весной, которая осталась в моей

крови каким-то неизвестным микробом счастья, прощаюсь с жарким летом, которое я пил огромными, жадными глотками и которым так и не смог насытиться, прощаюсь с зыбким теплом бабьего лета, которое еще здесь, со мной, рядом.

Щеки коснулось нежно бабье лето,
И паутинка серебристая плывет,
И звук призывный слышен в небе где-то –
Он в даль бескрайнюю пленительно зовет.
Прозрачен воздух, беспредельны дали,
И ветерок прохладою сквозит.
Ах, осень, осень, мы тебя не ждали,
Но как привычно грустен твой визит!
Дымком костра хрустальный день настоян,
В нем память лета скоро догорит,
А осень облетающей листвою
О том, что все проходит, говорит,
О том, что бренна жизнь, что время быстротечно,
Что молодость осталась позади.
Но как бездонна синь небес предвечных!
Как сладок ветра холодок в груди!

Мы продолжали встречаться с Марией. И он в очередной раз оказался прав. Где-то на третьем свидании, когда мы обменивались впечатлениями о друзьях и знакомых, Мария сама завела разговор о том, с какими разными людьми приходится встречаться в жизни, о том, что за привлекательной внешностью часто скрываются темные, нечистые души, способные жестоко обмануть и предать поверивших им людей. О том, как тяжело было пережить это и ей самой, полностью доверившейся такому человеку, который воспользовался ее доверчивостью и предал, растоптал ее самые светлые чувства. О том, что она полностью разочаровалась в людях, во всех мужчинах, и ей теперь, после такого предательства, трудно кому-либо поверить, раскрыть душу. А я, в свою очередь, пытался убедить ее в том, что не все мужчины такие, что не все из нас стараются охмурить девушку и бросить ее, добившись желаемого, что есть мужчины, способные на глубокие чувства и серьезные отношения. Самое удивительное и, наверное, огорчительное для нее состояло в том, что мои слова были правдой. У меня не было острого желания добиваться от нее того самого желаемого. Я испытывал к Марии самые светлые чувства. Пожалуй, даже слишком светлые и чистые. Мне было с ней интересно, но не более того. Она казалась мне спящей красавицей, однако я не мечтал ее разбудить. А может, это я был

спящим красавцем, видевшим совсем другие сны? Скорее всего, так оно и было. Влюбиться по собственному желанию не получалось. Впрочем, в то время ни мне, ни ей это еще не было до конца ясно. Все было смутно и неопределенно.

Поводом для наших свиданий были какие-то культурные мероприятия. Бывало, что посещали выставки, несколько раз были в театре. Но чаще всего ходили в кино. После сеанса гуляли по парку, если позволяла погода, обсуждали художественные достоинства фильма и характеры героев. Запомнилось сильное впечатление от фильма Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино». Сошлись во мнении, что режиссеру удалось выразить саму суть чеховского взгляда на мир, драматического и ироничного одновременно, в котором исповедальные и философские мысли героев выражаются с большой эмоциональной силой, но не застывают в фальшивом пафосе, а оттеняются приземленной, даже комедийной реальностью бытия. И от этого обретают еще большую остроту и достоверность. Несколько раз, по ее предложению, ходили на литературные вечера, слушали французскую поэзию прошлого века. На интересе к литературе мы сошлись более всего. Она, как и я, очень любила поэзию Серебряного века, тогда еще малоизвестную, мало издававшуюся. Мы подолгу, взахлеб говорили о любимых поэтах, о редких сборниках, цитировали любимые стихи. А еще она часто рассказывала о национальной литературе. Она была полукровкой, дочерью двух народов, двух культур, и неоднократно пыталась передать мне красоту национальной поэзии. Но это оказалось безнадежным делом. Я был невосприимчив к языкам — куда мне было до тонкостей любовной лирики!

Более всего меня удивляло то, что они обе были парашютистками. Как раз в то время, после не совсем удачного приземления, Мария слегка прихрамывала. Я пытался выяснить, что побудило ее заняться таким экстремальным видом спорта, совершенно неподходящим ее характеру. Ее уклончивый ответ подтвердил, что это было инициативой ее беспокойной подруги, искательницы сильных ощущений и сильных мужчин. Именно там они и познакомились с Сергеем. Все они продолжали заниматься своими прыжками и, когда мы собирались все вместе, часто общались на эту тему, вспоминая какие-то только им понятные забавные случаи. Мне тоже нужно было соответствовать уровню требований, и я, хотя и без особой охоты, все же записался в парашютную секцию ДОСААФ[7].

На смену ласковому сентябрю незаметно пришел строгий октябрь. Солнечные дни все чаще стали сменяться прохладными и

сырыми. Деревья неохотно, но все же начали сбрасывать листву, а осень, немного помедлив, укрыла небо мутной, безнадежной серостью. Зарядили долгие, унылые дожди, и природа стала совсем неласковой. Долгими осенними вечерами одинокому холостяку бывает скучновато. В эти сумрачные дни мы встречались чаще обычного. Особенно хорошо шли наши беседы в дождливые дни, когда холодный ветер одиноко бродил по опустевшим улицам города, обиженно швыряя в окна домов пригоршни дождевых капель. И чем хуже была погода, тем уютнее казалась нам неуютная комната общежития, тем душевнее было наше бесцельное общение, под хорошую музыку, под бутылочку вина, под перебор гитары. Потому что мы были молоды, верили в себя и в то, что вся эта неустроенность временна, что впереди у нас большое и прекрасное будущее. Потому что нам было интересно общаться, обсуждать казавшиеся важными вопросы и делиться умными, как нам тогда казалось, мыслями.

В тот ненастный субботний вечер он был у себя. На магнитофоне крутилась бобина с песнями Окуджавы, которые мы недавно переписывали со знаменитого диска в темно-красном конверте. Звучала песня о Моцарте, одна из самых любимых, которую мы часто пели у наших костров. Увидев меня, он отложил в сторону книгу и сделал приглашающий жест:

– Привет! Заходи, располагайся…

– Ну, привет! Как жизнь?

– Не в этом дело!

– А в чем?

– Эх, если бы я знал…

– Только не надо! Не надо делать умный вид.

– Да нет! Я так, просто…

– Вот именно!

– Но какие погоды стоят, а, сударь?

– Отвратные, батюшка, воля ваша.

– И еще эта ворона за окном. Чего она так орет? Без нее тошно.

– По-моему, она кричит «Ура!».

– Она что, сумасшедшая?

– Нет, оптимистка.

– Оптимистов в такую погоду нужно убивать. Морально.

– А Пушкин эту пору любил: «Дни поздней осени бранят обыкновенно»…

– А я браню необыкновенно!

– Значит, ты не поэт. Чем хуже погода, тем больше поводов…

– Выпить?

– Для творчества! У талантливых людей об эту пору пальцы

невольно тянутся…

– К бутылке?

– К перу! А перо к бумаге. Поздняя осень — лучшее время для творчества. На смену летнему легкомыслию приходит время задуматься…

– Об выпить рюмку водки?

– Об заклеить окна на зиму! А еще о своем разгильдяйском поведении. Ибо сказано: лето — для тела, зима — для ума.

– Не стоит так резко отделять ум от тела.

– Кстати, о пере и бумаге. Ты ведь, как мне помнится, грозился помочь Пушкину доработать «Онегина»? Как идет творческий процесс? Не пора ли устроить премьеру? Почитаешь мне вслух, как Александр Сергеевич Гоголю…

– Премьеры не будет. Сдавайте билеты в кассу. Оказывается, еще сто лет назад кто-то написал «полного Онегина», даже с продолжением. А я повторяться не хочу…

– Беги за бутылкой!

– Да уже заготовил…

– Ого, «Херес»!

– Плохого не держим — выбрасываем сразу.

– И брынза есть? И свежий батон? Как мало нужно простому энергетику для счастья! Ну что же, наливай!

– Ну, будь здоров!

– Обязательно буду.

– Кстати, о поэзии. Я тут недавно узнал, что Н. Рубинов тоже пишет стихи.

– Да ну? Какой разносторонний талант!

– Он этого, конечно, не афиширует. Но поэзия очень нетривиальная. С ярко выраженным трагическим оттенком. Особенно мне понравились стихи на производственную тему. Я даже кое-что записал. Вот, послушай:

Не пей в трансформаторной будке
У токоведущих частей,
Последствия могут быть жутки –
Лишь кучка сгоревших костей.

Плохи с электричеством шутки,
Нельзя нарушать ПТБ[8] –
Забудь ПТЭ[9] на минутку,
И ток пробежит по тебе.

– Да, сильно. Суровым ямбом рубит мужик.

– А рифмы какие изысканные! Нет, мастерство не пропьешь.

– И что, он весь справочник так зарифмовал?

– А ты сомневаешься?

– Значит, нужно срочно издавать. Это пособие должно быть на рабочем месте каждого энергетика.

– Тебе виднее. Но в его творчестве есть и общечеловеческие темы. И не какие-то там любовные вздохи, а суровая правда жизни:

«Столичная», рюмки и скатерть,
И запах любимых котлет,
Но хватит внезапный «кондратий»,
И склеишь ты ласты в момент.

Гуляют веселые гости,
Закуски и вина – рекой!
Но тихо на старом погосте,
И ждет их там вечный покой.

Хозяин откроет бутылку,
А гости подхватят припев,
Но всех их проводит в могилку
Всегда популярный Шопен.

– Ты смотри! Глубоко философский взгляд на жизнь. Правда, с алкогольным уклоном…

– Да, есть специфический привкус. Но у него есть и социальная сатира. Бестрепетной рукой срывает художник маски лицемерия и пошлости, смело бичует отдельные недостатки:

– Сегодня зашел ты к соседке
– Помочь ей исправить утюг,
– А завтра тебя табуреткой
– Угробит ревнивый супруг.

– Бескомпромиссно, ничего не скажешь. Критический реализм во всем его блеске. Но где-то я уже слышал похожие мотивы. Об эфемерности жизни. Кажется, у Вадима Шефнера…

– Не знаю, не читал. Но Н. Рубинов в своем творчестве отражает многие аспекты бытия. У него можно встретить и литературно-мистические сюжеты:

Пруды Патриарши прекрасны –
Гуляй, веселись, наливай!

Но пролила Аннушка масло,
И катишься ты под трамвай.

– Но какой мрачный гений! Данте отдыхает.

– Вот такое устное народное творчество…

– Однако, эти стансы далеки от оптимизма. С таким мировоззрением вряд ли можно рассчитывать на прижизненную славу.

– Но, может быть, потомки оценят?

– Да, богата страна талантами. Сколько их, непризнанных, по городам и весям…

– А по сумасшедшим домам!

– А что делать? Судьбы истинных поэтов трагичны.

– И не говори. Кого по пьяни прибьют, кого на дуэли. А если добрые люди не помогут, так сами на себя руки наложат. Мало кто без инвалидности доживает до преклонных лет…

– За это надо выпить. Помянем страдальцев.

– Давай. Не чокаясь.

– Ну вот. А ты накануне так обидел поэтов.

– Я только предложил не путать божий дар с яичницей.

О раннем Пастернаке, позднем Есенине, скрещеньях ног, поэтическом хулиганстве, Серебряном веке, литературных ассенизаторах и хронопоэтологии

– Ну, а сам кого уважаешь? Кто тебе лично нравится?

– Есенин.

– Банально. Поэт уголовников и алкашей.

– Так и мы с тобой не гимназистки. На клавикордах не играем…

– Потому, что карты скользят.

– А кто, по-твоему, лучше Есенина?

– Да многие. Хотя бы Пастернак. Гениальный поэт. Непревзойденная образность…

– Образность? Открой его сборник, ошалеешь от образов.

– Ты с ума сошел?

– Ладно, сейчас разберемся, кто из нас троих не в своем уме. Вот смотри, на первой же странице, его знаменитое: «писать о феврале навзрыд, пока грохочущая слякоть весною черною горит». Какая черная весна в феврале? Как может гореть грохочущая слякоть? Это же паранойя! Грохочущая глупость.

– Пастернак признан великим поэтом. До него нужно дорасти, дотянуться. В его метафоры нужно врубиться…

– Хвалишь платье голого короля? Самому нравится эта слякоть?

– Ну, неудачная строка. Бывает.

– Но и дальше в том же духе: «ливень еще шумней чернил», «обугленные груши», «сухую грусть на дно очей». Объясни мне, темному, что такое сухая грусть? Чем она отличается от мокрой? Обугленные груши это деревья или плоды? Их сожгли, когда сушили, или был пожар? Что кроется в этих ребусах?

– Поэтический смысл.

– Поэтический бред! Творчество душевнобольных.

– Но лирическое настроение есть! Причем, с самого начала: «Февраль. Достать чернил и плакать…».

– Зачэм плакать, дарагой? Дастал дэфицит – маладэц! Радуйся, слушай!

– Так можно все осмеять.

– А чего тут плакать? Разве что от стыда за такие стихи.

– А что, пьяный есенинский плач лучше?

«Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал».

Разве за эти строки не стыдно? Это же самопародия. Стихи прыщавого гимназиста. И по форме, и по содержанию. А ведь написано в расцвете сил, в последний год жизни.

– Но в этот же год он написал бессмертное: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый». А еще «Несказанное, синее, нежное», «Дай, Джим, на счастье лапу мне». Или вот это, знаменитое:

«Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий –
И такой родимый, и такой далекий.
Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?
Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.
А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу».

Это же шедевр!

– Нет, не шедевр! Строки про песню лиховую и липу вековую слабые и ненужные. Их следует выбросить. И не только это. Мусолит одно и то же: березки, деревня, маманя, поэт-хулиган, полюбил-забыл, прощай, молодость. «Любил он родину и землю, как любит пьяница кабак». Это тоже шедевр?

– Да, Есенин неровен. Как горная страна. Есть в ней и низины. Но его вершины недоступны никому. Он просто взлетает в лучших стихах. Талант природный, соловьиный:

«Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком».

Вот оно, то самое! Необъяснимое и прекрасное. Даже у Пушкина не много стихов такой лирической силы. Никто так не

передает чувства, как Есенин:

«Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть».

Сказано просто, ясно, а как уносит! Как сладко плачет душа! Волшебные строки, гениальные. Поэзия Есенина — наше национальное достояние. А его любовная лирика! Певучая, песенная: «Шаганэ, ты моя Шаганэ». Или вот это хрестоматийное:

«Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить»…

– У Пастернака не хуже: «Мело, мело по всей земле, во все пределы»…

– Ерунда. Все тот же чернильный бред, только с погодными обострениями.

– Ты действительно чокнулся.

– Пока нет, но готов. Наливай!

– Ну, ладно. Поехали.

– Закусывай. А тебе это «мело-мело» нравится?

– Да это шедевр любовной лирики! Признанный всеми…

– Недоумками! Посмотри, что он пишет: «Как летом роем мошкара летит на пламя, слетались хлопья со двора к оконной раме». Какая мошкара зимой? Как могут хлопья слетаться со двора к оконной раме? Это противоречит законам физики. Да и законам поэзии — смешал зиму с летом, пламя со снегом…

– Ты роешься в деталях, а нужно чувствовать смысл в целом…

– А я чувствую! Только не смысл, а фальшь. С самых первых строк. Слушай дальше: «Метель лепила на стекле кружки и стрелы». Не бывает такого! Не лепит метель на стекле ни кружки, ни стрелы. Если речь о морозных узорах, причем здесь метель? Метель приносят циклоны, а это всегда смягчение морозов.

– Ты требуешь от поэта знаний метеорологии — от чего мороз, от чего метель…

– Правды жизни я требую! Всего лишь. Но это еще цветочки. А дальше зреют ягодки. Точнее говоря, клубничка:

«На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья».

Это где же должна стоять свеча, чтобы скрещенья ног ложились на потолок? Или кто-то держал свечу в ногах у поэта? А поза при этом какая должна быть? Такого и в «Кама сутре» не найдешь.

– А с чего ты взял, что тени на потолке от скрещенья ног? Просто ложились тени…

– Э, нет! В этой строфе все идет через запятую, перечислением. Если бы он поставил точку после слов «ложились тени», то скрещенья не проецировалась бы так однозначно на потолок. Получилась бы логичная, и даже красивая строфа.

– Да это редактор ошибся!

– Не знаю, я рукопись не читал.

– Это пример того, как меняется смысл фразы от одного знака препинания. По смыслу тени отдельно…

– А руки-ноги отдельно? А мухи?

– Причем тут мухи?

– Но мошкара-то в стихах есть! Ладно, поехали дальше: «И воск слезами с ночника на платье капал». Это как понимать? Ночник стоял на снятом платье? Или платье еще было на женщине, а она прижимала к себе горящий ночник? Зачем? Ведь это опасно!

– Ну, может, капал со стола на платье, брошенное на пол. Ты придираешься к каким-то мелочам…

– Ничего себе мелочи! Да это грубейшее нарушение пожарной безопасности!

– Ну, если читать стихи с этой точки зрения…

– Давай зайдем с другой стороны. Вот завершающие строки: «И жар соблазна вздымал, как ангел, два крыла крестообразно». Жар соблазна как ангел? Это что за бред?

– Глубокого поэта понять непросто. Он ярко чувствует, по-особому видит. Некоторым образам нужно просто верить…

– То ноги у него скрещиваются, то крылья. Или это ноги лирической героини вздымаются крестообразно? Осеняя тенями потолок. Тогда это не лирика, а непотребство. Эту порнографию нужно немедленно изъять из всех сборников…

– Это твое извращенное мышление. Ничего там такого нет. И

вообще, это одно из лучших стихотворений о любви…

– Как?! Бывают и хуже?

– И при всем при том читается на одном дыхании. И создает лирическое настроение.

– Скорее сюрреалистическое. А вот еще одна такая же вещица:

– «Это — сладкий засохший горох,
– Это — слезы вселенной в лопатках,
– Это — с пультов и флейт — Фигаро
– Низвергается градом на грядку».

– Как ты думаешь, о чем этот сюр?

– Ну, какая-то пейзажная зарисовка…

– Слабо, студент! Незачет. Это определение поэзии! Великое откровение поэта. Ты вот антимонии разводишь, а все, оказывается, просто: поэзия — это засохший горох. Воистину, только гороху наевшись, можно такое придумать. Пародиста Иванова на него нет!

– Ты выдергиваешь какие-то фрагменты из контекста…

– Да как вообще можно нести такой вздор? «Фигаро низвергается градом на грядку», «как бронзовой золой жаровень, жуками сыплет сонный сад», «паперти косил повальный март» и так далее. Надуманные образы, необязательные строки по ничтожным поводам. У поэта лирическое недержание, а бедного читателя полвека косит этот повальный бред.

– А поздний Пастернак? Вот это, например:

«Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех».

– Это тоже Пастернак? А я, грешен, думал, что Пушкин…

– То-то же! Видишь, до каких высот поднимается. Классик! А вот пейзажная зарисовка:

«Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?..
Снег идет, снег идет,

Снег идет, и все в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот»…

– Но это же совсем другое дело! Разве можно сравнить с юношеским чернильно-февральским бредом? Здесь и музыка, и красота.

– А его последний сборник «Когда разгуляется» просто разобран на цитаты:

«Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену»

Правда, написано это, когда ему уже шло к семидесяти.

– Ну вот. Человек поумнел с возрастом, начал писать просто, ясно, глубоко. Этим сборником Пастернак разоблачил многих жуликов от поэзии. А заодно нанес страшный удар по метафизической трансцендентности некоммуникабельного экзистенциализма…

– Значит, поэт он великий?

– И переводчик гениальный. Жаль, что в молодости дурью маялся. Столько времени потратил впустую, на словоблудие. Наверное, в зрелые годы стыдился открывать свои юношеские сборники.

– С кем не бывает, по молодости лет? Многие вначале экспериментируют с формой.

– А Лермонтов себе такого позволить не мог. Это вообще интересная тема – своевременность публикации. Начинающий поэт мечтает о сладостном миге, когда в руках окажется его первая книга. А ведь это страшный момент…

– Слово не воробей?

– Вот именно. Со жгучим стыдом понимать, что сморозил глупость, опозорился. Сто раз пожалеешь о своей поспешности…

– Я слышал, что кто-то пытался скупить и уничтожить весь тираж своей книги…

– Ну, это бывает редко. С гонораром мало кто желает расставаться. К тому же опубликовано столько всякой чуши, что трудно оказаться в числе самых худших. И все же главная беда всех поэтов в неспособности отсеять слабое.

– Стихи, как дети. Разве можно убить ребенка за его

слабоить?

– А Гоголь смог. Уважаю. Снимаю шляпу.

– Но других таких нет.

– Это верно. Даже Есенин оставил после себя кучи поэтического мусора. Скорее всего, печатал ради заработка. Но его можно простить за гениальные стихи. Всего лишь две строки: «В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть», и человек обеспечил себе бессмертие.

– В те годы было много других прекрасных поэтов…

– Серебряный век?

– Он самый. Уникальный период. Какие имена! Просто созвездие талантов: Блок, Мандельштам, Есенин, Цветаева, Ахматова, Маяковский…

– Пролетарский поэт.

– Не в этом дело. Мощнейшая фигура, новатор!

– Да уж, новаторов тогда хватало…

– Это правда. Поэтическое разнообразие было невероятным. Такого не было в мировой литературе. Хлебников, Гумилев, Волошин, Игорь Северянин, Саша Черный, Ходасевич, Кузмин. А еще Брюсов, Бальмонт, Андрей Белый, Вячеслав Иванов. Всех и не перечислишь. И каждый создал свой поэтический мир. У каждого свой стиль, образы, язык. А какое стихотворное богатство!

– А как же! Мне запомнилась строчка Брюсова: «Ты — женщина, ты — книга между книг». Вроде того, что всех вас не перечитаешь. Извини, дорогая, за то, что полистал слегка, но есть и другие, посвежее и поинтереснее…

– Опять цепляешься к строке?

– Они же сами публиковали эти глупости, пусть и отвечают перед потомками. Даже Блока я бы обрезал двумя десятками стихотворений. Остальное можно выбросить, и никто ничего не потеряет. А у Мандельштама и десятка стоящих стихов не наберется. Этот вообще какую-то серую муть разводил…

– С чего ты взял? Мандельштама считают чуть ли не крупнейшим поэтом века…

– Я тоже этому верил, пока сам не почитал. Ей-богу, чуть не уснул. Он скучен до зевоты. Ни уму, ни сердцу. Не знаю, кто и что в нем находит. Ничтожные сюжеты, эмоциональная скудость. Что-то уныло-описательное или надуманно-античное. Ничего живого. Не стихи, а гомункулусы какие-то.

– А техническое совершенство? Мандельштама, я слышал, отличает ассоциативность, изысканная тонкость образов…

– А кому нужно совершенство муры? Смотри, что он пишет:

– «Кровь-строительница хлещет

– Горлом из земных вещей
– И горящей рыбой мещет
– В берег теплый хрящ морей».

– Что это, детки? Правильно, записки сумасшедшего. Палата номер шесть.

– Это неудачный пример. Какой-то экзерсис, поэтическое упражнение на букву «щ».

– Это поэтическое испражнение! А не упражнение.

– Ну вот, дошел до оскорблений. А ведь это поэт с трагической судьбой…

– Но мы же говорим о его поэзии, а не о судьбе. В нашей стране миллионы людей с трагической судьбой. Попроси того, кто ценит Мандельштама, прочитать его стихотворение. Сто пудов, не сможет. А из Есенина даже те, кто кривит губы, вспомнят немало. Потому что Мандельштама невозможно запомнить, а Есенина невозможно забыть. Нет, людей не обманешь!

– Но специалисты его превозносят…

– Специалисты?! Пресыщенные люди с извращенными вкусами. Литературным критикам верить нельзя. Они столько всего перепробовали, что нормальная еда им кажется пресной. Поэтому их тянет к изощренному, неестественному. Находят что-то такое, с душком, тухлятинку, и восхищаются. Презрительно кривят губы, когда слышат мнение нормальных людей. Гордятся своей якобы избранностью. Сбиваются в кучки посвященных и токуют, ублажая свое самолюбие…

– Но это профессионалы!

– Которые смотрят на мир сквозь кривые очки своего тщеславия. Их профессионализм приносит только вред. Ради выпендрежа готовы исказить любую истину. С пеной у рта доказывают, что белое это черное, и наоборот. Превозносят псевдооригинальные выверты бездарей, а достойное замалчивают или пачкают своими измышлениями. Мнение критика о литературе это мнение импотента о любви. Потому что сами они неудавшиеся писатели и поэты. Их мучает черная зависть ко всему талантливому. Среди них встречаются люди подлости невообразимой, беспредельной…

– Ну, ты разошелся!

– Все, к чему они прикасаются, превращается в навоз. И только реальная дрянь вызывает у них одобрение. Похоже, ищут гармонию со своим внутренним миром. К счастью, их никто не читает. Читать критику все равно, что жевать уже съеденную кем-

то пищу. Никогда не делай этого.

– А ты чем лучше? Не нашел доброго слова для Мандельштама.

– Да я бы рад, но не могу! Не за что. Ни совершенства Ахматовой, ни мощи Маяковского, ни чувственности Цветаевой. Даже салонный поэт Блок писал интереснее. Конечно, стихи Блока тоже искусственны. Как бумажные розы…

– И этот тебе не угодил! А «Скифы», а поэма «Двенадцать»?

– Да, это серьезно. Но и здесь все испортил в конце…

– «В белом венчике из роз»?

– Ну да. Не удержал тон, не смог не сфальшивить. Показал свою декадентскую сущность. О чем бы ни писал, обязательно вставит какую-то вульгарную красивость: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые — как слезы первые любви!». Но в стихах Блока есть хоть какая-то энергетика. Или возьми, к примеру, малоизвестного Багрицкого:

«Так бей же по жилам, кидайся в края,
Бездомная молодость, ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал оголтелый народ,
Чтоб злобная песня коверкала рот.
И петь, задыхаясь, на страшном просторе:
«Ай, Черное море, хорошее море!»».

– Знаменитые «Контрабандисты»? Ничего особенного. Юношеский романтизм.

– Но какая сила! И мелодия есть. А сколько песен написано на стихи Есенина! Разве стихи Мандельштама можно петь? Если ты, конечно, не сумасшедший. Но если в стихах нет ни чувства, ни красоты, должен быть хотя бы смысл, я уж не говорю про мудрость. Так ведь и этого нет. Что умного вещает Мандельштам? Какие открытия делает?

– Похоже, здесь не все так просто. Что такое стихи, вообще? Ритмизированный текст, несущий некое содержание. Значит, мелодика стиха тоже является чем-то самоценным. И Маяковский говорил, что ритм — основа всякой поэтической вещи. Да и сами истоки стихосложения лежат в звуковом воздействии на человека, в каких-то древних обрядах. А многие поэты именно так и читают свои стихи — нараспев, раскачиваясь в трансе…

– Шаманство, волхвование? Ну, ты даешь! Ты же сам доказывал, что в стихах должен быть поэтический смысл.

– Возможно, для кого-то главный интерес именно в

музыкальности стихов, в игре слов и созвучий…

– Тогда и «дыр бул щил убещур» следует признать поэзией.

– Нет, нельзя. Это просто глупость. Истинную поэзию невозможно уложить в какие-то рамки. Она многообразна. И даже не обязана иметь стихотворную форму…

– Ты про поэму «Мертвые души», что ли? «Чуден Днепр при тихой погоде»?

– Не только. Помнишь тургеневские стихи в прозе? А как поэтичен Бунин! Прочитай хотя бы «Антоновские яблоки», не пожалеешь. А «Темные аллеи»? Живописная, чувственная литература…

– Ему ведь за это дали Нобелевскую премию?

– И заслуженно! Редкий, кстати, для нобелевского комитета случай. Беда в том, что поэзия непереводима. Поэтому настоящие наши поэты так и не удостоились международного признания…

– И плевать! Надеяться, что дядя похвалит за стишок и подарит конфетку? Это позорно. Тем более, что присуждают ее те самые специалисты с извращенными вкусами.

– У нас на них вообще давняя обида. Самую первую премию по литературе знаешь, кому присудили? Французу Сюлли-Прюдому, в 1901-м году. Ты слышал о таком?

– Я не уверен, что сами французы о нем слышали.

– И это при том, что Лев Толстой еще гулял по Ясной Поляне!

– А я где-то читал, что он сам отказался от этой награды.

– Толстой просил не награждать его, чтобы не было неудобства от его отказа принять ее. А еще объявил, что премия ему не нужна, поскольку ему придется придумывать, что делать с деньгами, которые он почитал злом.

– Да ну! По-моему, смехотворный предлог.

– Нет, Толстой оказался еще и гением нравственности. Он ведь мог занять гордую позицию, дожидаясь заслуженной награды, а потом публично отказаться. Но ему даже это не было нужно. Он был выше этого. Вот кто свои проповеди подтверждал деяниями!

– Да, великий старец…

– Истинному гению не нужны звания и побрякушки. Да и получать их унизительно. Я слышал, их там дрессируют по полной программе: что надевать, где стоять, кому что говорить. Зачем ему это все? Все эти смокинги, этикеты, поклоны…

– А, знаешь, сколько сумасшедших во всем мире мечтает об этой церемонии?

– Да, нобелевка давно превратилась в фетиш для маньяков.

– Ну, давай за Толстого! За нашего гения!

– И за великую русскую литературу!

– Давай, закусывай.

– Я-то закушу. Но все равно им этого не прощу. Ведь не дали премию, жлобы! Она же присуждается за вклад в мировую литературу. Ваш дело дать награду достойному, а примет он ее или нет, не ваше собачье дело. Выходит, Прюдом внес больший вклад в литературу, чем Толстой? Позор нобелевскому комитету!

– Браво! Но ведь Бунина и Шолохова они оценили.

– Еще бы! Правда, сам я «Тихий Дон» так и не осилил. Но «Донские рассказы» мне понравились. Сильно написано, с душой…

– У Паустовского тоже много пейзажной лирики.

– А «Марсианские хроники» читал?

– Это же фантастика.

– Это шедевр поэтической прозы!

Да, «Марсианские хроники». Я беру с полки небольшой томик с красно-желтым кольцом на синей суперобложке. Серия «Зарубежная фантастика», издательство «Мир», Москва, тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Я поглаживаю его постаревшую, потертую кожицу, перелистываю некогда белоснежные, а теперь пожелтевшие страницы и словно переношусь в свое детство, в те далекие, уже полузабытые космические шестидесятые. Скудная жизнь и распахнутое будущее! Вспоминаю, как ненастными осенними вечерами забивался в уголок дивана, раскрывал очередной томик своей любимой фантастики и уносился из приземленности жизни в воображаемые миры. Как давно это было! Подумать только: почти полвека тому назад! Целая жизнь прошла. Сколько же мне было тогда? Тринадцать лет, седьмой класс. Я купил этот волшебный, восхитительно ароматный сборник в книжном магазине нашего районного центра — за семьдесят шесть копеек, большие для меня по тем временам деньги. Семья жила бедно, и было очень непросто наскрести эти несчастные копейки. Часть из них набегала за счет несъеденных в школе пирожков, что-то я изредка выручал, сдавая бутылки, но обычно мне всегда немного не хватало, и я выпрашивал их у мамы. Помню, как разжимал вспотевшую ладонь и высыпал на стол мелкие монетки, и мы вместе их пересчитывали, а потом мама добавляла недостающее из нещедрого семейного бюджета. Ах, какие это были книги! Предвкушаемые и всегда неожиданные, они были главной радостью моего детства. А наш провинциальный книжный магазин — невзрачное бревенчатое здание с многократно крашеной дверью, с вытертыми деревянными ступеньками и поскрипывающими дощатыми полами — был для меня сказочной пещерой сокровищ. С трепетом входил я из жаркого летнего дня в его таинственный

полумрак и прохладу, вдыхал волнующие запахи старой бумаги, свежей типографской краски, книжной пыли, свежевымытых полов, и устремлялся к полкам, сулившим мне удивительные находки. И они там были! Именно там попадались самородки столь любимой мною фантастики. А эта знаменитая приключенческая серия с золотистым ободком миниатюр по краю обложки! «Детгиз», «Библиотека приключений и научной фантастики». В нашем небольшом периферийном городке в те небогатые годы мало кто покупал книги, поэтому можно было встретить самую дефицитную по тем временам литературу. А в окне-витрине этого сказочного магазина среди других пожелтевших книг все лето выгорала на солнце голубая коленкоровая обложка того самого «Возвращения» братьев Стругацких. Пока я его не купил, именно с такой, выцветшей обложкой. А как билось мое сердце в предвкушении чудесных открытий, когда в магазин поступала новая партия книг! Иногда они стояли в стопках прямо на полу, еще не разложенные по полкам. И среди них мне однажды попались «Марсианские хроники». Помню, с каким наслаждением погрузился в воображаемые миры Рэя Брэдбери: «Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря… У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие мелодичные голоса». Мальчишек интересуют приключения, и я именно их искал в рассказах Брэдбери, но уже тогда интуитивно чувствовал поэтичность его прозы. И она осталась в глубинах памяти, как и многое другое хорошее, что воспринимается нами в юном возрасте и незаметно формирует наш внутренний мир. И вот я снова перелистываю этот постаревший, как и я сам, сборник, вспоминаю полузабытые сюжеты («И по-прежнему лучами серебрит простор луна») и со сладкой ностальгической грустью вчитываюсь в волшебные строки великого фантаста: «Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была расшита ими словно тонкая, переливающаяся искрами оболочка студенистой медузы. Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях». Далекие, наивные шестидесятые! Какими волнующе-загадочными казались нам тогда даты этих марсианских хроник, каким сказочно-прекрасным представлялось будущее! И ведь верилось, что все это возможно, что наступит оно, ракетное лето тысяча девятьсот девяносто девятого года, и тысячи ракет взлетят в манящее небо. И сами полеты на Марс казались вполне вероятными, и даже близкими, столь мощным был космический рывок цивилизации. Но не случилось этого, не случилось. Не

сбылось ничего из твоих марсианских мечтаний, старина Брэдбери. Ни в две тысячи втором, ни в две тысячи пятом году, до которого ты все-таки дожил. Ни десять лет спустя, когда я пишу эти строки. Но остается шанс, остается еще одна дата — далекий две тысячи двадцать шестой год, которым и заканчиваются «Марсианские хроники». Успеет ли человечество воплотить мечту великого фантазера? Я хотел бы это увидеть.

Впрочем, в тот вечер бутылка еще была непуста.

– А «Вино из одуванчиков» читал?

– А оно действительно есть? Или это его фантазии?

– Не знаю, я бы сам попробовал. А у нас там еще осталось?

– А як же! Ну, давай за поэтический взгляд на мир! Ведь только наше воображение делает его сносным для жизни.

– Согласен. Поэтому низкий поклон всему пестрому, безбашенному племени поэтов. Настоящих поэтов! Слава Богу, что они есть! И неважно, пишут они стихами или прозой. Ты только послушай:

«Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь,
Бредут слепцы Калужскою дорогой,
Калужской песенной привычной, и она
Смывает их, смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.
И, думаю, когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья
И от уступчивости речи русской,
Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь и тихо тронусь в путь,
По старой по дороге по Калужской».

Это Цветаева. Правда, здорово? Поэзия на все времена. А ведь написано еще до революции. Я просто балдею. Гениальная девочка!

– «Над синевою подмосковных рощ накрапывает колокольный дождь…». Да, сильно. Так и просится на музыку.

– То-то же. А вот, для интереса, что писала в том же июне 1916 года Ахматова:

«Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.
Мне кажется, что тот, кто близко взглянет

В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.
Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье».

Чувствуешь, какая строгая, холодная красота? Особенно по контрасту с Цветаевой. И насколько поэтические миры этих царевен богаче, чем у их современников-мужчин! Разве можно поставить рядом с ними унылого, индифферентного Мандельштама?

– А он что писал в те исторические времена?

– Да все ту же невнятную муру:

«В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем, –
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина».

Какая, к черту, Прозерпина? Что за малограмотный бред? Древние греки почитали Афину как богиню войны и мудрости, а не моря. Это даже школьникам известно.

– Ну, ладно. А Есенин?

– Погоди, достану. Да, есть — тот же июнь 1916 года:

«Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.
Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом…».

– Да, знакомые интонации.

– Может, и не самое сильное. Но все равно живое, не какая-то

там высосанная из пальца Прозерпина.

– А кто еще чего писал в это время?

– Ну, вот Блок, разлива 1916 года:

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой…
…И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, –
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста…».

И тоже узнаваемо: блоковские изящество и высокомерие.

– «Отвращенье скривило уста»? Это красиво! Наверное, нравилось институткам.

– Зато Маяковский прямо заявил:

«Когда все расселятся в раю и в аду,
Земля итогами подведена будет –
Помните:
В 1916 году
Из Петрограда исчезли красивые люди».

– Смотри-ка, написано в один и тот же год, а какие разные взгляды на мир…

– А в целом стихотворное отражение истории. Снимок эпохи острым глазом поэта. Слушай, а ведь мы с тобой ненароком изобрели новую науку. Хронопоэтологию. Круто, а? Пусть это будет нашим скромным вкладом в литературоведение. Бескорыстным подарком прогрессивному человечеству.

– Ерунда! По этим стихам даже эпоху не определишь, не то, что год. В это самое время Россия воевала в первой мировой войне, люди гибли в окопах, нарастало брожение в обществе, страна приближалась к революции, а они все нюхали цветочки.

– Ну, часы я бы не сверял, но Маяковский год указал точно.

– А содержание? Ничего общего, словно слепые ощупывают слона. А еще говорят, что художник выражает свое время. Нет, поэтам верить нельзя!

– Конечно, поэт не историк. У него своя хронология, своя внутренняя эволюция. Он смотрит на мир через линзу лирики…

– Поэтому показывает его в искаженном виде.

– Поэтому верить нужно эмоции поэта!

– Ну, это неоднозначно. А осталось у нас там что-то для продолжения дискуссии?

– Увы, нет.

– А на нет и суда нет.

– Да и время уже позднее.

– Ну, ладно. Давай отдыхать.

Несколько раз ходили в кино, на концерты и выставки всей компанией. Обычно инициаторами были девушки, более внимательно следившие за культурной жизнью города. И каждая такая встреча была для меня испытанием. Он балагурил и развлекал всю компанию, а я чувствовал себя скованно. Красота Марины действовала на меня парализующе. Я опасался лишний раз взглянуть на нее, а ее прямого взгляда выдержать вообще не мог. И чем более оживлена и весела была она, тем более косноязычен и неуклюж я. Ее это, похоже, забавляло. Подозреваю, что обе подруги чувствовали мое состояние — одна с удовлетворением, другая с огорчением. И после каждой такой встречи я долго не мог прийти в себя, казнясь за несуразные слова и поступки. Обычно более близкое знакомство раскрепощает людей, смывает ореол идеала с реальной личности, приземляет ее. Но здесь все было наоборот — с каждой встречей образ Марины все более заполнял мою душу. Он словно набирал яркость и силу. Неужели люди слепы и не видят этой острой, обжигающей красоты? Оказывается, не видят. К моему удивлению и скрытой радости никто не считал ее чудом. И даже он так не считал! А, может быть, я один вижу ее такой? Может быть, это и есть та самая единственная половинка, предназначенная только мне? Как мне хотелось в это верить!

В середине декабря дожди прекратились, и неожиданно резко похолодало. Установилась редкая для этих мест морозная погода. По ночам температура опускалась ниже десяти градусов, да и утром, при ясном небе, морозец ощутимо пощипывал щеки. Но серьезного снега еще не было, и земля лишь кое-где была слегка припорошена легким пухом. Она подсохла, и даже позванивала под каблуками. Несколько морозных ночей сковали водную поверхность городского озера, превратив ее в огромный каток полукилометровой длины, на котором появились первые конькобежцы и орущая ребятня. Было решено воспользоваться этой редкой возможностью и устроить сеанс фигурного катания на коньках.

В тот субботний вечер я зашел к нему, чтобы договориться о походе на каток. В комнате царил полумрак, на магнитофоне крутилась кассета с записями The Beatles. Звучала «While My Guitar Gently Weeps» Джорджа Харрисона. Настольная лампа под

зеленым абажуром освещала изголовье кровати, на которой он лежал в своем синем спортивном костюме. Увидев меня, он отложил в сторону журнал «Наука и жизнь», одно из немногих изданий, которые читал регулярно:

– А, привет! Заходи на огонек.

– Я вижу, у тебя вполне интимная обстановка. А меня ругал за космополитизм.

– Ничто человеческое, как говорится…

– А что читаешь, на ночь глядя?

– Да статью по астрономии.

– Расширяешь кругозор? А я думал, ты уже все знаешь.

– Откеда? Это только рыба все знает.

– Да у тебя, что ни спроси, на все готов ответ!

– Да ты еще серьезных вопросов не задавал! Ты думаешь, это просто?

– Ну ладно, держись! Как устроена Вселенная?

О Большом взрыве, Великих постулатах, пульсирующей Вселенной, размножении звезд, происхождении элементов, черных дырах и природе информации

– Не знаю.

– Наконец-то! Гол с первого удара.

– Но мне кажется, этого никто не знает. Есть несколько теорий мироздания, и в каждой свои изъяны. Общепризнанной считается модель расширяющейся Вселенной. Дескать, Вселенная образовалась примерно четырнадцать миллиардов лет назад из одной точки бесконечно малого размера бесконечно большой массы, в результате первоначального Большого взрыва.

– А что тебе не нравится? Это подтверждается доплеровским смещением в спектре удаленных космических объектов.

– Есть мнение, что это смещение свидетельствует не о разбегании объектов, а именно об их удаленности. Коротковолновая часть электромагнитного излучения рассеивается в большей степени, это и создает доплеровский эффект. Астрономы давно выяснили, что свет от голубых звезд теряется интенсивнее, чем от красных. Ты замечал, что солнце краснеет на закате? Это потому, что свет идет по касательной, сквозь толщу атмосферы. Вот тебе и красное смещение. И чем дальше объект, тем оно больше.

– Но, говорят, нашли какое-то реликтовое излучение, оставшееся после Большого взрыва…

– А оно и должно быть. И без всякого взрыва. Это постоянное фоновое излучение любых, когда-либо существовавших, космических объектов.

– Но есть и другие обоснования…

– Притянутые за уши. А вот к самой концепции действительно есть масса вопросов. Если Вселенная продолжает расширяться, значит, и Большой взрыв все еще продолжается. И где-то, на краю Вселенной, есть фронт распространения взрывной волны? Где он? Что собой представляет? И будет ли когда-нибудь конец этому безобразию, я вас спрашиваю!

– Меня?

– А что происходит на границах фронта? А перед ним? Абсолютный вакуум?

– Да вообще ничего нет! Ни материи, ни вакуума, ни пространства, ни времени.

– Интересно! Абсолютное ничто?

– Даже хуже. Когда ты говоришь «ничто», то уже говоришь о чем-то. А там реально ничего нет. Вообще ничего.

– Но ведь это абстракция!

– Это тот случай, когда абстракцию нужно считать реальностью.

– Еще вопрос: у Большого взрыва есть предел? Или Вселенная будет расширяться всегда, неограниченно увеличиваясь в размерах?

– Выходит, так. И что может прекратить этот процесс — непонятно. Механизм запущен, материя разлетается и непрерывно создает пространство и время…

– Как сказочный горшочек кашу?

– Да, братья Гримм описали адекватную модель расширяющейся Вселенной.

– А братья Гримм не объяснили, откуда берется каша?

– Не знаю. Возможно, есть какой-то неведомый источник. Может быть, ее создает само непрерывно возникающее пространство…

– Плохо, подследственный. Путаетесь в показаниях. То у вас пространство создает материю, то материя пространство. Давайте не будем усугублять вину. Честное признание облегчит вашу участь. Так кто кого, все-таки, создает?

– Не знаю, начальник. Я с Большим взрывом не замазан. Спроси у прогрессивного человечества.

– Оно тоже ответит, перед судом истории. А ты за себя отвечай.

– Да я ни ухом, ни рылом! Век воли не видать.

– Ну что же, так и запишем: пошел в отказ, играл в молчанку…

– Ладно, твоя взяла, начальник. Давай, пиши. Только расколол ты не меня, а банду Большого взрыва. С которой я не в делах.

– Суд учтет чистосердечное признание.

– Как на духу, начальник. Короче, на «малине» шухер. Паханы, которые в законе насчет Большого взрыва, еле успевают подгонять под свою теорию новые открытия астрономов…

– Которые, на самом деле, объясняются удаленностью космических объектов?

– Вроде того. Я им так сказал: не видит тот, кто не хочет видеть. Ну, тут они на меня и поперли…

– Кончай валить на подельников!

– А ты меня на понт не бери! Не на того нарвался.

– Ладно. А насчет геометрии Вселенной не базарили? Если была точка начала взрыва, и мы не в ее центре, то скорость удаления противоположно убегающих от нас объектов должна быть намного выше, чем однонаправленно с нами движущихся. То есть, спектр красного смещения должен зависеть от направления наблюдения…

– Не, на хазе за это базара не было. А в кабаке один фраер, из этих, из «взрывников», когда поддал, гнал пургу, что разбегание происходит из каждой точки пространства. Но я за это не в ответе…

– Сначала было из одной точки, а теперь из всех? Ты за кого меня держишь? Какое разбегание? Любой фраер знает, что галактики в космосе движутся хаотично, даже сталкиваются. И что это за пространство такое, которое из каждой точки разбегается во всех направлениях? При этом ни в одной точке движение не идет навстречу другой. Это как понимать?

– Не знаю, начальник. Зуб даю, не при делах!

– Что-то ты крутишь. Давай, колись!

– Ну, еще за сингулярность какую-то базарили…

– Знаем. Есть у них отмазка такая, у «взрывников». Когда концы с концами не сходятся. Они ее используют для камлания, во время ритуальных плясок вокруг Большого взрыва. О, непостижимая, божественная сингулярность, порази врагов нашей веры!

– А что делать? Вот так оно устроено. И все дела!

– Да, остается только веровать. Но даже магическая сингулярность не помогает адептам этого вероучения ответить на вопрос: а что было до Большого взрыва?

– А ничего не было! Было Великое Ничто.

– И как ты его себе представляешь?

– Никак. Его невозможно представить. Его нужно принять как непостижимость. В качестве одного из глобальных натурфилософских постулатов. Краеугольного камня философии, так сказать…

– Молодец! Круто забираешь. А может, знаешь, почему он вообще случился, этот Большой взрыв? Что стало его причиной?

– Конечно, знаю. Произошла Великая Флуктуация. И случилась она сама по себе. Беспричинно. И это тоже не подлежит обсуждению. Это мой второй глобальный постулат.

– Ну, это уже чистая мистика. Тогда уж лучше взять библейскую версию, она выглядит более логичной. К тому же это твое «ничто» отрицает все известные законы физики…

– А законов тоже никаких не было. Было полное беззаконие.

Законы физики появились потом, по ходу дела.

– Сами по себе?

– Ну да. Самопроизвольно. В первые же мгновения Большого взрыва все как-то покрутилось, повертелось, притерлось и устаканилось. И родилась реальность. Все свойства материи самоувязались друг с другом, а физические законы самосформулировались. И тут же начали действовать. Управляя дальнейшими процессами.

– То есть, Вселенная и самозародилась и самонастроилась?

– Ну да. Молниеносно. Никто и глазом не успел моргнуть. Самонастройка Вселенной это мой третий глобальный постулат. Успеваешь загибать пальцы?

– С трудом. На твои постулаты никаких пальцев не хватит.

– Нет, хватит! Постулатов ровно три. И их вполне достаточно для объяснения происхождения Вселенной. Аминь.

– Так это же и есть та самая непостижимая сингулярность! С особым цинизмом скрещенная с креацинизмом…

– Что и позволило прямо у тебя на глазах объединить науку и религию в Великое Единое Знание.

– Ну, ты и жулик! Свел науку к вере. Впрочем, твоя концепция ничем не хуже, чем измышления научных авторитетов. А чем-то даже и лучше. Своей дубовой простотой и неопровержимостью.

– Мерси.

– Но даже с философской точки зрения в идее Большого взрыва есть какая-то неестественная одноразовость. Это некрасиво.

– Красивость, некрасивость — разве это критерий истины? Кстати, почему ты решил, что Большой взрыв был однократным?

– Это следует из концепции расширения.

– А если энергия расширения иссякнет? Тогда Вселенная постоит, подумает и начнет сжиматься обратно — пока не схлопнется в одну точку. Которая тут же снова взорвется — за счет накопленной энергии. И начнется новый цикл. И так далее. Как тебе эта идея?

– Поздравляю! С изобретением велосипеда. Было бы странно, если бы это уже не пришло кому-то в голову. Еще Гераклит говорил что-то в том духе, что космос не создан никем, что он всегда был, есть и будет вечно — живым огнем, то затухающим, то разгорающимся. Проблема в том, что такие теории принципиально непроверяемы. Получить хоть какую-то информацию можно только о существующей Вселенной.

– Ну, ладно. Не нравится тебе Большой взрыв. А что нравится?

– Ладно, записывай студент. Первое публичное изложение

моей концепции мироустройства.

– Может, мне встать?

– Можешь сидеть. Но за стул держись. Ибо речь идет о пульсирующей Вселенной, беспредельной в пространстве и времени. Но не постоянно взрывающейся, а стабильной. И при этом конечной. О Вселенной, как вечном калейдоскопе, случайным образом складывающем всевозможные узоры из энергии и вещества…

– И как это понять: пульсирующей, но стабильной, беспредельной, но конечной?

– Именно так. Но не все сразу, сынок…

– Постой-постой! Есть мнение, что стабильная Вселенная гравитационно неустойчива, и должна бы уже давно схлопнуться в общий ком…

– Ничего подобного! Во-первых, ее размеры столь велики, что силы притяжения удаленных объектов практически равны нулю. Во-вторых, эти силы действуют на любые объекты во всех направлениях и поэтому взаимно уравновешиваются. А в третьих, с чего ты взял, что Вселенная сферична?

– Ничего себе! А какую же она имеет форму?

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть? Ты что-нибудь слышал о ленте Мёбиуса?

– Которая склеена с поворотом на 180 градусов?

– Ну да. В результате образуется односторонняя поверхность. Если из любой ее точки повести карандашом линию, то вернешься в начальную точку с противоположной стороны. При этом совершишь два оборота по окружности кольца, пройдя по всей поверхности. Это ты можешь себе представить? Или будем делать наглядное пособие?

– Обижаешь! Я даже читал, что эту ленту применяют на практике, в каких-то технологических процессах…

– А теперь представь себе неких двумерных существ, ну, например, нарисованных человечков, которые могут жить только на этой ленте, и понятия не имеют о третьем измерении…

– Ползают по поверхности и головы поднять не могут?

– Ну, почему? У них там своя жизнь, правда, очень плоская.

– Как твой юмор.

– Так вот, если эти человечки отправятся в путешествие по ленте Мёбиуса, они обойдут ее по всей поверхности и вернутся в исходную точку. При этом, незаметно для себя, будут перемещаться в третьем измерении. Фактически, их мир замкнут через это самое, недоступное им измерение. Они никогда не смогут достичь пределов своего мира, но при этом он конечен. Есть идея, что и наша Вселенная устроена по этому принципу –

замкнута через четвертое, недоступное нашему восприятию измерение. То есть, Вселенная в целом конечна, но для нас, трехмерных существ, она беспредельна.

– И если мы, как эти человечки, вылетим в космос, то через какое-то время вернемся на Землю с противоположной стороны?

– Да, вернетесь. Через тридцать миллиардов лет. Если будете лететь со скоростью света. При этом не имеет значения, в каком направлении лететь. И это ваше триумфальное возвращение будет подтверждением гипотезы о самозамкнутости Вселенной.

– А что находится вне этого четырехмерного объекта?

– А хрен его знает! Тут уже начинается заумь метафизического характера. Я на этот вопрос отвечаю так: ничего нет.

– Вот это по-нашему: ничего нет, и все дела!

– Конечно, принять это трудно. В силу специфики человеческого мышления.

– Ладно. А сам факт того, что Вселенная существует, это закономерность или случайность? Даже независимо от космологической модели. Большой взрыв или небольшой, или она всегда была, как ты утверждаешь – это неважно. Откуда она вообще взялась? Зачем, почему? Вот, почему она есть? С какой стати? Или ее вообще могло не быть? Ни планет, ни галактик, ни меня, ни тебя, вообще ничего…

– А ничего и нет. Все это нам только кажется, как утверждают философы-идеалисты. И никакие способы проверки не могут доказать реальность мира. Потому что его восприятие происходит через наши органы чувств. Которые по сути субъективны, и могут нас обманывать. И все вокруг это просто фантазии нашего сознания. Поэтому ты мне мерещишься. Сгинь, нечистая сила!

– Вот сейчас дам по голове, почувствуешь реальность бытия.

– Реальность бития. Но это не философский прием.

– Это будет прием каратэ. Лучшее средство от идеализма. Вот если такого идеалиста трахнуть по кумполу поленом, он признает его материальность?

– Нет, не признает. Будет доказывать, что оно ему почудилось.

– А если лупить его по башке до тех пор, пока не вырубится? Что он тогда скажет?

– Что весь мир исчез вместе с ним. И будет в чем-то прав.

– Да, крепкие ребята. Даже дубиной не убедишь…

– Это верно. Идеалиста проще прибить, чем переспорить.

– Ну, а серьезно? Само бытиё, оно обязательно или нет? Что было бы, если бы ничего не было?

– Я считаю Вселенную вечно существующим объектом. То

есть, отметаю саму возможность ее небытия, а заодно и концепцию Большого взрыва.

– Допустим. Но откуда взялась Вселенная? Почему она есть? Обязательно существование всего сущего или нет? Если обязательно, то почему? А если нет, то по какой причине возникло? И как?

– Это вопрос о сути сущего. На него ответить невозможно. Изнутри. Даже если удастся установить истинность той или иной космологической теории…

– То-то же! Знай наших! Сдаешься?

– Дураки часто побеждают мудрецов в научных дискуссиях. Не я первый, не я последний. Но по глубине дурости вопрос, конечно, гроссмейстерский. Потому что здесь мы фактически подходим к чему-то непостижимому, что мы привыкли называть Богом. К первоисточнику всего. Потому что это будет полное и окончательное знание. Доступно ли оно нам в принципе? Не знаю. Во всяком случае, до него очень далеко.

– Значит, единственный достойный ответ дает Библия?

– Нет, библейская версия меня тоже не устраивает. Своей неоспариваемостью. Дескать, на все божья воля. Принимай все, как есть, молись и не рассуждай. А мне это скучновато. Как говорил товарищ Сухов, хочется немного помучиться.

– Ну, ладно. Это некая концепция геометрии Вселенной. А что касается времени?

– Думаю, что Вселенная бесконечна и во времени. Она существовала всегда, и будет существовать вечно. Пока в ней хоть что-то происходит. А происходит в ней непрерывная трансформация вещества в излучение и наоборот. Хотя по сути это одно и то же. Как мудро заметил дедушка Эйнштейн.

– Е равняется эм цэ квадрат?

– Вот именно. Правда, об этом можно было догадаться и раньше, сравнив законы Ньютона и Кулона. Но формула Эйнштейна прямо указывает на единую природу вещественной и энергетической форм воплощения материи. А также на возможность их взаимопревращения. Именно на этом свойстве материи и построена моя концепция пульсирующей Вселенной. А выражается она в реальных механизмах жизнедеятельности звезд и галактик. Ведь что происходит со звездой в течение ее жизни?

– Она излучает энергию. Греет нас. Мы от нее загораем.

– Правильно. Звезда выделяет энергию в виде излучения и потоков заряженных частиц, плазмы. То есть материю в маломассивной, но быстродвижущейся форме. Это результат термоядерного синтеза гелия из водорода, под действием гравитации. А стабильность процесса обеспечивается

динамическим равновесием сил тяготения и давления излучения. В общем, всю свою жизнь звезда сжигает свое вещество и излучает его в пространство. Со временем ее масса уменьшается, давление падает, интенсивность термоядерных реакций ослабевает, и звезда, проходя ряд трансформаций, постепенно остывает и умирает…

– Или взрывается?

– Судьбы звезд складываются по-разному.

– А от чего это зависит? Я слышал, что их там целый зверинец: пульсары, квазары, магнетары, белые карлики и красные гиганты, нейтронные…

– Это разнообразие определяется размерами и состоянием звезд в ходе их эволюции. Но сейчас речь идет о механизме рождения звезд. В моей концепции это самый важный момент. Так вот, рождение звезд, планетных систем и галактик объясняется той же формулой связи энергии и вещества. Только в обратной фазе. Дело в том, что излучаемая звездами энергия не теряется в пространстве.

– А куда же она девается?

– А куда, по-твоему?

– Улетает, и все. В бескрайние просторы космоса. Энергия не воробей, вылетит — не поймаешь.

– Энергия не может выйти за пределы Вселенной. Ей просто некуда деваться.

– Ну, рассеивается. Или летает по кругу, по кольцу Мёбиуса.

– То, что энергия рассеивается, не значит, что она исчезает. В природе ничего не пропадает, ничего не теряется впустую. Каждому кванту энергии, каждой частице находится применение. Нет более рачительного хозяина, чем Вселенная…

– По-твоему, их кто-то ловит и раскладывает по полочкам?

– Вроде того. Любая частица, любой фотон рано или поздно вступает во взаимодействие с какими-то объектами во Вселенной. Образно говоря, излучение оседает на этих объектах, передавая им свою энергию, а через нее, по формуле Эйнштейна, массу. Фактически, излучение это способ распространения материи в пространстве.

– Но пока оно куда-то прилетит, сто раз рассеется в вакууме.

– Рассеяние возможно только на материальных объектах. А абсолютный вакуум — понятие чисто теоретическое. Это должна быть точка пространства, изолированная от всего, что есть во Вселенной. Такого места в природе нет. Любая точка пространства пронизана излучением. Образно говоря, не существует ни одной точки во Вселенной, из которой хотя бы чего-то не было видно. Все пространство Вселенной заполнено

материей.

– То есть, пространство невозможно без материи?

– Да. А энергия, как эстафетная палочка, передается во все точки пространства и не дает абсолютному вакууму никаких шансов. А уж на практике обнаружить или создать его вообще невозможно – любой прибор засорит наблюдаемое пространство материей.

– Но вещественный вакуум существует?

– Сколько угодно.

– На военной кафедре нам объясняли принцип действия ядерной бомбы, а в теоретической части – устройство атома. И на вопрос одного из студентов, что находится между атомным ядром и его электронной оболочкой, наш военный преподаватель уверенно ответил: «Что за глупый вопрос? Воздух, конечно!».

– Ясное дело!

– Это должен знать каждый!

– Но я подозреваю, что энергия конденсируется даже в вакууме.

Есть мнение, что под влиянием излучения происходит повышение его энергетического потенциала. А это приводит к самозарождению элементарных частиц. Я даже слышал о таких экспериментах.

– Ну вот, прогрессивное человечество работает на твои идеи.

– А куда оно денется! Короче говоря, летучая материя, так или иначе, накапливается в пространстве. Взаимодействие фотонов с другими частицами, атомами и молекулами, пылинками вещества приводят к их усложнению. Все это мелкое межзвездное вещество миллиардами лет накапливается в виде газопылевых туманностей. Постепенно его плотность достигает критических значений, и в какой-то момент начинается спонтанное слияние частиц. Под влиянием сил тяготения оно нарастает как снежный ком. Центр масс втягивает в себя все больше вещества, а гравитация развивает в нем такое давление, что начинаются термоядерные реакции. Вот вам и рождение новой звезды.

– А планеты откуда берутся?

– А за счет неравномерности сжатия этих самых туманностей. Случайно возникшие уплотнения движутся к общему центру масс, а по пути успевают получить инерцию. И те, что не вливаются в зарождающуюся звезду, начинают вращаться вокруг нее. А потом гравитация постепенно собирает их на общую по массе орбиту. А заодно подбирает остатки окружающего мусора.

– А как быстро это происходит?

– По оценке астрономов, от миллионов до сотен миллионов

лет. Ведь речь идет о сжатии огромных туманностей, то есть, о перемещении вещества на космических расстояниях.

– А сам процесс наблюдать не удавалось?

– Для этого нужно хотя бы пару миллионов лет следить за газопылевыми облаками.

– Эх, если бы динозавры вовремя начали…

– А может, и наблюдали, да не смогли записать. Китайцы к тому моменту еще не изобрели бумагу.

– Красивая идея. Если бы она еще была верна.

– Не веришь? Есть один косвенный довод в ее пользу. Если бы формула Эйнштейна работала только в одном направлении, баланс материи во Вселенной давно бы нарушился в пользу энергии. Потому что звезды непрерывно переводят вещество в излучение.

– Ладно. А откуда на планетах берутся химические элементы? Вселенная же в основном состоит из простейших атомов, из водорода, гелия…

– А это тоже результат деятельности звезд, их предыдущих реинкарнаций. Считается, что гравитация синтезирует в их недрах разнообразные атомы. Причем по определенной технологии: сначала легкие, а из них, поэтапно, более сложные. Фактически, звезды это фабрики по производству химических элементов…

– Интересно, блин! Тогда понятно, почему в природе больше атомов из первой части таблицы. Чем сложнее элементы, тем они дефицитнее. Значит, количество разнородных атомов в природе должно быть обратно пропорционально их атомному весу.

– Сам придумал?

– У тебя на глазах. Но это нужно проверить.

– Прогрессивное человечество уже записало задание.

– А как все это добро из звезд попадает на планеты?

– Элементарно, Ватсон! В конце своей жизни звезды взрываются и распыляют свою продукцию в пространстве. Засевают космос созданными ими частицами, атомами, молекулами. А в дальнейшем этот звездный мусор насыщается и становится питательной средой для новой звездной жизни. И так далее. Солнечная система тоже сформировалась из останков предыдущих звезд. Поэтому и обладает полноценной элементной базой…

– А сколько времени живут звезды?

– Полный цикл жизни звезд типа Солнца оценивается в десять-двенадцать миллиардов лет…

– Но ведь это соизмеримо с возрастом самой Вселенной! Когда же звезды успели наштамповать столько разных атомов?

– Вот! Молодец! Допер. Даже один звездный цикл, предшествовавший Солнечной системе, вылезает из этих сроков. А если учесть время жизни неисчислимого разнообразия звезд и галактик, теория Большого взрыва становится просто нереальной. И вообще, с непредвзятой точки зрения Вселенная вполне самодостаточный объект, который не нуждается ни в каком Большом взрыве.

– Я заметил, что в твоей псевдотеории определяющее значение имеет гравитация.

– И, милый! Да, без нее бы вообще ничего не работало. Это фундаментальное свойство материи. Имманентно присущее ей.

– В моем присутствии прошу не выражаться!

– Извини. Нечаянно вырвалось, спонтанно.

– Кстати, у меня была одна знакомая, которая очень любила слово «спонтанно» и постоянно его употребляла…

– Спонтанно?

– Абсолютно! К месту и не к месту. Мои неоднократные попытки объяснить ей смысл этого термина не имели успеха. Так мы и общались с ней, «спонтанно».

– А «имманентно» для этих целей подойдет не хуже. Так что бери на вооружение.

– Как-нибудь обойдусь, без твоих дешевых приемчиков.

– Благородство тебя погубит. А что касается гравитации, это действительно интересная штука. В самом общем смысле, она отвечает за локализацию материи, не дает ей распылиться в пространстве. Это главный рабочий инструмент природы, она буквально царит в космосе. Будучи прямой функцией массы, гравитация представляет собой ничем не ограниченную силу. И чем больше материи в ее королевстве, тем она сильнее. И тем сильнее давит на своих подданных, которые и создают ее мощь…

– Смотри-ка. Все как у людей.

– Но не все так плохо. Потому что есть силы, которые ей противодействуют. Не будь сил межатомного сопротивления, гравитация сжала бы все вещество в один бесформенный ком. Фактически, межатомные силы в динамическом балансе с гравитацией гарантируют разнообразие и стабильность вещественных форм материи. В том числе и наше с тобой существование…

– Я это ценю. Большое спасибо межатомным силам. За наше счастливое детство.

– Не менее удивительно то, что и эти силы преодолимы. Если природе понадобится, она может это сделать, с помощью все той же гравитации. Размышляя об этом, не устаешь поражаться разумности устройства мира. Ведь если бы межатомное

сопротивление было сильнее, то возможности синтеза сложных атомов сократились бы, и мир стал бы намного более скудным. И материала для зарождения жизни было бы намного меньше. А если бы эти силы были слабее, слияние легких элементов происходило бы легче, и звездное вещество выгорало бы быстрее. И тогда срока свечения звезд могло бы не хватить для развития жизни на планетах.

– Я уже устал благодарить и кланяться.

– Конечно, все это упрощенные рассуждения. Многообразие форм материи во Вселенной очень велико. Те же звезды имеют совершенно разные судьбы, в зависимости от своей массы. Одни взрываются, другие остывают, или превращаются в черные дыры…

– А это что за звери?

– Это, пожалуй, самые загадочные космические объекты. На самом деле это не дыры, а огромные массы материи. В них развиваются такие силы тяготения, что поглощают все, что попадает в их силовое поле, даже излучение. Поэтому они и невидимы. И космическая судьба их нам неизвестна. И это мне очень не нравится…

– А чего такого? Звезды-паханы. Сами не работают, кормятся окружающей материей. Все загребают, ничего не отдают, толстеют на дармовых харчах…

– Выходит, это какой-то космический беспредел? Это нехорошо. В природе не должно быть однонаправленных процессов.

– Это почему же?

– Потому что нарушает мою концепцию саморегулирующейся Вселенной. Структура материи должна оставаться стабильной. А если дать волю черным дырам, они сожрут всю материю. Это что же, еще одна версия конца света?

– Конечно! И это мировая сенсация. Нужно срочно предупредить прогрессивное человечество. Давай писать научную статью.

– В физический журнал или в «Мурзилку»?

– Конечно, в физический! Там больше заплатят.

– Зато в «Мурзилке» больше шансов на публикацию. Но для этого в статье должна быть хотя бы одна формула. Иначе не примут.

– Есть формула! Записывай: Ткс = Мв / (Vпм * Кчд).

– И что это?

– Время, оставшееся до конца света. Мв – масса Вселенной, Vпм – средняя скорость поглощения материи черной дырой, а Кчд – количество черных дыр.

– Ну, что же, выглядит солидно. Действуй!

– Наконец-то наши разговоры начинают приносить пользу. Разумеется, я тебя беру в соавторы.

– Спасибо. Я воздержусь.

– Отдаешь меня на растерзание научному сообществу? Нет уж! Если человечество не доросло до моих идей, пусть ему будет хуже. Вспомните меня, когда черная дыра сожрет вас всех, вместе с нобелевским комитетом. Пожалеете, что премию не дали, жлобы. Да будет поздно.

– Понимаешь, у черных дыр какая-то особая, пока неясная мне роль в круговороте материи в природе. Ведь они зачем-то нужны.

– По-твоему, во Вселенной все имеет конкретный смысл?

– Конечно! Иначе и быть не может. Нужно только его понять. Вот и черные дыры выполняют какую-то важную миссию…

– Да простейшую миссию! Миссию мусорной корзины. Собирают всякие отходы, космический мусор…

– Не просто собирают. Они его перерабатывают. Там такие давления, что все перемалывается в мельчайший фарш. Но зачем это нужно? Зачем природа собирает ею же созданные всевозможные виды материи и превращает их в первичную форму?

– А зачем ребенок ломает домик из кубиков? Чтобы построить новый.

– А это идея! Молодец! Работаешь на мою теорию. Дело в том, что звезды постоянно перерабатывают материю в направлении усложнения, и в бесконечности должны бы сжечь все легкие атомы. Нарушив тем самым вещественную структуру Вселенной. А моя теория мироздания требует стабильности системы в целом. Во Вселенной не должно быть никаких нарастающих процессов — ни полной локализации материи, ни полного ее распыления. Поэтому должен существовать какой-то механизм утилизации отработанного материала. И черные дыры для этого вполне подходят.

– Ура! Неужели и это великое открытие не потянет на завалящую нобелевку?

– Это не открытие, а гипотеза. Из нее следует, что утилизация тяжелых атомов должна соответствовать их генерации. То есть, количество одновременно существующих звезд и черных дыр должно быть в каком-то динамическом равновесии…

– Это не проблема. Их нужно пересчитать.

– Может, возьмешься? Или тебе некогда? Понятно. Но если это так, черные дыры должны как-то выдавать свою продукцию, мелко перемолотую материю…

– Ладно, не парься. Прогрессивное человечество разберется.

– Разобраться с черными дырами будет непросто. Они надежно скрывают свою частную жизнь. Один из их феноменов – потеря информации. Мы можем наблюдать, что втягивает в себя черная дыра, но ничего не знаем о ее внутреннем состоянии. Оттуда ничего не поступает – ни кванта света.

– Наверное, там скрыта какая-то ужасная тайна. Которую нам знать не положено.

– Огорчает сам по себе факт существования в природе чего-то принципиально непознаваемого…

– А если ничего не известно, то о какой потере информации идет речь? Нельзя потерять то, чего не имеешь.

– Но там же что-то происходит!

– Ну и что? Есть такое понятие, как черный ящик. Его свойства определяют по тому, что он выдает на выходе. Если ничего не выдает, то никакой информации нет. Что бы там внутри ни происходило. То, что никому неизвестно, не является информацией. Да и вообще, информация по своей сути не физическое явление…

– Это почему же? Любое явление природы – физическое. Да хоть воздух, которым мы дышим. Он состоит из кислорода, углекислого газа, азота и других газов в определенной пропорции. Разве это не информация?

– Нет, это свойства воздуха.

– А свойства – не информация?

– Сами по себе нет. Они становятся информацией, если их кто-то осознает и как-то фиксирует.

– Если есть свойства, значит, есть информация. Пусть пока нам неизвестная. И если она не зафиксирована, это не значит, что ее нет.

– Утверждать, что информация разлита в окружающем мире, независимо от нашего восприятия, значит говорить ни о чем. Если мы ее не знаем, это все равно, что ее нет. Информация – это наши сведения об окружающем мире, воспринятые через органы чувств и зафиксированные в той или иной форме.

– И при том совершенно субъективные. Не зря говорят: врет, как свидетель. А есть такие, кто встречался с привидениями и снежным человеком. Значит, человеческое восприятие может быть искаженным. А вот сама информация в природе объективна.

– Есть и объективные носители. Например, фотография. Но если никто не сделал снимок, где информация? Исчезла?

– Но это не значит, что ее не было.

– Вот мы с тобой сейчас болтаем. Ты получаешь от меня информацию?

– Маловато.

– Это не моя вина, а твоя проблема. А вот если бы я говорил на хинди? Ты сам, когда слышишь чужой язык, много ли понимаешь?

– Кому надо – поймет. А саму речь, как тебе известно, передают колебания воздуха. И это тоже природное явление.

– Но откуда природе известно, какая информация в конкретной звуковой волне?

– Но она в них есть!

– Фикция. Если нет субъекта восприятия – нет и информации. Поэтому информация не является явлением природы. Можешь записать это сенсационное открытие.

– А разве сам человек не является явлением природы?

– Является. А причем тут информация?

– Вот и я о том же.

– «Осторожно, у меня что-то с головой!». Кажется, появляются явления…

– Не стоит так перенапрягаться, на голодный желудок.

– Может, на сегодня хватит? Мы же собрались завтра на каток.

– Ах, да! Совсем забыл.

– Ну, ладно. Заходи в полдесятого.

– Пока.

И снова он завел меня. Смотри, чего придумал – космогоническую теорию, собственную модель Вселенной. С этой дурацкой лентой Мёбиуса. Ерунда, наверное. Можно ли это проверить? Вряд ли. Конечно, идеи интересные. Но вряд ли сам допер, вычитал где-то. А эта пульсирующая Вселенная? Звезды взрываются и распыляют созданные ими химические элементы. А потом гравитация все это снова собирает в планетные системы, для нашей полноценной жизни. Красиво. И логично. Если бы еще было верно. А конденсация излучения? Как это может быть? Нужно подумать. Однако, какой необычный стиль мышления! Он все время задается вопросом «зачем?». Не «как», и даже не «почему», а именно «зачем»! Зачем все так устроено в природе? Как будто пытается разгадать чей-то замысел. Ну и наглец! Конечно, все это философия на уровне деда Щукаря. Намекнуть ему про «бордюр» и «акварель», что ли? Нет, не стоит обижать человека. Ну, слепил он себе какую-то псевдонаучную фигню из отрывочных сведений. Ну, и пусть тешится. Надо же чем-то в этой жизни оправдаться. А провинциальных философов на Руси всегда хватало. Но ведь занят чем-то человек! Не коптит небо, как многие. Мне же такое в голову не приходило. А его что-то подталкивает к этим фантазиям. Что? Зачем? Хрен его знает. И

все же по ходу дела я ему тоже чего-то наплел. Вроде мусороперерабатывающих черных дыр. А еще хохму про Великое Ничто, Флуктуацию и Самонастройку Вселенной. И в конце поймал — на информации. Нет ее в природе! Посмотрим, как он будет выкручиваться.

На следующий день, ясным морозным утром, отправились на каток. По пути зашли в знакомую столовую, позавтракали традиционной яичницей с кофе и булочкой, и через полчаса уже были на Комсомольском озере. Негреющие лучи низкого зимнего солнца пронизывали голые кроны тополей, вспыхивали золотисто-розовыми отсветами на неровностях льда. Крутой противоположный берег озера тонул в голубом полумраке. В этот утренний час на катке еще никого не было. Потуже затянув шнуровку ботинок, я выкатился на лед. Его упруго-податливый хруст под лезвиями коньков, мощное ускорение разбега, волна морозного воздуха, наполнившего грудь радостной свежестью, словно перенесли меня в детство. Догоняй! Как беззаботные школьники носились мы по пустой поверхности замерзшего озера. Дурачились, хохотали. Остановившись передохнуть, вспоминали какие-то забавные конькобежные и хоккейные истории. Было морозно, солнечно и весело.

Сейчас, на склоне лет, это давнее декабрьское утро вспоминается мне как один из самых светлых моментов жизни. Хотя, казалось бы, чего там было особенного? Ну, покатались на коньках в хорошую погоду, порезвились от нечего делать. А ведь больше не было ни той погоды, ни той свободы, ни той безалаберной радости.

Вечером того же дня я снова постучал в дверь его комнаты. Как и накануне, он лежал на кровати с книгой в руках. Радиоприемник на тумбочке негромко мурлыкал какую-то мелодию. Прислушавшись, я узнал главную тему мюзикла «Шербургские зонтики».

– Разрешите нарушить ваш аристократический покой.

– Покой нам только снится.

– Как чувствуете себя после фигурного катания?

– Помолодел лет на двадцать. А вы?

– Испытываю сильную слабость во всех членах.

– Сильная слабость? Случай серьезный. Боюсь, традиционная медицина здесь не поможет. Придется лечить электричеством.

– Я бы предпочел проверенные народные средства.

– Увы, их нет. Спортивный режим нарушить не удастся.

– Жаль. Придется отдыхать всухую. Кстати, мы с тобой вчера не завершили разговор. Помнишь, насчет информации?

Об энциклопедисте Сидорове, информации в природе, возвышенных мыслях, Великой игре, полезности энтропии, абсолютном порядке и роковых недостатках

– Ну да. Ты, вроде, утверждал, что ее нет в природе?

– Конечно, нет! Информация это всего лишь сведения, находящиеся в нашем сознании. Или записанные на каких-то носителях — на папирусе, глиняных табличках, магнитной ленте. О чем? О чем угодно. О том, что хоть кому-то показалось интересным.

– Ладно. А носители информации — явления природы?

– Да.

– А записанные на них тексты, все эти буковки, циферки?

– Да.

– А это разве не информация?

– Нет. Буквы можно напечатать случайным образом, и они ничего не будут значить.

– Вот лежит книга. Она содержит информацию?

– Для нас с тобой да, а для соседской кошки — нет. Ее интересует совсем другая информация. О наличии мышей в подвале и собак во дворе. Значит, и наше, и кошкино восприятие мира субъективно.

– Но в субъективном смысле информация есть?

– Конечно! Иначе ни одно живое существо не выживет. Да что там существо! Цивилизация долго не протянет. По большому счету, накопленные человечеством бесплотные знания ценнее, чем все наши богатства. Никакие разрушения от стихийных бедствий или войн не сравнятся с потерей информации. Если у людей отнять память и знания, мы тут же провалимся в каменный век…

– И выйдем на работу в звериных шкурах?

– Даже из дома не все выйдут, а уж до работы вообще мало кто доберется. В бытовой технике запутаемся, автобус завести не сможем — будем ходить вокруг него, как папуасы. Люди окажутся совершенно беспомощны. Все производственные процессы остановятся, прекратится подача электроэнергии, воды, тепла.

Начнутся аварии, катастрофы с многочисленными жертвами. Но и медицина окажется бессильной. Человечество погрузится в пучину хаоса…

– Сюжет для триллера. Вспомнить все!

– Но вспомнить никто ничего не сможет. Люди превратятся в толпу дикарей и бросятся грабить магазины и склады. Главной ценностью станут продукты питания, а не бесполезные машины и телевизоры. А тем более деньги. А когда запасы продуктов иссякнут, горожане хлынут в провинцию. Начнется смертельная борьба за личное выживание. Законов не будет. Воцарится культ силы. Человечество начнет стремительно деградировать…

– И цивилизация обречена?

– Нет! Окажется, что остался один человек на планете, сохранивший память. Это ученик седьмого класса, хулиган, двоечник и второгодник Вовочка Сидоров, по кличке Сидор. Именно его скудные знания из ненавистной школьной программы спасут человечество. Именно он научит людей пользоваться колесом, спичками и унитазом…

– Да, начинать нужно с этого.

– А также раскроет много других сокровенных тайн природы. Его назначат главным мудрецом планеты. Он будет выступать в ведущих институтах и лучших концертных залах, под овации публики продекламирует людям алфавит и таблицу умножения. Мало того, в доступной ему форме поведает закон Архимеда…

– Да ну?!

– Ну, как же: «Если тело вперто в воду, не утонет оно сроду. Его выпрет спод-туды сила выпертой воды».

– Браво! А теорему Пифагора?

– Разумеется: «Пифагоровы штаны на все стороны равны».

– А закон Бойля-Мариотта?

– Боюсь, что нет. И все же научное сообщество будет с трепетом внимать каждому его слову. Толпа секретарей будет записывать все его высказывания, а лучшие умы человечества будут прилагать титанические усилия, чтобы найти в них хоть какой-то смысл. Все, что он произнесет, будет занесено в огромную книгу в роскошном переплете, которая станет предметом культа. А мутность этих высказываний породит несколько религиозных течений, которые будут соперничать в трактовках его учения. Разумеется, будет введена единая мировая валюта под названием «сидор», с его портретом на банкнотах. А вся планета покроется его памятниками из самого лучшего гипса…

– Что-то похожее есть у Марка Твена. «Янки при дворе короля Артура». К сожалению, сюжет неоригинальный.

– Ничего подобного! У Твена герой попал в прошлое, а у меня в будущее. У него умный учит глупых, а у меня наоборот. У Твена комедия, а у меня антиутопия. Есть разница? Нужно только как-то объяснить, почему всем людям отшибло память.

– Ну, это просто! Козни враждебной цивилизации.

– Подходит. А начинаться фильм, как и все триллеры, будет с идиллической картинки. Добропорядочная американская семья выезжает за город, на пикник. Все резвятся на травке, играют в серсо и крикет, кушают сэндвичи с кока-колой и так далее. А в это время тайно подкравшиеся космолеты инопланетян направляют на мозги землян телепатические лучи, стирающие память…

– А почему Сидору не стерли?

– А стирать было нечего. При сканировании его мозга приборы инопланетян не зафиксировали никаких признаков умственной деятельности.

– Ну что же, сюжет в духе Голливуда. Пиши сценарий. Сделай свой субъективный бред объективным явлением искусства.

– Повторяю еще раз: информация это не явление природы. А всего лишь отражение внешнего мира в сознании живых существ.

– Когда изрекаешь мудрость, старайся не моргать. Иначе, кто же тебе поверит?

– Ну, ты-то ее несешь, не моргнув глазом.

– Ты знаешь, что такое дезоксирибонуклеиновая кислота?

– А ты знаешь, что такое дихлордифенилтрихлорметилметан?

– Не знаю, и знать не хочу! Я говорю о наследственной информации.

– Это ДДТ!

– «Причем тут полотенце?»! В ДНК содержится информация?

– Да.

– Она зависит от наблюдателя?

– Нет.

– Является ДНК объективным явлением природы?

– Да.

– Что и требовалось доказать. С помощью ДНК живая природа накапливает, сохраняет и тиражирует информацию о самой себе. Для передачи признаков вида потомкам…

– Постой, постой! Это интересно. Именно в живой природе. Да, пожалуй, ты прав. Выходит, живая природа это качественно иное состояние материи. Информационное. Удивительно! Это надо обдумать…

– Обдумай. Тебе это будет особенно полезно. Как практикующему кибернетику. Скажу больше: жизнь как форма существования материи без информации невозможна. Теперь ты

согласен, что информация — объективное явление природы?

– Не всей природы, а только живой. И к твоим черным дырам никакого отношения не имеет. Мы действительно не знаем, что происходит за так называемым горизонтом событий черной дыры. Но это не значит, что там теряется какая-то информация. Невозможно потерять то, чего не имеешь. Нельзя смешивать объективные явления природы с нашим субъективным их восприятием.

– Похоже, это чисто терминологический спор. О том, как назвать явление.

– Лично меня в черных дырах поражает другое — ничем не ограниченная сила гравитации. Которая, кажется, действует абсолютно на все, что есть во Вселенной…

– На все, кроме нематериальных объектов. Таких, как человеческое сознание, мышление, та же информация…

– А жаль! Представляешь, если бы плохие, тяжелые мысли тянули голову человека вниз, а легкие, добрые — наоборот, поднимали, возносили. Тогда святые люди парили бы над землей, а всякие подонки ползали бы внизу и пресмыкались, как гады.

– И сразу было бы ясно, что у человека за душой.

– А добрый человек в любой момент мог бы подумать о чем-то возвышенном и воспарить над грешным миром. Здорово, а? Хоть в булочную слетать, хоть на дачу. И транспорт не нужен, и пробки не страшны.

– А захотел опуститься, вспомнил своего начальника. Или тёщу.

– А какие народнохозяйственные перспективы открываются! Срочная доставка почты, всякого рода высотные работы…

– Метеорологов можно запускать в небо, вместо зондов…

– Давно пора. В стратосферу их. Чтобы прогнозы давали нормальные.

– Или скорая помощь, когда врачи влетают в окно пациента…

– Да, это очень нужно. А еще аэрофотосъемка, патрулирование границ и дорог…

– Боюсь, с патрулированием возникнут проблемы. Пограничников придется обеспечивать летающими собаками. Да и святых гаишников найти непросто. Их набитые карманы тянут вниз.

– А можно к родственникам махнуть, в Караганду. Или в отпуск, к морю.

– С чемоданами?

– Если подъемной силы хватит. А кому-то придется лететь без багажа, нызэнько-нызэнько…

– Ну, можно и налегке. Все равно хорошо: ни проблем с

билетами, ни душных вагонов. Плыви себе в вечернем небе, ориентируйся по звездам и плюй вниз, на грешников…

– Которые будут с грустью смотреть на косяки перелетных курортников…

– А сколько интересных сюжетов можно придумать! Например, сценарий фильма «Любовь окрыляет». Допустим, юной девушке предстоит сделать выбор между двумя женихами. Ее руки добиваются молодой и красивый, но витающий в облаках поэт и приземленный, циничный богач. Героиня в растерянности. Ей хочется и романтической любви, и материального благополучия…

– Как я ее понимаю!

– И это не смешно. В душе красавицы сумятица чувств. Ключевой эпизод сюжета — решающее объяснение. Влюбленный юноша тайно влетает в открытое девушкой окно. Он вносит в ее будуар волшебный запах небесной свежести, сверкающие брызги далеких звезд, ароматы цветущих полей, волнующее дыхание морского прибоя. Он обращается к возлюбленной со страстным монологом и клянется в любви. Решайся, любимая: сейчас или никогда! Она вся трепещет, в отчаянии заламывая руки. И в этот миг раздается громкий стук в дверь и резкий, неприятный голос…

– Богач?

– А кто же еще! И это голос самой судьбы. Пора! Последние сомнения отброшены, выбор сделан. Героиня отвергает все материальные соблазны и тут же легко всплывает в воздух. Взявшись за руки, влюбленные вылетают в распахнутое окно. Прекрасная пара в белоснежных одеждах, развеваемых воздушными волнами, плавно поднимается в вечернее небо, освещаемая розовым закатом…

– Красиво. И это хэппи-энд?

– Еще нет. Взбешенный богач взламывает дверь будуара и, увидев улетающую парочку, срывает со стены старинное коллекционное ружье, украшенное инкрустацией…

– Ружье в будуаре? Оригинально.

– Это же классика жанра. Еще Чехов говорил, если в будуаре юной красавицы висит ружье, оно обязательно должно выстрелить…

– Если в будуаре юной красавицы висит ружье, ей нужно обратиться к психиатру. Как и ее ненормальным родителям.

– А кто из героев мировой литературы ведет себя нормально? Одиссей? Гамлет? Или Дон Кихот?

– Ого! Значит, речь идет о шедевре на уровне Гомера?

– Не важно. Важно то, что ружье таки стреляет. С ужасным

криком: «Так не доставайся ж ты никому!» богач нажимает курок…

– Спусковой крючок.

– Ну, ты и зануда! У тебя талант литературного критика…

– Прошу без оскорблений!

– Итак, ружье стреляет. Жестокая судьба направляет руку ревнивца, и безжалостная пуля попадает в цель. Слышится слабый вскрик, и алая кровь обагряет белоснежное платье беглянки. Словно подстреленная на лету птица, она вздрагивает, ее взгляд туманится, рука выскальзывает из руки любимого, и девушка камнем падает вниз. С громким криком юноша устремляется вслед за ней, но поздно — белое изломанное пятно недвижимо распласталось на зелени лесной опушки. В беспамятстве падает он на окровавленную грудь любимой, и горькие рыдания сотрясают его красивое тело. Он целует бледнеющие губы и закрывает ее прекрасные голубые глаза, которые никогда больше не ответят нежностью и любовью его страстному взору…

– Где мой чистый платочек? Увы, нет его…

– Да его у тебя отродясь не было!

– Но всплакнуть можно?

– Нет, еще нельзя. Хотя финал драмы близок. В полном отчаянии безутешный влюбленный посылает проклятия жестокой судьбе и ни в чем не повинным небесам. И вдруг страстный огонь решимости вспыхивает в его наполненных слезами глазах. Он резко взмывает в высоту, а затем, сложив руки-крылья, бросается вниз. Все кончено. Два юных тела застывают в вечном объятии на прекрасной и жестокой земле, отнявшей своих детей у неба. И лишь хищный коршун, одиноко парящий в бездонной синеве, видит, как теплый летний вечер осторожно укрывает их силуэты пеленой прозрачных летних сумерек…

– Трогательно, слов нет. Но в целом сюжет банальный. И называется он «лебединая верность». Для Голливуда слабоват. А вот в Индии может проканать. Богач должен быть толстым раджой — в тюрбане, украшенном павлиньим пером и огромным бриллиантом. А невеста в сари, с красной точкой во лбу и кольцами в носу. А жених в белых кальсонах на босу ногу. Ну, и добавить экзотики — павлинов, слонов, йогов, бедных родственников и мелких злодеев. И приправить все это танцами, роскошными интерьерами и нарядами.

– Ладно, я согласен на Болливуд. И даже на гонорар в рупиях.

– Увы, юноша, и сюжет, и гонорар имеют умозрительный характер. Потому что гравитация это физическое, а не духовное явление. И живем мы в материальном мире, с его неизменно

действующими законами.

– Жаль. А почему вообще физические законы действуют именно так, а не иначе? И что такое вообще физические законы?

– Это информация.

– Вот!

– Это выражение наших знаний об устойчивых соотношениях параметров окружающего мира. В данное время, в нашей области Вселенной.

– А что, физические законы могут зависеть от времени и места?

– А хрен его знает! Мало ли что творится в тех же черных дырах…

– И все же? Почему, например, в законе Ньютона сила поля тяготения падает с квадратом расстояния? А если бы с кубом? Или в прямой пропорции? Что изменилось бы вокруг нас?

– Чтобы это смоделировать, нужно произвести чудовищные вычисления. Но, скорее всего, Вселенная с такими свойствами материи просто не могла бы существовать. Думаю, что все посыпалось бы к чертовой матери…

– Всего лишь из-за одного закона?

– Всего лишь из-за одной цифры в показателе.

– А тебя это не удивляет? Не кажется, что все это слишком разумно устроено? И на макро– и на микроуровне. Тех же бозонов, мюонов и прочих микрочастиц ровно столько, сколько нужно, наверняка лишних нет. А межатомные силы? Почему они действуют именно так, а не иначе? Почему гравитации разрешено их преодолевать, извлекая скрытую в материи энергию? А заодно производя разнообразные вещества. Почему звезды светят долго и стабильно, поставляя энергию планетам, терпеливо обеспечивая условия для возникновения жизни. Снова и снова возникает этот вопрос.

– На который у меня нет ответа.

– Уж слишком все подогнано и притерто в природе. Как будто кто-то специально придумал свойства материи в ее разнообразных видах. Подобрал элементную базу на все случаи жизни. Установил минимально необходимый набор фундаментальных взаимодействий. Задал степени свободы и границы их действия. Повертел в руках, отрегулировал и запустил игрушку. Эту самую твою саморегулирующуюся Вселенную, единственно возможный вечный двигатель. Зачем? Чего он хочет?

– Да просто забавляется! Рассматривает узоры калейдоскопа. В одном месте сложилась одна планетная система и зародилась какая-то форма жизни, в другом месте — другая. Одна

развивается так, другая иначе. Одни цивилизации гибнут, самоуничтожаются, другие стагнируют без особых амбиций, третьи интенсивно развиваются, пытаются вырваться за пределы своих планет и звездных систем. А этот некто с интересом наблюдает: что получится?

– Но у него есть какая-то цель?

– Это недоступно нашему пониманию. Может быть, и нет. Во Вселенной идет Великая Игра, результат которой никому заранее не известен. Ее интерес как раз и заключается в спонтанности, непредсказуемости происходящего, в ожидании чего-то неизвестного, что может произойти. В каждое мгновение материя во что-то воплощается, трансформируется, приобретает иные формы, меняет свою сущность.

Реальность возникает, самосоздается…

– Но зачем? Чем это все завершится, в конце концов?

– В том-то и дело, что это никому неизвестно. Именно в этом заключается великий смысл самой Игры. Чтобы увидеть финал, спектакль нужно доиграть до конца.

– Значит, конец все-таки будет? А ты говорил, что Вселенная бесконечна во времени.

– Трудно сказать. Я считаю, что представление должно длиться вечно. Чтобы дать шанс произойти Всевозможному.

– То есть, целью Игры является Игра? Цель — ничто, Игра — все?

– Может, и так. Чтобы Великий Зритель в любой момент мог войти и посмотреть. Наскучило — зевнул и вышел.

– А если этому Некто надоест однообразие спектакля, и он, разочарованный, смахнет игрушки со стола?

– Это и будет конец света. А может, и не будет.

– А мы тоже участвуем в этом вселенском безобразии?

– А как же! Помимо нашего желания. Просто потому, что существуем. Нам предоставлена роль в этом спектакле, наравне с другими мыслящими формами материи. А воспользуемся мы этим шансом или нет, зависит от нас самих. При этом все цивилизации находятся в равных условиях, без изгоев и любимчиков. Но по ходу действия выявляются солисты и статисты…

– А в чем мы, собственно говоря, соревнуемся?

– В развитии. В поиске неизведанного. В познании сущего. Материя порождает разум и его посредством пытается познать саму себя. Познает — значит, выполнит свою сверхзадачу.

– Допустим, это когда-нибудь произойдет. А дальше что?

– Великое Ничто. А может, Вечная Музыка. А может, Великое Счастье…

– И будет тебе, красавчик, счастье. Если позолотишь ручку.

– Но до этого конечного знания нам бесконечно далеко. Есть мнение, что оно вообще недостижимо. Чем больше людям удается узнать, тем больше возникает новых вопросов, новых направлений науки. Расширению сферы познания нет пределов, а наши возможности ограничены. В конце концов, не хватит умов всего человечества для дальнейшего осмысления окружающего мира. Это заметил еще Станислав Лем. Кроме того, добывать новые знания становится все труднее, это требует все больших затрат. Так что перспективы полного познания природы весьма туманны…

– Еще один детский вопрос. Мы свободны в деяниях? Или нами кто-то управляет?

– Явных признаков какого-то вмешательства не заметно. Но оно может быть устроено очень хитро, самым естественным образом. Например, может выглядеть как наши собственные желания. Или наоборот – неестественно, в виде неких чудесных событий…

– Чудо как инструмент управления человечеством? Забавно.

– А что такое чудо, по большому счету? Некое событие чрезвычайно малой вероятности. Необъяснимый факт, ожидать повторения которого нереально, а искать закономерности бессмысленно. Кстати, вот тебе тема для диссертации: «Влияние чудес на историю человечества». Займись, если есть желание.

– А ты?

– А мне история совершенно неинтересна. Это единственная наука, если ее можно так назвать, которая не открывает ничего нового. Ну, разве что выявляет, постфактум, скрытые причины происшедших событий. Мне вообще неинтересно, что было и как было. Скажу больше, мне не слишком интересно и то, что происходит сейчас. И даже то, что будет. Мне интересно, как должно быть.

– Ни фига себе! Да у тебя замашки диктатора. Таких, как ты, нужно убивать. Морально. А уж к власти – и на пушечный выстрел. А то начнете эксперименты над людьми…

– Успокойся, я теоретик. Мирская суета мне чужда. А высшие силы, если они есть, никому ничего не навязывают. Им это не нужно. Им интересно наблюдать, как мы сами выкарабкиваемся из своих проблем. Чего достигли, как развиваемся…

– А тебя не смущает, что твои фантазии противоречат признанным теориям? Например, тепловой смерти Вселенной. Есть мнение, что рано или поздно все звезды погаснут, и Вселенная застынет во мраке…

– Ерунда! Теория тепловой смерти Вселенной ошибочна.

– Ничего себе! А закон увеличения энтропии?

– Законы термодинамики это не физические законы. А феноменологические, выведенные на основе практических наблюдений в локальных системах. В космических масштабах они не действуют.

– Потому что не вяжутся с твоей гипотезой?

– Разумеется. Законы термодинамики отражают стремление любой системы к равновесному энергетическому состоянию. Но если система не изолирована от внешней среды, она обменивается энергией и с ней. То есть, находится в состоянии термодинамического равновесия поглощения-излучения энергии, с температурой на уровне энергии подпитки. Вроде нашей планеты, получающей устойчивый поток энергии от Солнца…

– А потом эта энергия рассеивается в космосе. Это и есть нарастание энтропии.

– И это очень хорошо. Энтропия — очень полезная штука. Если, конечно, не пугать ею маленьких детей. Без нее существование Вселенной вообще было бы невозможным.

– С какой стати?

– Начнем с того, что она гарантирует стабильность состояния вещественных объектов. Если бы атомы не сбрасывали избыток энергии соседям, она бы неограниченно накапливалась и разрушала их. Кроме того, это свойство обеспечивает перетоки энергии в любых вещественных системах. Внутренний энергообмен это своеобразная форма жизни неживой материи. А внешнее излучение таких систем, которое выглядит как нарастание энтропии, обеспечивает распространение энергии в пространстве. Если бы этого не происходило, во Вселенной царил бы полный застой.

– Значит, энергия все-таки рассеивается?

– Во Вселенной она не теряется. И мы об этом уже говорили. Само по себе спонтанное возникновение новых звезд из космической пыли опровергает гипотезу о тепловой смерти Вселенной.

– То есть, энтропия стремится рассеять энергию, а гравитация ее собирает?

– Да. Есть время разбрасывать фотоны, и время их собирать.

– А если вся энергия равномерно распределится в пространстве? Все звезды погаснут, планеты остынут, туманности рассеются. Это и будет тепловая смерть Вселенной.

– Но для этого все частицы вещества должны находиться на специально подобранных расстояниях, чтобы не сближаться и не отталкиваться, никак не взаимодействовать друг с другом. Добиться такого состояния даже при желании невозможно. К тому

же такая система будет чрезвычайно неустойчивой. Малейшая флуктуация выведет ее из равновесия.

– Не факт. Если плотность распределения материи будет очень низкой, случайные отклонения общего покоя не нарушат. Колебнутся и встанут на место. Все частицы будут находиться в точках минимального потенциала. А для выведения их из равновесия понадобится энергия. Которой уже не будет. И вывести Вселенную из такого состояния не удастся никому и никогда. Умерла, так умерла. Эту мертвую царевну не разбудят ничьи поцелуи.

– Ты будешь смеяться, но эту же идею недавно выдвинул Н. Рубинов. Но в гораздо более глубокой, философской форме. Зашел он тут ко мне на прошлой неделе, а я как раз собрался устроить субботник. Он как увидел меня с мокрой тряпкой, с порога заорал: «Ты что, с ума сошел? Не трогай пыль!». Спрашиваю: «Почему?». А он заявляет: «Пыль всегда лежит на своем месте, и не любит, когда ее беспокоят. А будучи затронута, набрасывается на возмутителя спокойствия. Любая уборка вредит здоровью человека и сокращает его дни на этой земле»…

– А я считал, что наоборот.

– Это тривиальное мнение. А вот Н. Рубинов мыслит глобальными категориями. Он мне целую лекцию прочитал. Насчет того, что пыль это объективное явление природы, а культурный человек должен жить в гармонии с окружающей средой…

– В симбиозе с пылью? Это что-то новое в экологии.

– Подозреваю, что его прогрессивные идеи найдут немало сторонников среди мужской части населения. Мало того, он утверждает, что сама идея наведения какого-либо порядка порочна по своей сути. Потому что в природе нет, и не может быть полного порядка. В принципе. Потому что это будет полный застой. Потому что из состояния Абсолютного порядка Вселенной развиваться уже некуда. Абсолютный порядок это и есть конец света.

– Ничего себе! Вот это масштаб!

– Чувствуешь, какие философские вершины берет мужик?

– Когда ему нужно оправдать свою лень. А чего он заходил?

– Денег занять на выпивку.

– Понятно.

– Как видишь, Н. Рубинов тоже сомневается в реальности идеального порядка. Сама неустойчивость такой распределенной системы свидетельствует в пользу моей концепции Вселенной.

– Слушай, ты все это выдумал сам или где-то вычитал?

– Может, и вычитал. Да разве все упомнишь! Знаешь, как это

бывает — пересказываешь книгу, а где забудешь — сам приврешь. Так сказать, устное народное творчество. И не корысти ради, а токмо для развлечения местного населения.

– Должен сказать, что получается это у тебя довольно складно.

– Мерси. Но я же не один такой. Еще Ньютон признавался, что видел дальше других, потому что стоял на плечах титанов. А Монтень говорил, что истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. Я же не требую от тебя неразглашения наших бесед.

– А зачем вообще тебе все это нужно?

– А что, по-твоему, должен сделать в жизни каждый мужчина?

– Ну, посадить дерево, построить дом, вырастить сына…

– А еще написать книгу и придумать собственную концепцию Вселенной.

– И ты начал с самого простого?

– С самого главного. А посадить дерево я всегда успею.

– Ладно. С тобой ясно. А простому человеку это зачем? Ну, хотя бы мне. Завтра утром я приду на работу, достану бумаги, продолжу писать свои алгоритмы — и что мне до прогрессивного человечества?

– Ничего. Так же, как и ему до тебя. Оно и без тебя обойдется.

– Допустим, без меня. А вот другие люди строят дома, пекут хлеб, добывают уголь, учат детей, ведут поезда, плавят сталь — им это все зачем? Чем поможет в жизни?

– Как ни странно, поможет. Бывают случаи, когда житейский опыт не спасает человека. А решение принимать нужно. Посоветоваться с умными людьми? Да, можно. А если один умный скажет одно, а другой — другое? С одной колокольни видится так, с другой — иначе. И здесь тебя не выручат ни советы со стороны, ни профессиональные знания. А эти идеи выручат. Помогут вникнуть в суть явления, решить, как нужно поступить в том или ином случае. И может оказаться, что все вокруг неправы, а ты прав. Потому что знаешь главное, потому что понимаешь глобальные законы бытия. Если человек видит цельную картину мира, ему уже ничего не страшно. Все остальное становится на свои места. Это великое дело — знать истину! Ты сможешь оценить любого человека, независимо от его возраста, званий, положения. Ты увидишь, кто умен, а кто блуждает в потемках. Открыв любую книгу, с первых страниц поймешь, стоит ли ее читать. И как бы ни расхваливали новое платье короля, ты будешь видеть его наготу. Это знание даст тебе полную уверенность в жизни. Разве этого мало?

– Ну, прямо гимн какой-то, «познания морю безбрежному». Может, мне встать?

– Можешь сидеть. Я все сказал. Sapienti sat.

– А если эта твоя доморощенная философия не имеет ничего общего с реальностью?

– А это неважно.

– Ничего себе! Как же она будет помогать в быту?

– Ценность мышления не только в самой истине, но и в процессе ее постижения.

– А без этого ты уже не можешь?

– Пока нет полного понимания, испытываю какое-то беспокойство. Словно камешек в ботинке. Или насекомое под рубашкой.

– Органчик в голове? Не дает покоя?

– Вроде того. Наверное, это мой роковой недостаток. Я где-то читал, что каждого человека есть свой роковой недостаток, определяющий его судьбу. Хотя он может об этом и не догадываться. У тебя он какой?

– Не знаю.

– Подумай на досуге. Потом проверим.

– А ты к врачам не пробовал обратиться? Наверное, таких беспокойных как-то лечат, успокаивают…

– «Не делай, чтобы я вспилил, скажи, что ты пошутил»!

– Да, я пошутил. А если без шуток, какая тебе польза от этих бредней? Разве ты от этого стал жить лучше? Чего-то добился? Достиг высот в науке? Или сделал карьеру?

– Нет.

– А другие сделали и достигли. И достигли потому, что занимались делом, а не пустыми фантазиями.

– Чего достигли? Чему завидовать? Кому? Твоим начальникам? Их убогой судьбе? Не смеши мои тапочки. Или сидеть в каком-нибудь паршивом НИИ, вымучивать диссертацию? По теме, которую подскажет шеф, в обмен на научные и прочие услуги? И всю жизнь заниматься мышиной возней, рыться в каком-то псевдонаучном мусоре? И эти перспективы ты хочешь предложить мне, вольному философу? Да как ты смеешь?!

– Ну ладно, не заводись. Я имел в виду другое. Почему бы тебе эти твои гениальные открытия как-то не реализовать? Или хотя бы проверить?

– Зачем? Я вообще не хочу останавливаться на какой-то теме, ограничивать круг своих интересов. Физика — прекрасная наука, но я, по своей природе, не могу быть верен одной даме…

– Кто бы сомневался! И все же. А вдруг в этом псевдонаучном бреде есть смысл? Не жалко, если он умрет вместе с тобой?

– Но я же тебе все рассказал. Бери, продолжай, развивай. Но имей в виду, что на это придется положить всю жизнь. Да-да, именно так!

Для начала потребуется получить соответствующее образование, доказать способность к научной работе. Потом заиметь какой-то авторитет в научном мире, иначе тебя и слушать не станут. А потом долго и мучительно ждать опытной проверки своих идей. И лет этак через двадцать-тридцать гипотеза может подтвердиться. А если нет? На что потрачена жизнь?

– На попытку доказать какую-то ерунду.

– И зачем тебе это нужно?

Обрывки этого разговора долго вертелись в моем воспаленном мозгу. Как всегда, после драки, появлялись блестящие реплики, убийственные вопросы, остроумные ответы. Не оставляло чувство досады — проиграл на своем же информационном поле. Почему сам не допер до этой ДНК? А вот он продумал свою умозрительную конструкцию, закруглил, увязал. Особенно зацепила эта его Большая игра с непредсказуемым финалом. И самопознание материи как конечная цель развития. Интересно! Неужели сам придумал? Правильно или нет — хрен его знает! А выглядит красиво. Теперь понятно, откуда в нем эта самоуверенность. Придумал себе какую-то бредовую теорию и возгордился. Думает, что постиг великую истину. Если бы так! Но какие амбиции у шалопая! Ему неинтересно как было и как есть. И даже как будет. Ему важно как должно быть. А этот его роковой недостаток? Органчик в голове. Он, видите ли, не может жить без полного миропонимания. И почему он роковой? Чушь какая-то. Снова эти его шуточки. Впрочем, есть такой недостаток и у меня, есть! И не один. Но чего это я так завелся? Ну, поболтали от нечего делать. Ну, наплел он каких-то дурацких идей. Да и своих ли? Нахватался чего-то в научно-популярных журналах. В материалах общества «Знание» для отдаленных кишлаков. Разве он вникает серьезно в тему, разве погружается в глубины предмета? Конечно, нет. Скачет по верхушкам. А полузнание хуже незнания, это профанация науки, верхоглядство, самообман. А я уши развесил, внимаю «великим» мыслям, восхищаюсь отточенностью формулировок. И не стыдно? Нет, не стыдно.

Время шло, и, похоже, их отношения с Мариной подошли к той самой черте, за которую он никогда не переступал. Встречаясь с Марией, мы нередко говорили об этой паре, признавая ее идеальной. Я восхищался им, а она Мариной. Они были близкими подругами и наверняка обсуждали и нас. Не знаю,

насколько подробно и искренне женщины делятся друг с другом сердечными тайнами, но Мария несколько раз намекала, что Марина в последнее время явно не в духе. Значит, в их отношениях что-то не ладится. Но меня это не огорчило, а даже обрадовало. Точнее говоря, обнадежило. А вот по его поведению ничего понять было нельзя. То ли он умел держать чувства в узде, то ли ему все это было по фигу. «А, может, там и нет никаких чувств?» — с тайной надеждой думал я.

В конце декабря потеплело, прошли дожди и съели только что выпавший снег. Новый год приближался в серости, сырости и слякоти. Уныние природы полностью соответствовало моему внутреннему состоянию. Бывают такие периоды жизни, когда все плохо. Работа, личная жизнь, и даже погода. Отношения с Марией застыли в каком-то неопределенном состоянии, а в глубине души тлела какая-то безнадежная полунадежда-полуболь. Работа тоже превратилась в неприятную обузу. Я вдруг почувствовал бессмысленность того, чем занимался в своей организации. Зачем они нужны, эти алгоритмы, которые я упорно пишу на разлинованных листах бумаги? Разве программисты сами не знают методов обработки информации? Конечно, знают. Организация данных, контроль их достоверности, обработка и выдача на печать — их рутинная работа. Есть ли им какая-то польза от моих алгоритмов? Или я всего лишь бесполезное промежуточное звено? Так зачем мне это поручили, зачем ввели такую должность? Считается, что разделение труда повышает суммарную производительность труда коллектива. Но так ли это? Надо заметить, что в те годы программирование, да и любая деятельность, связанная с ЭВМ, казались чем-то недоступным для непосвященных, почти мистическим. И основания для этого были — неразвитость системного обеспечения требовала от программистов изобретения собственных приемов работы. Операционные системы были примитивными. Фактически, программисту выделялось лишь небольшое количество времени центрального процессора и какое-то пространство на голом участке магнитной ленты или диска. В этих скудных условиях задачей была не столько сама программа, сколько структурирование информации и способы ее хранения на магнитных носителях. И делал это всяк по-своему, кустарными способами. Загруженные своими специфическими проблемами, программисты хотели заниматься лишь четко сформулированными задачами, по принципу, как говорил Райкин: «К пуговицам претензии есть?». А беспокойную работу по анализу технологических процессов, их формализации, полноте и достоверности информации выполняли постановщики задач,

которые и отвечали за конечный результат. Вот эта ответственность и оправдывала мою деятельность. Но была ли эффективной эта специализация? А если программист, общаясь напрямую с технологом-заказчиком, лучше усвоит и реализует задачу? Эти сомнения постоянно портили мне настроение. Я снова и снова вспоминал тот давний наш разговор о работе и его саркастическое отношение к моей профессии. Неужели и в этом он прав?

Настроение было невеселым. А в последние дни декабря передо мной вдруг проявилась реальная перспектива провести новогоднюю ночь в одиночестве. Мария предупредила, что всегда встречает новый год дома, с родителями и младшим братом. И я словно провалился в пустоту. Считая себя самодостаточным человеком, я всегда утверждал, что не знаю страха одиночества, что умному человеку если и может быть скучно, то лишь в толпе, но наедине с собой — никогда. А здесь вдруг отчетливо почувствовал какую-то холодящую тоску. Никогда прежде со мной такого не было. В детстве Новый год — теплый семейный праздник с неизменной счастливой елкой, в студенческие годы — разудалое веселье в компании однокурсников. Но здесь все было иначе: взрослые мужчины расходились по своим семьям, подругам, компаниям, и общежитие практически полностью пустело. Что делать? Найти для компании такого же никому не нужного мужика, молча напивающегося в неуютной, холодной комнате? Чтобы коротать новогоднюю ночь вместе с таким же неудачником? Это невозможно! Почему государство не устраивает какие-то мероприятия для одиноких людей? Может, и встретятся там два одиночества. Нет, не встретятся. Потому что Новый год — семейный, а не холостяцкий праздник.

Как ни странно, бойкая Марина тоже оказалась сторонницей традиционных семейных ценностей. Я полагал, что их отношения с Сергеем подошли к стадии знакомства с родителями. Да и повода лучше не придумаешь. Но оказалось, что это не так, предложения не последовало. Его это явно задело, хотя он сам наверняка отказался бы под каким-то предлогом. Впрочем, свято место пусто не бывает, и он без проблем определился, с кем можно легко и весело провести новогоднюю ночь. Это была секретарша директора, яркая и отвязная блондинка, вульгарная, на мой взгляд, особа. В этом случае ему явно изменил вкус. Я не мог себе представить, на кого можно было поменять Марину. Но это случилось.

Он сделал это демонстративно, но, похоже, не оценил всех последствий своего поступка. Но я уже знал его жизненные установки. Человек должен быть свободен от любых

обстоятельств внешнего и внутреннего мира, от собственных слабостей, от любых привязанностей и привычек. И, прежде всего, от телесных, от тех, которые приносят нам удовольствия, а потом незаметно забирают над нами власть. Свобода выше всего! Никакого кофе, никакого пива. Не говоря уже о курении и выпивке. Точнее говоря, ничего из этого не исключается, но привыкать нельзя ни к чему. При этом в его поведении не было крайностей, рахметовского фанатизма. Он во всем знал меру. Не знаю, слышал ли он что-нибудь о восточных принципах срединного пути, но следовал им неизменно. В этом наши взгляды совпадали:

– Поддаваясь слабостям, мы своими руками убиваем свою свободу.

– В эти ловушки люди попадают по собственной глупости, кого ни спроси. Начинается с детской бравады, с подражания взрослым. Сопливый мальчишка хочет выглядеть крутым чуваком, показать, что не маменькин сынок. Выходит во двор, прикуривает от чьей-то сигареты, затягивается, сплевывает сквозь зубы, винцо потягивает из бутылки…

– Да, есть такое дело. До сих пор помню вкус дешевого яблочного вина и крошек сургуча на губах. Когда пускали по кругу бутылку, перед танцами…

– Да знаю я это все! Мне отец не запрещал, но кое-что объяснил. Да я и сам все понял. Я тогда уже спортом занимался, не было ни времени, ни интереса к этому пацанству. В армии начал было курить, но скоро бросил эту дурь.

– А у меня все было по-взрослому. Я же четыре года курил — со старшей группы детского сада до третьего класса. Самокрутки из сухих листьев делали. А в четвертом классе завязал. Как отрезал!

– Это круто! Уважаю. Недавно в троллейбусе слышал похожий разговор. Один школьник жаловался другому, что никак не может бросить курить. А тот давал ему советы, делился своим опытом. Я чуть не заржал. Комедь! Мой отец всю войну прошел с самокруткой в зубах, после войны лет двадцать смолил — по пачке «Беломора» в день. А когда врачи сказали, что матери вредит табачный дым, бросил с первого раза. Но далось ему это нелегко…

– А я вообще считаю, что это не мужское дело.

– Женское, что ли?

– Конечно! У баб больше причин для курения. Несчастная любовь, например. Или наоборот, чтобы интересный субъект сигарету помог зажечь. Тут можно и руки показать ухоженные, и маникюр. И дымок выпустить из красивых губ. А у мужиков что?

Одно баловство. Ну, бывает, конечно, когда нужно хоть чем-то согреться. Скажем, если машину ремонтировать на морозе. А по большей части — мальчишество, детский сад. Да еще повод посачковать. Перекур за перекуром — лишь бы не работать.

Людей, по их отношению к жизни, можно разделить на аскетов и гедонистов. Это различие заметно даже в менталитете народов — достаточно вспомнить британцев и французов. Меня в те годы тоже привлекала философия стоицизма, ибо стоицизм — ипостась духовного начала в человеке. Нельзя привыкать ни к уюту, ни к комфорту, даже к теплой воде при умывании. Я даже спал на совершенно плоской подушке. Зачем? Чтобы не было проблем уснуть в походных условиях, хоть на голой земле. Смешно? Может быть. В молодости мы склонны к радикальным идеям и поступкам. Но один из его принципов все же вызывал мои сомнения:

– Нельзя зависеть от личных привязанностей. Ни от собаки, ни от кошки.

– Ни от человека?

– Тем более.

– Но ведь мы в ответе за тех, кого приручили.

– А зачем приручать?

– Больше вопросов нет.

Да, он искусно уходил от привязанностей, которые грозили семейными узами. Но в этот раз его теория полной независимости дала сбой. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Эта новогодняя ночь имела серьезные последствия. И не только для него.

Но мне-то как быть? Накануне я, в отчаянии, еще раз позвонил Марии, надеясь неизвестно на что. Путаясь в словах, я пытался уговорить ее пойти со мной в ресторан. И ей, и мне было понятно, что это блеф. Какой ресторан? О чем речь, если туда даже в будний день попасть невозможно? Никогда ранее я не чувствовал себя таким жалким и растерянным. Даже вспоминать стыдно. Но делать нечего — пришлось готовиться к новогодней ночи самостоятельно. У меня уже была закуплена бутылка шампанского, какие-то консервы, кусок колбасы — знатное угощение в новогоднюю ночь! На елочном базаре я подобрал несколько оборванных веточек и зачем-то купил пару свечей. Почти до двенадцати я провалялся на койке с книгой в руках под бормотание радиоприемника, потом достал нехитрую снедь, открыл бутылку и наполнил шампанским граненый стакан. С последним ударом курантов я его осушил, загадав желание никогда больше не встречать новый год в столь камерной обстановке. И сравнение с камерой в тот момент не показалось

мне преувеличением. С грустью вспоминал я развеселые студенческие годы. Накануне новогодней ночи мы заранее договаривались с соседками по этажу, где и как собираемся, подбирали музыку, закупали продукты и напитки, в веселой суматохе готовили стол, а потом рассаживались вокруг него на сдвинутых койках, и начинался бесшабашный студенческий гульбарий. Сначала, под дешевое вино и салаты, провожали уходящий год, потом, под бой курантов, хлопали пробками шампанского, кричали «ура», и выбегали в коридор, куда вываливал народ из соседних комнат, где стреляли хлопушки, летело конфетти, где все обнимались и целовались, кто в шутку, кто всерьез. Потом компании перемешивались, начинались танцы и неформальное общение, случайные и неслучайные знакомства, часто переходящие в дальнейшие отношения. Потому что новогодняя ночь в студенческом общежитии это действительно волшебная ночь, ночь, в которую сбываются многие накопившиеся желания. Но здесь была совсем другая ночь – одинокая и унылая. И меня вдруг остро пронзила мысль, что те, прежние, новогодние ночи уже никогда не повторятся. Никогда! Что они уже для других, молодых, незнакомых. А для меня это уже прожитый кусок жизни, и он остался в безвозвратном прошлом. И это уже неизменно, уже навсегда. «Никогда» и «навсегда» – страшные, если вдуматься, слова. Я сидел в неуютной, холодной комнате, и сердце моё истекало печалью. Обычно торжественные звуки гимна в новогоднюю ночь тонут в громких возгласах, поздравлениях, смехе, но в этот раз он звучал в мертвой тишине пустого общежития, и все более походил на траурный марш. Это впечатление усиливала окружающая обстановка. Моя попытка создать хоть какой-то уют в холостяцком жилье привела к обратному результату: хвойный запах от поставленных в стакан еловых веточек и стеариновая свеча на столе создали в пустой комнате вполне похоронную атмосферу. Оставалось только накрыть недопитый стакан кусочком хлеба. Я закусывал шампанское килькой в томатном соусе, вылавливая ее из банки алюминиевой ложкой, а в голове вертелось хрестоматийное: «Где стол был яств, там гроб стоит». А гимн тяжелой поступью ступал по моей душе, и его суровая неумолимость («Партия Ленина, сила народная, нас к торжеству коммунизма ведет») не оставляла никаких надежд на лучшее. Это была одна из худших ночей в моей жизни. Наверное, именно такие праздники сокращают количество холостяков на земле – и в прямом, и в переносном смысле. Сидя за своим праздничным столом, я тупо допивал шампанское, заедал его кильками и размышлял, как докатился до жизни такой. Через некоторое

время этот пир во время чумы мне надоел, захотелось слегка развлечься и потянуло на общение, к людям. Я спустился в вестибюль общежития, к предполагаемому источнику развлечения – телевизору. Люди, в количестве трех человек, сидели по отдельности в пустом помещении «красного уголка» и молча смотрели в черно-белый экран. Новогодний «Голубой огонёк» был в самом разгаре. Эдуард Хиль, со своей знаменитой улыбкой от уха до уха, ходил между столиками, за которыми сидели окаменевшие передовики производства, и бодрым голосом распевал про потолок ледяной и дверь скрипучую. Натужная жизнерадостность передачи только усиливала унылость окружающей обстановки. Скоро мне это веселье надоело, и я ушел спать.

В первый день нового года принято начинать новую жизнь. Эта добрая традиция прочно укоренилась в сознании нашего человека. Утреннее первоянварское состояние, собственное отражение в зеркале, сам вид послепраздничного стола – все подталкивает людей к этому позитивному решению. Не был исключением и я. Провалявшись полдня в постели и продумав планы новой, правильной жизни, я был вполне готов к их реализации. Но до этого предстояло прожить еще один праздничный день, и прожить достойно. На этот раз я серьезнее отнесся к гастрономическому обеспечению вечера и нажарил полную сковородку картошки на сале. Добавив к ней банку консервированных помидоров и бутылку вина, я был вполне удовлетворен своим праздничным столом. Ужин при свечах выдался на славу. И рука невольно потянулась к перу, чтобы выразить всю гамму охвативших меня чувств.

Вот и осень. Холодно и скучно.
Дождик бродит, по окну стуча.
На столе печально и беззвучно
Плачет полуночная свеча.
Осень, одиночество и холод
Заполняют душу не спеша.
Был и я когда-то молод. Молод!
Трепетала юная душа.
Ну и что же? Жизнь промчалась мимо.
Всё казалось – счастье впереди.
Оказалось: всё неисправимо
На однажды пройденном пути.
Плачь свеча! Тоскуй со мною рядом
О любви несбывшейся, о ней –
Той, кто нежным и лучистым взглядом

Не согреет одиноких дней.
Ночь слепа, огонь свечи неярок,
Жизнь проста, сурова и груба.
Скоро, скоро догорит огарок,
Как моя нескладная судьба.

И это написал человек, которому едва исполнилось двадцать шесть! Сейчас этот образец вселенской скорби выглядит вполне пародийно, но в тот момент мне было не до шуток. Впрочем, юный Лермонтов тоже жаловался на то, что годы проходят, всё лучшие годы. Воистину, только в цветущем возрасте возможно столь трагическое восприятие мира. Даже пенсионеры смотрят в будущее с большим оптимизмом. Неужели все было так плохо? Сегодня в это верится с трудом. Но даже со скидкой на поэтическое преувеличение заметно, что переживал я тогда сильно. В молодости наши чувства обострены, и негативные эпизоды жизни порою воспринимаются как полный крах бытия. Так же, как в детстве нас делает совершенно несчастными случайно сломанная машинка.

Январь был не лучше декабря. Грязными, гнилыми зимами расплачиваются жители южных регионов за щедрое тепло лета. Унылая пора, очей очарованье иногда растягивается на все зимние месяцы. Снег то выпадает, то снова тает, разводя под ногами бурую, липкую грязь. В северных краях природа компенсирует людям сумеречное время года снежной свежестью, бодрящим морозцем, искристыми сугробами. Здесь этого не было и в помине. Снег с дождем, слякоть и мерзкая жижа под ногами утомляли душу. Слои грязного снега на газонах то нарастали, то оттаивали, обнажая неестественную зелень травы. К этому было трудно привыкнуть. Увы, совершенства нет даже в природе.

Но этот январь был тяжелым не только для меня. Узнав о его связи с секретаршей, Марина пришла в бешенство. Об этом я услышал от Марии. Я представлял себе, как она была убита его изменой. И не только его предпочтением, но и самим сравнением, которое он допустил своим поступком. Она прервала все отношения с ним. Должен признаться, что меня эта новость не огорчила. Я даже испытывал какое-то злорадство: ага, не все коту масленица! Я не знал, как он сам переносил этот разрыв, потому что мы не общались несколько недель. Пару раз пересекались на встречных курсах, на ходу обмениваясь приветствиями. Он выглядел каким-то озабоченным, и я не считал возможным навязываться с разговорами. Но в конце января, в один из субботних вечеров, он сам зашел ко мне. Я лежал на койке,

перелистывая поэтический сборник «Пять тысяч любимых строк». Приемник был настроен на радиостанцию «Маяк». Это была круглосуточная и единственная по тем временам радиопередача, которую можно было слушать без отвращения. Каждые полчаса она сообщала новости, а остальное время было заполнено музыкой. В тот момент звучала песня из кинофильма «Ирония судьбы». «Мне нравится, что вы больны не мной…» негромко напевала Алла Пугачева. К моему удивлению, он был в своем обычном иронично-покровительственном расположении духа:

– Привет! Чем занимаешься в столь мерзкую погоду? Стишками душу согреваешь?

– Да, чего-то зябко на душе. Но и у тебя, как я заметил, тоже неприятности…

– Неприятности? Что ты имеешь в виду?

– Мария говорила, что Марина чем-то расстроена…

– И ты считаешь, что это мои неприятности?

– Ну, все-таки. Вы ведь дружили. Если не сказать больше…

– Я вижу, ты принимаешь близко к сердцу нашу дружбу. Даже слишком близко. И за кого ты больше беспокоишься?

– За тебя, конечно.

– Ну, спасибо, не ожидал. Но почему за меня? Кто из нас расстраивается?

– Ну, и за нее тоже…

– Понятно. И чем ты можешь нам помочь?

– Ну, давай я поговорю с ней…

– Вот как?! И о чем, интересно?

– Ну, объясню ей, что это была случайность…

– Ну вот, ты уже знаешь про какую-то случайность. И даже то, что это была именно случайность, а не закономерность.

– Конечно, зная тебя, можно бы считать и закономерностью. Но, зная Марину, в это не хочется верить. По-моему, это не тот случай, чтобы так шутить…

– Тебе-то откуда знать?

– Ну ладно, не лезь в бутылку. Я же по-хорошему…

– Может, ты думаешь, что я пришел к тебе за утешением?

– Вообще-то я полагал, что могу чем-то помочь. Мы же все-таки немало общались, все вместе. Да и они подруги с Марией…

– А может, это я тебе смогу помочь? Давай я о чем-нибудь поговорю с Марией.

– Опять твои шуточки…

– А, впрочем, как хочешь. И вообще, разве я могу запретить тебе общаться с твоими друзьями?

– В данном случае речь идет о твоих.

– Да ради Бога! Если тебе больше заняться нечем. И

благородство не дает покоя.

– Ну вот, начали за здравие…

– Ладно, не буду тебе мешать. Отдыхай.

– Ну, пока.

Вот и поговорили. Словно камень лег на душу. Этого мне только не хватало! Он явно был на взводе, и завелся с полуоборота. А ведь виноват я. И дернул же меня черт! Зачем было лезть в их отношения? Похоже, там действительно все не в порядке. Да, неприятно. Но ведь я искренне хотел помочь. И это правда. Никакого тайного умысла не имел. Или все же имел? Подспудный, самому незаметный умысел. Неужели я непроизвольно искал его разрешения на общение с Мариной? Да, похоже, так оно и есть. Вот это да! Вот оно что проявилось, всплыло наружу. Выходит, человек сам себя до конца не знает? Не подозревает, на что способен? Что же нами управляет? Разум, чувства, инстинкты? Головной мозг или спинной? Да чего теперь гадать! А что делать? Честнее всего было бы забыть об этом разговоре. Но ведь дело не только во мне. Ведь это действительно шанс помирить друга с его девушкой. Звучит как-то фальшиво. Но ведь так оно и есть. Что ни говори, это мой долг. Кто, если не я? Что бы там ни было подспудного, этот шанс упускать нельзя.

Но на следующий день я задумался. Как я буду разговаривать с Мариной? Защищать его, представлять невинной овечкой? Это смешно. Что я знаю об их отношениях? И зачем я вообще влез в это дело? Проявил благородство, бескорыстную мужскую дружбу? Даже это сомнительно. Да и нужна ли ему моя помощь? Что-то не заметно, чтобы сильно переживал. Вон как легко согласился. Или только делает вид, что ему все до фонаря? Может, действительно рассчитывает на меня. Но разве его поймешь! То ли всерьез говорит, то ли свои шуточки отпускает. Но в этот раз, кажется, завелся, значит, и его это достает. А уж Марине точно не все равно. Но как с ней разговаривать? И как вообще встретиться, какой придумать повод? Позвонить по телефону? Нет, сразу поймет, в чем дело. Посоветоваться с Марией? Может не так понять, она ведь тоже возмущена. Или ей расскажет, из женской солидарности. Нет, нужно устроить как бы случайную встречу.

Делать нечего – обещания нужно исполнять. Я знал, что у них есть занятия в субботу, и решил подкараулить ее возле института. Она вышла с группой однокурсниц, и среди них, как назло, была Мария. Я наблюдал из-за угла, как они веселой стайкой перебежали дорогу и всей гурьбой погрузились в подошедший автобус. Нет, здесь не получится. Пришлось изменить тактику. В следующую субботу я ждал ее у дома, в микрорайоне новостроек, где она жила со своими родителями.

Угадать время окончания занятий было трудно, и мне пришлось дожидаться ее более часа. Я порядком озяб, прохаживаясь вдоль ее дома и поглядывая на остановку. Наконец, она вышла из автобуса и торопливо направилась к дому. Я вышел ей навстречу. Увидев меня, она слегка опешила и приостановилась. Вслед за удивлением по ее лицу пробежала тень неудовольствия, и она, нахмурившись, сухо ответила на мое приветствие. Я тоже попытался изобразить удивление и сказал, что иду от своего сотрудника, книголюба, который живет неподалеку, и с которым мы обмениваемся литературой. Я даже приготовил несколько книжных новинок как повод для начала разговора. Но это не понадобилось, потому что она сразу все поняла и, насмешливо взглянув на меня, спросила напрямую:

– Так ты парламентер, что ли? Где же твой белый флаг?

– Ну что ты, Марина! Я по своей воле…

– Ах, вот как! Значит, тебе это больше нужно?

– Погоди-погоди! Он тоже сильно переживает. Но ты же его знаешь…

– И знать не хочу!

– Да я и слова в его защиту не скажу! Я сам этим шокирован. Никак не ожидал. И предположить не мог…

– Ну, так о чем речь?

– Но мы же все-таки друзья. И порвать все вот так сразу…

– Вот и я о том же. О предательстве. О том, что можно порвать все и сразу…

– Ну, почему сразу о предательстве? У всех есть свой круг общения…

– Круг? Интересный круг!

– Да я и сам не могу этого объяснить! Я и предположить не мог, что они знакомы. Я, конечно, знаю ее. А кто ее не знает? Все бывали в приемной директора. Но сам я таких обхожу стороной…

– Ну вот, а теперь сможешь познакомиться. И даже подружиться. Скажи мне, кто твой друг…

– Я не думаю, что там речь идет о дружбе.

– А о чем же, интересно?

– Марина, ну зачем цепляться к словам?

– Если ты думаешь, что дело в этой крашеной секретутке, ты глубоко ошибаешься…

– Марина!

– Да, он этим обидел, оскорбил меня. Я не понимаю: зачем, за что?! Но ладно, пусть меня. Но ведь и себя тоже! Как он мог? Так испачкаться, так низко пасть! Не понимаю, не могу понять…

– Марина, ты слишком категорична, слишком резка…

– Втоптал в грязь все лучшее, чистое. Зачем? Что он получил

взамен? Ты можешь мне это объяснить? Нет? Какие же вы, мужики… Нет слов. Чем больше вас узнаю, тем больше презираю. Одни – слабаки, ничтожества с комплексами, другие – самодовольные, циничные типы, которым нужно только одно. Казалось – встретился один достойный, так и тот предал. Что вы за люди? Да и люди ли вы вообще?

– Ну, ты даешь! Просто мужененавистница…

– А что я еще могу думать? Что можно испытывать к вам, кроме презрения?

– Марина, я понимаю, как ты обижена. Но ведь это случайность, поверь. Неужели тебе самой не приходилось общаться со случайными и даже неприятными тебе людьми?

– Общаться? Что вы, мужики, понимаете под этим словом?

– Ну, просто общаться. Ты же на танцах не всем отказывала?

– Да, приходилось. Но я сама не искала такого общения. Как некоторые. Выходит, ему, бедняжке, было неприятно с ней общаться? Может, пожалеть его за это? Он что, благородную миссию какую-то выполнял? Или больше некому было развлечь эту общедоступную особу?

– Да я сам об этом ничего не знаю! Слышал со стороны…

– Интересно! Что же у вас за дружба такая? Живете рядом, как соседи, встречаетесь каждый день…

– Извини, Марина, но у мужчин это немного иначе. Обстоятельствами личной жизни обычно не делятся…

– Значит, все-таки речь идет о личной жизни…

– Ну как трудно с тобой говорить! На каждом слове ловишь…

– А знаешь, когда такое бывает? Когда неправое дело защищаешь. А правду, как помнишь из классики, говорить легко и приятно.

– Честно говоря, я не ожидал, что ты придашь этому случаю такое значение. А это действительно случай, не более того. Попробуй его понять – он ведь тоже почувствовал себя отвергнутым. Остаться одному в новогоднюю ночь – можешь себе это представить? Признаюсь тебе: эту новогоднюю ночь я провел в одиночестве, в этой проклятой общаге, в холодной, пустой комнате. Страшно вспомнить! Потому что Мария, как и ты, тоже считает Новый год семейным праздником. Мне трудно ее в этом обвинять, но это была худшая ночь в моей жизни. Неужели и он должен был так страдать?

– Ах вы, бедняжки! Какое испытание – подумать только! И это сильные мужчины, отважные воины, первопроходцы…

– Ну, причем здесь это!

– А предать это лучше?! И чего после этого стоят все ваши слова? Как можно вам доверять? Как можно на вас опереться в

жизни?

– Да ничего там не было! Если ты сомневаешься, давай я с ним поговорю, узнаю подробности…

– Подробности?! Ничего себе! За кого ты меня принимаешь?

– Марина!

– Ну ладно, хватит! Этот разговор мне надоел. Противно это все. Да и домой пора, родители к обеду ждут.

– Да, понимаю, извини. Но все же, можно будет еще встретиться, поговорить с тобой? Ты же знаешь, как я ценю нашу дружбу…

– Ну, не знаю. Посмотрим. Но эту тему обсуждать я больше не собираюсь.

– Хорошо. Можно я тебе позвоню на неделе?

– Эта неделя очень напряженная. Разве что в пятницу…

– Договорились. Ну, до свидания.

– Пока.

Разговор был тяжелым, как и следовало ожидать, и все же я возвращался в приподнятом настроении. Она не только согласилась поговорить, но даже сама затронула эту тему. Конечно, проявила полную непримиримость. Но разве могло быть иначе? А мои доводы хоть и отвергла, но они были выслушаны, и свою роль сыграют. А может и хотела их услышать? Ведь не прервала разговор сразу. Но как остра на язык! А какая реакция, какая логика! Не каждый мужик так сможет. Загнала меня в угол, как боксер-профессионал новичка-любителя. Но это ладно. Самое главное, согласилась на следующую встречу. Для первого раза более чем достаточно.

Я ничего не сказал ему об этом разговоре. Ведь особых результатов пока не было. В пятницу, как и договорились, я позвонил Марине. Разговор был коротким, но она сказала, что по воскресеньям занимается в республиканской библиотеке. Это было, фактически, согласие на встречу. Я был, как говорится, на седьмом небе.

Воскресным утром я уже был в читальном зале библиотеки. Через некоторое время появилась и она. Увидев меня, она слегка кивнула и, разложив книги и тетради, углубилась в свои конспекты. Примерно через час она отложила их в сторону и встала из-за стола. Я тут же вышел следом за ней в вестибюль. Она была строга и немногословна, но назвала время, когда закончит занятия. Я тоже набрал каких-то журналов, чтобы скоротать время. В назначенный час она закончила занятия и собрала конспекты. Мы вышли из библиотеки вместе, и я предложил немного пройтись. Мы направились в сторону парка, того самого парка, где я впервые увидел их вместе с Марией,

веселых и беззаботных. С той теплой осени не прошло и полугода, а казалось, что это было давным-давно. Да и окружающий пейзаж был совсем другим, нерадостным. Когда я напомнил ей о том счастливом вечере, она вдруг заговорила сама. Заговорила взволнованно, даже с каким-то надрывом. Похоже, она переживала происходящее намного глубже и острее, чем можно было предполагать, зная ее независимый характер. Это был страстный монолог, в котором чувствовались с трудом сдерживаемые слезы и совершенно несдерживаемые обида и возмущение. Я едва успевал вставлять в этот обличительный поток какие-то замечания, которые оставались без внимания. Щеки ее пылали, грудь вздымалась, глаза были наполнены слезами, голос временами срывался. Дрожащей рукой она все время поправляла выбивавшуюся из-под шапочки бронзовую прядь. Это была все та же независимая, гордая львица, но истекающая кровью, страдающая от невыносимой боли. Сильнейший укол жалости и любви пронзил мое сердце, и я вдруг остро, близко почувствовал ее всю — ее страдающую душу, ее нежное тело, такое близкое и родное. Какая-то неведомая сила бросила меня к ней. Я обнял ее и прижал к себе, словно пытаясь защитить от всех бед. Резко и сильно оттолкнувшись, она с негодованием взглянула на меня: ты что?! Я сбивчиво стал оправдываться, пытаясь объяснить, что сочувствую ей, что понимаю ее переживания, ее чувства. Но она уже взяла себя в руки, ее глаза высохли и теперь горели негодованием уже по отношению ко мне, чего я совсем не желал:

– Что ты себе позволяешь?!

– Марина, извини! Ты была так взволнована. Я нечаянно. Чтобы как-то успокоить, утешить…

– Не надо меня утешать!

– Ну, прости. Я же говорю, это было чисто инстинктивно. Я и сам не ожидал…

– Не можешь управлять своими чувствами?

– Но это же не самые худшие чувства, поверь мне…

– Вот как? Твоих не самых худших чувств хватает и на меня, и на Марию?

– Но ты же знаешь, что Мария сейчас болеет. А я ведь забочусь совсем не о себе…

– Это благородно! Твой друг, как ты утверждаешь, страдает душевно, а подруга — телесно, а ты в это время утешаешь меня. Причем без малейшего моего желания, и к тому же в такой развязной форме.

Наверное, они тоже оценят твое бескорыстное великодушие, когда узнают об этом…

– Ну, зачем ты так? Я постоянно звоню Марии. Может, даже надоел ее родителям…

– Ну, ладно. Я не собираюсь вникать в ваши отношения. И мне уже пора домой.

– Марина, погоди минутку. Как-то все несуразно получилось. Я ведь совсем не хотел тебя обидеть. Наоборот, собирался отвлечь, поговорить о литературе. Помнишь, в прошлый раз говорил тебе об одном моем знакомом…

– Спасибо, но я сегодня не настроена на литературные беседы.

– Ну, ладно. Можно и в другой раз…

– В другой? Даже не знаю. Если ты собираешься меня утешать таким образом, это мне не нужно. Лучше удели внимание Марии.

– Да я просто хотел поделиться, узнать твое мнение…

– Ну, ладно. На сегодня хватит.

– До свидания.

Ну и ну! Что же я натворил? Она ведь заговорила первой, и говорила искренне, откровенно. Можно сказать, раскрыла душу. А я все испортил. Не сдержался. Неужели я действительно такой неуправляемый тип? Но какая реакция, какой негатив! Обидно. Никакого отклика, никакого тепла, никакой доброты. Ничего утешительного. Плохи мои дела.

Я брел по городу, как убитый. Смеркалось. В воздухе висела мелкая изморось. Окружающий пейзаж был бесцветен и уныл, и на душе у меня было так же тускливо. Серые коробки домов тонули в наползающих сумерках. Потемневшие от промозглой сырости деревья упирались корявыми сучьями в пустое, мутное небо. Кучки грязного снега на обочинах только усиливали унылость природы. И это зима?! По улицам ползли заляпанные грязью машины, по тротуарам брели угрюмые прохожие. Женщина с недовольным видом, раздраженно бурча, волокла за руку сопливого, хныкающего ребенка. Подвыпивший мужик в расстегнутом пальто, похожий на Василенко, ругался с женой у пивного ларька. Невзрачная, как полевая мышка, девушка в жалком, промокшем пальтишке и серой вязаной шапочке стояла на автобусной остановке и плакала, прикрывая скомканным платочком лицо с подтекшей тушью. Мерзкого вида старик в затасканной телогрейке, с бурой, драной кошкой на голове и авоськой пустых бутылок в руке, рылся в мусорном баке. Рядом с ним стояла тощая, дрожащая собака с намокшей шерстью и грязными лапами. Никому не нужная старушка в дурацкой круглой шапке, напоминавшая сморщенную Рину Зеленую, упорно тащила за собой сумку-тележку с вихляющимся, скрипящим, доводящим до исступления, колесом. Какой-то алкаш

блевал за углом продмага, от дверей которого так тошнотворно пахнуло тухлой капустой, что захотелось к нему присоединиться. Все вокруг было покрыто мелкой, липкой грязью. С противным криком, словно брошенные кем-то черные тряпки, быстро и косо пролетела стая ворон. Небо, свинцовое как мерзости русской жизни, и мелкий, нудный дождь доводили окружающую обстановку до полной невозможности. Вселенская жалость к себе и к этим несчастным людям, ко всей нашей убогой жизни охватила меня. Ужасный день, ужасный разговор, ужасное настроение. Безысходность жизни казалась всеобщей, полной и окончательной. Хотелось напиться до положения риз. Или хотя бы до чертиков. Это был тот самый случай, когда стресс нужно было снимать немедленно и самым проверенным способом. Что я и сделал, укрывшись от жестокости и несправедливости мира в своей холостяцкой конуре. Я достал нехитрую снедь, раскупорил бутылку и поставил на магнитофон кассету с лирическими песнями. Я потихоньку напивался, а молодое вино и красота мелодий постепенно растворяли мою тоску. Душа оттаивала под голоса Дассена, Руссоса, Ободзинского, которые пели о мимолетности любви, о несбывшихся мечтах, о несвершившемся счастье: «Льет ли теплый дождь, падает ли снег…», «Гуд бай, май лав, гуд бай…», «И не то чтобы да, и не то чтобы нет…». Мысли мои вновь и вновь обращались к ней: «Марина, прости меня за эту дерзость. Поверь, я поддался искреннему чувству. Я не ожидал, что моя жалость так тебя обидит. Но я видел, как ты страдала, и мое сердце тоже обливалось болью. Нет, это не для тебя! Ты не должна страдать ни минуты. Ты достойна счастья, достойна самого лучшего в этом мире. Поверь, мне больно видеть, как тяжело ты переносишь этот разрыв, и я хочу тебе помочь. Тебе, тебе, а не ему! Да, он удивительный человек, он достоин тебя, и вы кажетесь идеальной парой, и пусть у вас все сложится хорошо. И все же, все же… Нет, я не могу сказать о нем ничего плохого, я сам восхищаюсь им, его разносторонними талантами. И я бы признал его совершенство, если бы не его отношение к женщинам. Обычное, банальное, потребительское — невинное с мужской точки зрения. Он никогда не скрывал, что для него это не более чем развлечение. Возможно, это единственная его слабость, но именно она сейчас важнее всего. Я не знаю всей силы ваших чувств, но не верю в серьезность его намерений, не верю в тот исход ваших отношений, на который ты рассчитываешь. Поверь: я честен перед тобой. И перед ним. И я не считаю, что даже в мыслях предаю его сейчас. Я говорю о том, что он и сам прекрасно знает, и с чем всегда честно согласится. Но и это его не оправдывает. Я хочу вам добра, и в первую очередь тебе, и я буду

стараться вам помочь, даже понимая тщетность моих усилий. Но я не могу этого простить ему, когда речь идет о тебе. Ведь он может найти себе много других женщин, жаждущих его любви, пусть даже временной. Нет, он не имеет права обманывать тебя, доставлять тебе страдания! Никто не имеет на это права. Но ты не услышишь этих слов от меня — ты должна сама это понять. Прости же меня, если можешь».

Ни в следующее воскресенье, ни через неделю Марина в библиотеку не пришла. Как выяснилось впоследствии, она тоже перенесла грипп, бродивший в то время по городу. А еще через неделю я снова с волнением увидел ее в читальном зале. Она похудела и побледнела, и выглядела повзрослевшей, как это бывает после болезни. Мне показалось, что она изменилась не только внешне, но и внутренне. Кризис прошел? Она заговорила со мной спокойно и серьезно. И мы снова шли из библиотеки тем же путем, через парк. Погода улучшилась, стоял легкий морозец, дорожки парка подсохли, и сквозь темные скелеты деревьев пробивалось низкое зимнее солнце. В его бледном свете ее оживленное прежде лицо казалось усталым и задумчивым. В нем появилась даже какая-то растерянность, а главное, что больно кольнуло мое сердце, исчезла та самая ее волшебная улыбка. За весь вечер мне лишь пару раз удалось развлечь ее какими-то шутками, но и при этом в ее полуулыбке присутствовала горечь. Она была немногословна, и это тоже было не похоже на нее, быструю в реакциях, острую на язык. Богиня сошла с небес на землю. Ее глаза не лучились смехом, как прежде, а по задумчивому лицу пробегали облачка волнения, готовые, как мне показалось, пролиться влагой. И в этой своей растерянности она показалась мне настолько близкой и родной, что я снова почувствовал ту самую острую жалость, которая и есть одно из сильнейших проявлений любви. Но теперь, наученный болезненным опытом, я сумел подавить волну жалости, поднявшуюся в душе. Я попытался развлечь ее, но затеянный мною разговор о каком-то фильме, не поддержанный ее интересом, незаметно угас, словно костер из отсыревших веток. Опасаясь затронуть болезненные темы, я заговорил о себе, о том, что мы скоро собираемся в Карпаты, кататься на лыжах. При слове «мы» она взглянула на меня, и я добавил, что он тоже едет с нами. Все так же молча она шла рядом, а я рассказывал подробности предстоящей поездки и предполагаемого горнолыжного отдыха. Было непонятно, насколько ей это интересно, но она слушала меня, не перебивая. Когда я увлекся особенностями горнолыжной техники, она прервала меня вопросом: когда мы возвращаемся? Услышав, что это будет

накануне восьмого марта, она молча кивнула. Стало понятно, что во всем этом разговоре ее интересует только он. И тогда я осторожно заговорил о нашем общении, кратко пересказал несколько последних бесед о поэзии. Эта литературная тема явно показалась ей более занятной, потому что она слушала меня более внимательно и даже вставила несколько замечаний. Она не спешила домой, как в прошлый раз, и, казалось, не замечала, что мы делали уже третий круг по парку. А когда я привёл ей несколько образцов трагических стансов Н. Рубинова, даже слегка улыбнулась. Было похоже, что за прошедшее время ее обида несколько ослабела, перегорела в переживаниях, и она настроена уже не столь непримиримо. Я даже решился рассказать подробнее о подготовке к поездке, о настроениях Сергея. Конечно, мне пришлось немного преувеличить его душевные страдания. Она слушала молча, без прежнего негодования, вспыхивавшего при одном упоминании его имени. Так же молча она отреагировала на мой вопрос, может ли он ей позвонить. После этого она быстро простилась и пошла к остановке троллейбуса.

На этот раз мне было, чем отчитаться. Довольный достигнутым результатом и даже слегка возбужденный, я сразу же зашел к нему, чтобы поделиться своим успехом. Не вдаваясь в детали, пересказал суть наших разговоров, а главное — то, что она не возразила против возможного общения. Он выслушал меня совершенно индифферентно, поблагодарил за помощь и перевел разговор на другую тему. Эта сухая реакция обидела меня, но я не подал вида. Ну, что же, мавр сделал свое дело, мавр должен уйти. Я выходил из его комнаты в смешанных чувствах: удовлетворение от сделанного доброго дела уступало место обиде. А также горечи от того, что у меня теперь нет поводов для встреч с Мариной.

И снова потянулись однообразные, скучные дни. Жизнь шла своим чередом, в работе, в будничных делах и заботах. Следует заметить, что жили мы в те годы бедновато. Мне, молодому специалисту, моей инженерской зарплаты хватало лишь на текущую, довольно скудную жизнь — на питание, кино, театр, покупку некоторых книг, журналов и каких-то бытовых мелочей. При этом я старался выбирать продукты подешевле, а на рынок мог сходить разве что из любопытства. Не припомню случая, чтобы я там что-нибудь покупал, хотя глаза разбегались. Сэкономив на чем-то, я мог один раз в месяц сводить девушку в кафе, но не более того. И никаких других способов пополнить бюджет не было, потому что все были обязаны работать там, где лежала их трудовая книжка. Без нее можно было устроиться лишь на какую-то сезонную работу, потратив на это свой отпуск. Впрочем, в те славные годы не хватало не только денег, но и

хороших товаров. Дефицит был хроническим. Об этом лучше всех сказал Жванецкий в своей знаменитой миниатюре о складе, которую так замечательно показали Ильченко и Карцев. Да, очереди за продуктами повседневного спроса были самой характерной чертой жизни советского человека. Даже хлеба в продаже было всего два-три вида. Помню, я очень любил булочки с изюмом, так называемые «калорийки». Это были, пожалуй, самые доступные мне кондитерские изделия из тех, что завозились в булочные. Были еще какие-то плюшки, калачи, иногда рулетики с маком. Но и это еще нужно было успеть купить, пока не разобрали. Перед закрытием магазинов в них можно было застать разве что знаменитые «нарезные» батоны по 13 копеек да «кирпичи» черного хлеба. Разве мог я тогда представить, что тридцать лет спустя буду окидывать равнодушным взглядом полки кондитерских отделов с разнообразными булками, печеньями, пирожными, и конфетами всевозможных сортов? И ничего этого не буду покупать именно из-за калорийности. И что при полном продуктовом изобилии буду по утрам давиться безвкусной овсяной кашей, а вечером жевать вареную морскую рыбу, столь ненавистную по воспоминаниям о советских «рыбных» четвергах. То есть, питаться тем же, чем и в скудные «совковые» времена, но уже добровольно. Сейчас, когда прилавки гастрономов завалены различными колбасами, сырами и деликатесами, я по-прежнему покупаю ту самую морскую капусту, но уже не вынужденно, а из соображений полезности. Но тогда, в изголодавшемся СССР мнение об излишней питательности еды было абсолютно немыслимым. Все было наоборот: люди выбирали наиболее калорийные продукты, а в лечебных целях больным даже назначалось так называемое «усиленное» питание. Естественно, даже при самой острой ностальгии по советским временам я не могу забыть их изнуряющий продовольственный дефицит. Впрочем, в семидесятых снабжение было все же лучше, чем в предыдущие годы. Во всяком случае, люди не томились в очередях за хлебом, как это бывало раньше. В крупных городах можно было, отстояв очередь, приобрести колбасу, масло, сыр. С мясом было сложнее, но, если повезет, его тоже можно было купить. Но для всей страны продовольствия не хватало, и поездки в Москву за продуктами были обычным занятием жителей пригородов. Да, так мы тогда жили.

Тот судьбоносный разговор состоялся, можно сказать, случайно, в будний день. «А день, какой был день тогда? Ах да, среда». Помню, что задержался на работе, потом зашел в какие-то магазины, и в общежитие вернулся уже после восьми. На ужин у

меня был традиционный кусок вареной колбасы с батоном и чай с печеньем. Но мой чайник был пуст, потому что снова отключили воду. Как назло, очень хотелось пить, и я отправился к нему:

– Привет! Чайком не угостишь? Я воды опять забыл набрать.

– Ну, привет! Да я и сам собирался. Только заварка будет грузинская.

– Да мне все равно. Пить хочется, как из пушки. А вот печенье, «Целинное».

– Да хрен бы с ним! Располагайся. Я сейчас, только подогрею…

– Но смотри, не теряй бдительности. В общаге участились случаи хищения кипятка. Мне на прошлой неделе пришлось вот также брать воду в долг у Игоря Ивановича. Поставил чайник на газ и отлучился буквально на пять минут — так успели всю воду слить, даже на стакан не оставили.

– А ты в милицию не заявлял?

– Подозреваю, что это преступление останется нераскрытым. Вернувшись с чайником и парой вымытых чашек, он залил кипятком заварку:

– Пускай постоит пару минут. Давай свое печенье, а у меня, кажется, остался мармелад. Маловато, конечно, для полного счастья, но согреться можно.

– Не в этом дело!

– А в чем?

– Если бы я знал! Я бы давно ездил на черной «Волге».

– Только не надо! Не надо делать умный вид.

– Да нет, я так, просто…

– И докладывайте!

– Вы слышали, что за последние полвека уровень Мирового океана поднялся на полтора сантиметра?

– А вам известно, сколько диких животных находятся на грани вымирания? Из-за хищнической политики империалистов.

– А вы знаете, как нещадно эксплуатируют колонизаторы природные ресурсы беднейших стран Азии, Африки и Латинской Америки?

– А известно ли вам, как тревожно сейчас на Ближнем Востоке?

– Еще бы! Из-за происков американской военщины, протянувшей свои мерзкие щупальца…

– Только не надо здесь вот этого! Не надо иронизировать.

– Вот и я о том же. Чего-то отношения запутались…

– Да, надо бы поговорить.

– На трезвую голову? Боюсь, без бутылки не разберешься.

– Для этого дела найдём другой повод. Более приятный. А

для начала хочу поблагодарить за помощь. Хотя я тебя и не просил.

– Да я и сам не знаю, помог ли? Может, только навредил…

– Ну, почему? Мы встретились с Мариной, поговорили по душам. Но лучше бы не встречались.

– Да, я знаю, Мария рассказывала. Нашла коса на камень?

– Это верно, камешек непростой. Можно сказать, алмаз.

– Не поддается обработке?

– Заметил? Не ты один такой. Мужским вниманием она, конечно, не обделена. Но и я не привык к такому отношению.

– И что, серьезно разругались?

– Милые ругаются — только тешатся. Но если это начинается так рано, поневоле задумаешься. А мне и без того есть над чем размышлять.

– Выводит из душевного равновесия?

– Ну, как бы это сказать помягче…

– Понятно. Затягивает в серьезные отношения. Но это же естественно.

– Смотря для кого.

– Но ведь все равно придется определяться. Рано или поздно все там будем.

– На мой взгляд, рановато.

– Значит, не все мосты сжег?

– Посмотрим. Но речь не только обо мне. Пока ты наслаждался общением с Мариной, я пару раз встретился с Марией…

– Интересно! Она мне ни звука.

– Ну, я тоже решил помочь тебе. Мне кажется, ваши отношения тоже нельзя назвать идеальными. Хотя и развиваются они намного спокойнее. Даже слишком спокойно, на мой взгляд…

– Но я же тебя не просил!

– Дело не только в тебе. Хочу заметить, что мои дружеские отношения с Марией намного дольше твоих…

– И насколько они дружеские?

– Очень дружеские.

– Ничего себе!

– Но насчет платонической грани можешь быть спокоен. Во всяком случае, с моей стороны. А за нее я отвечать не могу.

Вот это да! Интересно, как далеко зашли эти их платонические отношения? И насколько можно ему верить? Разве кому-то удавалось устоять перед его обаянием? Значит, и Мария не смогла. И он фактически это признал. Но Мария, как легко она отдалась ему! Не отдалась, конечно. И все же отдалась, отдалась

душой! А это главное, остальное – дело времени и техники. А что я вообще знаю об их предыстории? Что у них там было раньше? И даже если ничего такого не было, все равно выходит, что обе выбрали его. А он, видишь ли, играет в благородство, великодушно оставляет мне одну из них. Ну, спасибо! Но как теперь с ней встречаться, как объясняться? Неужели все они западают на альфа-самцов, стоит их только поманить пальцем? Неужели среди них нет верных? Верных? А я сам? Мне ли рассуждать о верности? Разве Марию устраивает мое к ней отношение? Разве она не чувствует моего интереса к Марине? Конечно, чувствует. И наверняка знает о наших встречах. И, наверное, много чего себе нафантазировала. И, по правде говоря, не без оснований. Разве я бескорыстно взялся ему помогать? Чего скрывать, я ведь обрадовался их ссоре, хоть и не подаю вида. А знает ли Марина о его встречах с ее подругой? Да, отношения действительно запутались. Как говорится, все смешалось в доме Облонских.

– Ну, и Мария, ну и тихоня…

– А ведь это еще только начало отношений. Цветочки…

– И ты считаешь, что нельзя верить ни одной из них?

– Ну, как тебе сказать? Если обратиться к классикам, ответ скорее отрицательный. В мировой литературе больше негативных примеров. И житейский опыт это подтверждает. Так что делай сам выводы о женской верности и мужской дружбе.

– А разве не бывает женской дружбы?

– Это две большие разницы. Женская дружба всего лишь развлечение. Любая из них, не задумываясь, предаст подругу и перехватит ее мужчину, если он будет ей нужен. Что значат отношения с подругой в сравнении с женским счастьем?

– А у мужиков такого не бывает?

– А помнишь песню: «Уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти»?

– В теории, может, и так…

– И в жизни тоже. Но лучше вообще не вмешивать баб в мужские дела. Обязательно внесут разлад. Сам видишь, что получается.

– Это верно. Но, честно говоря, странно слышать от тебя разговор о дружбе. Ты больше похож на одинокого волка…

– Да, есть такое явление в природе. Хоть и редкое. Одиночке всегда тяжелее. Это выбор сильных.

– И я о том же.

– Но человек все-таки не волк, ему без общения тяжело. Бывает, что хочется отвести душу. И сейчас тот самый случай. Есть серьезный разговор. Но начинать придется издалека…

– Может, все-таки сбегать за бутылкой?

– Не стоит. Да и поздно уже. А история такая. Был у меня когда-то армейский друг, Димкой его звали. Хороший был парень – надежный, упертый. Мы с ним были «не разлей вода». Кто не служил, не поймёт. Это, когда за друга до конца. Бывало, в увольнительной, на танцах со шпаной схлестнемся – один другого прикрываем. Однажды окружили нас человек семь. Вижу: кастеты надевают. Мы тоже ремни намотали, стали спиной друг к другу, и пошла метелица. Десантные полусапожки нас сильно выручали. Морячки своей формой пижонят, но у нас, в ВДВ, форма самая лучшая – хоть на парад, хоть в бой, хоть в драку…

– Ну и как, отбились тогда?

– Да, нормально. Троих вырубили, пока милиция не засвистела. Тогда уж деру дали…

– Такие байки все дембеля рассказывают.

– А как без этого? Короче, нормально служба шла да плохо кончилась. Перед самым дембелем учения были. Крупные, много техники и народу собрали – танки, «катюши», БТР, пехота. А нас забрасывали в тыл условного противника, чтобы нанести скрытый удар. У нас тогда уже по несколько десятков прыжков было, дело привычное. Но в этот раз как-то муторно было у меня на душе. Как будто чувствовал. А Димка, наоборот, веселый был – последние учения. В самолёте все время шутил. Ну, вышли на точку, отвалилась крышка, пошли мы шеренгой. Он пошел, я за ним. Вижу его впереди себя четко, на фоне желтого поля. Тут меня дернуло – парашют раскрылся, кругом купола вспыхивают. Ищу взглядом Димона, и вдруг как холодом обдало, вижу: уходит вниз. Конечно, нас учили на этот случай, отрабатывали экстремальные ситуации. Ну, там при отказе основного купола, при запутывании в стропах, при схождении в воздухе. Когда на купол попадаешь, или на крышу здания несет, на провода, на дерево. «Запаску! Дергай запаску!» – ору, как будто он может услышать. Да тогда уже автоматы были, на случай, если сознание потерял или в ступор вошел. Потом вижу: мелькнуло белое, обрадовался. Но рано – запасной тоже не раскрылся полностью. Мотается сзади, перехлестнуло. Вот этого забыть никак не могу, этого бессилия. Только что сидели рядом в брюхе самолета, травили анекдоты, видел его смеющиеся глаза, а сейчас он камнем падает вниз. Если бы знать заранее, можно было подойти в воздухе, сцепиться, спуститься на одном. Такие случаи были. Но это был не тот случай. Я, когда приземлился, не выдержал – упал, завыл, бил кулаками землю. Но меня быстро привели в чувство – учебно-боевую задачу надо выполнять.

– Говорят, есть допустимый процент смертности, на

учениях…

– Да, есть. И если он будет превышен, командиры получат замечания.

– Понятно. А сам-то потом не боялся прыгать?

– Да я и раньше не боялся. А тут вообще пофигизм какой-то появился. Да это уже последние прыжки были. Помню, Димка все рвался к невесте, дни считал. До сих пор, бывает, приснится – уснуть не могу. Словно виноват перед ним. Все вертится в башке: мог выручить тогда или нет?

– Да что толку теперь? Только душу мотать…

– А память-то не выключишь. И вот задумал я один прыжок. Который еще никто не делал. Короче, прыгают два человека, один с двумя парашютами, другой вообще без парашюта. В воздухе нужно сблизиться и передать другому запасной…

– А зачем тебе это? Разве этим оправдаешься?

– А дал это обещание себе. И ему. С ним бы я пошел на это, не задумываясь.

– Я представил себе эту картину, и мне стало не по себе. Прыгнуть с километровой высоты без парашюта! А вдруг что-то помешает? А если не удастся сблизиться?

– А если уронят парашют при передаче?

– Если уронят, он улетит вверх.

– Но если что-то не так, у того, кто прыгает без парашюта, нет шансов.

– Ну почему? Есть шанс удержаться на одном. Но это тоже тяжёлый случай…

– И ты это серьезно? Готов поставить на карту жизнь?

– А это и есть проверка. Как у Высоцкого: «А когда ты упал со скал, он стонал, но держал». Но мне пока такой не попадался…

– И ты предлагаешь это мне?

– Подумай.

Вот это да! Ну и предложение! Лестно, конечно. Но ведь это безумие. Зачем ему это нужно? Оправдаться перед другом? За что? Разве он в чем-то виноват? И что он этим докажет? Или хочет сделать что-то невозможное? Преодолеть себя, проверить на вшивость? Зачем? Дурь какая-то. Мальчишеская дурь. Это ведь в детстве нас легко поймать на то самое: «А слабо?». Прыгнуть с моста, перебежать по льдинам реку, прокатиться на крыше вагона, пройти по карнизу пятого этажа. Дескать, струхнул? Ножонки задрожали, кишочки заурчали? Ты пацан или сявка? Сколько подростков гибнет и калечится из-за этой детской глупости! Из-за мальчишеского самоутверждения. Но взрослому мужику это зачем? Кому и чего доказывать? А, может, это дурацкая шутка? Очередной его розыгрыш, проверка на

вшивость? Хорошо, если так. Надо проверить. Но как завести разговор, чтобы не показать слабину? Нужно что-то придумать, какой-то вопрос по технике прыжков.

На входе из вестибюля в жилые этажи общежития была небольшая загородка, в которой сидели вахтеры. Рядом, на стене, висела полочка, в ячейки которой по первым буквам фамилий жильцов раскладывали приходящую им корреспонденцию. В тот вечер я нашел в своей ячейке конверт без обратного адреса, подписанный женским почерком. Войдя в комнату, я достал из конверта несколько листов в клеточку. Письмо было от Марии. Мы не виделись с ней больше месяца, с тех пор, как она заболела, и я, увлеченный новыми отношениями, стал забывать о ней. Это было неожиданное и необычное письмо. На его первой странице было написано несколько строк красным цветом:

«Добрый вечер, дорогой мой человек! Прости за сумбур, за само это письмо. У меня нет желания ни перечитывать, ни переписывать то, что вылилось из души само собой. Да и очень болезненно это. Ведь это не школьное сочинение ради хорошей оценки, хотя и похоже на письмо Татьяны. Так пусть будет, как есть. Verba volant, scripta manent[10]».

Я перевернул лист и стал читать написанные крупным, бегущим почерком слова:

«Я решилась написать, потому что мы давно не встречались, и неизвестно, когда встретимся. Но это не упрек с моей стороны. Я понимаю, что все было объективно, как ты любишь выражаться. Сначала я болела, потом ты был чем-то сильно занят. И я даже не хочу спрашивать, чем. Наверное, чем-то очень важным, более важным, чем общение с близким человеком. Но не мне об этом судить.

В последнее время я стала бояться белизны бумаги, а ведь раньше она просто притягивала меня к себе. Даже ей, чистой, верной, не могу раскрыть душу. Потому что больно притрагиваться к ране, лучше ее не трогать, пока не зажила. Но все же на бумаге можно сказать то, что никак не выговаривается вслух.

Ты говорил о том, что я не должна заставлять тебя говорить о несформировавшемся, непроверенном чувстве. Но что было думать мне, едва выжившей после того, первого предательства, оставаясь в неведении и сомнении, с разбитой, раздробленной душой? Ведь мы уже не так юны, чтобы сказать себе: «Ничего страшного, можно и поиграться. Все самое лучшее, настоящее еще впереди». Впереди? Будет ли оно? Могу ли я тебе верить? И снова слезы наворачиваются на глаза, прости.

Иногда я начинаю проклинать момент нашей встречи и хочу

вырвать из памяти их все, но тут же ужасаюсь этому — нет! Я рада, рада нашей встрече, потому что моя жизнь без нее была бы намного более бедной. И все же, все же… Да, в нашем общении много интересного, оно обогащает меня, но оно не такое, как мне хочется. А хочется мне быть с тобой живой, веселой, простой, даже глупой. Не умничать и не притворяться. Потому что все это лишнее, пустое, ненужное. Потому что эти умные и красивые разговоры разделяют, а не сближают нас. Я хочу говорить совсем о другом, о настоящем — о нас, о наших чувствах. Но это почему-то не получается, и я ли в этом виновата? Да, я выгляжу серьезной, и тому есть причина. Ты знаешь о той душевной ране, которую мне нанесли, и после тех страданий я не могу быть прежней веселой и легкомысленной девчонкой. Но я хочу, я мечтаю, чтобы кто-то вернул мне простую радость жизни! Я так надеюсь на это, так этого жду. Неужели ты этого не видишь, не чувствуешь?

Ах, как мне трудно, но я так хочу лучшего, хорошего! Как мне быть, как этого добиться? Нет — вздыхаю я — это просто слабость. Но пусть, пусть! Почему я не могу быть слабой? Да, я хочу простого человеческого счастья, и не стыжусь в этом признаться. Это не ново? Да. Все этого хотят? Да, я согласна и с этим. Я признаю, что ничем не лучше других женщин, мечтающих об этом самом женском счастье. Ну и пусть! Пусть я ничем не лучше, но ведь и не хуже! Неужели я этого не достойна? Ответь мне, успокой мое больное сердце, которое хочет тепла. И не только дружбы, но и теплого человеческого чувства.

Сейчас поздняя ночь, из приемника звучит очень грустная мелодия — прямо, как будто моя душа поет и плачет. Как хочется припасть к надежной, сильной груди, как хочется доброй, теплой, нежной силы — чтобы чувствовать себя пусть обычной и слабой, но любимой женщиной.

Это поет Мирей Матье: «Прости мне этот маленький каприз…».

Прости и ты меня за эти случайные строки, дорогой мой человек».

Прочитав это письмо, я был поражен его эмоциональностью. Я и представить себе этого не мог. Как же обманчива внешность! Как трудно людям понять друг друга. Как мы слепы, не видя того, что происходит в душе близкого человека! Я долго не мог прийти в себя, взволнованный этим искренним излиянием чувств, этим отчаянным призывом к любви.

Но хуже всего было то, что мне нечего было на него ответить.

Зимой проходили занятия в парашютной секции ДОСААФ. Во время наземного обучения изучается техническое оснащение,

порядок укладки, техника безопасности, подготовка к прыжку, отделение от самолета, действия в воздухе, при контакте с землей, в особых случаях и еще много чего, связанного с прыжками. Нужно не только знать, как и что делать во время отделения от самолета, свободного падения, самого спуска на парашюте, но и отработать все навыки до автоматизма. Как и в любом, ранее неизвестном вопросе, выясняется масса важных подробностей. Парашют – довольно сложное сооружение, и каждая его часть многократно проверяется на надежность. Каждый имеет индивидуальный паспорт, срок службы и допустимое количество прыжков. При укладке проверяется каждая деталь, ни малейших повреждений не допускается. Сначала удивила сама возможность уложить многометровое сооружение в небольшой мешок. А когда увидел, что такое подвесная система, даже обрадовался. Стало ясно, что с таким громоздким оборудованием предложенную им авантюру совершить невозможно, и я уже спокойно ходил на занятия, уверенный в том, что из этой затеи ничего не выйдет.

В южных краях комфортная погода держится с апреля по октябрь, а несколько зимних месяцев, действительно отвратительных, можно и перетерпеть. А еще лучше в это время выбраться в горы или в какие-то другие морозные и снежные места. Исходя из этого, необремененный семьей, я брал половину отпуска зимой, а оставшиеся дни использовал по мере необходимости, распределяя свой отпускной период на весь год. Обычно совмещал отпускные отгулы с праздничными днями, получая еще одну-две свободные недели в году. И мне этого было вполне достаточно, поскольку более длительный отдых неизменно превращается в нудную обязанность.

Поездка в Карпаты была назначена на конец февраля. Не поздновато ли? Но Виктор Федорович заверил нас, что в горах снег лежит чуть ли не до мая. В воскресенье, накануне отъезда, готовились к горнолыжному отдыху. С собой брали только личные вещи, а весь спортивный инвентарь предполагалось получить на месте. Само собой, он взял гитару, а я радиоприемник. Накануне отъезда, уже собравшись, сидели у него в комнате и обсуждали, на что потратить оставшиеся две недели отпуска. Он планировал в августе махнуть на море. Решив, что он уже забыл о том давнем разговоре и рискованном проекте, я с юмором отозвался обо всей этой парашютной сбруе и нереальности самой идеи. Однако он довольно резко оборвал меня, сказав, что никаких технических проблем не видит и считает этот вопрос решенным. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться.

Ехать в Закарпатье предстояло на автобусе, отъезд был назначен на семь утра. Значит, на месте сбора нужно быть без четверти, а вставать не позже шести. Заведя будильник, я лег пораньше, но долго не мог уснуть. Сумбур в личной жизни, суета сборов и предстоящая поездка, а более всего последний разговор вывели меня из равновесия. В возбуждённом состоянии человеку спится неспокойно, и приходят странные сны. Как известно, в форме сновидений наш мозг обрабатывает информацию и впечатления предыдущего дня, а в периоды опасности и неопределённости пытается смоделировать возможные негативные ситуации, чтобы найти из них выход. Каждый может вспомнить эти кошмары, в которых мы пытаемся избежать какой-то страшной опасности, а подсознание изобретает все новые ухищрения воображаемого противника, заставляя нас искать пути к спасению. Большинство фильмов ужасов изображает такую же всемогущую силу, неумолимо преследующую героя. Но наши ночные кошмары намного ярче и реалистичнее киношных ужастиков, и превосходят их по немыслимости сюжетов. Правда, потом они быстро тускнеют и стираются из памяти, поскольку выполнили свою психологическую функцию. Таким же тревожным был и мой сон в ту ночь. Мне снилась наша авантюра. Все было, как и положено в кошмаре. Нелепые случайности ставили нас в смертельно опасные ситуации, а мы лихорадочно искали и каким-то чудом находили спасение. Пока не случилось непоправимое.

Я проснулся в холодном поту. Нет, это невозможно! Это немыслимо, этого нельзя допустить. Нужно еще раз поговорить с ним, переубедить. Или отказаться? Но ведь это значит признаться в трусости. Как быть? Мысли мои ходили по кругу, не приводя к приемлемому решению. Наконец, я снова задремал.

Поездка в Карпаты. Интеллектуальные игры

Ранним утром серого февральского дня, погрузившись с рюкзаками и запасом продовольствия в арендованный автобус, группа в количестве двух десятков парней и девушек отправилась в закарпатский город Мукачево. Дорога была долгой, и по пути развлекались, как могли: пели песни, рассказывали смешные истории, анекдоты. Потом народ как-то приустал, угомонился, задремал. Стало скучновато. И тут я вспомнил одну интеллектуальную игру, известную мне со студенческих лет:

– Слушай, у нас в общаге развлекались одной логической игрой. Нужно разгадать некую загадочную историю. Правила простые: можно задавать любые вопросы, но на них будет только один из трех ответов: «да», «нет» или «несущественно». Твоя задача: объяснить ситуацию, задав минимальное количество вопросов.

– Ну, давай, попробуем.

– У одного человека по ночам звонит телефон. Он встает, берет трубку, но ответом ему молчание. Кто ему звонит и с какой целью?

– Может быть, звонили по ошибке?

– Нет.

– Значит, звонили именно ему. Может, кто-то хотел ему насолить, отомстить? Бывшая жена, например…

– Обратно не угадал.

– А он вообще-то был женат? В квартире еще кто-то жил?

– Это несущественно.

– Ничего себе! Бедные родственники. Значит, хотели разбудить именно его. И при этом часто. Каждую ночь?

– Нет.

– Интересно. Зачем изредка звонить и молчать? Может, любовница? Которой не спится в одиночку…

– Нет и еще раз нет.

– Может, из КГБ? Он, случайно, не диссидент?

– Это несущественно.

– А он знал, зачем ему звонят?

– Это несущественно.

– Как так?! Ведь его хотели разбудить?

– Да.

– Странно. Кому-то было нужно, чтобы он проснулся. Зачем? Так, зайдем с другой стороны: тот, кто звонил, знал его?

– Да.

– А этот, которому звонили?

– Это несущественно.

– Ничего себе! Кто же это был? Может, Сёма, которому он должен деньги. Уж тому точно не спится…

– Нет. Хотя способ интересный.

– Знакомый, значит. Это был его сотрудник?

– Нет.

– Так. Не родственник, не сотрудник и не любовница. Не КГБ, и не Сёма. Но его знал. Он жил в этом же городе?

– Да.

– Может быть, сосед?

– Да.

– Так, хорошо. Кто звонил, уже известно. Но зачем? Чтобы проснулся. При этом сам сосед не спал. А! Так тот, наверное, храпел за стенкой и мешал ему спать!

– Правильно. Ну что, для начала неплохо. Но далеко не самое короткое решение. Несколько лишних вопросов допустил. А бывает, что отвечают сходу, на интуиции.

– Нет, угадывать неинтересно. Здесь смысл именно в логическом поиске. Кстати, такие задачи решаются методом половинного деления. Есть такой способ поиска точки на отрезке: нужно делить отрезок пополам, выяснять, в какой части точка, и так далее.

– Но здесь не отрезок, а множество вариантов.

– Вот это множество и нужно делить на части. Отсекая лишнее.

– Ладно, усложним задачу. Один мужик принес на берег матрас, положил на него селедку и ушел. А через некоторое время вернулся и забрал матрас. Зачем он это делал?

– Однако. Поступок полоумного. Он был нормальный?

– Да.

– А селедку он тоже забрал?

– Это несущественно. Почему-то всех волнует судьба этой несчастной селедки.

– Я чувствую, что как раз в селедке и зарыта вся собака.

– Ну-ну.

– И в то же время мужику было не до селедки. А он надолго уходил?

– Нет. Он уходил, но обещал вернуться.

– А зачем он уходил?

– Вопросы нужно ставить так, чтобы я мог ответить.

– Ладно. То, что он уходил, существенно?

– Нет.

– То есть, он мог и не уходить?

– Да.

– Однако! Он ушел, хотя мог остаться. Значит, не захотел сидеть рядом с селедкой. Может, она была тухлая, и сильно воняла?

– Это несущественно.

– Ничего себе! Это же важнейшая деталь. Ну, ладно. Принес матрас, а потом забрал. Зачем? И при чем здесь селедка? А селедка действительно играет важную роль?

– Да.

– Так, так. Маленький сумасшедший пляж. Селедка загорает на матрасе. В самый разгар купального сезона. Кстати, это было на юге? Ну, на море?

– Нет.

– А на каком же берегу? Впрочем, это неважно. Тут сама ситуация дурацкая. Сюр какой-то. Хичкок на городском пляже. А может, это была какая-то киносъемка? Какого-нибудь абсурда, вроде фильмов Тарковского?

– Тоже нет.

– Так, возвращаемся к сюжету. Мужик зачем-то положил селедку. А потом она ему не понадобилась. Протухла, что ли?

– Нет.

– Но она осталась целой?

– Нет.

– Ее кто-то ел?

– Да.

– Интересно! Это был человек?

– Нет.

– Собака, что ли?

– Нет.

– Но какое-то животное?

– Да.

– Может, он таким способом рыбу ловил, на тухлую селедку?

– Нет.

– А из воды ничего не вышло? Рыба-кит? Или восьминог? Кто вообще в природе питается маринованной селедкой?

– Нет.

– Может, птица прилетела?

– Нет.

– Откуда же оно взялось? И что за зверь это был? А этот чокнутый его видел?

– Да.

– Кормил кого-то селедкой на пляже. На матрасе. И ты утверждаешь, что это поступок нормального человека?

– Да.

– Так. Случай тяжелый. Придется применять математические методы. Пойдем формальным путем. Оно было крупное?

– Нет.

– Мелкое. Грызун какой-то, что ли? Или еще мельче?

– Да.

– Насекомое, что ли?

– Да.

– Муравьи?

– Нет.

– Так, насекомых слишком много — всех не переберешь. А имеет значение, какие это были насекомые?

– Да.

– И все же они приползли и стали жрать эту селедку. Так?

– Не могу ответить. В одном предложении два вопроса.

– Они приползли?

– Нет.

– Как?! Откуда же они взялись? Значит, они были в матрасе?

– Да.

– Клопы, что ли?

– Да.

– Ну и ну! А зачем этот маньяк кормил их селедкой?

– Это вопрос к тебе.

– Постой. А, допер! Дождался, чтобы клопы сожрали селедку и пошли воду пить, после солененького! А сам схватил матрас и убежал!

– Ну да. Народный способ выведения клопов.

– Ну, здесь ты меня помутузил…

– То-то же. Полдесятка вопросов точно были лишними. Но эту задачку мало кто раскалывает сходу. Ну, если не знает сам анекдот…

– Давай еще!

– А ты азартен, Парамоша! Ну, ладно, вот тебе еще история. Правда, более сложная. Точнее говоря, невероятная…

– Еще более?

– Да, с элементами фантастики. Но тоже решается логическим путем. Итак, в одной комнате сидела группа людей. Один из них встал и открыл форточку. «Не надо!» — крикнул кто-то, но было поздно: один из этих людей был мертв. Что случилось и почему?

– Значит, причина смерти в том, что кто-то открыл форточку?

– Да.

– В форточку что-то влетело?

– Нет.

– Интересно! Свежий воздух убил человека. Вот и верь советам врачей…

– Вот-вот. Еще Джером предупреждал об этой опасности.

– Именно об этой? Что-то не припомню. Впрочем, если больное сердце… Он умер естественной смертью?

– Нет.

– Его убили?

– Нет.

– А что же еще может быть?

– Думайте, думайте…

– Чего тут думать? Трясти надо! Ладно, придется выяснять причину смерти. Так, начинаем делить отрезок. Он умер от какого-то повреждения?

– Да.

– То есть, получил смертельную травму?

– Да.

– И при этом ненасильственную. Может, его нечаянно прибили? Какой-то маньяк, возбудившийся от свежего воздуха…

– Нет. А это лишний вопрос. Ты же знаешь, что его не убили…

– Ладно. От чего можно в доме получить смертельную травму?

– Мало ли от чего! От канделябра, например.

– Так они что, в преферанс играли? А покойничек всю дорогу сносил пику?

– Это несущественно.

– Так чего ты меня с толку сбиваешь? Это нечестно.

– Тебе и слова не скажи — все всерьез принимаешь.

– Ладно, лишний ход по твоей вине. Постой, а если действительно от сквозняка? Может, от сквозняка что-то упало — и по башке? Могло такое быть?

– Да.

– Ну, вот и ответ.

– А что упало?

– Ну, мало ли что. Например, китайская ваза со шкафа…

– Нет, не китайская.

– Ладно, не сбивай с толку. Это упало с какой-то мебели?

– Нет.

– С потолка?

– Нет.

– А откуда же? Но, по крайней мере, сверху?

– Да. Кстати, не забывай про элемент фантастики.

– Летающая тарелка, что ли? Но ты же говорил, что в комнату ничего не залетало. Или это были невидимые лучи? Гиперболоид

инженера Гарина?

– Нет.

– Так, надо выяснить, что это было. Это бытовой предмет?

– Да.

– Чем же в комнате можно убить человека? Да мало ли чем! Утюгом, сковородкой, мясорубкой. Это предмет металлический?

– Не могу ответить. Потому что некоторые предметы состоят из разных материалов…

– Скорее всего, что-то с деревянной ручкой. Это так?

– Да.

– Молоток?

– Нет.

– Этот предмет применяют в доме?

– Нет.

– Так. Принесли что-то с деревянной ручкой. Топор, что ли?

– Да.

– Ну, вот и ответ!

– А теперь объясни всю картину.

– Ну, открыли форточку, а топор хрясь по башке! А, понял! Было накурено? Хоть топор вешай?

– Ну да. Он и висел над столом. Всплыл, так сказать. А когда открыли форточку, упал. Вот тебе и фантастика.

– Тоже забавно.

– Но ты эту историю расколол не быстрее других. Во-первых, не сразу допер, что это был несчастный случай. Но больше всего тебя подвела ставка на логику. А некоторые интуитивно вспоминают эту поговорку.

– Ну, это я перетренировался. Ладно, давай подремлем малость.

А потом были две недели в Карпатах. Когда прибыли на место, выяснилось, что предстоит жить в горнолыжном приюте, полностью на собственном обеспечении. Пришлось закупать тушёнку, макароны, хлеб и прочие продукты, распределять их по мужским рюкзакам и подниматься с поклажей в горы. Конечно, называть Карпаты горами можно лишь условно, но два часа подъема с пудовыми рюкзаками за спиной все-таки нас утомили. Кроме того, в начале пути смущала окружающая обстановка – низкая облачность, из которой сеялась мелкая морось, полная бесснежность и унылость пейзажа. Все это не внушало оптимизма, но Виктор Федорович, подобно горьковскому Данко, смело и решительно вел нас вперед и вверх, сквозь туман, усталость и безверие. И вот, на исходе второго часа подъема, когда ропот обессилевшего народа стал усиливаться, клочья тумана вдруг рассеялись, и мы вышли к солнцу, снегу и голубому небу! Мы

поднялись выше уровня облаков. Это было чудесно.

Остаток пути двигались уже бодро, и скоро подошли к приюту с романтическим названием Драгобрат. Это было двухэтажное здание из огромных золотистых бревен, которое действительно предназначалось лишь для ночевки и питания. Никаких удобств. Всю нашу команду, и парней, и девушек, разместили в одной большой комнате, на двухъярусных деревянных нарах. Таких помещений в здании было несколько, и в них жили группы туристов из различных городов страны. Там мы и спали коммуной весь срок нашего горнолыжного отдыха — прямо в одежде, на матрасах без постельного белья, под байковыми одеялами. Еду готовили самостоятельно, на общей кухне, на плите, которая топилась дровами. Там же посменно питались, сидя на деревянных лавках за длинными столами. Заготовка дров, воды из горной речки, организация питания и продукты были заботой самих туристов. На кухне дежурили по очереди, рацион состоял в основном из макарон или подгоревших каш с тушенкой, дополняемых чаем с печеньем. Но к простоте быта все быстро привыкли. Тем более, что неудобства компенсировалось прекрасной погодой, невероятной чистотой горного воздуха, великолепными пейзажами заснеженных гор в обрамлении черных елей, ослепительным снегом, по которому мы скатывались на лыжах, лихо закладывая виражи, набирающим силу мартовским солнцем, под которым можно было уже загорать, изумительными закатами и восходами.

По вечерам, после ужина, собирались в общей столовой, у топящейся печки, шутили, смеялись, пели песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Городницкого, Кукина, Якушевой. В каждой группе были свои гитаристы-исполнители, и очень неплохие, но и здесь Сергей был на виду. А музыкальным рефреном тех светлых дней и звездных ночей была песня Визбора «Лыжи у печки стоят». Поздними вечерами выходили из дымного уюта дома на крыльцо и не могли надышаться свежестью морозного воздуха. Он был вкусен, скрипуч, молод — просто волшебен! А глубокую черноту горной ночи украшали гроздья огромных, немигающих звезд. В общем, обстановка для романтических отношений была просто сказочной. И они, конечно, завязывались. Тем более что в приют, сменяя друг друга, наезжали группы из разных городов Союза — из Одессы, Киева, Донецка, Москвы, даже с Волги. С некоторыми из них мы сдружились. Особняком держались москвичи. Они были намного лучше нас одеты и экипированы. У них были настоящие, металлические горные лыжи и короткие фирменные палки, космического вида шлемы и очки, негнущиеся пластиковые ботинки и яркие горнолыжные костюмы, и они

поглядывали на нас, провинциалов, с высокомерным равнодушием. И катались они на каких-то неизвестных нам сложных трассах. Их состав менялся вахтовым методом, они постоянно кого-то встречали и провожали. При этом в каждом заезде кто-то из них что-то ломал себе на горных склонах, и его провожали досрочно – как героя. Накануне отъезда устраивали уходящему вниз прощальный вечер, а завершали отпевание на следующий день, сопровождая всей группой до ворот, с гитарой и песнями. Поскольку это стало повторяться регулярно, каждый следующий траурно-песенный ритуал стал вызывать зубоскальство в других группах. К счастью, у нас серьезных повреждений ни у кого не было. Правда, тот, кто совмещал горнолыжный спорт с воздушными ваннами, под набиравшим силу мартовским солнцем, и падал на склоне, вставал уже с кровавой росой на спине, ободранной о подмерзший снег. В общем, смешного и романтического было много, а в памяти осталось необычное послевкусие: мороз, солнце и красота горной природы в сочетании с неустроенностью быта. Но рано или поздно все кончается. Пришел конец и нашему недолгому горнолыжному отпуску. Мы спустились с покоренных вершин в серый, скучный город, под низкую облачность сырого марта и погрузились в автобус. На обратном пути, переполненные впечатлениями, уставшие от отдыха, практически всю дорогу дремали или негромко переговаривались. Через некоторое время он сказал:

– Что-то скучновато, а путь далекий. У тебя еще есть те загадочные истории?

– Больше нет.

– Не беда. Я тоже придумал парочку. Будешь разгадывать?

– Давай.

– Для разминки начнем с чего-то попроще. В начале века англичане проводили в открытом море странные опыты: с подводной лодки выбрасывали бытовые отходы. Зачем?

– Конечно, не для того, чтобы избавиться от них?

– Конечно, нет.

– Так, эксперименты с мусором, на подводной лодке. Оригинально. Это в английском духе. Значит, была цель. Может, подкармливали рыбу? Чтобы потом ловить и питаться. Не заходя в порт…

– Нет.

– Но отходы были съедобными?

– Да.

– Ну, однозначно для какой-то морской живности. Правильно?

– Да.

– Но не для рыб. Кто еще? Киты, дельфины, осьминоги?

– Нет.

– Но эти существа живут в воде?

– Нет.

– Ничего себе! Ну, остаются только птицы. Для чаек, что ли?

– Да. Но зачем?

– Так. Значит, выбрасывают объедки, а чайки слетаются и жрут их. И часто они так делали?

– Да.

– Похоже на дрессировку. Чтобы чайки летели к подводной лодке?

– Да.

– Ну, ясно. Для того, чтобы по стае чаек определять чужую подводную лодку. Красивая идея. И получилось у них?

– А хрен его знает! Это же было в Первую мировую.

– Ну, давай дальше.

– Ладно, эту ты расколол легко. Чувствуется опыт. Но дальше будет сложнее. Итак, в какой-то горной местности идет большой караван. И вот, рядом с тропой, на камне лежит шапка. Кто-то хочет ее поднять, но караванщик запрещает и говорит, что придется ждать, пока не придет хозяин и не заберет шапку. В чем тут дело?

– Может, проводник должен был прийти?

– Нет.

– Да, это слишком просто. А шапка была какая-то особенная?

– Нет. Обычная.

– Интересно. Оставил шапку и ушел. А караванщик уверен, что он должен вернуться. С чего бы это? И почему им нужно его ждать?

– Вот именно.

– Значит, оставил специально. Это был какой-то сигнал?

– Да.

– О том, что впереди какая-то помеха?

– Да.

– А когда он вернется за шапкой, помехи уже не будет?

– Да.

– Ну, значит, этот человек устранил эту помеху. Так?

– Нет.

– Но его возвращение открыло каравану путь?

– Да.

– Странно. Помеху устранил кто-то другой?

– Нет. Если ты считаешь, что почти разгадал задачу, ты глубоко ошибаешься. Твой караван только в начале пути.

– Ладно. Караванщик вел караван, значит, пройти было можно. Выходит, помеха была случайной?

– Да. Но это было и так ясно.

– Ладно. А какие могут быть помехи в горах? Много разных. Это была пропасть?

– Нет.

– Горная река?

– Нет.

– Может, какие-то дикие звери?

– Нет.

– Какое еще может быть препятствие в горах? Ладно, восстановим картину: в горах возникла помеха, кто-то предупредил об этом шапкой и ушел, потом вернулся, и это открыло путь. Но помеху никто не устранял. Так, так… Она устранилась сама собой, что ли?

– Да.

– Оригинально! Но ведь это связано с возвращением человека?

– Да. Но ты уже ходишь по кругу. Тебя нельзя ставить погонщиком караванов.

– Но это же мистика! Помеха устраняется сама собой, после возвращения человека за своей шапкой. Может, здесь какая-то фантастическая история?

– Нет. Совершенно реальная.

– Но как это может быть? Значит, сам этот человек был причиной помехи?

– Нет.

– Кто-то другой?

– Да.

– Интересно! Кто же это? И как он мог мешать? Не давал пройти каравану?

– Да.

– Разбойник какой-то?

– Нет.

– Как же он мог мешать? А мешал специально?

– Нет.

– Невольно. Вот оно что! Значит, нельзя было разминуться?

– Да.

– А, понятно! Есть такие узкие тропки над пропастью, что разойтись невозможно. Значит, там тоже шел караван!

– Ну да.

– И правда, ведь если сойдутся, положение безвыходное…

– Для лошадей — однозначно. Развернуться невозможно.

– Страшное дело. Значит, посыльный предупредил шапкой, а

сам вернулся к своим. А после того, как те прошли, этот караван спокойно отправился в путь.

– Нет.

– Почему?

– Думайте, думайте…

– А, понял! Этот караван тоже должен предупредить встречных. И послать человека с шапкой.

– Правильно. Когда караван подходил к месту, где нельзя было разминуться, он сначала убеждался, что дорога свободна. Если лежит шапка, значит, кто-то идет навстречу, и нужно ждать. А когда шапки нет, он отправлял своего посыльного на ту сторону, чтобы шапкой предупредить встречный караван.

– Отличная загадка! Молодец. Поздравляю.

– Хочешь еще?

– Давай!

– Тебе какие числа больше нравятся — четные или нечетные?

– Нечетные красивее. В четных есть какая-то унылая регулярность. А еще нечетные числа считаются счастливыми.

– А вот в этой истории нечетность привела к несчастью. Группа туристов пошла в горы, и один из них не вернулся именно из-за нечетной численности группы. Почему?

– Ничего себе анекдот! Погиб из-за нечетности состава?

– Да. Правда, в истории есть некоторое преувеличение…

– Может, они страховались попарно, а ему не хватило партнера?

– В данном случае, нет.

– Так. Что же с ним случилось? Он сорвался со скалы?

– Нет.

– От чего же еще можно погибнуть в горах? Может, он отстал от группы и заблудился? Или его задрал медведь?

– Нет и нет.

– Может, сами туристы заблудились в горах, проголодались и съели его, нечетного?

– Нет. Хотя версия интересная.

– Но он погиб по своей вине?

– Нет.

– Оригинально! А по чьей?

– Это я у вас спрашиваю.

– Ладно. Причиной было природное явление?

– Нет.

– Человек?

– Да.

– Из их группы?

– Нет.

– Кто-то посторонний. Интересно. Может, этот турист спасал другого человека, и из-за этого погиб?

– Нет.

– Этот посторонний его убил?

– Нет.

– Интересно! Значит, стал невольной причиной?

– Да.

– Так. Нужно выяснить, кто это был. Это был тоже турист?

– Нет.

– Кто же еще может быть в горах? Снежный человек, что ли?

– Нет.

– Кто-то из местных?

– Да.

– Они ссорились?

– Нет.

– Значит, убил мирно. Не говоря худого слова. Интересные нравы. А, может, есть какое-то древнее суеверие, что такая группа приносит несчастье? И верный традициям горец убил лишнего туриста? Навел, так сказать, порядок в численности группы…

– Нет.

– Так-так. Местный абрек стал причиной смерти туриста, причем без злого умысла. А чего они вообще с ним связались? Им что-то нужно было от него?

– Да.

– Может, просьба была оскорбительной? Горячий джигит может зарэзать за одно неосторожное слово. Один турист встретил в горах охотников и спросил, указывая на убитого ими медведя: гризли? А они обиделись: «Зачэм гризли? Руками задушили!».

– Нет, не гризли.

– И все же им от него что-то было нужно. Значит, он им помогал и нечаянно погубил одного туриста. Правильно?

– Да.

– Но как? И при чем тут нечетность?

– Это я у тебя спрашиваю.

– Какая же помощь могла им понадобиться? От местного джигита. Подсказал неправильную дорогу, чтобы их погубить? Но ведь они не ссорились. И почему погиб нечетный? Чем еще может помочь горец? Едой?

– Нет.

– Скорее всего, это связано с их походом, с какой-то проблемой в горах. Он им помогал что-то преодолеть?

– Да. Долго же ты до этого добирался.

– Так ведь горы крутые. Значит, горец помогал им преодолеть

препятствие. Какое? Это могла быть и узкая тропа, и пропасть, и горная река. И это как-то связано с четностью. Значит, помогал попарно. А последнему помочь не смог! Так было дело?

– Да. Но как конкретно?

– Попарно, попарно. Проводил по тропке? Или через реку? Так ведь удобнее вести по одному. Или всех сразу, цепочкой. И даже переносить на закорках можно только одного. А тут парой. Он их переводил?

– Нет.

– Переносил, что ли?

– Да.

– Оригинально! Переносил парами. Значит, под мышками. Если так, то он гигант. А последнего, нечетного, наверное, было нести неловко, и он его уронил. Правильно?

– Наконец-то! Есть такой анекдот. Группа туристов подошла к пропасти, через которое переброшено бревно. Никто не решался перейти. И вдруг подходит пастух со стадом овец, берет по паре овец и перебегает на ту сторону. Так все стадо перетаскал. Туристы скидываются по рублю и просят перенести их тоже. Он перенес их парами, а с последним добежал до середины и закачался. И, чтобы сохранить равновесие, со словами «А хрен с ним, с рублем!» бросил нечетного в пропасть.

– Не повезло бедолаге. Значит, в горы нельзя ходить в нечетном составе?

– Однозначно. А если пошел, не будь овцой.

– Но ты меня этой загадкой утомил.

– А ты меня как!

– Еще что-нибудь есть?

– Пока нет. Но игра забавная. Между прочим, из нее можно сделать телепередачу. Вроде КВН[11]. Так же будут состязаться две команды — кто раньше ответил, тот и победил.

– Но ведь они будут слышать ответы друг друга.

– Ну и пусть! Кто первый догадался — молодец!

– А если сказал ответ и ошибся?

– Тогда штраф — пропуск хода. В общем, это уже детали. Ну что, пишем заявку на телевидение?

– Нет, на отдельную телепрограмму не потянет. Разве что на конкурс в КВН.

– Да где он теперь, этот КВН?

Да, где он теперь, тот КВН?

Человеческая память избирательна. Она имеет свойство окрашивать прошлое в светлые тона. И лишь основательно порывшись в ее пыльных закоулках, можно извлечь на свет реально происходившие события во всей их обыденности и с

огорчением признать, что далеко не все было столь благостным, как кажется в приступах ностальгии. Да, те славные годы были периодом общественно-политического застоя. Надоевшая и привычная, как застарелая зубная боль, идеология пронизывала все виды искусства, печать, радио, телевидение. Все, что звучало в эфире, было пресным, выхолощенным — фальшивый патриотизм, кондовая народность, мертвая классика, бодрячески-веселая эстрада. По воскресеньям, как подарок, звучала радиопередача «С добрым утром», с какими-то юморесками и песнями. В обеденный перерыв по будням передавали концерт по заявкам, в котором на три-четыре песни вроде «Поле, русское поле» приходилось полчаса болтовни о трудовых подвигах передовиков. Один раз в месяц выходил в эфир телевизионный кабачок «13 стульев», изредка «Голубые огоньки» с теми же передовиками производства. Ну, еще какие-то разовые передачи, включая главную из них — новогоднюю «Песню года». Вот, пожалуй, и все развлечения, которые официально позволялись советским людям. И даже КВН, одно из немногих светлых пятен на советском телевидении, в те застойные годы был отменен за какие-то неосторожные сатирические реплики.

Вот и той унылой весной по радио, телевидению и в газетах непрерывно долдонили о «выдающихся» произведениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина»: «В городах и селах, на далеких стройках и полевых станах, в горных аулах и вахтовых поселках все трудящиеся нашей многонациональной Родины внимательно изучают эти исторические произведения, находя в них ответы на самые животрепещущие вопросы современности. Эти мудрые учебники жизни стали настоящими энциклопедиями жизни для всего советского народа. Без них уже невозможно представить духовную жизнь советской страны». Эти ничтожные книжонки, написанные какими-то придворными щелкоперами, издавались миллионными тиражами, о них талдычили на собраниях и политзанятиях, их заставляли «изучать» школьников и студентов. Самого «автора», учитывая его «исторический» вклад в победу над фашизмом и возрождение страны, награждали всевозможными наградами: орденом «Победа», третьей звездой Героя Советского Союза, Ленинской премией по литературе. «На торжественном собрании, посвященном вручению Генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу высокой государственной награды присутствуют члены Политбюро, руководители партии и правительства, передовики производства, представители ленинского комсомола и советских профсоюзов. Речь Л. И.

Брежнева неоднократно прерывается бурными, продолжительными аплодисментами, переходящими в овации. Звучат здравицы в честь КПСС, ее ленинского Политбюро и лично Леонида Ильича Брежнева». От этих надоевших, пошлых славословий сводило скулы. Впадающий в маразм старик игрался в медальки, собирая всевозможные советские награды, а также вассальную дань в виде высших орденов и медалей «братских» стран социализма. Весь его тяжеловесный, памятникообразный облик с чудовищными кустами бровей, глядевший на нас со страниц газет и экранов телевизоров, с развешанных повсюду плакатов и портретов, вся подлая атмосфера угодничества и лизоблюдства создавали ощущение наглухо закрытого саркофага, в котором мы замурованы на вечные времена.

Весна была запоздалой и невзрачной. На календаре неподвижно стоял серый, дождливый март — один из двух худших месяцев года. Особенно тяжелое впечатление он производил после ослепительной белизны заснеженных горных склонов. На работе было безрадостно. Личная жизнь тоже не ладилась. А еще занозой сидела в глубинах памяти и саднила болезненная мысль о той авантюре, на которую я так легко согласился. Временами мне казалось, что это вполне возможно, и я успокаивался, но иногда, как в ту ночь перед поездкой в горы, представлял себе всю эту авантюру в деталях, и мне становилось не по себе. Безумие, чистое безумие! Заговор умалишенных. Нет, нужно поговорить с ним, переубедить. В одну из мартовских суббот я встретил его на выходе из общежития:

– Привет! Как жизнь?

– Не в этом дело!

– Только не надо! Не надо делать вид.

– Да нет! Я так, просто.

– Ты как, вечером свободен? Есть интересная кассета. Самодеятельность студентов МГУ, записи с их весенних и осенних балов.

– Ладно, заходи часиков в восемь.

– Тем же вечером я зашел к нему с кассетой. Песни были замечательные: «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой…», «Приходит время — люди головы теряют, и это время называется весна…», «Что происходит на свете? — А просто зима…», «Альма-матер, альма-матер, прежних дней пиры…». Ему тоже понравились записи, и он сразу начал подбирать аккомпанемент: «О, сладкий миг, когда старик…». Но мне нужно было разобраться с болезненной темой:

– Ладно, разучишь в свободное время. Поговорить надо.

– Опять серьезный разговор? Но если насчет личной жизни,

это без меня.

– Да нет, есть тема поважнее…

– Тоже понятно. Передумал, что ли?

– Да не в этом дело! Я же вижу, что это невозможно.

– Так ещё товарищ Сталин разрешил делать нэвазможнае.

– Нет, погоди! Дело же не только в этих манипуляциях с парашютами. Как вообще ты все это себе представляешь? В составе группы, с инструктором?

– Не проблема. Все это решаемо.

– Но там же все так строго расписано…

– Можешь не сомневаться. Я это беру на себя.

– И как конкретно это будет?

– Не торопи события. Ты занимаешься в клубе? Ну и занимайся. Когда у вас первый прыжок? В мае? Ну вот, сначала нужно пройти все эти дела. А когда будет несколько прыжков, когда освоишься, тогда и обсудим детали. К тому моменту ты уже будешь другим человеком. И разговор будет другой. Еще серьезные вопросы есть?

– Да как сказать? Я тут недавно встретил Н. Рубинова. И он меня снова удивил…

– Очередным шедевром? Над чем он сейчас работает? Над повестью «Мужала молодость в дозорах»?

О всеобщей кривизне, геометрии Вселенной, кротовых норах, далеких цивилизациях, анатомии тау-китайцев, освоении Венеры и последнем жителе Земли

– Нет, над романом «Высокое напряжение», из жизни энергетиков. Но дело не в этом. Разговор зашел на бытовые темы, и я ему на что-то пожаловался. А он мне заявляет: «Не ищи прямых путей в этой жизни, чувак!». Я ему: «Кривые лучше, что ли?». И тут он мне целую лекцию прочитал: «Ну, ты даешь! Да это еще Эйнштейн доказал! Что? То, что все мы живем в кривом пространстве. Даже свет идет не по прямой. А ты что, не слышал? Чему вас там учат, в институтах? Есть такой закон всеобщей кривизны, действует в космическом масштабе. Да это еще древние знали! Экклезиаст сказал, что кривое не может сделаться прямым. А я и сам раньше думал: «Черт знает, что такое! Куда ни плюнь, везде что-то не так. Все криво, все косо». А оно, вишь, оказывается, так и должно быть. В природе так устроено. Не зря мне дед говорил: «Колька, не ломись дурниной в открытую дверь. Прямая дорога не самая короткая». И Маркс писал, что нет широкой столбовой дороги. Так оно и есть: кто прет по прямой, тот пролетает мимо кассы. А касса, она всегда за углом. И там уже очередь из умных людей. Прямая линия она вроде простая, да все время на что-то натыкается. Потому что кривое с кривым сочетается, а прямое с кривым никогда! Понял суть? Так что не ищи прямых путей в этой жизни. А ищи правильных».

– Мудро, однако! Тут и возразить нечего.

– Но у Эйнштейна, вроде бы, такого закона нет. У него что-то насчет искривления пространства в гравитационном поле…

– Конечно, нет. Закон всеобщей кривизны в его каноническом виде сформулировал именно Н. Рубинов. А теория Эйнштейна является лишь его частным случаем. И нобелевскому комитету придется с этим считаться. А мы можем гордиться тем, что присутствовали при этом историческом событии.

– Но какой многогранный талант! Просто титан Возрождения, наш Леонардо…

– Как видишь, собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов еще может российская земля рождать. Нам с тобой вообще повезло. Не каждый может вот так, запросто, общаться с

великим человеком. На кухне, в умывальнике, в туалете…

– В туалете и в бане все люди одинаковы.

– Не скажи! Гений и на толчке остается гением. Того же Архимеда осенило во время гигиенической процедуры. А какие арии звучат в душевых кабинах! А сколько полезных знаний почерпнуто в интимных местах…

– Я слышал, что философы отличаются особой усидчивостью. Ну, и прозаики, естественно.

– А поэтические озарения? Представляешь вспышку вдохновения непосредственно в самом процессе? И ее последствия. И руку, попеременно тянущуюся то к перу, то к бумаге…

– Так вот где теряются черновики шедевров!

– Туда им и дорога. Если судить по уровню стихов. Понятно, чем они навеяны, в какой атмосфере создавались…

– Ну, ты и охальник!

– Однако, эта тема еще ждет вдумчивого исследователя. Поле для изысканий богатейшее. А какие темы для диссертаций! «О влиянии запоров на современный литературный процесс», «Краткая история туалетных озарений», «Основные приемы научно-сортирного творчества»…

– Ладно, хватит ржать. Я тут недавно задумался над твоей четырехмерной моделью Вселенной. И появились у меня сомнения…

– Не смог представить себе четвертое измерение?

– Да я себе даже квадратный трехчлен представить не могу!

– Василий Иваныч тоже не мог. А какой был герой!

– Хорошо, что ему не рассказали про Мёбиуса. Точно бы всех порубал в капусту.

– А может, применил бы против беляков. Чтобы незаметно окружить. Вообрази картину: свернув полевую карту лентой Мёбиуса, Василий Иванович и Петька прокладывают маршрут наступления на белых…

– И все время выходят в тыл своим войскам!

– Измена! Мёбиуса к стенке!

– Вот и в твоей модели Вселенной есть похожий изъян.

– Ну-ка, ну-ка!

– Лента Мёбиуса к нашей Вселенной не подходит.

– Это почему же?

– Она несимметрична. Вдоль ленты действительно можно совершить кругосветное путешествие. А поперек? Уткнешься в границу. А ты ведь говорил о безграничности модели.

– Лента должна замыкаться в объемную фигуру.

– Мне это не удалось. И вообще, зачем он нужен, этот

Мёбиус? Сфера ничуть не хуже.

– Идея недостаточно безумна, чтобы быть верной. К тому же сфера делит пространство на два изолированных фрагмента. И если Вселенная внутри, то что снаружи?

– Потусторонний мир.

– А на кой он нужон, как говорит Н. Рубинов. Это как-то несимметрично, несуразно, некрасиво…

– Некрасиво – значит, неправильно?

– Конечно!

– А красота – критерий истины?

– Однозначно.

– А что такое вообще красота?

– Высшая форма необходимости. Что естественно, то и красиво.

– То есть, весь окружающий мир?

– Весь. Целиком.

– И гнилые болота, и безжизненные пустыни, и мрачные дебри?

– Да, все это по-своему красиво. Как все сущее.

– И всякие человеческие уродства?

– Однажды к священнику обратился ужасного вида горбун: «Святой отец, в проповедях вы говорите, что все созданное Богом прекрасно. А что вы скажете обо мне?». Священник ответил: «Как горбун, ты само совершенство».

– Это спорно. Но допустим, что все сущее – красиво. Но верно ли обратное?

– Разумеется. И это подтверждает история науки.

– В науке было много красивых заблуждений. По некоторым проблемам ученые выдвигали блестящие гипотезы, а истина оказывалась совсем невзрачной…

– Но прекрасной в своей истинности. К счастью, мы с тобой не ученые и никому ничего доказывать не должны.

– И поэтому можем нести любой бред?

– Абсолютно! Имеем полное право. Какой с нас спрос?

– С дурачков? Сомнительная честь.

– Наоборот! Мы с тобой – вольные мыслители. Как натурфилософы античности. Можем гулять в тени фиговых деревьев, рассуждая на отвлеченные темы. Над нами ничто не довлеет, ничего не капает. Полет нашей мысли ничем не ограничен. Мы не боимся никаких авторитетов и можем высказывать любые, самые смелые идеи. Мы совершенно свободные и счастливые люди!

– Ну вот, мимоходом и счастьем обзавелись…

– Об этом зыбком предмете поговорим отдельно, а пока

вернемся к нашим баранам. Ни одну из моделей устройства Вселенной в ближайшее время проверить невозможно, поэтому предлагаю выбрать самую красивую. То есть, мою. Модель Мёбиус-Вселенной проста, изящна, непротиворечива и самодостаточна.

– Тогда обеспечь ее геометрическую замкнутость. Мне кажется, это невозможно.

– А ты пробовал?

– Даже клеил эти дурацкие колечки. Хорошо, что меня никто не видел. С обычным кольцом все просто: если потянуть его за противоположные края и собрать их с каждой стороны в общую точку, то получится шар…

– Или что-то кособокое. Вроде дыни.

– Неважно. Главное, что замкнутое. По нему можно гулять. А с кольцом Мёбиуса этот номер не проходит. Поверхность односторонняя, значит, и ребро у нее одно. Как его замкнуть само в себя, чтобы получить объемную фигуру?

– Никак. Так оно и должно быть. В рамках нашего трехмерного мира ни представить, ни построить такой объект невозможно. И это аргумент в пользу самой модели.

– И как быть?

– Ты забыл о рэкомэндациях товарища Сталина. Здесь как раз и нужно делать нэвазможнае. Нужно создавать новую математику. Главной ее аксиомой должно быть существование замкнутой поверхности, построенной на принципе Мёбиуса.

– Но это же абсурд!

– То же самое сказал бы товарищ Евклид товарищу Лобачевскому про его математику, постулирующую пересечение параллельных прямых.

– Ну, это без меня!

– Разумеется. Построение четырехмерной топологии нам с тобой не по силам. А прогрессивное человечество пусть задумается…

– Над своим поведением? Пора бы. Вместо того чтобы исполнять твои поручения, оно занимается всякой ерундой.

– Ничего, я не в обиде.

– Вот ты сказал, если вылететь в космос в любом направлении, то через очень большое время вернешься назад с противоположной стороны?

– Да, модель дает такую возможность. Но если ты заблудишься в глубинах космоса, это твои проблемы.

– А если буду лететь точно по прямой, вернусь назад?

– А ты не сможешь лететь по прямой. В любом случае будешь лететь по кривой, не замечая этого. Вспомни плоских

человечков…

– А если мысленно разрезать Вселенную плоскостью, проходящей через точку старта, и двигаться по линии пересечения?

– Неплохая навигационная идея. Но плоскость тоже должна быть четырехмерной. Кроме того, сама точка старта может смещаться. Поэтому, чтобы удержаться на траектории, нужно будет постоянно видеть цель. Но это возможно лишь теоретически…

– Возможно? Смотреть в глубины космоса и видеть точку старта? То есть, самого себя?

– Ну да. Лучи должны изгибаться и возвращаться назад. Исходя из замкнутости самой модели.

– А куда нужно смотреть?

– Неважно. Излучение идет во всех направлениях, значит, и вернется отовсюду.

– Космос как зеркало?

– Вроде того. Правда, будешь видеть себя со спины.

– Уникальный эффект! Женщинам понравится.

– Но это, конечно, абстракция. Хотя бы потому, что скорость света ограничена, а возраст Солнечной системы, по оценкам, около пяти миллиардов лет. И, поскольку размер Вселенной намного больше этой величины, свет Солнца еще находится в пути. Кстати, если астрономы ничего не видят в какой-то точке космоса, это не значит, что там ничего нет. Возможно, излучение реально существующего объекта еще не дошло до нас. И наоборот.

– И все равно красиво! Значит, восемь телескопов и все небо в попугаях?

– Ты о чем?

– Есть такой анекдот. Поймали людоеды американца, француза и русского. И пообещали отпустить того, кто из допотопного мушкета попадет в попугая на высокой пальме. Американец хлебнул для храбрости виски, прицелился, выстрелил. И не попал. И пошел на обед. В качестве блюда. Француз, смакуя, выпил рюмку коньяка, прицелился, выстрелил — и не попал. И пошел на ужин.

– В качестве блюда?

– Разумеется. Русский выпил стакан водки, прицелился. И не выстрелил. Покачал головой и попросил еще стакан. Выпил, прицелился. И снова не выстрелил. Попросил третий стакан. Выпил, крякнул, прицелился. И попал! На изумленные вопросы туземцев он, с трудом ворочая языком, ответил: «Ноу проблем! Восемь стволов и все небо в попугаях. Промахнуться

невозможно».

– В этом смысле, конечно, мимо Вселенной не промахнешься. Куда-нибудь да попадешь.

– Это теория. А что реально заставит лучи изгибаться?

– Материальность Вселенной. Проходя мимо массивных объектов, излучение отклоняется в их гравитационных полях. Вспомни А. Эйнштейна и Н. Рубинова.

– Но это же происходит случайным образом, хаотично.

– Ничего подобного. Существует общий центр масс, который задает интегральный градиент отклонения. Суммарная масса материи Вселенной единообразно искривляет пространство и тем самым замыкает его…

– В тот самый округлый четырехчлен Мёбиуса?

– Допер? Молодец! Верным путем идете, товарищ! Приятно видеть, как мои идеи овладевают трудящимися массами.

– От скромности ты точно не умрешь.

– Вскрытие покажет.

– Значит, материя формирует геометрию Вселенной? А можно ли это проверить?

– Запросто! Если удастся обнаружить и измерить искривление лучей между двумя достаточно удаленными объектами, и если в нескольких замерах будет выявлена закономерность.

– Записываем очередное задание прогрессивному человечеству?

– Скрипя сердцем. Кроме того, по величине изгиба луча можно будет оценить размеры Вселенной. А по силе изгиба — ее массу. А по направлениям изгибов нескольких лучей — местоположение центра масс, то есть, центра Вселенной.

– Подозреваю, что такие расчеты уже проводились.

– Вычеркивай задание.

– Ты заметил сильный порыв ветра? Это прогрессивное человечество вздохнуло с облегчением.

– Я рад за него.

– А я все думаю над нелегкой судьбой этих двумерных человечков, которые ползут по ленте Мёбиуса. Ведь им, чтобы вернуться в исходную точку, нужно сделать два оборота?

– Конечно. Это же односторонняя поверхность.

– Значит, совершив первый оборот, эти «плоскатики» будут проползать по обратной стороне ленты под точкой своего старта?

– Да. Под точкой выполза. Если не собьются с курса. И это будет самая удаленная точка их мира. То есть, их край света. И при этом они будут находиться бесконечно близко от своей родины. Потому что сама поверхность имеет нулевую толщину.

– Отлично! Тогда зачем для этого ползти всю первую половину пути? Почему эти бедолаги не догадываются проткнуть ленту, чтобы сразу оказаться на обратной стороне?

– Потому что их плоскому уму это недоступно. Как и нашему трехмерному в четырехмерном мире. Кстати, такие проходы в пространстве называются кротовыми норами.

– А если им подсказать? Со стороны-то виднее.

– Если бы мы могли им подсказать, то и сами бы умели пролезать через эти кротовые норы. Правда, неизвестно куда.

– Почему неизвестно? За стенку. К соседям. Тоже интересно посмотреть. Что за люди? Как живут?

– А вдруг там какая-нибудь пьянь? И сходу даст нам в морду. Не говоря худого слова.

– Значит, будем знать и не шуметь тут.

– А можно вообще оказаться в совершенно пустом пространстве. Среди какой-нибудь межзвездной пыли. На кой она нужна? Своей хватает.

– Ну, осмотримся там по сторонам. Вдруг что-нибудь летает поблизости. Какие-нибудь планеты с полезными ископаемыми…

– А если эти космические хулиганы сами полезут к нам через эту нору? А может, уже и прилезли…

– Летающие тарелки, что ли?

– Если НЛО реальны, это явно гости с той стороны Вселенной.

– А почему они прячутся? Почему не идут на контакт?

– Не имеют права. Галактическими законами запрещено. Разрешено только наблюдать за нами. Изучать быт и повадки туземцев.

– Ну, хоть бы чему-нибудь научили. Термоядерному синтезу, например.

– Ты что?! Это все равно, что раздать папуасам гранаты.

– Но если они к нам пролезли, значит, эти кротовые норы существуют? И мы тоже можем их найти?

– Возможно, они где-то рядом. Нужно только как-то иначе посмотреть на окружающий мир. Свежим, незашоренным взглядом. А еще лучше вооруженным. Нужно изобрести специальные очки, чтобы видеть четвертое измерение. Тогда увидим и проходы в нем.

– Только не поручай это задание прогрессивному человечеству! Оно его добьет.

– К сожалению, идея чисто гипотетическая. Такая же безнадежная, как и межзвездные полеты.

– Жаль. С детства мечтаю. А вдруг где-то и вправду есть разумная жизнь? Взглянуть бы хоть одним глазком…

– И что ты надеешься там увидеть?

– Цветущую планету! Огромный, прекрасный мир! Там может быть невероятная цветовая гамма: фиолетовая растительность, изумрудное небо, а моря переливаются пурпурными оттенками…

– Художники-фантасты это уже давно нарисовали. Даже пейзажи с двумя солнцами и тремя лунами. И песня про это есть: оранжевое небо, оранжевое море, оранжевая зелень, оранжевый верблюд…

– А в лесах и лугах, среди экзотических растений, бродят невиданные животные. В пышных зарослях порхают сверкающие бабочки, поют сказочной красоты птицы. А в свежем воздухе разносятся ароматы чудесных цветов…

– А могут быть совсем другие ароматы. Например, устойчивый запах тухлых яиц, весьма приятный местному населению…

– Отстань! Не пачкай мечту своими грязными лапами. На моей планете все будет в самом лучшем виде. И население там удивительное: с большими золотистыми глазами, серебряными волосами и кожей всех оттенков синего — от нежно голубого до густого ультрамарина. Они живут в больших, красивых городах, на берегах рубиновых морей. Невиданных форм здания спускаются к заливу, поверхность которого бороздят роскошные яхты, а в теплых розовых волнах плещутся счастливые жители. По набережной проносятся автомобили самого фантастического вида, а в парках гуляют влюбленные пары в сверкающих одеждах…

– И все поголовно в белых штанах! Добро пожаловать в Рио-де-Жанейро! Привет от Остапа Бендера.

– Тебе бы все опошлить.

– А вдруг это будут монстры, с клыками, рогами и копытами?

– Господь с тобой! Такие страсти, на ночь глядя…

– А если они будут похожи на черепах? Или на кенгуру? Лететь куда-то миллионы лет, чтобы встретиться с мыслящими сумчатыми? Зачем? За это время можно и своих обучить. Письму и устному счету. Если уж зайца можно научить играть на барабане…

– Конечно, стоит! Там ведь может быть что-то совершенно необычное. Помнишь разумный океан? У Лема, в «Солярисе». А у кого-то из фантастов сама планета была мыслящим существом…

– Ерунда это все, пустые фантазии. У природы не так уж и много вариантов для разумной жизни. Я думаю, инопланетные цивилизации будут во многом похожи на нашу. Это не будут мыслящие грибы. У нас с ними будет больше общего, чем различий.

– С какой стати?

– Да по законам физики! Сами свойства материи, из которой мы состоим, сделают нас похожими.

– Ну, тогда действительно есть, кого опасаться…

– Это другой вопрос. Речь идет о внешнем сходстве. Они должны быть динамичными и деятельными, поэтому у них будет схожая с нами анатомия…

– А если там будет большая гравитация, и они смогут только ползать?

– Тогда это будет цивилизация пресмыкающихся. В любом случае они будут иметь какие-то органы для передвижения. И что-то вроде рук — для разумной деятельности.

– А если плавники? Или щупальца? Если вся их планета будет покрыта водой? Значит, будет цивилизация осьминогов?

– Вода это вообще особая тема. И весьма болезненная. Вся биологическая жизнь на Земле базируется на водной основе. Да и сам человек на восемьдесят процентов состоит из воды.

– Это, смотря какой человек. Подозреваю, что Н. Рубинов на восемьдесят процентов состоит из портвейна.

– А на двадцать из водки.

– И еще на десять — из пива.

– А на шампанское ты ему хоть что-то оставил?

– На воду точно ничего не осталось.

– Поэтому мы очень уязвимы. Пятьдесят градусов выше или ниже нуля для нас уже критичны. С космической точки зрения это микроскопический интервал. Сама вероятность попадания планеты на такую орбиту вокруг звезды ничтожно мала…

– Поэтому мы и одиноки во Вселенной?

– Есть мнение, что жизнь может возникнуть и на основе какой-то другой жидкости. Какого-нибудь сжиженного газа…

– Ну, с такими тау-китайцами мы вряд ли договоримся!

– Это точно. Высоцкий прав. И все равно они будут схожи с нами. У них обязательно будет что-то вроде пищеварения, для получения жизненной энергии. И органы чувств. А зрение тоже будет построено на восприятии электромагнитного излучения…

– А может, у них будет эхолокация, как у летучих мышей? Или чувствительность к магнитному полю?

– Возможно. Но это детали. Есть более важные моменты. Они тоже будут смертными. Потому что это требуется для обновления и развития вида. И, конечно, их будет много. В любом случае, это не будет разумный океан или мыслящая плесень…

– А мыслящий муравейник?

– Возможно. Каковым и выглядит человечество из космоса.

– А органы размышления у них будут?

– Да, чуть не забыл! Конечно. У них, как и у нас, тоже будет какой-никакой мозг, объединенный с органами чувств. То есть, голова-два уха…

– А органы размножения? Тоже как у нас?

– Даже лучше!

– Это как же?

– Нарисовать тебе, что ли? Самому фантазии не хватает?

– Не стоит. Обойдемся без инопланетной порнографии.

– То-то же. А вот почкования, которого опасался Высоцкий, точно не будет. Потому что для развития необходимо смешивание наследственных признаков. И рожать они будут в муках. И детей учить и воспитывать, передавать им накопленные знания. И медицина у них, конечно, будет.

– И экономика, и промышленность?

– А куда без нее? И легкая, и тяжелая. И даже мясомолочная. И еще много чего, что нам и не снилось.

– И деньги?

– Все у них будет. Как в Греции.

– Значит, и религия, и культура?

– Само собой. Они будут жить по схожим законам коллективизма. Это будут социальные существа – с государственным устройством, уголовным кодексом и моралью…

– И даже с заповедями?

– А почему нет? Наши заповеди подойдут любой приличной цивилизации.

– И литература у них будет, и скульптура, и музыка?

– Естественно! Что, марсиане не люди?

– Интересно, что у них там сейчас в хит-парадах? Я бы послушал какую-нибудь марсианскую рок-группу…

– А если они пришлют симфонический оркестр?

– Не, на скрипках они не смогут. Куда им, членисторуким?

– А балет точно будет!

– Ну и хрен с ним! Перетерпим как-нибудь. А спорт?

– Однозначно! Марсианский футбол. И мы им сразу бросим межпланетный вызов.

– А в сборную Земли кого-нибудь из наших возьмут?

– Вряд ли. Вот раньше Яшина бы точно взяли.

– Да, сейчас уже некого. Но все равно будем болеть за своих. А еще на Марсе, наверное, гребля хорошо развита…

– Еще бы! Столько каналов…

– Интересно, блин! Все как у людей.

– О чем я тебе и толкую. А это значит, что при контакте у нас не будет проблемы непонимания, которой нас пугают фантасты.

– А ты можешь себе представить этот первый контакт?

– Я думаю, это будет грандиозное зрелище. Всепланетное шоу. На космодроме выстроятся первые лица всех стран, руководители ООН, международных организаций. Само собой, пионеры с цветами, красавицы в сарафанах и кокошниках с хлебом-солью. Почетный караул, флаги, военный оркестр…

– А что он будет играть?

– Да, это проблема. У Земли, оказывается, нет ни флага, ни гимна. И куда смотрит прогрессивное человечество?

– А ты бы что предложил?

– Ну, с флагом просто. Сине-зеленая планета на белом фоне, как у японцев. Нужно только поймать ракурс, чтобы были видны главные материки.

– А такой флаг уже есть. У ООН. Только на голубом фоне.

– Не подходит. Это флаг организации, а не планеты.

– А я предлагаю сделать фоном звездное небо. Причем, реальное, с планетами и созвездиями. Полярная звезда должна быть сверху, как и положено. В левом верхнем углу — Большая и Малая Медведица, в правом нижнем — созвездие Южного Креста, а по диагонали — Млечный путь…

– И Луну не забудь!

– Конечно. А еще по этому флагу смогут ориентироваться пилоты прибывающих инопланетных космолетов.

– Да, это будет удобно. Так, ладно, флаг принят. А гимн? Нужно что-то универсальное, международное…

– «Интернационал», что ли?

– Нет, он слишком политизирован. Это должно быть что-то из общепринятой классики. Ода «К радости» Бетховена уже занята. Может, «Аппасионату»?

– Нет, это «нечеловеческая» музыка. Я предлагаю «Осанну» Уэббера, из «Jesus Christ Superstar».

– Согласен. Достойная музыка. Ну что же, атрибутику мы продумали. А сценарий самой встречи?

– Да как обычно. Опустится летающая тарелка, подгонят трап, выйдут инопланетяне. Ну, наш сводный оркестр врежет гимн, пионеры повяжут космическим гостям галстуки, те отведают хлеб-соль, пройдут мимо почетного караула, познакомятся с высшим руководством Земли…

– А как они будут общаться? Переводчиков с марсианских языков еще нет.

– Да, это тоже упущение. Но у человечества есть опыт невербального общения…

– С папуасами? На пальцах?

– Ну да. Думаю, что для начала этого хватит. Чтобы выменивать золотые изделия за стеклянные бусы…

– Еще неизвестно, кто первым потянется к бусам. У них могут быть такие бусы, что закачаешься!

– Если судить по летающим тарелкам, они уже научились управлять гравитацией. Может, и нас научат?

– Фиг вам! Халява не прокатит. Каждая цивилизация должна сама пройти свой путь развития. А не списывать ответы у более успешных учеников. Именно в этом ее предназначение и смысл существования. И, в частности, нашего тоже…

– Нашего? Ничего себе побочный вывод!

– Да ты не волнуйся. «Я потом, что непонятно, объясню».

– Легко сказать: не волнуйся. Да я всю ночь спать не буду! И тебе не дам.

– Успокойся, все это пустые фантазии. Людям, как материальным созданиям, полеты к другим звездам недоступны.

– А может, хотя бы наше сознание сможет туда долететь?

– Мысленно слетать на Альфу Центавра? Это можно. Кстати, мы с тобой только что там побывали. Но тебе попалась планета с зеленым небом и синими мулатками, а мне с оранжевым верблюдом и тухлыми яйцами.

– А если отправить автоматическую станцию, с телекамерой?

– И она будет лететь до обитаемых миров миллионы лет. А потом приземлится где-нибудь в глухих джунглях, и будет там снимать жизнь местных насекомых…

– А что? Это круто! В мире животных Тау Кита. Программа побьет все рейтинги популярности.

– Если на Земле еще останутся зрители.

– Значит, передачу будет смотреть кто-то другой. Например, тараканы, выжившие после ядерной войны. К тому моменту они создадут свою цивилизацию, и эти передачи им будут очень интересны. А в благодарность они поставят нам памятник. Посмертно. Но в полный рост.

– Тараканий?

– Да, в полный тараканий рост.

– Большое человеческое спасибо!

– А помнишь, ты говорил о постепенном остывании звезд? Ведь это случится и с Солнцем? И Земля тоже вымерзнет, как Марс?

– На этот счет есть разные гипотезы, в том числе и о взрыве нашего светила. В любом случае до этого еще очень далеко. По расчетам астрономов, солнечной энергии хватит на несколько миллиардов лет…

– Мало ли что! Время летит незаметно. Нужно подготовиться заранее, подобрать и обустроить какую-нибудь приличную планету. Чтобы потом без лишней спешки перебраться на нее.

Забрав документы и ценные вещи. Кому же позаботиться о прогрессивном человечестве, как не нам с тобой?

– Да уж! Долги нужно возвращать.

– А может, такое уже было? Может быть, и к нам кто-то уже переселился, а мы их прямые потомки? Те же марсиане, когда у них похолодало.

– Есть и такая гипотеза. Но на Земле пока никакого марсианского имущества не обнаружено. И самое главное: мы совершенно не похожи на марсиан, этих зеленых, пучеглазых уродов с хвостами…

– Это довод серьезный. А как насчет Венеры? Не пора ли осваивать целинные венерианские земли?

– «Там нет атмосферы, там душно», как заметил Высоцкий. И слишком жарко — сотни градусов. И давление огромное. А еще кислорода и воды нет, вот в чем беда. Биологическая жизнь невозможна.

– Неужели все так безнадежно?

– Если бы не парниковый эффект, там было бы около семидесяти градусов, А в районах полюсов еще прохладнее. Кстати, похожая картина могла быть и на Земле. Так что самые первые следы жизни нужно искать в Арктике и Антарктиде. Если, конечно, земная ось не меняла положения…

– А нельзя ли как-то избавиться от этого парника на Венере?

– А хрен его знает!

– Короче говоря, нужно готовиться. А как только похолодает, завезти на Венеру какую-нибудь живность. Микробов и бактерий каких-нибудь, живучих. Чтобы плодилась и размножалась. А для начала растения — чтобы начали вырабатывать кислород…

– И про грибы не забудь. Кстати, технология сотворения нового мира неплохо описана в Ветхом завете. Может пригодиться на первых порах, в качестве инструкции…

– Точно! По методике Ноя завезем туда на космическом ковчеге всякой твари по паре. И будем наблюдать за их развитием. Заодно проверим теорию Дарвина…

– А если она подтвердится? Если появятся разумные существа?

– У венерианцев не будет шансов. Мы заселим планету раньше. Человек вполне мог жить миллионы лет назад, в эпоху динозавров. Природные условия позволяли…

– А динозавры?

– А мы их и спрашивать не будем. Приручим, чтобы сторожили дом и ловили мышей. И пахать на них можно будет. А наши ковбои будут лихо скакать на бронтозаврах по венерианским прериям…

– Подозреваю, что построить тракторные заводы будет проще.

– Ладно, на месте разберемся. Так или иначе, прогрессивному человечеству придется заниматься обустройством Венеры.

– Ухаживать за посадками, поливать, окучивать? Далековато, однако. По выходным не наездишься…

– А это идея! Отдать Венеру дачникам. На полное разграбление. Они ее вмиг обживут. Распашут под картошку и капусту. Кроликов разведут. И парниковый эффект используют – для помидоров и огурцов. Завалят свежими овощами всю Солнечную систему…

– Это точно. Думаю, наши авантюристы рванут туда, не дожидаясь тепличных условий.

– И начнется эпоха космической романтики. Высадятся первые десанты добровольцев, появятся палаточные городки, развернутся ударные комсомольские стройки…

– И поднимутся на необъятных венерианских просторах голубые города. А потом начнется великое переселение народов. Колонизация Венеры.

– Это сколько же космических кораблей понадобится?

– А исход будет длиться столетиями. Улетать будет активная молодежь. А старики будут доживать век на остывающей Земле…

– Печальная участь…

– А другого выхода не будет. Земля будет остывать и умирать. Незаметно начнется последний в ее истории ледниковый период. Солнце будет греть все слабее, а климат все холоднее. Замерзнут реки и моря, а ледники медленно, но неизбежно покроют большую часть суши. Погибнут леса, а вместе с ними животные и птицы. Планета станет пустой, холодной и безжизненной. Там, где раньше бурлила жизнь, воцарится запустение. И однажды наступит холодное лето три миллиарда пятьдесят третьего года…

– Погоди! В этом месте должен начинаться сюжет. Итак, звучит команда «Мотор!», и перед объективом камеры возникает безжизненный, покинутый людьми город. Безлюдные улицы, дома с выбитыми окнами, ободранными обоями, облупившимися рамами и пустыми, захламленными комнатами, в которых гуляет холодный ветер. Слабое, негреющее солнце опускается за горизонт и растворяется в багровом закате, предвещающем морозную ночь. Тяжелая тьма незаметно выползает из щелей и обломков полуразрушенного города и накрывает его своим истрепанным черным плащом, сквозь дыры которого проглядывают огромные немигающие глаза звезд. Леденящее чувство одиночества только усиливается однообразными тоскливыми звуками – то ли ветер воет в остовах пустых зданий, то ли одичавшие собаки оплакивают свою несчастную судьбу.

Унылый, безрадостный пейзаж медленно разворачивается перед камерой, ничем не радуя глаз зрителя…

– И вдруг в мрачных развалинах мелькает отблеск огня!

– Что это? Неужели здесь еще теплится какая-то жизнь?

– Сейчас мы это узнаем. Камера направляется к слабому отсвету, обходя коробки давно заброшенных домов, завалы осыпавшихся кирпичей и ржавеющие трубы. И наконец, выводит нас к полуподвалу с единственным целым окошком, в мутной глубине которого колеблется слабый огонек…

– И что это? Жалкое жилище последних обитателей Земли?

– Да, это так. В захламленной комнате, у самодельного камина сидит пожилой человек, закутавшись в ветхую одежду. Он протягивает озябшие руки к теплу огня, потом неспешно поправляет догорающие дрова. У его ног свернулся клубком старый пес. Старик разговаривает с ним, словно с самим собой: «Закат был багровым, Джим, а это к холодам». Пес поднимает голову и вопросительно смотрит на хозяина. «Да-да, это правда. Поверь старому Гарри». Чувствуется, что он привык и к себе обращаться по имени. «Хотя, куда уж холоднее? А ведь еще не закончилось лето. Что же будет дальше? Переживем ли мы с тобой эту зиму?». Пес грустно отводит взгляд и снова опускает голову на лапы. Его хозяин открывает банку консервов и ставит разогреваться на порожек камина, рядом с закипающим чайником. Потом достает коробку с сухарями и початую бутылку виски. Скоро нехитрый ужин готов. Старик размачивает сухари в кипятке и наливает себе в кружку виски: «Ну что, старина Джим? Будь здоров!». Он делает несколько глотков и чувствует расходящуюся по телу теплую волну. Неспешно раскладывает консервы на размякшие сухари и один из них кладет перед псом: «Вот и твой ужин, дружище. Ничего другого у нас нет. На складе остались только консервы, сухари да виски». Старик механически жует привычную еду, не замечая ее вкуса, и задумчиво глядит на догорающие дрова…

– И что он видит в колеблющемся пламени?

– Он видит пламя костра на берегу реки в те далекие времена, когда он был молод и полон надежд. Он вспоминает студенческую вечеринку на природе, веселую компанию друзей и себя, молодого, здорового, сильного. И ее, самую лучшую девушку в мире, красавицу Дженни. И собранный им букет полевых цветов, в который она погрузила свое смеющееся лицо. И вспышку счастья от ее взгляда, сказавшего ему: «Да». Ах, Дженни, Дженни! Как далек тот незабываемый день. Какой короткой была их любовь. Как давно это было!

– Это было в те давние времена, когда Земля еще была

обитаема, когда люди были ее полновластными хозяевами. Когда они верили в будущее и надеялись на лучшее…

– Но с каждым годом Солнце остывало, и холодная смерть Земли уже ни у кого не вызывала сомнения. И тогда Всепланетное Правительство приняло неизбежное решение. Началась эпоха Великого Исхода…

– И снова отблески воспоминаний освещают лицо старика, глядящего в огонь…

– Который превращается в ревущее пламя тысяч ракетных двигателей, уносящих жителей умирающей Земли в космическую неизвестность, на далекую, горячую Венеру, новую колыбель человечества. Те, последние годы земной цивилизации, были необычно теплыми. Земля словно прощалась с людьми, отдавая им остатки своей материнской любви. Это ненадолго вернувшееся бабье лето в последний раз согрело души людей перед неумолимо наступающей вечной зимой. Гарри снова и снова вспоминает щемящую атмосферу тех лет — атмосферу безвозвратного прощания и тревожного ожидания новой, неизвестной жизни…

– А еще он вспоминает то, с чем никак не может смириться его уставшее сердце. Он видит страшную вспышку, скрывшую в бешеных клубах ревущего пламени ракету, на которой улетала его Дженни. Дженни, обещавшая встретить его на далекой Венере и не выполнившая своего обещания. Дженни, которую так и не выпустила из своих объятий родная планета…

– Да, у него были причины остаться на Земле.

– А еще мы видим на его лице отсветы пламени вечного огня у памятника Погибшим космонавтам. Каждый год в один и тот же летний день приходит сюда пожилой человек с букетиком полевых цветов. Он кладет пучок стебельков на холодный мрамор памятной плиты с именами землян, погибших в ходе Великого Переселения, и нежно гладит знакомые до боли буквы имени своей любимой…

– И с каждым годом все меньше цветов у этого памятника…

– Потому что один за другим уходят в небытие те немногие из землян, кто остался на умирающей планете. А этим летом его букет уже был единственным. Гарри понимает, что скоро и его черед…

– И снова мы видим его жилище, слабо освещаемое углями потухающего очага. Последний житель Земли неспешно устраивается на старом диване напротив остывающего камина, гладит по голове улегшегося рядом верного Джима и закрывает глаза. Суждено ли ему проснуться? Неизвестно. Но он засыпает в надежде увидеть во сне свою молодость и свою вечно юную

Дженни…

– И ту прекрасную Землю, которая умерла навсегда.

Время шло, но мир вокруг меня застыл в какой-то мутной неопределенности. Сам он не порвал с Мариной окончательно, но их отношения явно зашли в тупик. Я тоже не встречался с Марией. Вся дружба нашей компании, которая так согревала мою душу, вдруг рассыпалась, словно пирамида из домино. Я мучительно пытался понять, почему. Кто виноват? Кто выдернул главную костяшку? Он со своей этой секретаршей? Да, с этого все началось. Но неужели все держалось только на нем? А мои встречи с Мариной? А его встречи с Марией? Или причина лежит глубже? Может, наш дружески-любовный четырёхугольник был ущербным изначально? Я вспоминал наши с ним теоретические беседы на темы любви и поражался, как далеки они от реалий жизни.

Было понятно, что мне не по силам решить наши общие проблемы, но можно было попытаться решить свои. И я возобновил свои воскресные походы в библиотеку, в надежде на встречу с Мариной. При этом у меня даже не было конкретного повода для разговора. Снова влезать в их отношения? Это было немыслимо. Я решил отдаться на волю случая. Когда Марина увидела меня в читальном зале, ее лицо исказилось, словно от вспышки зубной боли. И я тоже почувствовал эту самую душевную зубную боль. Холодно кивнув, она села в дальний угол зала. Было ясно, что она мне не рада и не желает общения. Я даже хотел было уйти, но сдержался. Это мог быть последний шанс. Бывают случаи, когда судьбу нужно испытывать до конца. Похоже, и Марина взяла себя в руки, потому что, когда я вышел вслед за ней из зала, на ее лице уже не было недовольства. После нашей последней встречи прошло около месяца, но казалось, что это было очень давно. Она сильно изменилась, стала какой-то незнакомой. Ее зеленые глаза уже не искрились безмятежностью, в них была какая-то глубокая сосредоточенность. Заговорила она со мной спокойно, но как с малознакомым человеком. Подавив обиду, я попытался вернуть атмосферу прежнего, доверительного общения. Мы снова шли через парк нашей первой встречи, и я пытался развлечь ее рассказом о прошедшей поездке в горы. Но в этот раз она не проявила интереса к ней, лишь молча кивала. А когда я стал живописать его исполнительский успех в среде туристов из разных городов страны, можно сказать, на всесоюзном уровне, решительно прервала меня, предложив больше не упоминать его имени. Жесткость ее слов однозначно говорила о серьезном разрыве. Я даже растерялся, не находя темы для разговора. Она тоже замолчала. Казалось, ее мысли заняты

решением какой-то важной проблемы, которую она напряженно обдумывает. Дойдя до остановки, она коротко простилась и вошла в подошедший троллейбус.

В следующее воскресенье я снова пришел в библиотеку. Марина была там. Похоже, она была готова к этой встрече и настроена на серьёзный разговор. Судя по всему, она тоже пыталась разобраться в своих чувствах и в запутанном клубке наших отношений, потому что заговорила первой:

Я вижу, ты проявляешь настойчивость. Может быть, кому-то это и польстило, но я не могу сказать тебе такого комплимента…

– Ну, что ты!

– Но ты же видишь, что это общение не доставляет мне удовольствия…

– Да, вижу. И понимаю, что вызываю у тебя не самые лучшие воспоминания. И меня это огорчает…

– Кроме того, насколько мне известно, у тебя и с Марией есть какие-то отношения. Как тебе удается это совмещать?

– Плохо удается. Но мы с Марией уже давно не встречаемся. А разве она тебе не говорила? Мне казалось, что девушки делятся новостями с близкими подругами. Тем более что у вас такая давняя дружба.

– Дружба? А что это такое? Ты не задумывался над этим? Оказывается, от самой близкой дружбы до предательства — один шаг…

– Ты имеешь в виду ее встречи с Сергеем? Ну, что ты! Извини, это вообще абсурд. Я тебя не понимаю. Он же просто поговорил с ней. Чтобы помочь нам…

– Вам? Не знаю. По-моему, дело не в тебе. И даже не во мне, хотя он явно хотел меня этим задеть. Неужели ты ничего не понял? Он же проводит эксперимент над всеми нами. Как над подопытными кроликами.

– Какой эксперимент, о чем ты?!

– Значит, не видишь. Не хватает аналитики.

– Да при чем здесь это? Я и мысли такой не допускаю.

– И зря. Самое обидное, что каждый из кроликов повел себя вполне предсказуемо. Особенно эта глупая крольчиха…

– Марина!

– Поверила, бросилась ему на шею…

– Но ведь там ничего не было!

– Тебе-то откуда это знать?

– Я ему верю.

– А я теперь уже никому не верю.

– Нет! Этого не может быть. Наверное, ты слишком обиделась на него.

– Ты тоже считаешь, что гений и злодейство несовместны? А я вот усомнилась…

– Марина, ты все видишь в черном цвете…

– А меня удивляет твоя наивность. Дело же не в том, было там что-то или не было. Неужели ты не видишь, что она тебе изменила? И твой друг тебе изменил…

– Мне?

– Ну, мне! Если тебе нужно уточнение. Но тебя-то он предал…

– Но почему? Встретились они пару раз, по старой дружбе…

– А что ты знаешь об их прежних отношениях? Ничего. Она же и ко мне приклеилась, чтобы быть рядом с ним. Как ты думаешь: кто был инициатором всех этих общих встреч, кто доставал билеты? Она, конечно. И от тебя я слышу ее знакомые напевы насчет общей дружбы. Наверное, и тебе все уши о нем прожужжала…

– Да нет, это я ей о нем все время рассказывал…

– Понятно. Вот это ей и было интересно. А сама все ждала момента, караулила…

– А мне казалось, что вы так дружны…

– Мне тоже так казалось. Но теперь я это вижу совсем иначе.

– А я не могу в это поверить.

– Ты вообще редкий идеалист. Все представляешь в розовом свете. А она с тобой гуляла просто так, для развлечения…

– Не может быть! Но ладно, оставим, сейчас не об этом речь. А в мои чувства ты веришь?

– Конечно, нет. И ты тоже ничем не лучше. Разве ты сам не обманывал Марию, встречаясь со мной?

– Не знаю, как и сказать…

– Вот видишь!

– Погоди! Но в себя ты хотя бы веришь? В свои чувства?

– Верила и верю. Да, любила. И не стыжусь в этом признаться. Я чиста и перед ним, и перед людьми, и перед Богом. Но все это уже в прошлом. Она была взволнована, ее щеки пылали, грудь вздымалась. И снова меня пронзило то самое чувство жалости и нежности, острое желание обнять ее, трепетную, беззащитную в своем признании, прижать к груди, утешить, защитить. Целовать ее наполненные слезами глаза, гладить непокорные волосы, зарыться в них! Это было импульсивное, безгрешное чувство, и помыслы мои были искренни и чисты. Но нет, нельзя, нельзя! Я пытался держать себя в руках, но срывающийся голос выдавал меня с головой:

– Марина, поверь, я хочу тебе помочь! Да, да, я все понимаю. Ты гордая и сильная личность, и не нуждаешься в чьей-то

жалости. Но я хочу, чтобы ты знала, что есть человек, которому больно вместе с тобой, который желает тебе счастья. Потому что ты достойна счастья, достойна любви, достойна всего самого лучшего! Я знаю, что есть немало людей, которые ценят и любят тебя, твои родители и близкие, но я тоже осмеливаюсь в этом признаться…

– Спасибо. Я вижу, что это искренне. А как же Мария?

– Я же говорил, что уже не встречаюсь с ней. Да и ей, наверное, эти встречи теперь не нужны. Значит, не судьба. Не сбылось, не свершилось, не сошлось…

– Из-за него?

– Не знаю. Может быть. Но нет, это что-то другое. Говорят, это вершится на небесах. Я не верю в высшие силы, но все равно что-то есть такое, независящее от нас. Этим невозможно управлять. Не уверен, что можно влюбиться по собственному желанию, но разлюбить точно нельзя…

– Ты так думаешь? Да, пожалуй, в этом ты прав…

– Не знаю. Я говорю, и сам во всем сомневаюсь. В этой сфере логика не спасает. Поэтому нужно говорить правду. И я скажу. Все дело в тебе. Ты во всем виновата…

– Я?! Чем я виновата?

– Да, виновата. Тем, что ты такая, как есть, своей красотой. Неземной, волшебной, убийственной…

– Ах, вот ты в каком смысле!

– Теперь уже можно признаться: это было с первой встречи, с первого взгляда. Помнишь ту первую встречу, в сентябре, в этом парке?

– Да, помню, у памятника. Вы оба были такие смешные, Нарядные кавалеры, и «Шипром» от вас несло за версту…

– А я тогда от вас просто обалдел. Не могу забыть, как вы шли по парку в лучах солнца. Как богини. Такой ты и оказалась…

– Как давно это было!

– Да. Полгода назад.

– А кажется, что прошла вечность. И даже как будто было в другой жизни. И мы были совсем другими. Как все изменилось! И совсем не в лучшую сторону…

– А ты меня в тот вечер просто убила, наповал. Фигурой, лицом, волосами, всем своим летящим обликом. Как ты была хороша! Я тогда потерял дар речи…

– Да, пришлось вас развлекать, с этой тихоней…

– Не надо! Я виноват перед ней. Я ведь фактически обманывал ее. Ну, не обманывал, конечно. Наверное, на что-то надеялся, на какие-то чувства. Но не возникло ничего, нет. Да, она хороша, красива, и душой чиста. Нежнейшая душа!

– Ты думаешь?

– Да, уверен. И культурна, и начитана, и умна. И мне очень интересно разговаривать с ней. Да чего там, ты сама ее знаешь. Но все это ничего не значит, вот в чем дело! И за все время наших встреч ничего не шевельнулось в моей душе. Ничего! Даже будь она в тысячу раз лучше и прекраснее. Потому что душа моя уже занята, потому что в ней уже нет места никому. С той самой первой встречи. Я тогда даже не мог взглянуть на тебя прямым взглядом, как невозможно смотреть на солнце. Да, да, это правда! Это было именно так. А твоя улыбка! Волшебная, неземная. Я до сих пор не понимаю, как люди вокруг могут смотреть на тебя спокойно…

– Мне, конечно, приятно все это слышать, но…

– Нет, погоди, не возражай! Я должен договорить, раз уж решился. Потому что никогда раньше у меня такого не было. Да, я был знаком с девушками, и были влюбленности — и школьные, и в институте, и здесь. Но сейчас понимаю, что на самом деле ничего не было — все забыто, пропало, исчезло. Только ты в моем сердце…

– Погоди, погоди! Все это как-то сумбурно, неожиданно. Я надеялась, что этот разговор поможет разобраться в наших запутанных отношениях, а теперь все еще больше перемешалось…

– Но ты же не могла не замечать этого. Я, конечно, понимаю, что ты привыкла к мужскому вниманию. И все же…

– И все же ничего не прояснилось. Значит, придется разбираться самой. Спасибо тебе за сочувствие, за искренность, за теплые слова. Я по-настоящему тронута, но мне нужно серьезно подумать.

– Но ты еще будешь приходить в библиотеку?

– Не знаю.

Ну вот, фактически признался. И что? Ничего. Никакого ответа, никакого волнения, только замешательство. Не ожидала, значит, и не ждала, не желала. Конечно, не рассмеялась и не посоветовала найти хорошую девушку и полюбить ее всей душой. Не захотела обидеть? Так это как раз и обидно. Да, ничего не прояснилось. И самый главный вопрос: почему всем стало так плохо? Похоже, в этом нашем кособоком четырехугольнике каждый по-своему прав и неправ. Значит, виноваты мы все? И чем же? Тем, что хотели лучшего для себя? И что в этом плохого? Неужели желание счастья может принести несчастье другому человеку? Значит, может. Если мешает его счастью. Да, неоптимистичный вывод. А в чем хочет разобраться сама Марина? В своих чувствах, конечно. Значит, они еще остались, значит, еще не забыла, и готова простить. И это после того, как он повторно

нанес ей душевную рану. И очень болезненную — вон как отозвалась о Марии. Ну, там уже полный разрыв. А ведь Марии, бедняжке, хуже всех — раскрылась, и все потеряла. Вряд ли она нужна ему. И мне, надо признаться, тоже. Я ведь совершенно не ревную ее — значит, равнодушен. А ведь так оно и было с самого начала, только подтвердилось. Но считал, что это моя личная проблема. Ну, и ее, Марии, тоже. Несчастные мы с ней люди — никому не нужны, даже друг другу. Но ведь играли в эту взрослую игру. А ведь могли и заиграться. На всю оставшуюся жизнь. Страшное дело, если вдуматься. Могли? Да, могли. Потому что однажды нужно принимать такое решение. А чем ты лучше других? А она? И почему так устроена эта жизнь — одним все, а другим ничего? Но ведь и Марине, самой честной из нас, тоже не повезло. Она-то чем виновата? Значит, он виноват? Да, он. Тем, что не любит по-настоящему. Кого же любить, если не ее? Или столько всего перепробовал, что уже не способен на искренние чувства? Значит, просто развлекается, и Марина права насчет эксперимента? Нет, не верится, не в его это характере. А что я знаю о его характере? Да, он не давал повода усомниться в его порядочности. Пока. Пока не было серьезного повода. Легко быть благородным, если это ничего не стоит. И не в доброте дело. Плевать ему на все это, со своей башни. А чего ради с Марией встречался? Чтобы наши с ней отношения устроить? Смешно! Или назло Марине? Но зачем ему это? Да, просто так! Порезвился, всех проверил, самолюбие свое потешил. Да, это возможно. Ну, и что теперь делать? Выяснять отношения? Это его рассмешит. Да и зачем? Чего добиваться? Чтобы он признался? Ну, признается. Да он в чем угодно признается! Да еще и позабавится. Нет, это глупо. Есть, конечно, важный вопрос — его планы в отношении Марины. Но разве можно это обсуждать? Нет, нужно проявить твердость. Такую же спокойную и насмешливую твердость, как и он. Как будто ничего не было и нет. Договорились не вмешивать баб — ладно, не будем. Но они-то есть! Вон как Марина переживает. Да и Мария, наверное, тоже. И не без причины. Значит, все-таки дело в нем. Да, это так, несомненно. В той самой его установке на полную свободу от привязанностей. Но нет, с Мариной этот номер не пройдет! Она не станет его очередной игрушкой. Неверна эта его теория, неверна. Настоящая любовь несовместима с личной свободой. И нам приходится признавать свою зависимость от любимого человека, отдаваться ему полностью, без остатка. А может, наша внутренняя готовность сдаться в этот сладкий плен, пожертвовав столь ценимой нами свободой, и есть главный знак истинной любви?

Ну что же, если взглянуть трезво, все не так уж и запутано. С

Марией, кажется, все определилось. И со мной тоже все ясно. Конечно, Марина все еще в сомнениях. Это огорчает, но оставляет надежду. А как он себя поведет, сам черт не знает. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Жизнь шла своим чередом, в будничных делах и заботах. Но стояла на горизонте тучка. Посверкивало, погромыхивало вдали.

Марина просила пока ей не звонить, и не приходила в библиотеку. В выходные дни я подолгу валялся на койке с книгой или радиоприемником в руках, машинально покручивая колесико настройки каналов. За окном то моросило, то прояснялось. По небу неслись клочковатые тучи. Сквозь их прорехи изредка прорывались всполохи еще робкого, испуганного своей смелостью солнца. Из приемника лился проникновенный голос Джо Дассена, певшего о вечной и столь же мимолетной любви: «Если бы не было тебя». О, если бы не было тебя, насколько беднее и хуже был бы этот мир! Ты освещаешь его даже тем, что просто живешь в нем, ходишь, занимаешься какими-то делами, с кем-то разговариваешь — с кем-то другим, счастливым, на месте которого должен быть я. Потому что никто в этом мире не хочет этого так, как я. Ты лучше всех! Я хочу быть с тобой весь день, с утра и до вечера. В самый ранний час, когда ты просыпаешься, нежная, сонная, хочу коснуться губами твоей бархатистой щеки, розового ушка, нежной шеи. Хочу задохнуться в аромате твоих спутанных волос, хочу прижаться к твоему текущему, мягкому после сна, вожделенному телу, ласкать его, гладить — нет, это невыносимо! Любоваться тобой весь день — тайком, сбоку, со спины, когда ты этого не замечаешь, видеть каждое твое движение, встречать твой взгляд, когда ты с улыбкой оборачиваешься ко мне — о, если бы это было так! Я мечтаю о тихом вечере, о неспешном счастливом ужине при свечах, с цветами — моими любимыми пионами, с их свежим, влажным ароматом, которые, конечно же, полюбишь и ты. И будет вот так же звучать негромкая музыка, и мы будем танцевать в полумраке, и я буду бережно и нежно обнимать твой гибкий стан, ощущать волнующие изгибы твоего желанного тела, осторожно трогать поцелуем твои полуоткрытые губы и вдыхать божественный аромат твоего дыхания. О, если бы это сбылось! Но вот песня закончилась, и я снова вижу свою пустую комнату. И снова моим уделом стали грусть и одиночество. Вот и прошел еще один день без тебя, моя радость. Холод сковал мою душу, сжал мое сердце ледяными пальцами и подбирается к последнему, что еще живет в нем — к маленькому огоньку надежды. Не дай ему погаснуть, моя милосердная. Проходит час за часом и день за днем, а я все жду и надеюсь — как ждал вчера, позавчера и еще много дней назад,

когда я жил, двигался, с кем-то разговаривал, что-то делал, не понимая пустоты окружающего мира. Снова и снова я думаю о тебе, моя ненаглядная. Прошу тебя об одном: не гони меня из своей жизни. Я обещаю, что не буду навязываться тебе, не буду досаждать своими чувствами – а ведь я хочу этого, хочу забрать тебя в сладостный плен любви, в котором мы оба, я верю в это, обретем истинное счастье. Но стоит тебе сказать слово, и я уйду навсегда. Но нет, не говори его! Я хочу хотя бы изредка встречаться с тобой, дружить, или хотя бы видеть тебя, моя ненаглядная. Верь мне, верь! Я стану для тебя самым лучшим, верным, самым любящим, я буду достоин тебя, твоей любви. Я докажу это – дай мне только шанс! И тогда мы пойдем по этой жизни вместе, молодые, красивые и счастливые. Я верю в это, и ты верь мне, любимая, так это и будет!

В начале апреля небо прояснилось, и весна, наконец, вступила в свои права. В полдень пригревало уже ощутимо, ожила и потянулась к солнцу трава и какие-то мелкие желтые цветы. Асфальт подсох, и после зимней слякоти странно-незнакомой казалась первая пыль, взлетавшая в порывах прохладного ветра. А он, молодой, волнующий, наполнял грудь свежестью вдруг открывшихся неведомых просторов. Почки на деревьях еще только набухали, все вокруг было по-сиротски серым и невзрачным, и природа, словно выздоравливающий после долгой болезни человек, казалась бледной и немощной. Но это была весна!

Май был солнечным, горячим, бурным. Природа словно возвращала людям свои весенние долги, недоданное ранее тепло. В те летящие майские дни и состоялось то свидание, счастливое, незабываемое. А поводом к нему стало выступление в центральном концертном зале города какого-то популярного ансамбля. Я без особой надежды предложил Марине сходить на концерт, но она неожиданно легко согласилась, и мою душу окатила волна радости. С самого утра той майской субботы я находился в лихорадочном нетерпении. Наверное, никогда и ни к чему я не готовился так тщательно. Аккуратно выбрившись, выгладив серые брюки, надев новую голубую рубашку, темно-синий пиджак и сиреневый галстук в белый горошек, я был, как мне казалось, неотразим. В жизни каждого человека есть период максимального расцвета, высшая точка здоровья, силы, красоты. Такой взлет бывает и в творчестве поэтов, художников, ученых, и в карьерах артистов и музыкантов, и в достижениях спортсменов. Возможно, не каждый может назвать этот момент определенно, но для меня вершиной молодости был тот майский день.

Я ждал ее на ступенях концертного зала, среди таких же

нарядных молодых людей с букетами весенних цветов. Она пришла буквально перед самым началом, и мы успели перекинуться лишь парой слов. Она была в легком светлом платье и белых туфлях-лодочках. Ее бронзовые волосы были уложены какими-то замысловатыми прядями, а нежную шею украшала ниточка малахитовых бус, и такой же браслет охватывал запястье. Она выглядела спокойной, уверенной в своей красоте женщиной, еще более недоступной, чем прежде, и я снова оробел перед ее зрелой красотой. Я не очень хорошо помню сам концерт, потому что мое внимание было сосредоточено лишь на ней. Я смотрел на сцену, но краем глаза невольно видел профиль Марины, чувствовал каждое ее движение, даже ее легкое дыхание. Моя окостеневшая рука опиралась на подлокотник, иногда прикасаясь к ее нежному локтю, и это вводило меня в ступор. Ну, разве можно быть таким остолопом в этом возрасте? Оказывается, можно.

После концерта неспешно шли по вечернему городу. За эти два часа над городом пролетела короткая гроза, обильно полив улицы, дома, деревья долгожданной влагой. Солнце уже опускалось за горизонт и сквозь разрывы уходящих грозовых туч с удовольствием оглядывало омытый дождем мир, посверкивало на влажных гранях предметов, делая все вокруг пронзительно контрастным. Земля пахла непередаваемой свежестью, цветущие каштаны заполняли воздух густым, дурманящим ароматом, а с их листьев и омытых дождем соцветий падали на наши головы и плечи тяжелые, душистые капли. Вечер был до невозможности хорош, просто сказочен. В лучах заходящего солнца Марина была невероятно хороша. Пожалуй, ни до, ни после я не видел ее такой красивой. Переливы закатных лучей на ее лице и нежной коже открытых рук, вспышки золота в пронизанных солнцем волосах, которыми она встряхивала, оборачиваясь ко мне, изумрудная зелень глаз и вся ее легкая, стройная фигура просто завораживали меня. Было трудно оторвать от нее взгляд. Я пытался развлечь ее, говорил что-то банальное о прошедшем концерте, о любимой музыке, с воодушевлением нес какую-то романтическую чепуху, которая сама собой лилась из моей души. Любовь окрыляет, и воображение увлекло меня в какие-то неведомые дали. Остапа, как говорится, понесло. Обыгрывая ее морское имя, вдохновенно плел что-то несуразное насчет сильной личности, сравнивал со знаменитыми атаманшами и предводительницами пиратов. Представлял ее в тельняшке, бриджах и высоких сапогах, с черным платком и коралловыми бусами на шее, с золотыми серьгами в ушах, с огненной гривой развевающихся на морском ветру волос, с горящим взглядом и

сверкающей саблей в поднятой руке, ведущей за собой на абордаж своих головорезов. Она слушала молча, изредка улыбалась, искоса поглядывая на меня, и в ее взгляде я заметил интерес и какой-то скрытый вопрос. А моя душа пела и взлетала в чудесное звездное небо, и этот знобящий восторг любви и самозабвенного отчаяния делал меня невесомым. Расставаясь, она первой подала мне руку и слегка пожала мою. Я был взволнован, окрылен, как говорится, на седьмом небе от счастья. Да, признаюсь, в тот момент я был счастлив.

Семидесятые, золотые семидесятые! Словно залитый солнцем, усеянный цветами луг всплывают они из глубин моей памяти. Разгоралось прекрасное южное лето. Периодически налетали короткие теплые дожди, поливали жаждущую влаги землю, буйную зелень садов, полей, виноградников, гремели веселые грозы, словно кто-то добродушно хохотал в глубоких небесах. Листва деревьев весело блестела, цветы благоухали, трава сверкала бриллиантами дождевых капель.

О литературе, одиноких баранах, сладости мести, силе Булгакова и слабости Пилата, исторической правде, бесовщине, неровностях текста и утренних котах

В те годы много читали. Художественная литература отвлекала советских людей от серости и скудости жизни, заменяла саму жизнь. Можно сказать, что мы не столько жили, сколько читали о жизни. Зато, с каким интересом интеллигенция следила за новинками литературы! Как увлеченно их обсуждала! Не знать того, что было у всех на слуху, казалось постыдным. Но только не ему. Он откровенно посмеивался над литературной модой. Вообще говоря, мне импонировала оригинальность его суждений, но только не в этом случае. Однажды я не выдержал:

– Ну, и чем ты гордишься? Своей дремучестью?

– Тем, что не бреду в стаде баранов.

– А чем лучше баран, бредущий позади стада?

– Хороший вопрос. Но если стадо гонят на бойню, можно и не спешить. На коллективное мероприятие…

– От судьбы все равно не уйдешь. А на миру и смерть красна.

– За компанию веселее? Не знаю, не знаю. Каждый умирает в одиночку. Каждый баран висит за свою ногу. Ну, ладно, просвети меня, темного. Кто там у вас сейчас в моде? Маркес, что ли?

– «Сто лет одиночества». Слышал хотя бы?

– Ничего особенного. Бессвязное собрание бытовых историй.

– А сами сюжеты? А стиль, а яркость красок?

– Ну, и что?

– Как что? Сильное впечатление, прежде всего!

– Впечатление пройдет, а что останется? Что в сухом остатке? Что вообще может дать человеку беллетристика?

– Много чего. Житейский опыт, нравственные уроки…

– Ну, и какой опыт, к примеру, дает «Анна Каренина»? Как правильно вести себя в роли обманутого мужа? Или то, что женщина, поддавшись страсти, может потерять и честь, и ребенка, и саму жизнь? И что тут особенного? Ради этого нужно было городить многостраничный роман?

– По-твоему, передать информацию о событии и создать художественное произведение — одно и то же? А развитие сюжета? А правдивость характеров? А мастерство отображения

образов?

– Это задача описателя, а не писателя. Причем чисто техническая. Велика ли заслуга пересказать какой-то сюжет? Услышанный случайно или происшедший с тобой лично. Для этого достаточно простой грамотности…

– Ничего себе! Да ты ничего не шаришь в этом! Ты думаешь, написать что-то интересное это просто? Да хотя бы заставить читателя открыть книгу! А тем более удержать его внимание. С первых же страниц он должен быть на крючке: а что там дальше? Как оно повернется? Чем закончится любовная история, столкновение характеров, идейный спор? Кто победит: мушкетеры или гвардейцы кардинала? Кого выберет героиня: любящего мужа или красавца-искусителя? Кто убил старушку и зачем?

– А почему это интересно? Инстинктивная тяга к чужому житейскому опыту. Вот и все.

– Допустим. И чем это плохо?

– Беда в том, что в беллетристике крупицы смысла настолько редки, что их добыча совершенно неэффективна.

– А что нужно читать? Философию? Аристотеля, Фейербаха, Гегеля?

– Конечно! А что же еще?

– Извини, это все равно, что питаться таблетками.

– Кто не хочет принимать лекарства от глупости, никогда от нее не излечится.

– По-твоему, Толстой и Достоевский тоже чтиво?

– Эти, конечно, покруче других, но и они разводили лекарства мудрости в сиропе художественности. Писали толстые романы, чтобы вдолбить в безмозглые головы пару прописных истин.

– Ну, ты и наглец!

– Я физик, а не лирик. И мне плевать на бронзы многопудье. Я не боюсь священных коров. И если понадобится, всех их разложу. В ряд Фурье.

– Ну, просто нет слов! Одни буквы. И те матерные.

– Успокойся. Дети и животные не пострадают. Разберемся со всеми и по существу. Раздадим всем сестрам по сусалам. И пусть не обижаются. Раньше надо было думать, когда рука тянулась к перу.

– Ты у нас прямо неистовый Виссарион. Срыватель всех и всяческих масок.

– Лучше быть неистовым Виссарионом, чем истовым Виссарионовичем.

– Твое счастье, что нас не слышат критики и школьные

учителя. За литературное хулиганство тебя бы давно сожгли. На заднем дворе Министерства культуры. Под аплодисменты собравшихся.

– Если в качестве топлива используют беллетристику, я согласен. Взойду на костер ради прогресса человечества.

– А ты знаешь, что хороший роман это научный эксперимент?

– Это с какого перепугу?

– Талантливый писатель не просто высказывает какую-то мораль, а проверяет ее истинность логикой событий и характеров персонажей. Если герои живые, они сами начинают управлять сюжетом, и своим поведением подтверждают или опровергают идею автора. Не помню точно, кто из писателей признавался, что сам не ожидал таких поступков от своих героев. Поэтому некоторым из них кажется, что в эти моменты их рукой ведет некто свыше…

– Никакой мистики в этом нет. А есть житейский опыт писателя и правда жизни, живущая в его подсознании. Именно они подспудно направляют ход его мыслей. А если этот интуитивный механизм не работает, получается фальшь и графоманство.

– Вот видишь! Автор должен не только описать события, но и передать внутренний мир героев. Почему они поступили так, а не иначе? Оказывается, студент не просто убил старушку за деньги, а сделал это ради светлого будущего человечества. А как он дошел до этой прогрессивной идеи? Разве это узнаешь из заметки в газете?

– Это тоже можно изложить на двух страницах.

– Э, нет! Ты, я вижу, погряз в своих Платонах и Спинозах. А нормальные люди воспринимают житейский опыт через эмоции. Чтобы женщина поверила автору, она должна прочувствовать состояние героини, как свое, личное. А для этого ее нужно укутать в живую ткань романа…

– Красиво сказано. Ладно, у Толстого есть хотя бы правда жизни. А что можно взять из этих сказок Маркеса?

– А сам ты какие книжки читаешь? И где их достаешь, в эпоху развитого дефицита?

– Ты что, хочешь меня оскорбить?

– Помилуйте, Иван Никифорович! Что же тут поносного?

– Во-первых, не достаю, а беру в библиотеке…

– Вот так, запросто? Подозреваю, что у тебя там свой человек. И даже представляю, как он выглядит.

– Выглядит неплохо. Однако, не воззавидуй ближнему своему. Во-вторых, я книжек вообще не читаю. Я читаю книги. А люди, которые читают книжки, не вызывают у меня ни капли

уважения.

– И почему?

– А за что уважать? Это все равно, что уважать человека за то, что он любит хорошо поесть. Чем духовная жвачка лучше? Беспорядочное чтение, как и беспорядочное питание, расстраивает не только желудок, но и мозги. А некоторые книги вообще приносят вред. Хотя бы тем, что отнимают время человеческой жизни. Лучше уж потратить его на что-то полезное. Выпиливание по дереву, например. Или разведение кроликов. Можно еще крестиком вышивать…

– Или выпивать на троих, в подворотне. Тоже альтернатива.

– А что такое чтение, по своей сути? Священнодействие? Нет. Всего лишь способ получения информации из некоего текста. Но информация может быть нужной и полезной, а может быть избыточной, и даже вредной.

– Драмы Шекспира — это информация?

– А что это? Описание человеческих отношений. Нужно ли это людям? Не помешает. Можно ли без обойтись без Шекспира? Запросто. Миллионы обходятся и при этом хорошо себя чувствуют.

– А может, поэтому мир и несовершенен? Не зря говорят, что все человечество делится на тех, кто прочитал и не прочитал «Братьев Карамазовых»…

– Не только. Мир делится на людей, прочитавших и непрочитавших «Илиаду», «Дон Кихота», «Войну и мир» и так далее. А для начала стоит поделить его на тех, кто прочитал и не прочитал Библию. А еще на читавших и нечитавших «Капитал». Или «Квантовую механику». Или теорию относительности…

– Стоп-стоп! Это конкретные области знаний.

– Так это же самое важное! Именно это необходимо людям для жизни. Каждый день, повсеместно. В основе движения троллейбуса лежит физика твердого тела, электродинамика, теоретическая механика. Сопромат необходим в строительстве, а химия — в производстве материалов. И медицина нужна, и агротехника, и ветеринария. Все это содержится в научной, технической, методической литературе. Вот что нужно людям в первую очередь! А не слезоточивые романы…

– А о душе ты подумал?

– А для этого достаточно нескольких вечных книг. Все остальное вторично. И вообще, есть книги, которые оглупляют человека, а есть те, что будят мысль. Вот они — самые ценные. Не поверишь, но в такой книге я не могу прочитать более пяти страниц в день…

– Засыпаешь?

– Наоборот!

– Ты имеешь в виду дифференциальное исчисление?

– Нет, этим меня не испугаешь. Книга как источник знаний это хорошо, но еще лучше книга как источник мыслей. Книга, которая заставляет думать, спорить с автором. И если такая попадается, это настоящий кайф, настоящий праздник ума.

– Значит, кроме философии, ничего другого читать не стоит?

– Не знаю, не пробовал.

– Гордишься узостью кругозором? Ты хоть «Мастера и Маргариту» читал?

– А як же!

– И тебя не затронуло?

– Затронуло.

– Его затронуло! Да это уникальный роман! Совершенно новаторский, ни на что не похожий. Я просто балдел, когда читал. Реализм и мистика, драма и комедия, живое настоящее и трагическое прошлое, бытовые детали и глубокая философия. И все это органично, в едином сюжете. Такого в литературе еще не было.

– Почему не было? Все это есть у Гоголя.

– А историческая тема? А вопросы нравственности — о самом главном? Всего и не перечислишь. А как написано! Какая фантазия, какое мастерство! Оторваться невозможно. Захватывает с первых же страниц. Какая сцена на Патриарших! Словно цветной фильм смотришь, героев видишь как живых. Да что фильм? Как будто сам присутствуешь там — в Москве тридцатых годов.

– Мастерство Булгакова неоспоримо. Первые страницы романа практически безупречны. А вот дальше…

– А дальше еще сильнее! Чего стоит этот неожиданный переход в прошлое! «В белом плаще с кровавым подбоем…». Не с красным, а именно с кровавым. Будто предвещая дальнейшие трагические события. А какие сцены в Иерусалиме! Читаешь, и переносишься на две тысячи лет назад, туда, во дворец Пилата, в этот ненавидимый прокуратором город…

– Да, талант писателя единственно возможная машина времени.

– А какие живые образы! Словно сам с ними разговариваешь.

– Особенно сатана. Живее всех живых.

– И это действительно так! Он у него реальнее, чем у иных романистов персонажи, списанные с жизни. А Бегемот, а Коровьев! И вся остальная свита…

– Да, компания веселая. Я бы сказал, жутко веселая. А кот вообще забавный получился. Мой любимый персонаж. Хотя и

безнравственный тип. Кстати, ты заметил, что в этом романе все проходимцы. Ни одного положительного героя…

– Как? А Христос?

– А канонический ли это образ? Там все очень спорно. Но я имею в виду не историческую, а современную линию романа. Образы современников у Булгакова все негативные.

– А Мастер? А Маргарита?

– Маргарита — настоящая ведьма, и сама в этом признается. Ради любви идет на сделку с дьяволом, даже душу готова ему продать. А Мастер — полный эгоист, самовлюбленный честолюбец. Тронулся умом от того, что его роман не напечатали. Слабая личность. Никакой пользы от него, кроме сомнительного романа. Хотя и не подлец, конечно.

– Но Маргарита принесла себя в жертву, ради любимого. Разве можно требовать от женщины большего? А Мастер, кроме романа, сделал еще одно доброе дело: помог поэту Бездомному стать приличным человеком…

– Но для этого Бездомному пришлось пройти через горнило сумасшедшего дома. По-моему, это одна из самых позитивных тем романа. Я бы всех поэтов направлял на излечение в такие заведения. Специализированные, при Союзе советских писателей. Чтобы их там, по рекомендации Швейка, заворачивали в мокрые простыни и ежедневно ставили клистиры — пока не перестанут писать плохие стихи. А качество стихов пусть проверяют санитары…

– Я — за!

– А ты заметил, что среди всех персонажей московских событий самый положительный герой — Воланд?

– Подумать только! Князь тьмы, воплощение зла.

– Булгаков призвал его для свершения правосудия, для мести. Я вообще считаю, что «Мастер и Маргарита» — роман о мести.

– И только? А может о том, что рукописи не горят? Или о трагической истории любви? Или о вечной борьбе между добром и злом? Роман полифоничен и многозначен, как сама жизнь. Именно поэтому он велик.

– И все же тема мести занимает в нем главное место. Начиная с жуткой сцены на Патриарших до кровавой расправы на бале у сатаны. Воланд и его компания исполняют заветные мечты писателя: наказывают подлецов и негодяев всех мастей. Похоже, Булгаков, понимая свое бессилие перед несправедливостью реального мира, отвел душу в вымышленном. С особым удовольствием поиздевался над наводящими ужас органами НКВД, насладился их воображаемым бессилием. И даже пошутил над зловещей фразой: «А это нас арестовывать идут». Мы и

представить себе не можем того страха, который испытывали его современники от этих слов. Когда ночью у дома останавливалась машина, и раздавались шаги на лестнице…

– Но как мастерски это сделано! С каким поразительным реализмом, деталями. С каким юмором! Помнишь: «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус»?

– Еще бы! «Единственное, что может спасти смертельно раненного кота, это глоток бензина»…

– И пошла перестрелка!

– Да, Бегемот разыграл красивую сцену. А Булгаков дал волю фантазии. Размечтался. Как подросток, обиженный дворовыми хулиганами. Он и Маргарите позволил насладиться местью обидчикам Мастера. Чисто по-женски – с битьем посуды и порчей мебели. Но в этом деле ему изменяет чувство меры. Заслужил ли директор варьете Римский такое страшное испытание, с этой Геллой?

– Но какой сильный эпизод! Просто мороз по коже…

– Ну да, в духе гоголевских страшилок. Но за что? А чем согрешил сосед Маргариты, которого превратили в кабана? Мужским интересом к ней?

– Да так, просто. Шутка гения.

– Не слишком удачная.

– Зато как красиво разделался с писательским гадюшником в доме Грибоедова, гори он ясным пламенем! А как потом эта сладкая парочка, Бегемот и Коровьев, издевается над валютным изобилием елисеевского гастронома! Просто шик и блеск!

– Что да, то да. Бестрепетной рукой выжигает прыщи порока на здоровом теле советского общества. Особенно досталось москвичкам, во время сеанса магии в варьете…

– Прекрасная сцена! Я бы не против ее посмотреть.

– А чем они виноваты перед писателем-обличителем? Женской тягой к подаркам и красивой жизни? А если бы в зале была жена самого писателя? Или его сестра? Устояли бы они перед соблазном?

– Ну, осмеял человеческую алчность…

– По-твоему, принять подарок это грех? Разве ты сам не доставал его из-под новогодней ёлки?

– Но если взрослые люди клюют на халяву, это совсем другое…

– Да он же сам их и совратил! А зачем обидел профессора Кузьмина, подослав ему паскудного воробья, который нагадил в чернильницу и разбил выпускную фотографию?

– А разве это не смешно?

– Не очень. И в то же время простил злодея Алоизия

Могарыча, погубившего Мастера своим доносом. А в эпилоге даже устроил ему карьеру. Где логика? А чем провинились сотрудники зрелищного филиала, которых под песню «Священный Байкал» отправили в сумасшедший дом?

– Все грешны. Невозможно прожить в этом мире, не согрешив.

– Ты еще первородный грех вспомни.

– А кто сказал, что злые силы должны поступать праведно? Они подчиняются логике своих характеров, а не воле автора.

– Ты хочешь сказать, что эти силы и вели рукой Булгакова?

– Господь с тобой! Но вопрос, конечно, остается: почему у него всех героев судит, наказывает и милует сатана, а не Всевышний?

– А вот это как раз понятно. Всевышний никого при жизни не наказывает. Негоже Высшему судие заниматься мирскими делами. Кстати, даже инквизиция сама никого не казнила. Она только выносила вердикт, а наказывали светские власти…

– А кто пытал грешников?

– Так ради святого дела — спасения души. Телесная судьба человека не имеет особого значения. Души нужно спасать. А сам Господь всех любит и всех прощает. Он же прямо с Голгофы забрал в царство небесное раскаявшегося убийцу — соседа Христа по кресту. Грешник — не тот, кто согрешил, а тот, кто не раскаялся. Главное — раскаяться. И ты в раю. Какое бы преступление ни совершил в земной жизни.

– Пусть первым бросит камень в педофила тот, кто без греха.

– Вот именно. А потом детоубийца раскается, и Бог его простит. Потому что всепрощающий он, Господь. Может, на том свете кого-то пожурит и поставит в угол? Не знаю.

– Выходит, при жизни можно творить, что угодно? А потом семь бед — один ответ? Это же оправдание всех смертных грехов! Значит, на Бога надежды нет?

– Надежда одна: на совесть человеческую. Это единственный инструмент добра и справедливости в душе человека.

– Далеко не все им пользуются. У многих он ржавеет на задворках души. А кое-кто вообще его выбрасывает. Как лишнюю тяжесть на дороге жизни…

– Нет, выбросить совесть невозможно. Совесть — неотделимая часть души. Как ни глуши ее голос — не получится. Самого себя не обманешь. Булгаков показывает это на примере душевных мучений Понтия Пилата, осознающего свою вину в смерти Христа…

– Вот это меня удивляет. Ведь он, обладая абсолютной властью, уступил чужой воле. Хотя и понимал, что казнят невинного. Почему?

– Потому что сила обстоятельств сильнее любого властелина. И во многих случаях их решение это выбор между большой и малой кровью. Я думаю, что реальный прокуратор не колебался, выбирая меньшее зло, и никогда об этом не жалел. Он же предотвращал религиозную смуту, которая могла привести к многочисленным жертвам. А разного рода пророков и лжепророков в истории еврейского народа было множество. И казнили их часто. А кто из них прав — какая Пилату разница?

– Но Булгаков об этом не пишет.

– Да он о многом не пишет! Как можно говорить о Христе и ничего не сказать о его учении? Ради которого Спаситель, собственно говоря, идет на мученическую смерть. Ведь это самое важное! Ни слова о сути противоречий с первосвященниками, о том самом храме новой, истинной веры…

– Вон ты как повернул! Значит, считаешь легенду о Христе реальностью? Браво! Все советское антирелигиозное воспитание коту под хвост. В данном случае Бегемоту.

– А что, собственно, религиозного в истории Христа?

– Как что? А само христианство? Это что, не религия?

– Религию можно сделать из чего угодно. Я имею в виду Христа как реального человека, жившего две тысячи лет назад. Даже то, что он признавал Всевышнего своим отцом, имело лишь духовный смысл. А прочее сверхъестественное в его судьбе не более чем фантазии апостолов…

– Тем более. Значит, и Булгакова нельзя обвинять в святотатстве. Он пишет о Христе с уважением и симпатией. А его первая встреча с Пилатом?

– Что да, то да. Сцена эффектная. А дальше что? Христос уходит на задний план. Тому же Левию Матвею Булгаков уделяет больше внимания. И даже Афранию, тайному помощнику Пилата, якобы убившему Иуду. Это как понимать?

– Потому что роман не о Христе, а именно о Понтии Пилате. А мог быть о Левии Матвее, например. Или о Марии Магдалине.

– Ничего себе! Иисус Христос — второстепенный персонаж? Малозначимый герой? Это круто! Вроде того, что Брежнев — мелкий политик эпохи Аллы Пугачевой.

– Ну, почему малозначимый?

– Да он о нем ничего не пишет! Даже в самые трагические моменты. Не упоминает о крестном пути Христа на Голгофу и легендах, с ним связанных. А ведь это последние часы земной жизни Спасителя! По тексту романа, его везут к месту казни в повозке. Но ведь есть общепризнанные факты этой трагической истории. Зачем их искажать? Что это дает роману? Ведь Булгаков не мог не знать евангельскую версию. Но описал иначе. Почему?

– Не знаю.

– Так же неканонически представлена судьба Иуды. Согласно апокрифам, после того как Иисус Христос был приговорён к распятию, Иуда раскаялся и возвратил 30 сребреников первосвященникам. Бросив деньги в Храме, Иуда пошёл и удавился. Зачем Булгаков выдумал всю эту легенду с его убийством, якобы организованным Пилатом?

– Чтобы и здесь показать торжество мести. Причем сделал это красиво: волею того, кто ранее отправил Христа на смерть.

– Но и это не все. Из текста романа следует, что тело Христа после казни забрал Левий Матвей. Но это тоже выдумка Булгакова. По свидетельствам, это сделал Иосиф – один из тайно сочувствовавших ему важных лиц Иудеи. Он лично просил об этом Пилата и получил разрешение. После чего они, вместе с Никодимом и помощницами, срочно, чтобы успеть до начала субботы, завернули тело в саван и погребли во временной гробнице. Из которой он и исчез. А Булгаков пишет, что всех троих казненных похоронила команда Афрания в общей яме в каком–то ущелье. Зачем?

– Это не научное исследование, а роман.

– Сомневаюсь, что он ценнее исторической правды. Это еще можно понять, когда автор домысливает нечто непроверяемое. Как, например, описание попытки Матвея убить Христа по пути на Голгофу, Чтобы избавить от мучений и позорной казни. А если речь идет о всеми признанных фактах?

– Поэтому Булгаков и представляет их в воспоминаниях Воланда. А с Воланда какой спрос? Кстати, Берлиоз тоже говорит о противоречиях с евангельскими рассказами – еще в самом начале романа, на Патриарших. Это амнистирует автора…

– Который весьма вольно трактовал величайшее событие в истории человечества.

– А мне интересно другое: почему Булгаков написал роман именно о Пилате? Что особенного в нем? Тебе не кажется, что он преувеличил роль этого римского чиновника?

– Так сложилась история. Он же помимо воли оказался в центре этой драмы. А Булгаков использовал его образ, чтобы раскрыть какие-то важные идеи. Ну, хотя бы тему раскаяния…

– А по–моему, важнее само противостояние Христа, Пилата и первосвященника Каифы. Точнее говоря, поражение всесильного прокуратора в каждом из этих противостояний…

– Потому что он был безыдеен, а его оппоненты вооружены своей верой. Пилат попал между молотом и наковальней старого и нового вероучения. Проиграл фанатикам. И оказалось, что вся его власть и все могущество Римской империи ничего не значат

перед силой идей. Перед истиной.

– И в чем же истина?

– Она у каждого своя. Иисус утверждал, что она в добре и человеколюбии. А Пилат видел истину в общественном порядке, который он насаждал силой. Потому что был обязан держать в узде этот проклятый город, в который по праздникам стекаются маги, астрологи, предсказатели и убийцы. Своя истина и у первосвященника Каифы, оберегавшего устои древней веры, а свой народ от смуты. И даже у Крысобоя – собачья преданность игемону. И каждый был по–своему прав.

– Значит, единой истины вообще нет?

– Мне вспоминается прекрасная иллюстрация на эту тему…

– Картина Ге?

– Нет, работа неизвестного художника середины двадцатого века. Друг напротив друга стоят два человека и что–то кричат, указывая рукой на нарисованную между ними цифру. Для одного из них это 6, для другого 9.

– Забавно.

– Кто из них прав? На чьей стороне истина?

– Но неужели нет бесспорного, с чем согласились бы все?

– Почему нет? Математические формулы, физические законы.

– Мы говорим о человеческих отношениях.

– Здесь однозначных критериев нет. И самые непримиримые споры возникают тогда, когда говорят об одном и том же, но с разных позиций.

– Да, это верно. Об этом даже притча есть – о слепых, ощупывающих слона. Один касается уха и говорит, что слон это тряпка. Другой упирается в бок – и для него это стена. Нога это столб, хвост – веревка…

– И только тот, кто дотянется до паховой области, догадается, что перед ним слон.

– Ты неисправимый пошляк.

– Как известно, самые большие глупости изрекаются с самым серьезным видом.

– Так значит, нет их, единых критериев? А те самые десять заповедей? Не убий, не укради…

– Миллиарды людей не знают этих заповедей. Или не хотят знать. И при этом прекрасно себя чувствуют.

– Не скажи! Нравственные законы есть у всех народов. Иначе бы люди давно перебили друг друга. Проблема в том, что не все из нас их соблюдают…

– Для этого есть методы убеждения (мораль и религия) и принуждения (закон и государство). Все это, кстати, действовало еще задолго до Пилата. А сам он как раз и был исполнителем

этих законов. И не смог их нарушить даже ради спасения Христа…

– Или испугался? Почему он постоянно во всеуслышание возносит хвалу императору?

– А это еще одна важная тема романа. Кто такой Пилат? Прокуратор оккупированной Иудеи, жестокий властитель, привыкший вершить судьбы людей. Он получил этот пост в награду за то, что верой и правдой служил империи. Булгаков неоднократно упоминает о его отчаянной храбрости в прошлых сражениях, когда он был воином…

– Почему же он, рисковавший жизнью в молодости, когда она особенно ценна, не делает этого на склоне лет, когда жизнь уже почти прожита?

– Потому что молодости свойственны порыв и безрассудство. Потому что смерть в бою, плечом к плечу с соратниками, против общего врага, естественна и почетна. А в мирное время все наоборот. Мирное время предназначено для жизни, а не для смерти.

– Но ведь он даже своей карьерой не хочет рисковать!

– А что ему ничтожная жизнь какого–то религиозного фанатика? Стоит ли она неприятностей по службе? Я думаю, это тема слабости человека перед властью. Особенно актуальная в те страшные годы, когда писался роман. Плохое было время: и доносы, и неправый суд, и страдания невиновных, и предательство насмерть перепуганных друзей. Фактически в образе Пилата представлена советская элита тех лет – старые революционеры, отважные герои гражданской войны. Несчастные люди! Им, чтобы выжить, приходилось публично восславлять вождя, безропотно сдавать палачам своих друзей и соратников. Булгаков, обвиняя Пилата, выносит приговор струсившей старой большевистской гвардии. Да и всей безбожной власти, убивающей души людей…

– Сам додумался?

– Сомневаешься? Кстати, по этой же причине Воланд и называет трусость самым тяжким пороком.

– А был ли сам Булгаков, по жизни, на уровне этих деклараций?

– Не знаю. Но он не был ни сумасшедшим, ни самоубийцей.

– И все же раскаявшийся Пилат пытается, хоть и запоздало, помочь Христу, облегчить его страдания. А потом отомстить предателю. Может быть, поэтому Булгаков дарит Пилату прощение?

– После двухтысячелетнего мучительного раскаяния?

– Да, сюжет возвышенный и трагический.

– И все же я не могу признать «Мастера» шедевром. Роман очень неровен. И содержательно, и стилистически. О нем нельзя сказать, что слова не выкинешь. Можно выкидывать и слова, и фразы, и целые куски…

– Чтобы так судить, нужно быть равным гению.

– Нет, имею право! Если позволено читать, значит позволено и судить. Даже кошка может смотреть на короля.

– Ну и что тебе не нравится? С точки зрения кошки.

– С точки зрения кошки главным героем романа должен быть Бегемот.

– А серьезно?

– Да с самого начала! Зачем нужна была в таких подробностях погоня Бездомного за незнакомцами после происшествия на Патриарших? Заходит в какие–то кухни, ванны…

– Чтобы показать иррациональность происходящего. И сюжетно подвести поэта к сумасшедшему дому.

– А нужна ли вставка о поэте–неудачнике Рюхине, сопровождавшем Бездомного в клинику? Совершенно случайный персонаж.

– Показано осознание бездарным литератором собственного ничтожества. Наверное, это было значимо для Булгакова…

– Но не для сюжета. И таких мест можно найти немало. Например, многостраничный сон председателя домкома Никанора Ивановича об изъятии валюты у жуликов. Эпизод сюжетно не оправдан. Его можно спокойно выбросить, и роман ничего не потеряет.

– Писатель–сатирик бичует пороки людей. Это естественно.

– А перед балом у сатаны Коровьев зачем–то рассказывает Маргарите историю о мошеннике, который обменивал квартиры, чтобы увеличить себе жилплощадь. К чему это мелкотемье в столь драматический момент?

– Чтобы развлечь ее.

– Нашел время решать квартирный вопрос! А зачем она в ночь перед балом летала на какую–то далекую речку с лягушками? Послушать их концерт? Искупаться? Что, у нее ванны не было? И что за урода с Енисея она там встретила? Зачем он нужен?

– Этот полет символизирует духовное освобождение героини.

– Да ладно тебе! Все это необязательно. А хуже всего, что вторично. Это же перепевы гоголевских кошмаров. Да и, в конце концов, зачем нужен сам бал?

– Ничего себе! Это один из самых сильных эпизодов романа. Булгаков придумал по–настоящему дьявольское испытание для

Маргариты. Для проверки силы любви женщины.

– Но зачем отводить этому шабашу столько места, зачем его так живописать? Зачем наслаждаться мракобесием, восхищаться всякой нечистью? По–моему, Булгаков заигрывается с чертовщиной.

– А каким должен быть праздник сатаны? Конечно, торжеством зла. Но обрати внимание: Булгаков не выдумывает страшилок, все гости бала – реальные исторические фигуры. Он просто показывает всю бездну человеческого порока…

– Всю бездну показать невозможно. Да и не нужно. Зачем акцентировать внимание на худшем, зачем утверждать неизбежность зла? Это неправильно, недопустимо.

– А он этого и не делает. Ведь все злодеи понесли наказание. Вспомни вечные страдания Фриды. Да и сам бал завершается уничтожением барона Майгеля – наушника и шпиона. Все та же сквозная тема мести…

– Ничего себе процедура! Море крови.

– Да, сцена жестокая. Мрачный гений Булгакова здесь просто торжествует.

– А само описание бала, излишне детализированное, многословное? Выглядит как черновик. Так и хочется его сократить, поправить. А фраза про «белых медведей, игравших на гармониках и пляшущих камаринского на эстраде» вообще кажется пародийной…

– Ну, это мелочи!

– Для великого романа – нет.

– А чего ты вообще наезжаешь на классика? Он же тебе ответить не может. Любой осел может лягнуть мертвого льва.

– Иные ослы и мертвого льва боятся. А высокие требования – признак уважения к таланту. С великого и спрос велик.

– Ну, не знаю. Я, например, читал взахлеб, и этих огрехов не заметил. А помнишь ужин у Воланда, после бала?

– Что да, то да! Бегемот там неподражаем. Кстати, большинство читателей восхищается именно смешными эпизодами романа. А вот со смыслами не все однозначно. И даже знаменитая фраза Воланда «никогда и ничего не просите» сомнительна.

– И что в ней плохого?

– Да это опровержение завета Христа! Он ведь говорил прямо противоположное: просите, и вам будет дано. Но и продолжение фразы ничем не лучше: «сами предложат и сами все дадут». Надеяться, что кто–то тебе все даст? Это унизительно. Если уж демонстрируешь гордость, так не жди подачек.

– Но такова жизнь. Все мы зависим от сильных мира сего…

– Ничего подобного! Уж пропитание каждый может добыть себе сам. Зачем утверждать психологию иждивенчества, ущербности…

– Зато историческая часть романа безупречна.

– К сожалению, нет. Тема мести Иуде надуманна и избыточна.

Выпирает, как флюс. Со всеми этими пилатовскими намеками, проницательным Афранием, мелкими деталями, повторами. Зачем он вообще был нужен, этот Афраний?

– Но с какой любовью выписан! Чуть ли не единственный положительный образ.

– Если это и любовь, то с элементами мазохизма. Есть у интеллигенции этакое извращенное восхищение всесильностью секретных служб. Зря он этим увлекся. Великое произведение не должно содержать ничего лишнего. «Верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность» должны его отличать, как писал Пушкин.

– Ну вот, из Пушкина – по Булгакову…

– А как тебе нравится, что Христос устами Левия Матвея просит Воланда позаботиться о Мастере и Маргарите? Выходит, силы добра и зла сотрудничают друг с другом? Поддерживают деловые отношения: ты мне – я тебе?

– Но Матвей ведет себя независимо, даже дерзит Воланду.

– И правильно делает! Жаль, что это единственное место в романе, где сатана получает хоть какой–то отпор. Но все равно Матвей приходит к властителю тьмы как проситель. Как это понимать? Разве, кроме сатаны, некому решить судьбу душ человеческих? А если бы дьявол отказался выполнить просьбу Христа?

– Ну, это досужие домыслы!

– Есть и недосужие. Почему, например, Мастер и Маргарита недостойны света?

– Но ты же сам говорил, что они неидеальны.

– Но среди паноптикума булгаковских персонажей они выглядят праведниками. Он – честный человек, талантливый писатель, она – любящая женщина, верная подруга и помощница. Они же никому не принесли зла. Кроме простительной мести подлым критикам. Если уж Мастер и Маргарита недостойны света, как же быть простым людям – всем нам, с нашими мелкими грешками? Кто же тогда достоин света?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Подозреваю, что силы добра управляют в раю весьма незначительным контингентом. А на нижних этажах, где и нам с тобой предстоит обретаться, наверняка все переполнено.

– Значит, будем в теплой компании – не хуже других. Зато Мастера и Маргариту Воланд устроил очень неплохо. Дай Бог каждому.

– Дай Бог? В этом случае нужно говорить: дай черт каждому!

– А я бы тоже выбрал для загробной жизни такой же славный домик, с венецианскими стеклами, увитый виноградом. Правда, непонятно, где он находится. Не в раю, не в аду, и не на земле. Похоже, Булгаков описал свою мечту. Изобрел какой–то уютный мир для вечного успокоения приличных, но не святых людей.

– Сам он, конечно, этого достоин. Но придется его и там побеспокоить. Помнишь, в самом конце романа снова всплывает тема мести, на этот раз Пилату. Но кто его наказал, кто обрек на тысячелетия одиночества и мучительных размышлений в мрачной пустыне? Неизвестно.

– А ты не догадываешься?

– Ну вот, появляется еще какой–то неявный персонаж. От этих недомолвок создается впечатление незавершенности романа, его главной темы. Даже столь напряженно начатый и оплаченный смертью спор Христа с Пилатом об истине, о добре и зле так и не получает своего разрешения.

– Ну как же? Пилату позволяют продолжить диалог с Христом.

– Кто позволяет? Воланд? И здесь главенствует сатана?

– Да это не важно!

– А что важно? Содержание их беседы? Согласен. Я бы тоже послушал, о чем беседуют Пилат с Христом, уходя по лунному лучу. Но почему Булгаков об этом ничего не сказал? Не знаешь? Да потому что нечего было сказать! Нечем было завершить столь многозначительно начатую тему.

– А это и не нужно. Дискуссии в финале неуместны. Автор позволяет читателю самостоятельно домыслить содержание их беседы.

– А чего там домысливать? О чем можно разговаривать с Пилатом? Выслушивать его оправдания, объяснения? Не стоит оно того.

– Тем более. Значит, финал логичен. Обе сюжетные линии романа сходятся, судьбы всех героев получают свое завершение…

– На этом бы и закончить. Но Булгаков зачем–то пишет абсолютно ненужный эпилог, который напоминает какие–то черновые наброски. И смазывает впечатление от романа – хоть не читай. Ты говоришь, что завершение философской дискуссии в финале неуместно. А мелочевка уместна? Зачем нужны протокольные пояснения о расследовании происшедших событий? О том, что какой–то пьяница привел в милицию

связанного галстуком кота? А что дают роману сведения о дальнейших судьбах малозначимых персонажей? И это после торжественного финала, после пафосной картины ухода героев в вечность?

– Но последние строки о профессоре Понырeве, бывшем поэте Бездомном, полностью замыкают сюжет…

– Да ничего они не замыкают! Только вопросы ставят. Каким образом полубезумный поэт за несколько лет смог стать профессором? Нет, что ни говори, «Мастер и Маргарита» хоть и великое, но несовершенное произведение. Или незавершенное.

– Похоже, что это действительно так. Я где–то читал, что Булгаков не успел закончить работу над романом. Известно даже точное время и место, на котором была прервана авторская правка. Это было за месяц до его смерти, на фразе Маргариты: «Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?».

– Ну, тогда понятно! Дальнейший текст романа действительно напоминает черновик. Жаль, очень жаль. А ведь мог получиться настоящий шедевр…

– А по–твоему, это не шедевр?

– Великий несовершенный шедевр.

– Как бы там ни было, величие Булгакова не подлежит сомнению. А «Мастер и Маргарита» – лучший роман века.

– А вот это неоднозначно.

– Да он разобран на цитаты! Помнишь: «У котов, шнырявших возле веранды, был утренний вид»? Ты умеешь определять время суток по внешнему виду дворовых котов?

– Я это определяю по своему внешнему виду. Фраза, конечно, красивая, но таких у Ильфа и Петрова – пруд пруди.

– А как вам нравятся порционные судачки а натюрель?

– Виртуозная штучка!

– А «вино какой страны вы предпочитаете в это время дня»?

– Нашей солнечной страны. В любое время дня и ночи.

– Наливай!

– Приноси. Налью.

Недовольство собой, как и прежде, не оставляло меня после таких разговоров. Я понимал, что неизменно уступаю его силовому давлению. Неужели ее не существует – абсолютной истины? Снова всплыла в памяти та карикатура с девяткой и шестеркой. Нет, не докажешь. Неужели, кто умнее, тот и прав? Или все же сила в правде?

Время летит. Уже и двадцать первый век, немыслимо далекий, невообразимо прекрасный, как нам тогда казалось, перевалил во второе десятилетие. Постепенно уходят из жизни кумиры нашей молодости. Вот и вчера пришла печальная

новость: умер Демис Руссос, сладкоголосый Демис, один из музыкальных символов семидесятых. Неповторимый тембр его голоса, тонкий, с хрипотцой, с надрывом, рвущийся на высоких нотах, снова звучит в эфире: «From souvenirs to more souvenirs…». Он все так же согревает мою душу, заполняет ее сладкой болью, и я плыву вместе с ним по волнам памяти – от воспоминания к воспоминанию. Прощай, Демис, прощай, чернобородый грек! Спасибо тебе за красоту твоих мелодий, за счастье нежной и чистой грусти, наполнявшей твои песни. За ту радость, которую ты дарил нам в нашей молодости, за воспоминания о ней, за то, что остался памятью тех далеких лет.

Прошла неделя.

Первый прыжок описан многократно. Коротко говоря, это осознанное преодоление человеком инстинкта самосохранения. Шагнуть в пустоту с огромной высоты – это совершенно немыслимо. Инстинкт выживания сильнее разума. Я знал, что самым страшным будет именно этот шаг в бездну. Но хоть умом и понимаешь, что все надежно, все сто раз проверено, и до тебя прыгали тысячи раз, а организм сопротивляется. Еще при посадке в самолет тот самый внутренний голос начинает нашептывать: «Послушай, дружок, на кой оно тебе нужно? Упасть в пустоту, с километровой высоты – зачем? Кому и что доказывать? Разве без этого не проживем? Может, развернемся, пока не поздно? Ведь на карте твоя жизнь – единственная, между прочим. И доверить ее какой–то тряпке? Да хоть с двумя парашютами! Ты же считаешь себя умным человеком. Ты же теорию вероятностей изучал. И пятерку, небось, имел? Четверку? Значит, не все понял. Поясняю: вероятность благополучного исхода не равна единице. Ну, допустим, несчастных случаев один на полмиллиона. А если он выпадет тебе? Да, в лотерею тебе никогда не везло. А если в этот раз судьба улыбнется? Той самой улыбкой «Веселого Роджера»? Одумайся, пока не поздно!». И еще эта тошнотворная атмосфера в салоне ухающего в воздушные ямы «кукурузника» (почему в них всегда такой мерзкий запах? как будто не выветриваются последствия страданий несчастных пассажиров). Ты, конечно, стараешься ничем не выдать этих постыдных мыслей, и лишь по вымученным улыбкам на лицах окружающих понимаешь, как жалко выглядишь сам. Но вот открывается дверь в ревущую бездну, из которой накатывает волна холодного, враждебного воздуха, и инструктор с доброй, мефистофельской улыбкой делает приглашающий жест.

И тогда паника охватывает не только головной, но и спинной мозг, отчего появляется та самая пресловутая слабость в коленках и опасное волнение в животе. Организм еще на что–то надеется и

бешено сопротивляется происходящему. Жить он, видите ли, хочет. Нет, дружок, поздно. Раньше надо было думать. И здесь остается только одно: отключить сознание на мысли «Будь, что будет» и шагнуть в пустоту. Сила воли человека сильнее инстинкта жизни.

Все это было ожидаемо, как и сильнейшая вспышка адреналина в короткое время свободного падения. А неожиданным оказался мощный удар встречного воздушного потока и давление упругой прозрачной массы. Казалось: открой рот, и тебя мгновенно наполнит и взорвет изнутри воздухом, плотным как вода. А потом резкий рывок раскрывшегося купола, и инстинктивная волна радости от обретения собственного веса. И счастливые, но недолгие минуты парения между небом и землей, с попытками как–то управлять стропами. И вот уже земля, стремительно набегающая под ноги (подошвы параллельно поверхности!), резкий толчок приземления, падение на бок и дурацкая улыбка на лице. И в первые мгновения чувство, словно вернулся откуда–то издалека, и странная стереоскопичность зрения, как будто видишь каждый стебелек пожухлой травы, и неожиданная твердость земли под ногами. И смеющиеся, такие же глуповатые лица других перворазников, и детская гордость от осознания, что ты сделал это, сумел преодолеть себя, и даже самоуверенное сожаление о том, что все так быстро закончилось. А потом, некоторое время спустя, неизбежное разочарование: ну и что? Да ничего особенного, невелик подвиг. И все–таки прыжок состоялся, и я почувствовал себя причастным к избранным и посвященным.

Он не участвовал в том прыжке, но сдержанно поздравил меня и дал несколько дельных советов. Мы общались, как и прежде. Я не знал, продолжает ли он отношения с Мариной или уже нашел им обоим замену. Тем более, что ему для этого достаточно было пальцем поманить. Не знал я ничего и о его отношениях с секретаршей, которые, по слухам, оказались не столь уж невинными и мимолетными. Да и не хотел этого знать. Догадывался ли он о наших встречах с Мариной? Неизвестно. Во всяком случае, эти темы между нами никогда больше не обсуждались. Все личные дела были в стороне, как будто и не существовали. Мы все так же встречались то у меня, то у него, слушали музыку, болтали о чем–то отвлеченном. Я не сразу понял, какую задачу поставил перед собой этот шалопай. Словно мозаику, складывал он различные разделы человеческих знаний в единую картину бытия. Неужели это возможно, полное понимание? И насколько ему это удалось? Ответа не было. Но вскоре эта картина пополнилась еще одним фрагментом. В тот

субботний вечер он сам зашел ко мне. Я, только что поужинав, лежал на койке и читал журнал «Юность». В комнате царил полумрак, звучала негромкая музыка. Это была «Nights in White Satin» группы «The Moody Blues». В те славные годы услышать что–то из музыкальных новинок было проблематично. Изредка выходившие грампластинки зарубежных исполнителей были большим дефицитом. Единственным открытым окном в этот недоступный мир была еженедельная получасовая передача «На всех широтах», которую вел на радио «Маяк» журналист Виктор Татарский. Я старался не пропускать ее и записывать на магнитофон понравившиеся мелодии. Катушка с этими записями была одной из самых нами любимых. В тот вечер он был в хорошем расположении духа и, как мне показалось, в легком подпитии.

О времени, его относительности, путешествиях в прошлое и будущее, поисках утраченного, принципе причинности, воспоминаниях о будущем и опыте Хокинга

– Привет! Как отдыхаешь?

– Как видишь, скромно. А ты, я вижу, уже взбодрился?

– Да так, чисто символически. День рождения отмечали у знакомого…

– Хорошее дело. Считай, день прошел не зря.

– Да ну! Выпить-то выпили, а интереса нет. Вроде и разговор за столом, и анекдоты, и ржачка, а все не то…

– Ну, что же, на ловца и зверь бежит. Есть одна тема. Давно подбираюсь…

– Ну-ну?

– А скажи-ка мне, мил человек: что такое время?

– Да это и ребенок знает: день да ночь — сутки прочь! Прошла зима — настало лето, спасибо партии за это!

– Не прикидывайся дурачком!

– На эту тему есть анекдот. На вопрос учителя, что такое время, все ученики показывали на часы и бойко давали «правильный» ответ: в сутках двадцать четыре часа, в часе шестьдесят минут и так далее. И только Алик Эйнштейн глубоко задумывался над этим «простым» вопросом, производя впечатление недоумка…

– И это анекдот? Я просто умираю от смеха…

– Да, анекдот, в его исконном смысле. Тот же Пушкин, работая над «Маленькими трагедиями», задумывался: правдив ли анекдот о том, что Сальери отравил Моцарта?

– Уржаться можно. У предков было сильное чувство юмора.

– А они на эти дела смотрели не так примитивно, как мы. От одних анекдотов смеялись, от других роняли слезу, от третьих впадали в романтическую меланхолию. Кстати, и у нас есть суровые анекдоты такого рода. Вот, например…

– Хочешь выжать из меня скупую мужскую слезу?

– В одной бедной семье было три дочери, которых долго не брали замуж. Случилось так, что в их доме остановился заезжий молодец. Он познакомился со старшей сестрой, женился на ней и увез за три моря. Через некоторое время родители получают от

него письмо: «С глубоким прискорбием сообщаю, что после внезапной болезни ваша дочь умерла…». А скоро приезжает и он сам и горюет вместе с опечаленной семьей. Но дело молодое, он влюбляется в среднюю дочь, женится и забирает ее с собой. Через некоторое время от него приходит письмо, которое родители раскрывают с тревогой, но судьбы не избежать: «С глубоким прискорбием сообщаю, что ваша средняя дочь скоропостижно скончалась…». Семья в трауре, но все же принимает его в его искреннем, безутешном горе. Постепенно жизнь берет свое, между ним и младшей дочерью вспыхивает любовь, и, невзирая на опасения родителей, она идет под венец и уезжает с добрым молодцем…

– Добрым?!

– Из сказки слов не выкинешь. И вот, через некоторое время…

– Нет! Только не письмо!

– Увы. Бедные родители дрожащими руками вскрывают конверт. И как ты думаешь, с чего начинается письмо?

– С глубоким прискорбием…

– Слабо, молодой человек! Письмо начиналось словами: «Вы будете смеяться, но…».

– Да, это сильно.

– Думаю, что сделано в Одессе.

– А ведь над этим смеяться грешно.

– А Цветаева говорила: «Я слишком сама любила смеяться, когда нельзя».

– И к чему это ее привело?

– Время было такое.

– Да, времена не выбирают. Кстати, о времени. Ты ушел от моего вопроса.

– А говорить, собственно, не о чем. В природе нет такого явления, как время.

– Как нет?!

– Да это давно известно. Даже Достоевский об этом писал. И древние греки об этом догадывались. Время, как реальный объект, не входит ни в один из физических законов.

– А школьные задачки? Из пункта А в пункт В со скоростью V?

– А это не физические законы. Это описания неких событий, происходящих в материальном мире. И время в них принимается абстрактной данностью…

– Я тоже, помнится, сначала путался: скорость меняется, расстояние меняется, время меняется. Пока не стал воспринимать время как некий абсолютный метроном, меру других явлений.

– Именно так его понимал и Ньютон.

– Значит, есть какое-то универсальное вселенское время, которое ни от чего не зависит? Какие-то единые часы?

– Нет таких часов. Точнее говоря, их может быть сколько угодно – хоть для явлений микромира, хоть для судеб звезд и галактик. Но само по себе время не имеет никаких природных свойств. Оно проявляется в длительности и последовательности происходящих с материей событий.

– Что-то ты мудришь. По-твоему, не было «вчера»? Не будет «завтра»? Может, и программы «Время» не будет?

– Программа «Время» будет всегда! В любые времена и при любой погоде. И начнется она в двадцать один час, даже если само время остановится.

– Ну, вот!

– А еще через несколько часов закончится «сегодня» и начнется «завтра». И в часе по-прежнему шестьдесят минут…

– И все это, по-твоему, не время?

– Нет, это абстракция. Шкала для удобства измерений. Любые регулярные природные явления пригодны для этого. Например, вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. А в исламском мире для этого используется лунный месяц – период оборота Луны вокруг Земли. А еще есть колебания каких-то эталонных атомов…

– А если бы Земля не вращалась, времени бы не было?

– Не было бы. В привычном нам смысле.

– То есть, все бы остановилось, ничего бы не происходило?

– С какой стати?

– Ну, время же остановится, значит, все остановится. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! И все мы станем бессмертными.

– Размечтался! Биологический механизм твоей жизни запущен твоими родителями. Которые в тот момент часов не наблюдали. И функционирует твой организм по программе, заданной наследственным аппаратом. Поэтому для тебя лично ничего не изменится. Кроме того, что времени, в обыденном смысле, не будет. Не будет суток, значит, нечего будет делить на часы, секунды и так далее.

– Но часы-то будут идти!

– А что они будут отмерять?

– Движение времени.

– Какого? Их шкала будет абсолютно условной.

– Не важно. Они будут показывать, сколько прошло времени.

– От чего?

– От какого-то события. Ты же сам говорил, что Вселенная пульсирует, изменяется. В ней все время что-то происходит.

– Браво! Я вижу, мои идеи овладевают массами. Это приятно. Действительно, пока во Вселенной есть хоть какое-то вещество или излучение, с ними будут происходить какие-то события…

– А если все прекратится? Допустим, энтропия победила во всемирном масштабе, и наступила та самая тепловая смерть Вселенной. Никаких событий нет, и нигде ничего не происходит. Остались только часы. Они ведь будут показывать время?

– Они будут показывать свою работу: движение пружины, колесиков, стрелок…

– По-твоему, часы не фиксируют, а именно создают время?

– Создают и тут же фиксируют. При условии, что кроме часов, больше ничего нет.

– Значит, часы — источник времени?

– Да.

– А ветер дует потому, что деревья качаются?

– Не знаю, как ветер, но время действительно идет потому, что деревья качаются.

– Если бы маленький Эйнштейн рассказал это на уроке, он бы продолжил свое образование в сумасшедшем доме.

– Такова судьба истинных гениев.

– Ну, ладно. А если остановятся последние часы? Время тоже остановится?

– Обратно не угадал. Если за этим будет кто-то наблюдать, то время продолжится. Потому что в самом наблюдателе происходят события. Например, пищеварение.

– Какое пищеварение? Откуда пища в пустой Вселенной? Будет абсолютный дефицит. Даже самый захудалый деревенский продмаг покажется ему царством изобилия. Ни одной съедобной молекулы твой наблюдатель не достанет. И никакой блат ему не поможет.

– А он вообще может быть без пищеварения. Но если при этом будет мыслить, время будет существовать.

– А если задремлет, время остановится?

– Однозначно. Если полностью отключится. И не будет храпеть.

– А проснется — время пойдет?

– Конечно.

– Значит, он сам себе будет создавать время?

– Да. Сколько захочет.

– Бред какой-то.

– Ничем не могу помочь.

– Выходит, время это вообще что-то умозрительное?

– Так оно и есть. Всего лишь набор чисел, некая информация. В общем, фикция.

– Ничего себе фикция! Вся наша жизнь основана на времени. Люди всегда планируют свое время – на день, месяц, год…

– Свои дела они планируют, а не время. Время уже запланировано – календарем.

– Но ведь бывает, что-то изменяется в зависимости от времени, а что-то нет.

– В эту короткую фразу ты ухитрился уместить две ошибки. Во-первых, в природе нет ничего неизменного. В любой точке Вселенной всегда что-то происходит. Вещество и энергия находятся в непрерывном взаимодействии. Это априорное свойство материи, оно и обеспечивает вечную динамику Вселенной.

– А почему? Кто запустил этот вечный двигатель?

– Никто. Источник и причина любых событий – разнообразие форм материи и неравномерность ее распределения в пространстве. Излучение звезд, возникновение сверхновых из газопылевых облаков, энергомассообмен на планетах это объективные процессы, и нет оснований полагать, что они когда-нибудь прекратятся. Во Вселенной должно что-то происходить, иначе зачем она нужна?

– А вот висит в межзвездном пространстве какой-то камень, и ничего с ним не происходит, никакого энергомассообмена…

– А вот и происходит! Кругом же звездочки светятся, согревают его, одинокого. А ему от этого веселее.

– Понятно. А взаимосвязь с пространством? Современная наука не мыслит времени без пространства. И наоборот.

– У времени и пространства нет ничего общего. Разве что само время можно условно назвать пространством всевозможных событий. Но не более того. А вот отношения пространства и материи это отдельная интересная тема…

– Стоп! А дедушка Эйнштейн, с его четырехмерным пространственно-временным континуумом?

– Никакого континуума в природе нет. Это абстракция. Математическая модель. И как раз абстрактный взгляд на время является причиной многих заблуждений. Например, создает иллюзию возможности бегать по шкале времени туда-сюда, что приводит к многочисленным заблуждениям и беспочвенным фантазиям.

– Ну, ты великий опровергатель!

– Не знаю. Я понимаю время как непрерывный поток событий и процессов. Все, что происходит во Вселенной, вокруг нас, во мне, в тебе, и вообще с любыми материальными объектами – часть этого всеобщего потока. Все события имеют различную интенсивность и длительность и зависят от форм воплощения

материи, ее концентрации в пространстве и других факторов. С философской точки зрения, события материального мира это основополагающие понятия, отделяющие бытиё от небытия. А отсутствие каких-либо событий есть небытиё в самом общем смысле слова. Но время здесь ни при чем. Материя изменяется сама по себе. Но именно то, что события, происходящие с материей, немгновенны, и порождает время. А ты не задумывался: для чего вообще существует время? Зачем оно нужно матушке-природе?

– А хрен его знает! Течет себе и течет.

– Есть такое понятие как причинность. Материя не может моментально перейти из одного состояния в другое, минуя промежуточные стадии. Длительность и дискретность событий требуется для реализации последовательности ее изменений. Например, сложные химические элементы формируются в недрах звезд поэтапно, из более простых. И в институт не поступишь из детского сада, даже если закончишь его с отличием. А животные на Земле не могли возникнуть раньше растений…

– А курица раньше яйца?

– Нет, яйцо раньше курицы. Иначе бы яйца жили в природе самостоятельно.

– Представляешь этот триллер? Почище «Носа» Гоголя.

– Короче говоря, неодномоментность и дискретность событий обеспечивают их причинно-следственную связь. Это заметил еще Козьма Прутков: «Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало бы существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?». Благодаря наличию времени создаются условия для накопления изменений и усложнения материальных объектов.

– То есть, время нужно природе для развития?

– Я бы осторожнее применял термин «развитие». Изменение это не всегда развитие.

– Но почему? Если каждое последующее событие является результатом предыдущего, то они должны накапливаться, и материя должна все более усложняться. А это и означает развитие.

– В локальном смысле. Это не значит, что процесс имеет глобальный характер.

– Но если развитие происходит с материей в локальных точках пространства, то, аккумулируясь в масштабах Вселенной, оно должно приводить к развитию Вселенной в целом.

– Не обязательно.

– Ты против всеобщего развития? Позор тебе! От лица прогрессивного человечества.

– Каким бы прогрессивным ни было человечество, если Солнце взорвется, здесь все разлетится «вдребезги пополам». Как тебе такое развитие? Подозреваю, что любое локальное усложнение рано или поздно завершается разрушением. То есть, изменения материи носят характер бесконечных пульсаций агрегации-рассеяния…

– Что-то вроде вечно кипящего космического бульона?

– Да, это адекватный образ Вселенной.

– И этим ты хочешь убить концепцию Большого взрыва?

– К сожалению, временем ее убить невозможно.

– То-то же! А ты слышал о замедлении и ускорении времени?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, известно, что мастера восточных единоборств умеют замедлять время во время поединка…

– Это миф. На самом деле речь идет о скорости событий. Благодаря энергетическому выбросу мастер успевает совершить множество боевых действий за короткое время, и, если противник так же не ускорится, то не успеет отразить удары. Такое же ощущение возникает в минуты смертельной опасности. А в животном мире скорость движений это вообще вопрос выживания…

– А по себе ты этого не замечал? Бывает, что время просто летит, а порою тянется мучительно долго. Иногда целый день уходит впустую, как ни старайся, а потом вдруг за час горы свернешь. И этот бессмысленный день потом кажется мгновением, а насыщенный событиями час — очень долгим.

– Это тоже субъектив. Помнишь, что сказала старуха Изергиль в рассказе Горького, после трагического завершения истории любви? На вопрос «А что было потом?» она ответила, что больше ничего не было. Хотя после этого была большая жизнь…

– Большая? Какие-то семьдесят — восемьдесят оборотов Земли вокруг Солнца.

– А то и меньше — кому сколько отведено.

– Как мало, если вдуматься! И в эти десятки оборотов укладывается абсолютно все, что дано тебе в этом мире, вся твоя судьба…

– Природе это по барабану. Как распорядишься этим сроком — твое дело.

– Значит, чем больше событий, тем богаче жизнь человека?

– Это, смотря каких событий. Суетиться еще не значит жить полноценно. Вообще-то говоря, скорость потока времени для человека определяется средней скоростью происходящих вокруг него событий. На Манхэттене и на Аляске она разная. Но каждый из нас интуитивно чувствует, успевает за временем или отстает.

– А кто-то и опережает.

– Да, скорость прогресса зависит от количества и активности людей, опережающих свое время. Кто-то сказал, что одни люди катят наш мир в будущее, а другие с испугом вопрошают: «Куда катится этот мир?!». Но успевать приходится, иначе окажешься на обочине жизни.

– А я слышал про мудреца, который спокойно сидел на пороге своей хижины, дожидаясь, пока убежавшая куда-то в поисках счастья толпа прибежит обратно с высунутыми языками.

– Может, в древности и бегали по кругу, но теперь пелетон рвет только вперед. Кто не успел, тот опоздал. Навсегда.

– Ну, и как надо жить? «Задрав штаны, бежать за комсомолом»?

– Я бы сказал, жить надо так, чтобы было интересно.

– Выходит, самую интересную жизнь проживают авантюристы? Дон Жуан, Калиостро, Казанова? И прочие проходимцы?

– Ну, почему только проходимцы? А Петр Первый, Наполеон, Македонский? А Леонардо да Винчи! А Микеланджело, Шекспир, Пушкин, Моцарт! И Льву Толстому можно позавидовать, и Чайковскому, и Чаплину. И даже несчастному Ван Гогу. Насыщенность жизни зависит не только от количества событий. Вряд ли Эйнштейн мог похвастаться дуэлями и любовными похождениями…

– А Пушкин мог!

– А наша культура от этого выиграла?

– Слетать бы туда, на Черную речку, разогнать их там…

– Ага! Тоже мечтаешь поправить историю? С автоматом Калашникова на Куликовскую битву, а? Или в отряд к Спартаку с гранатометом. А раненого Чапаева прикрыть не хотел?

– Хотел.

– А Есенина спасти? А Маяковского удержать? А Цветаеву?

– Хотел бы.

– А знаешь, сколько найдется таких желающих? Исправить ошибки Бога. Разыскать в Австрии и придушить маленького Адика Шилькгрубера. Своими руками! Миллионы!

– Ну, и в чем проблема?

– Вот и я вас об этом спрашиваю.

– И все же, почему? Почему потомки не могут исправить худшие страницы своего и нашего прошлого? Искоренить историческое зло? Ведь в бесконечном будущем человечество достигнет бесконечного могущества.

– Значит, это невозможно. Значит, не будет его, бесконечного могущества. Или бесконечного будущего.

– А жаль. Скольких несчастий можно было бы избежать. Не пустить в тот страшный день ребенка на реку, а выпившего мужа за руль. Отговорить сестру от замужества, а подругу от полета на том проклятом авиарейсе. Да вообще не выпустить его в полет! Кто-то не попал бы в тюрьму, кто-то под трамвай, кто-то под венец…

– «Ах, зачем пошел я в пику, а не в черву?». Соломки, значит, подстелить? Если все кинутся исправлять прошлое, оно будет меняться беспрерывно. Это будет полный бардак. Одни школьники всех замучат: будут все время летать в предыдущую четверть – исправлять двойки. Чтобы избежать отцовского ремня.

– Ну и прекрасно. Зато любой грешник сможет сконструировать себе безупречную биографию. Представляешь, каким идеальным станет мир?

– Ну ладно, уговорил! Гони сюда свою машину времени. Наведем порядок в мрачном средневековье. Исправим ошибки матушки-истории.

– А может, для начала, разобраться с собственным прошлым?

О чем речь! Конечно, не помешало бы. Какую бы праведную жизнь ни прожил человек, найдется, что в ней изменить в лучшую сторону. У каждого из нас в глубинах памяти есть полузабытые чуланы, в которых хранятся нехорошие воспоминания. Заглядывать в них не хочется – болезненно. Как я мог так поступить тогда? Со мной ли это было? Стыдно-то как, Господи! Что я наделал? Это немыслимо, невозможно! Я же считал себя приличным человеком. Учился в советской школе, читал хорошие книги, слушался старших, носил пионерский галстук. Нет, сначала звездочку. И носил ее с гордостью. А галстук уже из чувства долга. А комсомольский значок – потому что это было нужно. А партбилет, слава Богу, вообще не носил. Но дело же не в этом. Ведь ничего не помогло. Почему, зачем я так поступил? Нет, лучше не вспоминать. А тот случай на совещании? Господи, что я тогда нес?! Страшно вспоминать. Что на меня нашло, что это было за помрачение? Когда же это было? Семнадцатого сентября, примерно в двенадцать часов. Или после обеда? Слетать, стереть, уничтожить! Вернуть бы назад, переиграть, сказать совсем иначе. Да вообще не выступать! Не зря говорят: молчи, дурак, за умного сойдешь. Ладно, успокойся. Ты что, один такой? Знаешь, что люди творят, а потом с этим живут? Ну, живут, и что? Тебе-то от этого не легче. Это их грех, а тебе отвечать за себя. Боже, сколько ошибок, сколько глупостей! А с этой? А с этим? Если бы сейчас туда, в то время, я бы ему прямо в морду, в его наглую, подлую рожу – все бы сказал! Все, что о нем думаю. И о его методах

руководства, и о хамском отношении к людям — все от души, от чистого сердца — прямо в морду! Вылетел бы с работы? Ну и пусть! И плевать! Какая разница, где инженерить? Зато не висело бы на душе. Но если бы только это! А тот вечер, в конце марта. Зачем я так себя повел по отношению к ней? Почему не высказал всего, что было на душе? Почему не сказал откровенно, от всего сердца: «Прощай, дорогая! Как идет тебе эта темно-вишневая шаль, но наша встреча была ошибкой. Я, конечно, во всем виноват, но давай не будем усугублять». И если бы я это ей тогда сказал, мы были бы намного более счастливы. И, возможно, не только мы.

Где она, машина времени? Куда звонить, как вызывать? С шашечками, без шашечек — по любому тарифу, за любые деньги. Два счетчика, шеф! Гони, тут недалеко, какой-то десяток лет. Нет, лучше подальше — на двадцать. Но если уж тронулись, давай на тридцать — там была главная развилка. Вот именно туда, в тот июльский день. Ага, вот и он! Все, шеф, тормози! Спасибо, быстро доехали. Нет, ждать не стоит, дальше я сам. И сдачи не надо.

– Увы, мой юный друг, слетать некуда. Никакого прошлого нет. Это тоже абстракция.

– Как это нет? Прошлое есть у всех! У меня оно точно есть!

– Поздравляю.

– И у тебя есть! И у твоих многочисленных подруг тоже. А у некоторых и последствия этого прошлого.

– Последствия прошлого могут быть, а самого прошлого нет.

– Ну, ты многих успокоил! Отпустил грехи. Кто чего ни натворил — все забыто, все прощено, все грехи списаны…

– Никто не забыт и ничто не забыто! Прошлого нет, но память о нем живет в наших сердцах. Та самая дырявая, субъективная память, с каждым днем все менее подробная, все более расплывчатая…

– А документы, вещественные доказательства? Те же египетские пирамиды — немые свидетели веков.

– Да, есть. Сами, кстати, тоже непрерывно меняющиеся, стареющие. Между прочим, одна из ошибок режиссеров в том, что они показывают старую мебель и пожелтевшие газеты в руках героев, полагая, что достигают этим исторической правды. А ведь в те давние времена все это было новым.

– Значит, есть подтверждения происшедших событий?

– Да, есть. Но их можно скрыть. Или уничтожить.

– Но люди-то помнят!

– И все по-разному. Не зря говорят: врет, как свидетель. Как заметил Станислав Ежи Лец, в действительности все было не так, как на самом деле.

– Но было!

– Да сплыло. К тому же люди смертны. Нет человека – нет памяти. А если не остается ни памяти, ни материальных следов, то и прошлого нет. Концы в воду. В данном случае – в Лету. Так же, как у каждого из нас, в истории всех народов есть постыдные страницы, о которых не хочется вспоминать. Лучше бы их не было. Так и делают. Поэтому иные страны имеют непредсказуемое прошлое.

– Страшное дело, если вдуматься!

– Обыкновенное. Но каким бы ни было это сказочное прошлое, его уже нет. Слетать на машине времени некуда. Билет дается только в один конец. «One Way Ticket». «Синий поезд мчится ночью голубой…».

– «Кондуктор, нажми на тормоза!».

– Нет таких тормозов. Все. Поезд ушел. Безвозвратно. «И время ни на миг не остановишь…». Я вообще думаю, что самое страшное наказание за наши грехи именно в том и состоит, что нельзя изменить происшедшего. Вот эта невозможность исправить свои плохие поступки более всего терзает человеческую душу. Если и есть какие-то загробные муки, то они именно такие, моральные.

– Это верно. Иной раз даже застонешь от какого-то воспоминания.

Понимаешь, что изменить уже нельзя. И даже из памяти не выкинешь.

– А это и есть голос совести. Душевные муки помогают избежать ошибок в будущем. Как говорил К. Прутков: «Настоящее есть следствие прошедшего, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок». А искреннее раскаяние их облегчает…

– Опять проповеди пошли?

– Покайся, сын мой. Не упорствуй в своих заблуждениях. Спаси свою грешную душу…

– Ладно, хватит! Слезай с амвона.

– Короче говоря, прошлого нет. И нечего бродить под сенью девушек в цвету по кавказскому меловому кругу в поисках утраченного времени…

– Кстати, о кругах. Стоит ли возвращаться на круги своя, в родные пенаты?

– Не знаю. Но это всегда разочарование. Лучшее лекарство от ностальгии.

Да, ностальгия. Кому из нас не хотелось вернуться в город детства? В тот самый, о котором так проникновенно пела Эдита Пьеха: «Где-то есть город, тихий, как сон, пылью тягучей по грудь

занесен. В медленной речке вода как стекло. Где-то есть город, в котором тепло. Наше далекое детство там прошло». И я тоже когда-то жил в таком провинциальном городке. Да, он был именно таким! Совпадает все, до малейших подробностей. И тихая, чистая речка в зарослях камышей и кувшинок, и горячий песок, по которому бегал босиком счастливым солнечным летом, и огромные сугробы, в которых тонул городок морозными зимами, и золотые стволы сосен, уходящие в бездонную глубину неба с неподвижными облаками, и жаркая послеполуденная тишина, в которую погружался сонный поселок, когда казалось, что время замедлилось, почти остановилось. Но нет! Оно не останавливалось ни на миг — оно шло, бежало, летело. И унесло нас далеко-далеко…

И вот однажды это случается, и ты возвращаешься в город своего детства. И еще только въезжая в его одноэтажные окраины, с волнением смотришь по сторонам, пытаясь угадать знакомые места. Как все изменилось! Но вот, за поворотом, открывается районный стадион, знакомый с самых детских лет. Сколько раз гоняли здесь мяч с пацанами, а как болели за свою команду! Сейчас он пуст, запущен, и через центр поля ведет протоптанная дорожка — наверное, так кому-то удобнее ходить. А вот и парк. Он тоже совсем другой — молодой, недавно посаженный. Да, конечно, он красив: здесь и клены, и липы, и каштаны, и подстриженная травка. А в наши годы здесь росли огромные тополя, а в его глубине, рядом с раковиной деревянной, выкрашенной зеленой краской эстрады и вкопанными в землю скамейками, была огорожена танцплощадка, на которой субботними и воскресными вечерами устраивались танцы. Наивные, провинциальные танцы, на которых до скрипа крутили одни и те же пластинки, с любимыми песнями тех далеких лет, как сейчас говорят, хитами очередного летнего сезона. И какие прекрасные это были песни! Их полузабытые, случайно прозвучавшие в нынешнее время мелодии сладкой болью обнимают вздрогнувшее сердце и переносят в те далекие времена, когда нам было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать: «У моря, у синего моря, со мною ты рядом, со мною…», «Не грусти и не плачь, как царевна Несмеяна, это глупое детство прощается с тобой…», «Падает снег, ты не придешь больше…», «Прошла любовь, прошла любовь, по ней звонят колокола. Прощай, любовь, прощай, любовь, как хорошо, что ты была…». Да, прощай, любовь, прощай первая, или какая там по счету, юношеская влюбленность. Легкая, невинная, начатая на танцплощадке, случайно, с приглашения приглянувшейся девушки, с неизменными проводами избранницы до ее дома, деревянного

дома с голубыми наличниками, с традиционным палисадником, за которым виднеется огонек в окне (родители еще не спят) и склоняются распускающиеся багровые георгины, у ограды которого вы будете долго стоять со своим юношеским самозабвенным трепом ни о чем, потому что он совершенно неважен, а важно то, что тебя тянет к ней, юной, стройной, еще волнующе незнакомой. И это конец августа, и воздух уже свеж и прохладен, и твой пиджак укрывает нежные девичьи плечи, зябнущие под ситчиком, и ты полуобнимаешь ее гибкую талию и тянешься к ее губам, а она слабо отталкивается от твоей груди, и это больше похоже на ласку, чем на сопротивление. И ей давно бы надо идти домой, но расставаться никак не хочется. И вы смотрите вместе в бесконечную глубину усеянного звездами неба, и они отражаются в ее темных зрачках: «Смотри, какое небо звездное, смотри, звезда летит, летит звезда…». А по небу прочерчиваются полоски космических пылинок, и вы пытаетесь успеть заметить их полет и загадать желание. Но это так и не удается, и в глубине души ты понимаешь, что все равно оно не сбудется. Потому что уже конец августа, и через несколько дней тебе нужно ехать в далекий столичный, студенческий город, а она останется в этом маленьком городке с его обыденной скучной жизнью и будет вместе с ним погружаться в уже близкую осень, а потом в долгую-долгую зиму. Будет ли она вспоминать о тебе, будет ли на что-то надеяться? Этого ты уже никогда не узнаешь. Потому что скоро с головой окунешься в бурную студенческую жизнь, в которой, конечно же, не останется места для воспоминаний об этом случайном знакомстве. Прощай же, старый парк, прощай, юношеская влюбленность! Прощай, юность, неповторимая, единственная.

Да, прошлое остается только в нашей памяти. И вот ты идешь по городу детства, по самым памятным местам, и не узнаешь их. Многое снесено, что-то перестроено, стали другими улицы, дома, деревья. Как сказал поэт: такое же, и все другое. Но вдруг мелькнет какая-то случайно сохранившаяся деталь и вызовет вспышку воспоминаний. Даже слеза набежит. Вот здесь полвека назад была старая одноэтажная школа, в которую ты когда-то робко вошел, держась за руку молодой, нарядной, красивой мамы. А вот здесь, недалеко, у того, еще деревянного моста, ты зимой спускался с горки и, въехав в сугроб, распорол колено об осколок стекла, и этот шрам остался на всю жизнь. А вон там, подальше, видны огромные старые ивы — они еще сохранились! А ведь и тогда, сорок лет назад, они были большими, и ты забирался на них и оглядывал с высоты покачивающихся на весеннем ветру ветвей свой поселок и окрестные луга, залитые

паводком до самого горизонта. Ах вы, милые старушки, вы еще живы! Да, многое из того, что в памяти хранилось как яркое и большое, теперь выглядит каким-то невзрачным, как будто состарившимся. А ведь так оно есть. Сколько лет прошло! Да и ты сам, дружок, уже совсем не тот. Тебя здесь уже никто не помнит, и ты идешь по улице своего детства, взволнованный, растроганный, а тебя никто не узнаёт. В твоих родных местах! Ни друзей, ни знакомых. Разъехались, разлетелись по миру, а кого-то уже и нет в живых. И вот, наконец, с увлажнившимися глазами, подходишь к месту, где раньше стоял родительский дом. Его давно уже снесли, и никаких следов не осталось. На его месте выстроили новое здание, и прохожие с удивлением поглядывают на незнакомого пожилого человека, стоящего у ограды и вглядывающегося в глубину двора. Кругом идет обычная жизнь, и нынешние жители ходят по городу твоего детства, занимаются своими обыденными делами. И это уже их город, а не твой. Все просто, буднично, и ничего общего с той цветной, кинематографической картиной, которая хранится в памяти. А ведь это был двор моего детства! Крикнуть бы людям: «Это я — Сашка Белов! Я здесь жил, рос, гонял в футбол, дружил, дрался, лазил по этим крышам. А под этим деревом (каким большим и старым оно стало!) в первый раз поцеловал соседскую девочку в ее прохладную щеку, тотчас вспыхнувшую румянцем. Это было все мое, родное! Где эта девочка? Где оно, мое детство?». Но нет, не крикнешь. Прислонишься щекой к коре этого дерева, прикроешь глаза и окунешься в былое. И снова поплывут воспоминания, живые картины прошлого: «Ведь это было! Было! Прямо здесь! И тот весенний вечер, и шелест молодой листвы, и закатный луч солнца, осветивший нежный профиль, и ее глубокий, счастливо-испуганный взгляд, и неведомая сила, которая потянула мои пересохшие губы к ее бархатной, персиковой щеке, и свежий, молодой весенний воздух, вздымавший юную грудь». И хочется поцеловать шершавую кору этого родного дерева, и ты тайком это сделаешь. И, наконец, по-настоящему поймешь, что прошлого уже нет, и никогда больше не будет.

– Я хочу вернуться туда! «Дайте до детства плацкартный билет!».

– «Тихо кассирша ответит: билетов нет…». И никогда не будет. И даже вернувшись в родные места, в прошлое все равно не вернешься. Это лишь туманный образ в нашей слабеющей памяти…

– И никакой надежды?

– Никакой. Что такое прошлое? Поток раз и навсегда

свершившихся событий. В мире непрерывно что-то происходит — природные явления, человеческая деятельность, поступки людей. В каждый миг неисчислимое множество частиц и волн материи, из которых все это состоит, меняет свою конфигурацию, приобретает другой вид. Все это наслаивается, переплетается. Как все это можно вернуть, хотя бы на год, на день, на час назад?

– А если подробно зафиксировать, где что лежит, а потом восстановить?

– Никаких носителей не хватит. А если выхватить самое важное, это будет всего лишь театральная постановка в псевдоисторических декорациях. Что давно и мастерски делает Голливуд…

– Значит, нужно именно перенестись в прошлое!

– Но куда? Где находится материальный мир прошлого в данный момент? Ведь планета Земля занята настоящим. А всякие параллельные миры и альтернативные истории это не более чем досужие фантазии…

– Ну, ты рассуждаешь в каких-то упрощенных материальных категориях…

– Но ведь ты хочешь слетать туда лично? Вот я и спрашиваю: куда перенесется твое физическое тело?

– А я слышал более простое объяснение. Путешествия в прошлое невозможны из-за нарушения принципа причинности. Если бы человек вернулся в прошлое, он мог бы там убить самого себя, лишив будущего и этого самого путешествия в прошлое.

– Дело даже не в потенциальном конфликте с самим собой. Допустим, появится здесь какой-то старик, в котором ты узнаешь будущего себя, и скажет: «Здравствуйте, я ваша тетя. Я приехал к вам из будущего, и буду у вас жить» — что ты будешь с ним делать?

– Я с ним тут же выпью! А он мне расскажет всю правду, ничего не утаит…

– Не уверен, что тебя это обрадует. А что будешь делать утром? Как ты объяснишь людям, кто это такой?

– Скажу, что это мой тамбовский дедушка.

– А куда ты его устроишь? Как будут жить два человека с одинаковыми паспортами? Кто настоящий, а кто дубликат?

– Да пусть сам устраивается! Его же сюда не приглашали.

– Нехорошо. Так относиться к самому близкому человеку.

– А что ему тут делать? Приличные люди в гостях долго не задерживаются…

– Сама недопустимость прописки нескольких экземпляров одного и того же гражданина по одному адресу делает путешествия во времени юридически невозможными.

– Довод весомый.

– А принцип причинности действительно задает однонаправленность времени и уникальность происходящего. Что бы мы ни сделали, это навсегда отпечатывается на ленте времени. Об этом гениально сказал поэт Дербенев: «А мир устроен так, что все возможно в нем, но после ничего исправить нельзя». Поэтому советую задуматься над своим поведением…

– Нет такой темы, которую бы ты не ухитрился завершить нравоучением.

– Записывай, студент: путешествия во времени невозможны. Потому, что путешествовать некуда. Ни прошлого, ни будущего нет. Да и настоящего тоже…

– Ничего себе!

– «Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь».

– Ну, ты даешь! Ну и перспективы открываешь! То, что сейчас нет жизни, это понятно, но была хоть надежда на будущее. Так ты и будущее отнимаешь…

– Успокойся, наше будущее гарантировано Конституцией.

– Ну, слава Богу! И какое оно?

– Светлое, конечно. Некое размытое радужное пятно в конце тоннеля. В общем, прекрасное далеко. То есть, плод нашего больного воображения.

– И нельзя сказать, что с нами будет через час?

– Можно предположить, с некоторой вероятностью. В действительности может произойти все, что угодно. Никакого предопределенного будущего нет.

– А какое есть?

– В том-то и дело, что никакого нет! Но какое-то обязательно будет. Чувствуешь разницу?

– Нет, не чувствую. Но точно знаю, что будет сегодня, завтра, через неделю…

– Не зарекайся. Как говорят в народе, все под Богом ходим. «Но каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг»…

– Прощайте, други, не поминайте лихом. Ухожу в гастроном за кефиром. Вернусь ли — не знаю. Если не судьба, считайте коммунистом. Простите, братцы, за все хорошее…

– Бог простит.

– Аминь. И что ты мне пожелаешь в эти роковые минуты?

– Поменьше наглой самоуверенности. Не все в этом мире зависит от тебя. Но, понимая его закономерности, ты сможешь избежать некоторых неприятностей, предстоящих тебе в будущем. А некоторых — не сможешь.

– Почему?

– Хотя бы потому, что не отличишь их от приятностей.

– А тебе самому не хочется заглянуть в будущее? Хоть одним глазком! Что будет через десять лет, через двадцать? Какими мы будем в то время? Чем будем заниматься? Что нас будет интересовать, радовать, огорчать?

– Всю правду скажу, бриллиантовый, только ручку позолоти. А линия жизни у тебя длинная, но кривая. И будет тебе дальняя дорога и интерес в казенном доме. И пиковая дама на сердце ляжет. Только обманет она тебя. И черного человека опасайся, с большими ушами, начальника своего. А детей у тебя будет двое. И будешь ты каждый день ходить на работу, а по выходным заниматься домашними делами. А радовать тебя будет квартальная премия, рыбалка и долгожданная, но пожизненная должность начальника отдела. А еще импортная мебель, купленная в рассрочку, и турпоездка в Болгарию. А огорчать тебя будет совместная жизнь с тещей, долгая очередь на квартиру и плохая игра сборной по футболу. А надежды на то, что соберешься с силами и всем им чего-то докажешь, оставь. Где она, твоя начатая было диссертация? Пылятся пожелтевшие листы на дальней полке. Зато растет живот, и лысину скрывать все труднее…

– Эка невидаль! Насчет игры сборной это и я могу предсказать. Но в целом картина безрадостная. Неужели нет других вариантов?

– Значит, не хочешь будущего с борщами, с тещей, с лысиной?

– Где ты видел тещу с лысиной?

– Разговорились два мужика: « – Вы поразительно похожи на мою тещу. Если бы не усы. — Но у меня нет усов! — Зато у моей тещи они есть».

– Лучше уж с усами, чем с лысиной.

– Ну, вот и определился. Поздравляю.

– Нет, мне больше нравится перспектива, которую предлагает Н. Рубинов.

– А он что, тоже уносится беспокойной мыслью в светлое будущее?

Какой неуемный гений! На фантастику перешел, что ли?

– Как-то поддавали вместе, на литературные темы, и он поведал мне свою заветную мечту: «Я часто думаю, как мы будем жить через десять, двадцать лет. Что будет в стране, в мире? Куда шагнет прогресс? Наверное, космонавты уже слетают на Марс. Эх, какое будет время! А какими мы будем? Лет через двадцать, а? Я уже буду членом Союза писателей, заслуженным литератором республики. Мои книги будут продаваться везде! Зайдешь в

любой магазин и свободно купишь мою книгу. Или собрание сочинений. А захочешь, иди в библиотеку – бери и читай. Они будут стоять на одной полке с Толстым, Достоевским, Пушкиным. А ты, знаешь, кем будешь? Министром энергетики! Не веришь? Точно тебе говорю. У тебя будет персональная «Волга». И у меня тоже будет, только у тебя черная, а у меня белая. Ты сядешь в «Волгу» и приедешь ко мне в гости. У меня будет трехкомнатная квартира, в центре города, возле парка. Там будет вся обстановка: импортная мебель, чешская люстра, японский цветной телевизор, финский холодильник, пианино, на стенах ковры. Полы, конечно, паркетные. А в стенке будет бар, зеркальный. Не веришь? Точно будет. Открою, скажу: выбирай! Вино – любое, коньяк – любой! И даже виски это ихнее. Нет, водки в баре не будет. А в холодильнике будет! В запотевшей бутылке, чистая, как слеза. А пока хозяйка закуску приготовит, мы с тобой сядем в шезлонги с аперитивом. Знаешь, что такое аперитив? Выпивка перед обедом. А после обеда будем пить коктейли, со льдом. Или абсент. Ты абсент пробовал? Я тоже нет. Но в баре у меня он будет! Обязательно. И даже текила, это водка мексиканская. Мне же придётся принимать зарубежных гостей, иностранных писателей. А почему нет? Ну, это уже когда пойдут переводы на другие языки. Не веришь? Точно тебе говорю, вот посмотришь. И сам я буду ездить за границу, читать лекции. А жена у меня будет профессором филологии, в институте будет преподавать. И дочка будет там учиться. А у тебя будет сын, в политехническом. И мы их познакомим. Сомневаешься? А я тебе говорю: будет! Если хочешь чего, обязательно будет. Захочешь стать министром – обязательно станешь! А я стану знаменитым писателем! И мы с тобой, солидные, в костюмах, в галстуках, будем сидеть вот как сейчас, и вспоминать, как жили двадцать лет назад в этой общаге. Какие были молодые, как встречались, поддавали, думали о будущем. И что ты сомневался, а я тебе говорил, как оно будет. Не веришь? Давай поспорим. На ящик абсента? Давай! Все, через двадцать лет проверим. Увидишь, что я тебе правду сказал. Ну, давай еще по одной, за будущее. Эх, и жизнь будет! Мы тогда будем совсем другими – солидными, знаменитыми. Но в душе останемся пацанами. И будем ходить в гости – ты ко мне, я к тебе. Будем сидеть и вспоминать, как жили раньше. И что ты мне не верил, а я тебе все это говорил…». И так далее, по кругу.

– И ты веришь в его алкогольный оптимизм? В эти воспоминания о будущем? Н. Рубинов видит мир сквозь розовые очки. Навевает человечеству сон золотой.

– Да, греет душу собутыльника светлой мечтой. Как и положено мастеру социалистического реализма.

– Ну что же, начинай копить на абсент…

– А можно ли вообще предсказать, что нас ждет?

– Теоретически – да, практически – нет. Для этого придется установить всевозможные зависимости, построить функции всех процессов, экстраполировать их во времени. А еще учесть вероятностный фактор. Задача неподъемная.

– А если ограничиться самыми важными параметрами?

– Так и прогноз будет ни о чем.

– Ладно. А почему все-таки нельзя слетать в будущее?

– Я же тебе объяснял: потому что лететь некуда.

– Как некуда? Да в эту же комнату, но ровно через год. Через год мы с тобой в этот же день будем сидеть здесь и поддавать, и вдруг появятся еще два таких же чувака, но из сегодняшнего дня. Что тут такого? Раскупорим бутылочку, расскажем им новости за отчетный период, какие лотерейные билеты покупать…

– Размечтался! Ничего еще не будет. Не случатся события, которые создадут будущее. В каждое мгновение вокруг нас происходит огромное количество выборов вариантов дальнейшей реальности. Поэтому и номера в лотерее выпадут другие. Да и самой комнаты может не быть. Если вдруг снова будет землетрясение.

– Ну, на развалинах посидим. Если дождя не будет.

– Да тот же принцип нарушения причинности не позволит. Будем выпивать, например, и я будущий назову себя прошлогоднего салагой, а он обидится и даст мне по морде, а я его бутылкой по башке, и он, не дай Бог, окочурится. Что тогда?

– Но он окочурится уже в новом времени. Значит, на тебя будущего не повлияет.

– Но и в свое прошлое уже не вернется, исчезнет. Откуда же я возьмусь через год?

– А хрен тебя знает! Ты все время куда-то пропадаешь.

– А что я буду делать с собственным трупом?

– Оплачешь и похоронишь. С подобающими почестями. А потом отсидишь срок. За самоубийство.

– В нашем уголовном кодексе нет наказания за самоубийство.

– А надо бы ввести. Вплоть до высшей меры.

– И обоих в одну могилу?

– А почему нет?

– А я тогда еще пару экземпляров вызову из прошлого. Всех не перебьете, гады!

– Что-то нас далеко занесло.

Много лет спустя известный астрофизик Стивен Хокинг провел эксперимент: опубликовал объявление о том, что в определенное время и в конкретном месте ждет гостей из

будущего. Значительность фигуры ученого и общеизвестность эксперимента не оставляли сомнения, что он останется в истории науки. Но в назначенный час гости из будущего не прибыли на званый ужин. Этим опытом Хокинг фактически закрыл тему путешествий во времени. На самом деле опыт имел умозрительный характер, а его результат был ясен априори. Потому что время это однонаправленный поток событий. Будущее имеет вероятностный характер, настоящее – одномоментная реализация возможных вариантов его воплощения, а прошлое – навсегда застывшая картина происшедшего.

– Ну и что в итоге? Какая разница – что понимать под временем? Все равно каждый остается со своим прошлым, сегодняшним днем и каким-то будущим…

– Было бы странно, если бы я открыл что-то новое в этой старой, как мир, теме. Люди размышляли над этим тысячелетиями. В одной древней восточной притче три мудреца заспорили о том, что важнее для человека: прошлое, настоящее или будущее…

– И что?

– Так ничего и не решили.

– Понятно. Все это, конечно, забавно, но я бы не советовал афишировать эти идеи.

– Почему?

– Сказать людям, что у них нет ни прошлого, ни будущего? Да и самого времени тоже нет? Большинство сочтет тебя придурком, и правильно сделает. А если кто поверит?

– И хорошо! Истина не может принести вреда.

– Кому нужна истина, убивающая надежду? Ведь люди живут ради будущего.

– И правильно делают! Об этом и речь. Все эти идеи глубоко оптимистичны. Их можно проповедовать с любой трибуны: «Отбрось негативный груз прошлого – его уже нет! Осталось то, что ты сделал, и в этом главная ценность твоей жизни. Помни уроки прошедших событий и делай из них правильные выводы. Сохрани в душе все лучшее и строй на этом свое будущее. Не верь, что оно предопределено и от человека ничего не зависит. Твое будущее зависит именно от тебя! Его нет, но ты можешь его создать!».

Да, время неумолимо, и те далекие семидесятые, славные годы нашей молодости, уходят в прошлое. И вместе с нашим поколением постепенно уходит и память о них. Уходят наши миры, наши радости и печали, наши будни и праздники, такие редкие, но такие счастливые. Уходит все то, что нам было близко и дорого. Давно растаяли в туманной дали надежды и мечты,

позабылись разговоры и горячие споры – все, что мы любили, к чему стремились, что казалось новым, необычным, интересным, что так волновало нас в те далекие времена. Сейчас, сорок лет спустя, все это кажется наивным и старомодным, как некогда и нам казались безнадежно устаревшими интересы, мнения, песни и шутки наших родителей – все то, что и было их и нашей жизнью. Единственной, неповторимой, давно ушедшей жизнью. Прав старина Экклезиаст, прав.

Занятия в парашютном клубе продолжались. Второй прыжок тоже оказался психологически непростым, но было уже намного легче. А начиная с третьего, даже появилась какая-то уверенность. Конечно, при каждой команде инструктора «Готовсь!» адреналин по-прежнему зашкаливал в крови, но теперь я уже отчетливо видел все вокруг и по-настоящему наслаждался самим спуском. Сожаление было только в том, что эти чувства нельзя было разделить с Мариной. Они с Марией больше не ходили в парашютный клуб.

Я совершал прыжки регулярно, а он изредка. В ту пятницу я зашел к нему, чтобы узнать, собирается ли он завтра на аэродром. Был и еще один вопрос, который мне нужно было выяснить. Вечерело. Он, как обычно, лежал на койке с книгой в руках, а на магнитофоне крутилась кассета с записями Simon&Garfunkel. Их нежные голоса, переплетающиеся с мелодичными переборами гитар, заполняли комнату. Слегка уменьшив звук, он кивнул мне на соседнюю койку. В парашютный клуб он не собирался, так как имел на завтрашнюю субботу другие планы, но одобрил мою дисциплинированность. Потом речь зашла о предстоящем мероприятии. Он напомнил мне о том давнем зимнем разговоре, когда я пытался его отговорить. Действительно, теперь у меня уже не было прежнего панического страха перед прыжками, и я реально оценивал возможность задуманного дела.

После того майского концерта мы не встречались с Мариной почти месяц. Шла весенняя сессия, и она была занята экзаменами. Максималистка во всем, она училась отлично и, без сомнения, шла к своему заслуженному красному диплому. Мне все это было еще памятно, и я старался ее не беспокоить, хотя давалось мне это с трудом. Та майская встреча не только не потускнела в памяти, но становилась все ярче, пополняясь незамеченными вначале деталями, которым воображение придавало какие-то особенные смыслы. В конце концов, я не выдержал и решил взглянуть на нее хоть одним глазком. В субботу я снова пришел в библиотеку. Марина сидела на своем обычном месте, у окна. Увидев меня, она кивнула мне дружелюбно и даже, как мне показалось, приглашающе. Это меня ободрило, и я, в порыве

наглости, сел рядом с ней, на свободное место. Она вопросительно взглянула на меня, но я, прижав палец к губам, раскрыл одну из своих книг. Она снова углубилась в свои конспекты, а я пытался читать, но мне это не удавалось. Я смотрел в книгу, но краем глаза видел ее точеный профиль в обрамлении завитков волос. Говорят, женщины чувствуют мужской взгляд даже затылком, и здесь было что-то похожее. Я не смотрел на нее напрямую, но она явно чувствовала мое внимание, а я чувствовал, что она тоже не может сосредоточиться на содержании своих конспектов. Наконец я решился ее потревожить. Аккуратно вырвав из тетради листок, я написал на нем несколько строк и подвинул к ее локтю (как нежен изгиб ее руки, как хочется прижаться к нему губами!):

Девушка, я вам не помешаю,
Если рядом с вами почитаю?
Обещаю громко не шуметь.

Она прочитала куплет и иронично взглянула меня:

– А я где-то уже слышала такую интонацию. Вы плагиатор, молодой человек.

– Музыка народная, а слова льются прямо из сердца…

Хотя мы разговаривали негромко, кто-то с недовольным видом оглянулся на нас, и мне пришлось прижать руку к груди в извиняющемся полупоклоне. Дальше мы общались только в письменной форме. Прикусив кончик ручки, она ненадолго склонилась над листком и быстро что-то написала на нем, после чего подвинула его в мою сторону:

Юноша, здесь места всем хватает –
Даже тем, кто дремлет и мечтает.
Только я прошу вас не храпеть.

Ее ответ был быстрым, словно укол шпагой. Ну, что же, продолжим поэтический турнир. Немного посопев, я написал следующую строфу, на которую она тут же незамедлительно ответила. Через несколько минут листок был заполнен трехстишиями:

Девушка, я лишь о вас мечтаю,
Мудрых книг совсем не почитаю –
Не храпеть мне хочется, а петь!

Юноша, вы вредная помеха –
Не видать мне в сессию успеха,
Если ваши глупости терпеть.

Девушка, здесь мало кислорода,
За окном прекрасная погода –
Хватит над конспектами корпеть!

Юноша, вы дьявол-искуситель.
Вторгшись в эту мудрости обитель,
Вы меня хотите соблазнить.

Девушка, ведь молодость не вечна,
Время жизни нашей быстротечно –
Так давайте жить, гулять, любить!

И это подействовало! Она закрыла свои конспекты и собрала книги. Мы вышли в солнечную благодать летнего дня и направились давно знакомой дорогой к нашему любимому парку. По пути она слегка поругала меня за прерванные занятия и взяла слово не делать этого больше — до ее последнего экзамена, до конца июня. Я охотно повинился, и мы вошли в прохладную, уютную тень, под кроны больших деревьев. Лето еще только разгоралось, и молодая листва весело сверкала всеми оттенками зелени в пронизывающих ее солнечных лучах. Как хороша природа в начале лета, и как много оно само нам обещает, какие надежды дарит! В эти волшебные, быстролетящие недели мы сами словно летим по жизни в радостном ожидании любви, счастья, чего-то неопределенно прекрасного. Именно в таком романтическом воодушевлении я находился в тот момент, и мне хотелось передать ей это ощущение душевного полета. Я вдохновенно нес какую-то ахинею, а она ее благосклонно слушала, и была, как никогда, оживлена, весела и открыта. Возможно, дело было и не во мне, а ей самой хотелось ненадолго отвлечься от напряжения экзаменов, надоевших учебников и конспектов. Да это и неважно! Обрадованный ее дружелюбием, я много и удачно шутил, временами вызывая ее искренний, звонкий смех. Казалось, она смотрит на окружающий мир новыми глазами, как бы открывая его для себя заново, как человек, вернувшийся к жизни после длительной болезни. Мы болтали о чем-то малозначимом, о каких-то фильмах, которые она не могла видеть, занятая экзаменами. Потом я рассказал ей о перипетиях своего недавнего первого прыжка, с юмором интерпретируя его

подробности, и она тоже вспомнила свои впечатления от этого незабываемого приключения. Рассказывая о забавных эпизодах прошедших событий, я старательно обходил темы, связанные с Сергеем и Марией. Сама она словно забыла о них. Наконец, она взглянула на часы и сказала, что ее ждут дома. Я проводил ее, как обычно, до троллейбуса.

Я был окрылен этой встречей. Я летел домой, словно на крыльях, с непроизвольной улыбкой на лице, и, наверное, выглядел глуповато. Но какое это имело значение! Душа моя пела. Глядя с вершины прожитых лет, понимаешь, что именно эти часы душевного подъема, само предвкушение чего-то труднодостижимого, волшебного, вожделенного и есть высшая эмоциональная точка счастья. Потому-то само его реальное воплощение уже не кажется таким острым и восхитительным.

Ах, молодость, беспечная молодость, как ты наивна, как самонадеянна! Ты озарена отсветами будущего, того самого «прекрасного далеко», неизвестного, волшебного, счастливого. И мы, юные и самонадеянные, верим, что оно будет, обязательно будет! И поэтому никакие трудности, неудачи, невзгоды текущего бытия не лишают нас оптимизма. Все некрасивое, нехорошее кажется нам временным, преходящим, мы знаем, что все это скоро уйдет, закончится, исчезнет, и начнется новая, замечательная жизнь. А между тем она идет своим чередом, в будничных делах и заботах, а будущее снова отодвигается, оставаясь таким же туманным. Постепенно мы взрослеем и в середине жизненного пути настолько погружаемся в текущие заботы, что напрочь забываем о нем. Нам не до отвлеченных мечтаний. Но вот однажды, случайно остановившись на бегу, вдруг осознаем, что будущее исчезло, что есть только настоящее. Что ждать уже особенно нечего, что ничего лучшего уже не будет. А это как раз и означает, что будущее наступило, что мы на вершине жизни. А с вершины, как известно, все дороги ведут вниз. И мы оглядываемся вокруг и с грустью замечаем, что ничего «сказочного» в этом свершившемся будущем нет, а есть совершенно обычная материальная жизнь, в чем-то лучшая, а в чем-то худшая, чем была раньше. Но совершенно не такая неопределенно-розово-голубая и сияющая, какой виделась из мечтательной юности. И уже то наше далекое, полузабытое прошлое кажется нам светлым и радостным, и мы, ностальгически вздыхая, вспоминаем его, невольно отсеивая из него все негативное и преувеличивая положительное. А главное, воспринимаем ушедшую беспечную молодость, и ту нашу неистребимую веру в лучшее, и само то давнее предвкушение счастья как истинное счастье.

На следующий день, немного успокоившись, я поумерил свои эмоции. Да, в своих мечтах мы склонны улетать далеко от реальности. Но была ли сама Марина так же воодушевлена этой встречей? Мне очень хотелось в это верить. Я надеялся, что наши отношения наконец-то сдвинулись с мертвой точки, и теперь будут развиваться только по восходящей. Лиха беда — начало! Не может быть, чтобы она не чувствовала моего отношения, не верила словам, которые льются из глубины души. Конечно, в тот, прошлый, раз она не обрадовалась моему признанию и ничего не ответила, но ведь и не отказала наотрез. С учетом ее прямого характера, это о чем-то говорит. Да ведь с тех пор многое изменилось. Конечно, девушка она гордая и независимая. Даже ему не покорилась. А может, она до сих пор думает о нём, не может забыть? Не хотелось бы сравнения. Но оно есть, никуда не денешься. А может, я сам неправильно веду себя, не по-мужски? Ведь она сильная личность, и ей нужен такой же сильный, уверенный в себе человек, надежная опора. Значит, нужно показать ей это, нужно проявить характер. И правда, чего это я все время прошу, извиняюсь, кланяюсь? Где моя гордость, где мужское достоинство? Нет, нужно сделать какой-то сильный ход, как-то раскачать ситуацию. Я, конечно, не считал себя ни ковбоем, ни плейбоем, но вспомнив о том давнем разговоре насчет мужской инициативы, решил проявить ее. Да, нужно показать ей мужскую силу и твердость характера. Диких, необъезженных кобылиц нужно покорять.

Я знал, когда у нее был последний экзамен, и позвонил в тот же день. Как и следовало ожидать, она сдала сессию на отлично, и была в хорошем настроении. Я предложил встретиться, сходить в кино, да и просто погулять, поболтать, расслабиться после напряжения экзаменов, и она согласилась. На следующий день, вечером, мы встретились у подъезда ее дома, и я предложил пройтись до кинотеатра пешком. Лето было в разгаре, погода стояла жаркая. Марина выпорхнула из подъезда, как легкий мотылек. На ней было светлое, воздушное платье и изящные босоножки. Она была оживлена, как и в прошлый раз, рассказывала о забавных случаях прошедшей сессии и смеялась моим шуткам, когда я вспоминал какие-то хохмы из своего студенческого прошлого. Я поинтересовался ее планами на лето, и она сказала, что собирается на море, в Крым, где у ее родителей есть дальние родственники.

Выйдя на свежий воздух после окончания сеанса, мы направились к центральному парку. Фильм нам тоже понравился, это был, кажется, «Мимино». Потом говорили о последних музыкальных новинках, о только что вышедшем диске Аллы

Пугачевой «Зеркало души». Я сомневался в композиторских способностях певицы, а Марина защищала ее творческие эксперименты. Отстаивая права женщин, она, похоже, затрагивала очень волновавшую ее тему. Я, вспоминая наши беседы в общежитии, старался с юмором отвечать на ее резкие выпады в адрес мужчин. Она мне решительно возражала, и разговор незаметно вылился в серьезный спор. Разгорячившись, она была очень категорична:

– Да за что вас уважать? Раньше — да, было за что. Мужчина был охотником и воином, защищал семью, рисковал жизнью. А сейчас? Придет с работы и завалится на диван с газетой. А после ужина сидит перед телевизором со своим дурацким футболом…

– Марина, погоди! Мы же не в каменном веке. Слава Богу, люди уже не зависят от добычи на охоте. Разве это плохо? Неужели ты хотела бы жить в пещере?

– А что взамен? Чем вы теперь занимаетесь? Ерундой, мышиной возней. Достойным делом заняты единицы, остальные на подхвате, бегают на задних лапках перед начальством. А с работы приходят и отыгрываются на домашних, начинают командовать, строить из себя хозяев жизни. И слова им не скажи поперек. А бывает, что и руки распускают, по пьяному делу. Ничтожества!

– Ну, ты просто амазонка! Скифская воительница. За свободу и независимость женщин. От семейных оков.

– Да разве в этом дело? Человеком надо быть.

– И все же у тебя очень радикальные взгляды. Не ожидал. Я, правда, в детстве сам испытывал что-то похожее. Какую-то ревность к любому упоминанию о женском превосходстве. Пока не понял, что это были преувеличения, мужские комплименты.

– Вот-вот! Даже этим вы стараетесь унизить женщин.

– Но и ты напрасно всех одной краской мажешь. Речь, конечно, не обо мне, но у мужиков, слава Богу, серьезных дел хватает. Могу судить по энергетике, в которой работаю. На электростанциях, в электросетевом хозяйстве — знаешь, какие там бывают нагрузки? И в доменных цехах люди вкалывают, и на вредных производствах. А каково монтажникам, зимой, где-то на седьмом этаже, на ветру? А шоферам, в мороз, пробиваться по трассе?

– А женщины разве не работают в горячих цехах? И на стройках, и на фермах, и у станка. А на ткацких фабриках, весь день на ногах? А после смены еще по магазинам в очередях, да ребенка из садика забрать. А потом еще ужин приготовить. А уборка, а стирка? Ведь практически все делают женщины, и хозяйство на них, и дети…

– Да знаю я это все! А раньше было еще хуже. Вспоминаю, как тяжело матери приходилось – нас троих и отца накормить, обстирать и дом в порядке содержать. Жили в сельской местности – ни воды в доме, ни отопления. Готовить еду и греть воду приходилось в печке. А белье зимой полоскали на реке, в полынье. Страшно вспоминать, как мама отогревала дыханием свои замерзшие в ледяной воде руки. До сих пор сердце кровью обливается…

– Ну вот! А вы? Я поражаюсь: неужели вам, мужикам, не стыдно быть посторонним предметом в доме?

– Ну, почему посторонним? Есть же и какие-то мужские дела, и детьми многие занимаются. Конечно, чем комфортнее жизнь, тем меньше потребность в физической силе. И тем больше роль женщин, и в семье, и в обществе…

– И только?

– Не только. Но среди всех способностей женщин есть одна важнейшая, недоступная мужчинам. Хотя они к этому тоже слегка причастны, в начальной стадии. Да и кормить ребенка грудью мужчина не может, при всем желании …

– Вот оно! Вот это вы всегда говорите, чтобы загнать женщин на кухню, к борщам и пелёнкам. Да нет никаких различий!

– Ну, как нет? Адам и Ева чем-то отличаются друг от друга…

– Ну да, на какие-то двести граммов. А то и меньше. И это повод для неравенства? Все эти ваши якобы объективные обоснования – чушь полная. Насчет природных особенностей организма. Плевать на эту вашу объективность!

– Ну, я не знаю. Все же семья всегда была главной ценностью для женщины.

– Вот-вот! Только это и держит нас в этой кабале – страх одиночества. Хоть какая-то да семья, хоть замухрышка да мой. А какая жизнь у нее с ним, это уже невидимые миру слезы. Сколько женщин мучается с нелюбимыми мужьями! Ради детей, ради того, чтобы не остаться одинокой…

– Погоди-погоди! Но ведь мужика тоже нужно понять. Вот пришел он с работы, уставший, голодный, после той самой грязной канавы под дождём, наломавшись за день – ведь ему тоже нужно отдохнуть. Пусть даже на диване, у телевизора, с газетой или футболом. Укрыться в теплой норке, рядом с ласковой женой. Которая создает ему уют, а не проблемы. А если он не отдохнет, у него завтра будет плохая охота и плохая добыча. Это она понимает?

– А у жены какая жизнь? Кто ее понимает? На ней и работа, и дети, и его накормить, чтобы на диване отдыхал. А что взамен?

– А что делать? Если жизнь такая. Разве нас, мужиков, не

давит ее рутина? Еще как! Но мы-то понимаем ее объективность.

– А женщины не хотят этого понимать! Мужикам легко рассуждать. Они могут уйти в свои дела, дурацкие увлечения, рыбалку, футбол, и им этого достаточно. А женщину это не утешит…

– А что утешит? Любовь? Ну, так кто же против?

– Ага, вот о чем речь! О той самой супружеской обязанности? Исполнил по-быстрому, молча, потом отвернулся к стене и захрапел. И вся любовь? О какой любви можно говорить, о каких отношениях? Что вы в этом понимаете? Любовь это неустанный труд души. Да что вам объяснять!

– Что делать, мужчины — грубоватый народ.

– Думаю, что не все. Есть достойные примеры…

– Я вижу, ты ищешь какой-то идеал, но где-то не там. Слишком тонко чувствующий мужчина — это уже не мужчина. Конечно, такие встречаются. В сфере искусства немало людей с тонким душевным устройством. И соответствующей ориентацией…

– Но не все же такие!

– О чем речь! Есть и другие прекрасные примеры возвышенного отношения к женщине. Например:

– «Я помню чудное мгновенье:
– Передо мной явилась ты,
– Как мимолетное виденье,
– Как гений чистой красоты…».

– Да, знаменитое посвящение А. П. Керн. Образец высокой поэзии и настоящего отношения к женщине.

– Настоящего? А ты знаешь, что он потом писал об этой встрече своим друзьям? Причем матерными словами. Извини, но я тебе этого повторить не могу. А ты не слышала? И чему вас учат в институтах?

– Пошлости не учат.

– Понятно. И что, мы за это бросим камень в «солнце русской поэзии»? Нет, конечно. Попалась на жизненном пути красивая женщина, и великий поэт отреагировал естественно, как нормальный мужчина.

– Значит, все вы такие.

– Правильный вывод. Извини, что разочаровал. Кстати, самые лирические стихи Пушкин написал как раз о любовницах, под влиянием страсти. Насколько мне известно, своей супруге он не посвятил гениальных стихов.

– Печально.

– Марина, ты как-то идеалистически смотришь на мир.

– А разве я требую чего-то особенного, запредельного?

– Пойми, мужское мировосприятие сильно отличается от женского. Да в той же поэзии. Кого ни возьми – Лермонтова, Есенина, Окуджаву, Высоцкого – тема любви не занимает у них главного места. А женская, наоборот, насквозь пронизана чувствами, душевными переживаниями. Цветаева, Ахматова, Ахмадулина – у всех любовь на первом месте.

– А Петрарка?

– Да это клинический случай! Мужик явно тронулся умом на этой почве.

– Вот-вот. Это и есть ваше отношение к настоящей любви.

– Марина, я тебе говорю искренне. Тонкости чувств от мужчин ожидать не стоит. А вот внимания, заботы, сочувствия – можно. Только ему об этом нужно аккуратно напоминать. И тогда он устыдится и попытается что-то изменить в своем поведении. Конечно, потом он снова забудет, по своей природе. Значит, женщина обречена об этом думать за двоих.

– Обречена, да. Это самое точное слово.

В возбуждении спора она была очень хороша, и я, отвлекаясь от разговора, невольно любовался ею. Было еще совсем светло, солнце только склонялось к горизонту. Его косые лучи, пробиваясь сквозь зелень молодой листвы, освещали ее стройную фигуру в легком платье, вспыхивали золотом в пышной прическе. И этот ее воздушный облик в закатных лучах вдруг остро напомнил ту нашу первую встречу. И вновь волнение охватило меня, но в этот раз мне не хотелось его сдерживать. Аллея, по которой мы шли, была безлюдна, и я понял, что лучшего момента может и не быть. Не придумав ничего лучшего, я применил тот самый не совсем честный прием, и неожиданно, словно нечаянно, наступил ей на ногу. Она резко повернула голову, взмахнув копной золотисто-каштановых волос, а в глазах ее полыхнуло зеленое пламя. Ого! Вот оно. Но я был готов к подобной реакции, и ответил ей прямым жестким взглядом. Никаких извинений! Несколько секунд наши зрачки напряженно боролись, пытаясь превозмочь взаимное сопротивление, но голубой поток моей воли все же погасил зеленое пламя ее глаз и хлынул в их раскрывшуюся глубину. «Прощаю» – ответил ее взгляд, и я, с силой притянув ее к себе, впился в долгожданную сладость губ. Это было какое-то помрачение рассудка, но в этот раз я не хотел сдерживать себя. Ее упругая, спортивная фигура напряглась, но я еще сильнее сжал ее в объятиях. Через несколько мгновений ее сопротивление ослабело, руки уже не упирались, а лежали на моей груди, веки опустились, и она мягко и покорно отдалась

объятию моего напряженного тела. Время и пространство растворились в страстном поцелуе. Казалось, он длился бесконечно долго. Наконец, она откинула голову и взглянула мне в глаза. Покорена? Не тут-то было! Ее затуманенный взор быстро прояснился, и она с неожиданной силой оттолкнулась от моей груди. В ее глазах полыхнула непримиримость дикой кошки, и я невольно отпрянул. Ничего себе! Ну и воля, ну и самообладание! Я сам с трудом приходил в себя. О, Боже, как прекрасна она была в своем чувственном смятении. Улыбка сошла с ее лица, на щеках алел румянец, а грудь вздымалась от бурного дыхания. Как мне хотелось снова обнять ее тонкую, гибкую талию, нежно и сильно прижать к себе, слиться с ее телом! Прикасаться к ней, чувствовать бархатистую нежность ее кожи, гладить ее руки, плечи, спину, припасть губами к вожделенной нежности шеи, вдохнуть дурманящий аромат волос. Каким сладким было ее дыхание! Какими желанными казались только что принадлежавшие мне губы! Она резко отвернулась и, не говоря ни слова, быстро пошла по аллее парка. Я бросился за ней, но она повернулась и, вытянув руку останавливающим жестом, сказала: «Нет!». В растерянности я глядел ей вслед, словно провожал взглядом сказочную синюю птицу, только что трепетавшую в моих руках. А она уходила все дальше в сумеречную тень липовой аллеи, и вместе с ее удаляющимся силуэтом в мою душу вливалась тупая ноющая боль.

Я позвонил ей на следующий день, но трубку сняла ее мать и ответила, что Марины нет дома. Через пару дней я позвонил снова и услышал тот же ответ. Теперь она была совершенно недоступна. Вновь и вновь я обвинял себя в глупой самонадеянности: зачем я сделал это, зачем так грубо, по-дурацки разорвал ту тонкую нить, которая связала нас? Ах, дурак, тебе опять не хватило своего ума! Никогда, никогда не нужно слушать чужих советов! Да и нужен ли ум в этих тонких делах? Сердце, свое сердце — вот лучший советчик. Ведь я чувствовал, что делаю что-то не то. Ненужное, неправильное. Зачем я сделал это, зачем? Показал мужскую силу? Разве так ее нужно показывать? Но неужели это все? Неужели нельзя простить? Неужели она не даст мне шанса оправдаться? Как быть дальше? Позвонить еще раз и снова вызвать раздражение ее родителей? Караулить у дома, пытаясь вымолить прощение? Нет! Это унизительно, это вызовет только презрение. Что же делать?

Ах, Марина, Марина! Она заполнила собой всю мою душу. Тень ее волшебной улыбки, смеющиеся глаза, весь ее летящий облик стояли перед моим внутренним взором, всплывали в сновидениях, переплетаясь с всплывающими из памяти сюжетами

морских приключений. В этих мечтаниях неизменно фигурировал необитаемый остров, на котором оставались только она и я. Вот она, вольная рыбачка, непреклонная большевичка и я, благородный белый офицер, вдвоем на пустынном берегу. Я ранен, а она рвет на себе рубашку и перевязывает мою окровавленную грудь, и я вижу прямо над собой ее взволнованное лицо, чувствую сладкое дыхание, вырывающееся из алых губ, замечаю вспышки чего-то вожделенно белого, проглядывающего сквозь разорванную рубашку, а ее бережные прикосновения, переходящие в ласку, сводят меня с ума. И дальше моя фантазия разыгрывалась уже не на шутку. А еще лучше в тропиках. Я, молодой ученый, направляюсь в Южную Америку для научных исследований, и она, недоступная в своей красоте и богатстве, дочь крупного латифундиста, возвращается из Европы, после окончания пансиона, в имение своего отца. Я наблюдаю за ней издали, но стесняюсь своей бедности и не решаюсь подойти. Но вот налетает ужасный шторм, разбивает бригантину о прибрежные рифы и выбрасывает нас, единственных выживших, на необитаемый остров. Моё плечо пробито осколком мачты, я лежу в беспамятстве на берегу лагуны и сквозь бред замечаю над собой ее прекрасное лицо в обрамлении спутанных волос, вижу, как она рвет на своей груди неуместные здесь кружева и склоняется надо мной. И снова начинает работать мое неуемное воображение, которое уводит меня очень-очень далеко. А может быть и так: она — предводительница пиратов, морская душа, огневолосая Грануаль, отчаянная разбойница, а я офицер королевского флота. Мы сражаемся с ней в абордажной схватке и оба падаем за борт. Корабли уплывают вдаль, а нас выбрасывает все на тот же необитаемый остров. И снова она склоняется надо мной, пытаясь перевязать остатками одежды мои кровоточащие раны, нанесенные ее же рукой…

Соленый, свежий налетает бриз
И пену горькую в лицо мое швыряет.
Потрёпанный в боях пиратский бриг,
Скрипя и кренясь, волны разрезает.
Трепещет на ветру линялый флаг –
«Веселый Роджер», компаньон в набегах,
Его улыбка вызывает страх
На чинных королевских каравеллах.
А мы летим на полных парусах
Туда, где нас добыча ожидает,
Вкус рома на прокуренных усах –
Фортуна нас пока не покидает.

Мы этот куш, черт побери! сорвём
В коротких, жарких абордажных схватках.
Пиастры, золото и в бочках добрый ром –
Добыча наша. Мы дерёмся без оглядки!
Мы – джентльмены удачи, игроки
Игры, в которой ставки – наши жизни.
Я верю твёрдости своей руки,
А остальное пусть решит Всевышний!
Мы песню жуткую и грубую поем
Пока мы живы, веселы и пьяны…
Марина, море в имени твоем!
А ветер холодит былые раны.

Семидесятые, золотые семидесятые! Они остались в памяти своими незабвенными мелодиями. Какая это была музыка! Свежая, необычная, ожидаемая и всегда радостно неожиданная. С каким интересом мы ее ждали! Как отбирали любимое, записывали на магнитофоны, обменивались записями, радовались новым звездам на музыкальном небосводе. Одни из них светили долго и ярко, другие вспыхивали и тут же гасли. Но все они несли нам радость, все остались в нашей благодарной памяти. Да, мы были истинными меломанами, ценили энергетику и гармонию этих мелодий, пусть даже не понимая текстов. Наш бескорыстный и непредвзятый интерес не всегда совпадал с их популярностью там, у них, на Западе, но нам были неважны заграничные рейтинги, мнения критиков и даже западной публики. Мы искренне любили их за красоту музыки. И до сих пор они, наши любимые исполнители, уже постаревшие, малоизвестные в своих странах ранее и полностью забытые ныне, приезжают к нам на гастроли и собирают полные залы благодарных слушателей. Спасибо же вам, далекие музыканты, композиторы и поэты, от мальчиков и девочек, живших в те годы в городах и поселках огромной страны. Спасибо за то, что скрашивали нашу жизнь, за те минуты радости, которые дарили нам своей музыкой, сами не ведая того. Спасибо за то, что были фоном наших юношеских влюбленностей, наших сбывшихся и несбывшихся надежд, нашей молодости.

Вот и тем летним вечером я лежал на койке и слушал любимую кассету, пеструю смесь записей с различных грампластинок и радиопередач. Звучала популярная в то время «What Can I Do» группы Smokie. Рыдающий голос Криса Нормана вполне соответствовал моему душевному состоянию. Что я могу сделать, что? Я глядел в раскрытое окно и думал о своей

безответной любви. Думы мои были безрадостными, безнадежными и бессмысленными, и только музыка облегчала душевную боль. Резкий стук в дверь вывел меня из прострации, а внезапно распахнувшаяся дверь явила знакомый образ. Его появление было неожиданным – я давно его не видел, он снова где-то долго пропадал. Но это была одна из тем, включая личную жизнь, которые мы по умолчанию уже не затрагивали. И снова он был в явном подпитии и веселом настроении:

– Ну, привет! Те же лица и в тех же позах. И не стыдно, перед лицом бодрствующих товарищей?

– Опять взбодрился? В вашем игривом поведении появляются нездоровые тенденции…

– Да так, чисто символически. Издержки популярности среди местного населения.

– Кто бы сомневался! Но Козьма Прутков предупреждал: от малых причин бывают большие последствия…

– Не в этом дело!

– А в чем, в конце концов?

– А хрен его знает!

– Кончай придуриваться! Ты же у нас великий мудрец. Сидишь в башне из слоновой кости, великие истины постигаешь. Отвечай, если уж явился ни свет, ни заря, на ночь глядя.

– Вот это по-нашему! Узнаю брата Колю. По радушному приему. Разве так встречают заморских гостей? Ты меня сначала напои-накорми, в баньке попарь, спать на перине уложи, а потом уже спрашивай, кто я такой и чего приперся.

– Будет тебе и пух, и перина, и перо в одно место. Коли всю правду не скажешь. Признавайся как на духу: в чем она, высшая мудрость жизни?

– Опять ты меня пытаешь. Как буржуины Мальчиша-Кибальчиша.

О высшей мудрости, смысле жизни, мыслящих зайцах, саморазвитии материи, апологии мещанства, дуэли на стулах, произвольной программе и духовных поисках

– Я как-то задумался: а что мы постигаем к концу своего земного пути? Какую великую мудрость может сказать человек, уходящий из этого мира? В самый последний, самый трагический момент жизни. Самое важное, самое главное — что?

– У всех по-разному. Павлов, например, до последнего мига служил науке: диктовал ученикам ощущения умирающего человека. Можно сказать, буквально реализовал мечту Монтеня: «Cum moriar, medium solvar et inter opus[12]».

– Достойный уход. Но научные подвиги не каждому по силам.

– А умирающий лавочник Абрам долго и подробно выяснял, все ли родственники собрались у его постели. А когда оказалось, что все, заорал: «А в лавочке кто остался, я вас спрашиваю?!».

– С Абрамом ясно. А если взять обычного человека, не Абрама? Вот, скажем, жизнь прожита, все познано, вся мудрость собрана — и что можно поведать потомкам? Какую великую истину?

– Одну? Великую и ужасную? Может, ее и нет такой…

– Значит, зря буржуины пытали Мальчиша?

– Конечно, зря. Ничего он им не выдаст. Даже свою родную таблицу умножения.

– А тебе лично? Неужели нечего сказать прогрессивному человечеству? Наболевшего, накопившегося. Отвести душу напоследок.

– Попробовать можно. Но, боюсь, для этого придется прочитать целую лекцию. С цитатами, иллюстрациями, показом слайдов…

– Я себе это представляю. Ты за кафедрой, в инвалидной коляске. После тяжелой, продолжительной болезни, не приходя в сознание, читаешь великую лекцию. Аудитория переполнена, в углу венки. В первых рядах безутешные родственники и друзья. Дежурный с черной повязкой отмечает посещаемость. Все присутствующие, утирая слезы, конспектируют твои мудрые мысли. Ассистентка в траурной мини-юбке подает наглядные пособия, посверкивая аппетитными коленками и ненароком

отвлекая публику от бессмертных истин. В задних рядах, не скрывая печали, играют в «балду». Кто-то, грустно вздыхая, подкрашивает губы, кто-то со скорбным видом договаривается о свидании после поминок…

– Примерно так.

– Но что ты скажешь людям в этом прощальном слове? Может, раскроешь тайну смысла жизни?

– А, вот оно что! Значит, и тебя достает этот извечный вопрос русского интеллигента? Крик души чеховских героев. Зачем я пришел в этот мир? В чем мое предназначение? Ведь не зря Господь дал мне разум, душевные и физические силы, саму возможность жить на этой грешной земле? И так далее, в духе Васисуалия Лоханкина. А вопрос-то яйца выеденного не стоит.

– Ничего себе! Тысячелетиями люди мучаются…

– А зачем? Пришли бы и спросили.

– Ну, ты и наглец!

– Как говорил Конфуций, ответ, который ты ищешь, в тебе самом. И для этого не обязательно ездить в тибетские монастыри.

– А я уж было собрался…

– За просветлением? Ну и дурак! Впрочем, ты не один такой. Немало знаменитостей возвращалось оттуда в некотором недоумении. Ладно, так и быть — тебе скажу. Записывай: нет его! Не существует какого-то единого, универсального смысла жизни. Можешь спать спокойно.

– Ну, спасибо! Утешил. Значит, и твоя жизнь не имеет смысла?

– Вот! С этого и надо было начинать. Чьей жизни? Моей, твоей, кота Васьки, завхоза Кузькина? Или его жены? А может всего человечества?

– Ну, хоть чьей-то!

– Ну, что же, начнем с главного. Со смысла жизни кота Васьки. То есть, с живой природы…

– И ты считаешь жизнь какого-то кота или зайца осмысленной?

– Конечно! Хотя он сам об этом может и не догадываться.

– И где ты встречал мыслящих зайцев?

– Я не встречал. Но это не значит, что их нет. Вот у Платонова один из персонажей утверждает, что все животные умеют думать. И лошадь думает, и корова, и собака. Только рыба не думает.

– Это почему же?

– Потому что уже знает.

– Это сильно!

– Рыбе это дело без надобности.

– Представляю себе этих умных зайцев. Размышляющих над своей нелегкой судьбой…

– Беда в том, что им не удается додумать эту мысль до конца.

– Волки мешают?

– Ну да. Как только какой-нибудь заяц-философ погружается в размышления о смысле жизни, он тут же попадает в зубы хищнику. Взрослые зайцы, конечно, успевают передать эту сверхзадачу молодому поколению, но решить ее им так и не удается. И в этом великая трагедия всего заячьего племени…

– Воистину, горе от ума. А сами волки что об этом думают?

– Ничего. Все их мысли о зайцах. Потому что они любят зайцев.

– Всей душой?

– Всем желудком. И это естественно. Ведь если не считать мыслящих зайцев, все остальные животные заняты собственным выживанием. В этом и состоит смысл их жизни.

– То есть, смысл жизни в самой жизни? Это банально!

– А вот здесь ты не прав. На самом деле это очень глубокий вопрос. Вопрос о побудительной причине жизни, об источнике воли к жизни. Жизнь самая главная ценность для всех существ. Но почему? Что заставляет нас бороться за жизнь до последней возможности?

– Странный вопрос. Все живое хочет жить, стремится размножиться, захватить как можно большую территорию…

– Но что их к этому побуждает?

– Ну, витальная сила, сила жизни…

– А она откуда берется?

– Ну, есть она, и все!

– Это ответ двоечника. Но в данном случае он заслуживает пятерки. Жажда жизни – имманентное свойство живой природы. Существование всего живого на Земле определяется наличием этой силы. У кого ее нет, тот и не живет, давно исчез с лица планеты. А побеждают те виды, у кого воля к жизни сильнее. Эта сила зародилась вместе с первым живым организмом, который оказался способен существовать и давать потомство. А механизм ее реализации записан в ДНК.

– Но у этой жизненной силы есть какая-то цель?

– Да, есть. Саморазвитие материи. Жизнь – это форма и способ саморазвития материи. Материи в широком смысле слова. Как всего сущего. Мы уже об этом говорили. О Великой Игре. Во Вселенной идет постоянная трансформация материи – превращение вещества в излучение и наоборот. Материя то рассеивается в пространстве, то конденсируется в различные космические объекты. В ходе этих пульсаций возникают и

взрываются звезды, формируются галактики и планетные системы…

– Опять ты про космос! Уселся на любимого конька…

– А куда от него деваться? Только глядя в небо, можно понять происходящее на Земле. Все, что нас окружает, как и мы сами, состоит из атомов, возникших в бездонных просторах космоса. И вот, в ходе бесконечно долгой, бессмысленной космической мешанины возникает жизнь, особое состояние материи. Это такая ее форма, которая способна развиваться, используя вещества и энергию окружающей среды.

– И что, все развиваются? И зайцы? И волки?

– И зайцы, и волки. Только завхоз Кузькин не развивается.

– Потому что достиг совершенства?

– Потому что завхозы прекратили свое развитие. Это тупиковая ветвь эволюции. А современные зайцы однозначно умнее, чем их античные предки. Потому что естественный отбор продолжается…

– А дальше что? Куда идет это саморазвитие? Что является конечной целью? Мы сами? Или что-то неизвестное, что мы должны придумать и сделать? Чем сердце успокоится, в конце концов?

– И ты думаешь, что я тебе прямо сейчас, причем бесплатно, сообщу эту самую великую тайну? Которую так и не выдал Кибальчиш проклятым буржуинам?

– Почему бесплатно? Назови свою цену. Поторгуемся, как культурные люди.

– Ладно, записывай, студент. Конечная цель Великой Космической Игры неизвестна в принципе. В процессе саморазвития материи идет поиск этой цели. Или даже ее формирование…

– Ничего себе!

– А ты как думал! Во Вселенной не все так просто, как кажется на первый взгляд. И это саморазвитие материи, в итоге, приведет к такой, пока неизвестной, ее форме, которая и станет оправданием существования самой Вселенной. Возможно, впрочем, что этот процесс бесконечен…

– Постой! Ты хочешь сказать, что в данный момент его нет? Этого всеобщего смысла. Пока мы с тобой его не нашли?

– Он априори неизвестен. И не только нам с тобой. Вселенная для того и существует, чтобы найти этот смысл.

– Всего лишь? Все планеты, звезды, галактики — все для этой скромной цели? Бред. С таким открытием тебя примут в сумасшедший дом без вступительного экзамена. Достаточно будет одного собеседования…

– А между тем это мое скромное, как ты заметил, открытие имеет огромное значение. Потому что отметает все сомнительные концепции, освещает путь в будущее, вносит полную ясность в перспективы цивилизации. Которая должна осознать, сформулировать и воплотить этот смысл. На этом великом пути человечество может ставить любые, самые грандиозные задачи, штурмовать неведомое, создавать невиданное. Твори, выдумывай, пробуй!

– Спасибо. Как-нибудь попробую, в свободное время. Значит, нашей конечной целью является поиск смысла существования Вселенной?

– Ну да. Нам предоставлен такой шанс. Наравне с другими цивилизациями.

– Хорошо, что прогрессивное человечество не догадывается об этом ответственном задании. Которое ты, походя, взвалил на него.

– Согласен. Оно еще не доросло до этого. Но задание это возложил не я, а породившая нас природа. А будем мы его выполнять или нет, зависит от нас. Можно и не выполнять. Галактической Конституцией это не запрещено. Но тогда мы превратимся в стагнирующую цивилизацию, цивилизацию обывателей. И я подозреваю, что таких во Вселенной большинство. Именно поэтому их не видно и не слышно. Никуда не высовываются, живут в свое удовольствие на уютных планетах, со всеми удобствами, с теплым туалетом…

– А санузел раздельный?

– С импортной сантехникой. Жратвы и шмоток — завались.

– И джинсов? И дубленок?

– Сколько угодно — самых лучших фирм. Решили все проблемы, организовали экологическую промышленность, эффективное сельское хозяйство. Отрегулировали численность населения — всем всего хватает, никаких внутренних конфликтов. Полноценно питаются, красиво одеваются, развлекаются любовью, кулинарией, искусствами, спортом, путешествиями. Немного поработали, немного отдохнули. Выпили пивка, сходили в кино, посидели в приличном ресторане. Короче, построили общество потребления в планетарном масштабе.

– Однако неплохо устроились ребята…

– Вот именно. Мирные, добропорядочные бюргеры. Сами живут и другим не мешают. В чужие дела не лезут, и к себе в гости никого не зовут…

– «Мы им посылаем сигналы туда, а нас посылают обратно»?

– А на кой им нужны наши сигналы? Лишнее беспокойство.

– Обидно. Мы же со всей душой.

– А что делать? Соседей по Вселенной не выбирают.

– Значит, есть-таки рай на небесах? Я бы не против так пожить.

– У тебя нищенская психология. Рай это застой. Райская жизнь наскучила даже Адаму и Еве. А мы с тобой там просто озвереем.

– Ну почему? Лежали бы сейчас на травке, под сенью райского сада и так же рассуждали на отвлеченные темы. Кругом цветы благоухают, бабочки порхают, птички щебечут — благодать! На работу ходить не надо. Питание висит на ветках…

– Вегетарианское.

– Но в изобилии. Хлебнул амброзии, закусил спелыми фигами…

– Фигу тебе! Спелую. Ты забыл о райской дисциплине. Одни плоды разрешено пробовать, а другие — ни-ни! Даже в Эдеме человеку не было полной свободы. А сам библейский рай больше похож на природный заповедник для редких видов животных. К которым и относился человек в те исторические времена.

– И все равно хорошо. Гедонизм как высшая стадия коммунизма. Вековая мечта человечества…

– Будем считать, что я этого не слышал.

– А вот интересно, если наша цивилизация преодолеет все угрозы и будет неограниченно развиваться? И, в конце концов, станет всемогущей? Что это будет?

– Про это есть рассказ у Станислава Лема. О цивилизации, достигшей абсолютного могущества. Они могли вытворять с природой, что хотели, причем в космических масштабах. Их и находили по характерному признаку — их звезда имела форму чемодана.

– А зачем?

– Ну, так им захотелось. А могла бы иметь вид пивной кружки. Или унитаза.

– Ну, Лем — известный юморист.

– На самом деле это серьезная тема. Есть мнение, что именно такие аномалии позволят обнаружить сверхцивилизацию. Если где-то особым образом используется энергия звезды или, например, все планеты собраны на одну, самую удобную для жизни, орбиту.

– Понятно. А как жила эта суперцивилизация?

– Их планета представляла собой помойку.

– Ленились убирать?

– Да им вообще все было по фигу! Они же всемогущие. Сидели среди мусора, потягивали пивко и смотрели

порнографию.

– Неужели и мы к этому придем, Василий Иваныч?

– Не скоро, Петька. Разве что при полном коммунизме.

– Ну почему? Мусор и порнография нам уже по силам. Подозреваю, что так оно и дальше пойдет. И загадывать нечего. Человечество сделает со Вселенной то же самое, что и с Землей – изгадит и замусорит. Это и есть наша глобальная космическая цель.

– А тебе не кажется, что само наличие разума у человека предполагает развитие? И даже делает его неизбежным?

– Разума? Где ты его видишь? Оглянись по сторонам.

– В любом случае, мы не станем такими космическими сусликами, с импортной сантехникой. Хотя бы из присущего человеку любопытства…

– Конечно, нет! Мы, скорее, взорвем нашу коммунальную планету. Вместе с соседями-сволочами и тараканами. По простоте душевной и гордости характера.

– Не исключено. А вот на всемогущество рассчитывать не стоит. Мне кажется, масштабное самоуправство во Вселенной в принципе невозможно. Супервозможности суперцивилизации это угроза самой Вселенной, потенциальный инструмент ее самоуничтожения. И этому наверняка поставлены какие-то природные барьеры.

– А есть гипотеза, что в этом и состоит наша конечная цель.

– Осмысленное вселенское самоубийство? Ну, это действительно пессимизм в космических масштабах. Но зачем?

– Чтобы прекратить гедонизм и застой. И начать новую игру.

– В этом нет необходимости. В моей модели пульсирующей Вселенной все это уже предусмотрено. Гаснут старые звезды и вспыхивают новые, исчезают и появляются планетные системы, на них возникает жизнь, развиваются цивилизации. То есть, идет непрерывный круговорот материи, в разнообразных ее формах…

– Стоп-стоп! Опять уселся на любимого конька. Давай сначала разберемся с тем самым смыслом человечества. Как ты предлагаешь его искать? Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

– Примерно так. Но его не нужно искать специально. Он сам проявится, по ходу дела. Тем более, что развитие цивилизации идет само собой, независимо от воли и желания людей.

– Значит, бредем в будущее наугад? Куда кривая выведет?

– Именно так. Об этом еще Н. Рубинов говорил. Та самая кривая природы. А не кривой человеческий разум. Потому что нет ее, единственной концепции прогресса. Но в каждый конкретный период можно найти более-менее адекватную модель. И

человечество обречено на их постоянный поиск…

– С последующим насильственным внедрением?

– По возможности избегая кровопролития. В любом случае мы должны понимать нашу ответственность перед матушкой-природой. Быть благодарными за жизнь, которую она нам дала, за уникальные условия на нашей уютной планете. Жить мирно и дружно, совместно находить эффективные пути развития…

– Снова проповеди пошли?

– А что делать? Банальность это избитая истина. Но это истина. Как бы это ни было кому-то противно. А для начала обеспечить всем людям достойный уровень жизни. Для этого, возможно, придется отрегулировать численность населения…

– Ого, Мальтусом запахло!

– Ничего страшного. Это лучше, чем войны и взаимное уничтожение. А избыточные средства направлять не на сверхпотребление и вооружение, а на познание окружающего мира. Экономно использовать ресурсы, сохранять генофонд, разнообразие растительного и животного мира, человеческих этносов…

– Не обижать маленьких, уступать место старушкам, инвалидам и беременным…

– Диалог в переполненном автобусе: « – Девушка, уступили бы место пенсионеру. — А я готовлюсь стать матерью. — Что-то незаметно. — А разве через два часа бывает заметно?».

– Вот и я о том же. Смысла-то особого не заметно.

– Ничего. Может, через два часа будет заметно. А почему, собственно говоря, это тебя раздражает? Разве есть альтернатива всеобщему развитию?

– На планете живут миллиарды людей различных рас, культур и религий. У каждой страны свои особенности, традиции, культура. Разве можно всех загнать в общее стойло?

– Особый национальный путь? Куда? В сторону от прогресса? Самодержавие, православие, народность? Какую бы самобытную идею ты ни придумал, все они будут ущербны без составляющей развития. И почему, кстати, одно мешает другому? Возьми, к примеру, японцев. Уникальнейшая культура, а как рванули в последнее время. Всемерное развитие — самая лучшая национальная идея. Подойдет любой стране. Тем же британцам ни королевская власть, ни аристократия не мешают быть в числе мировых лидеров.

– Но разве они объявляли свою национальную идею?

– Они ее реализуют без объявления.

– Значит, к национальной идее любой страны нужно добавлять слово «развитие»?

– Обязательно! Или хотя бы «прогресс».

– Да все африканские страны давно это сделали! А дальше что? Сколько ни говори «прогресс», во рту слаще не станет. Что конкретно надо делать?

– Да что угодно! Кому что нравится. Что на ум взбредет. Природе все интересно.

– Ну, ладно. Уговорил. Я согласен на прогресс. Пусть он будет. Я даже готов подождать. А сколько нужно ждать?

– Нет, молодой чемодан, халява не прокатит. Вкалывать придется по полной программе. Расти над собой, развиваться. Причем по максимуму, на пределе сил. Помнишь, как Алису учили бегать в Зазеркалье? А кто не будет напрягаться, тот останется на том же месте, на обочине прогресса…

– Погодите, профессор, я записываю.

– Короче говоря, нужно прилично вести себя в Галактическом Сообществе.

– И каждый день молиться?

– Ну да. Поэтому все мировые религии в той или иной форме благодарят Бога за дарованную жизнь и призывают людей к добру ради общего блага. Как и я тебя. Покайся, грешник!

– И что в итоге этой душеспасительной проповеди?

– «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!».

– И ты думаешь, завхоз Кузькин откликнется на этот призыв?

– А его никто и не спрашивает. Он участвует в этом процессе помимо своей воли. Хотя бы на животном, биологическом уровне…

– Как кот Васька?

– Как хомяк, который все тащит в свою норку. И правильно делает. Так и должно быть. Потому что своя норка ближе к телу. Сытая, спокойная жизнь — предел мечтаний миллионов людей во всем мире. Задумываться о смысле жизни имеет смысл на сытый желудок. А когда у тебя не хватает еды, тут не до высоких материй. И цель появляется сама собой.

– А цель и смысл это одно и то же?

– Нет. Цель — понятие конкретное, а смысл — абстрактное. Цель субъективна, а смысл объективен. Добиваясь конкретных целей, можно прожить абсолютно бессмысленную жизнь. И в то же время жизнь любого существа имеет биологический смысл независимо от его конкретных целей…

– Значит, шкурный интерес прежде всего?

– А ты думаешь, выживание это простая задача? В природе идет ежедневная, ежечасная борьба за жизнь. Эта борьба всегда была трудной, жестокой, на пределе сил. И никакого Эдема,

никакого «золотого века» на Земле никогда не было. Люди были рады простейшему благополучию. Собрали, допустим, хороший урожай, значит, можно будет пережить зиму, скотинка-кормилица в хлеву сено жует, избушка теплая, дрова заготовлены, детишки подрастают, не болеют, не голодают — что еще нужно для счастья?

– Дай-ка платочек, слезу утереть…

– Свой надо иметь. А не побираться тут. Короче говоря, жизнь диктует нам свои суровые законы. Поэтому все стараются получше устроиться в этой жизни. Это первичная цель. Чего, к примеру, желают нормальные родители своим детям?

– Крепкого здоровья и счастья в личной жизни. На долгие годы.

– Вот именно. А еще материального благополучия. Но для многих даже эта цель остается недостижимой. Да и сами потребности, сволочи, постоянно растут. Потому что когда хорошо, хочется, чтобы было еще лучше. Поэтому люди всю жизнь тянутся за убегающей морковкой: работу попрестижнее, машину покруче, квартиру побольше…

– Жену помоложе. Кстати, о семейных ценностях. Как насчет смысла жизни жены завхоза Кузькина?

– Жизнь жены завхоза Кузькина наполнена конкретным смыслом: она ведет домашнее хозяйство и воспитывает его бездарных детей. Она, как и кот Васька, живет, подчиняясь законам природы, а значит, мудро и правильно. Ей не до философий.

– Сомнительный комплимент.

– А я тут причем? Природа возложила на женщин функцию продолжения человеческого рода. Именно в этом смысл жизни женщины. Мы об этом, кстати, уже говорили.

– Выходит, что все мы — мужчины и женщины, зайцы и завхозы — живем осмысленно? Сами того не подозревая?

– Абсолютно! Это на первый взгляд кажется, что особого смысла в жизни простого человека нет. Ну, работает, чтобы прокормить себя и свою семью. Ну, старается добиться каких-то успехов, лучших условий, достатка. Но этой ничем непримечательной жизнью каждый из нас поддерживает существование человеческого рода. Выжил и размножился — молодец! Низкий тебе поклон. От лица матушки-природы. И всего прогрессивного человечества.

– Может, еще и медаль за это давать? Имени Кузькина.

– Нет, достаточно моей устной благодарности. Тем более что все и так этим занимаются. Но даже зарабатывая на собственное пропитание, люди работают на общую пользу. И это вносит в

жизнь любого человека дополнительный, общечеловеческий смысл. Природа сама позаботилась об этом, заставляя нас добывать хлеб насущный. Думает человек о смысле жизни или не думает, это неважно. Можно прожить и без этих глупостей.

– Как завхоз Кузькин?

– А чем он хуже других?

– Однако, ты делаешь из завхоза героя нашего времени. А ведь он всего лишь обыватель. Пустое место, по большому счету. Доволен своей уютной квартиркой, рюмочкой под хорошую закуску, теплой женой под боком, всем своим мещанским бытом. Ничего ему больше не нужно, ни к чему он не стремится. Как сытый поросенок в теплом хлеву. Разве для этого рождается человек?

– А, по-твоему, для счастья? Как птица для полета? Так Кузькин и нашел свое счастье. Только не птичье, а поросячье. И он имеет на это право. Как живое существо, Кузькин выполнил свою функцию – выжил и дал потомство. И если его самого не беспокоят нереализованные способности, то и спроса с него нет. Все, что свыше биологического выживания, дело абсолютно добровольное.

– И это все? Пить и жрать от пуза, иметь всех попавшихся баб?

– Всех баб иметь невозможно. Но к этому нужно стремиться.

– То есть, дать волю животным инстинктам?

– А, по-твоему, их нужно подавлять? Эти инстинкты даны человеку природой. И вкус еды, и острота секса притягательны потому, что нужны для продолжения жизни. Зачем отказываться от этих естественных радостей? Как мудро заметил Н. Рубинов, если человек хорошо покушал, он уже не зря прожил день…

– Про радости жизни есть анекдот. Разговорились как-то три попутчика. Тридцатилетний хвастается: «Видели бы вы, какую классную бабу я имел этой ночью!». Пятидесятилетний: «А как мы вчера классно посидели в кабаке!». А семидесятилетний: «Эх, молодежь! Знали бы вы, какой у меня сегодня был классный стул!».

– Про классный стул есть школьный анекдот: « – Марь Иванна, Вовочка меня обидел, бросил в меня стулом. – Но ты же мальчик, ответь ему тем же. – Я не могу, он у меня жидкий».

– А чего? Дуэль на стулах – это круто! Представляешь? По команде секундантов противники сходятся и начинают забрасывать друг друга стулом…

– Картина маслом!

– Что ты! Батальное полотно. Снаряды свистят! Брызги летят! Дуэлянты и секунданты с ног до головы покрыты стулом…

– Недолет, перелет и, наконец, прямое попадание!

– И некролог: пал, сраженный стулом.

– Так будет с каждым, кто пойдет против законов природы.

– Твоя защита Кузькина — апология мещанства. Я от тебя этого не ожидал.

– Да, апология. Причем, научно обоснованная. Потому что многочисленное, сытое мещанство — признак благополучия человеческого общества. Его фундамент как биологического вида. Не знаю, как там мафия, но мещанство действительно бессмертно. Попытка ликвидации мещанства самоубийственна для любой власти. Впрочем, она невозможна в принципе, ибо противоречит фундаментальным законам природы.

– Да здравствует мещанство!

– Сытое будущее всего человечества.

– И не стыдно? Воспевать скотское состояние человека. То самое, о котором говорил кто-то из чеховских героев: «Только едят, пьют, спят, потом умирают… родятся другие, и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут». Разве ты сам не видел этого пьянства и дури? От внутренней пустоты, от скуки и бессмысленности жизни…

– А ты, оказывается, знатный обличитель мещанства. Продолжатель традиций русской интеллигенции. Которые ее и погубили.

– Почему только русской? Еще Сократ заметил, что удовлетворение животных потребностей не дает человеку удовлетворения. А Шекспир в «Гамлете» говорит об этом прямо: «Что значит человек, когда его заветные желанья — еда да сон? Животное — и все»…

– Ладно, хватит цитат! Я защищаю права обывателей, а не их образ жизни. Конечно, люди в своем большинстве эгоистичны, трусливы, инертны и заняты своими шкурными интересами. Но именно эта биомасса и обеспечивает выживание вида…

– Но ведь не все такие!

– Правильно. Есть и другие. Те, кому нужно больше всех. Но не выпивки, жратвы и баб, а чего-то поинтереснее. Люди, которые открывают новые пути, совершают прорывы в неведомое, ставят перед собой большие цели. И достигают их! Именно эти созидатели и пассионарии обеспечивают прогресс человечества.

– Но ведь они тоже не ангелы. И движет ими та же банальная алчность. Да еще неуемное честолюбие.

– Алчность и честолюбие как двигатель прогресса? Ну и прекрасно! Если это стимулирует людей, побуждает к

самореализации.

– Ладно. Давай подведем итоги. Значит, наша первоочередная задача – выжить, а если получится – принести пользу людям. Правильно?

– Правильно. Природа предлагает нам исполнить обязательную и произвольную программу. Как в фигурном катании. Программу-минимум, биологическую функцию, исполняем мы все, самим своим существованием. Честно делая свое дело, обеспечив свою семью, воспитав порядочных детей, осчастливив любимую женщину, ты уже проживешь достойную жизнь. Как мудро заметил Окуджава: «Может, и не станешь победителем, но зато умрёшь как человек»…

– Это как в заповедях, что ли? Не убий, не кради, не блуди? А если нечаянно оступился, совершил ошибку? Да мало ли что может случиться! Не все в этой жизни зависит от нас.

– Не удалась личная жизнь? С блеском исполни произвольную программу. Сделай что-то великое для человечества, оставь след в благодарной памяти потомков. Спроектируй самый быстрый самолет, самый большой корабль, построй самый высокий небоскреб. Сделай великое открытие, напиши самую умную книгу. Обыграй всех в шахматы, в футбол, в крестики-нолики!

– Сыграй на губной гармошке Третью симфонию Бетховена…

– Да все его симфонии! Прыгни выше головы, докажи им всем! Пусть знают, кто такой Вовка Сидоров. Чтобы все тобой восхищались, чтобы писали о тебе в газетах и на заборах…

– И в энциклопедиях!

– Разумеется. Между Достоевским и Наполеоном. А ты посчитаешь буквы – про кого больше написали – про тебя или Моцарта?

– Уж этого я не упущу!

– Дай-то Бог. То, что мы оставляем людям, и есть наш след на этой земле. И никакого другого бессмертия нет. Но реализовать в полной мере то, что заложено в нас природой, и есть наша сверхзадача. Природа самовыражается, совершенствуется посредством наших способностей. Она дарит их нам при рождении, и ждет от нас их воплощения. И мы должны оправдать ее надежды. В этом и состоит высший и конечный смысл человеческой жизни.

– И это все?

– Все. Точка. Не только главное, но и единственное. Необходимое и достаточное. И только тот из нас выполнил свое предназначение, свой долг перед матерью-природой, кто может сказать: «Я сделал все, что мог».

Или, как Высоцкий: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед ним». И в этом истинное человеческое счастье. Я все сказал. Хау!

– Аминь. Можно я встану с колен, святой отец?

– Нет. Стой, где стоишь.

– Да это все давно известно! Еще у Чехова, в «Трех сестрах», кто-то рассуждал на эту тему: «Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье».

– Ну да. А Монтень об этом писал еще раньше: «Мы рождаемся для деятельности». Моя историческая заслуга не в открытии, а в обосновании этих закономерностей. Я доказываю их истинность. Причем с глобальных, космических позиций. И этим самым превращаю общеизвестные эмпирические знания в объективные законы.

– От скромности ты, конечно, не умрешь.

– И другой чеховский герой, купец Лопахин говорит о том же: «Когда я работаю подолгу, без устали, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего». И он прав. Смысл жизни мужчины действительно в том, чтобы реализоваться, сделать что-то стоящее, что можешь сделать именно ты. Ради чего ты пришел в этот мир.

– А ради чего стараться? Чтобы лучше жилось той же тупой обывательской массе? Чтобы у нее было еще больше жратвы, шмоток, развлечений?

– Так старайся для других, для достойных людей! С развитием цивилизации их становится все больше…

– Да ты, оказывается, идеалист! Вот уж от кого не ожидал…

– Да, есть мнение, что люди остались такими же, как и тысячи лет назад. Так вот: это глупость. Изменились, и сильно. Причем в положительную сторону. Конечно, основную часть населения составляет биомасса. Но активных людей, тех, кто реализует свой потенциал, кто катит этот мир в будущее, становится все больше. Их деятельность суммируется и обеспечивает развитие цивилизации, ту самую космическую самореализацию человечества.

– Значит, Маяковский прав? Мой труд вливается в труд моей республики?

– Вроде того. И беда тому, кто этого не понимает. Нереализовавшиеся люди несчастны. И чем больше человеку дано, тем больше он мается от бездарно проживаемых дней. И все самое худшее лезет из него наружу. Некоторых так корежит, что

ни себе, ни близким не дают житья. От этого многие спиваются и быстро уходят из жизни. И это естественно: все ненужное отмирает. Закон природы.

– А если талант человека выражается именно в его благополучии? Взять того же Кузькина.

– Возможно. В душу завхоза не заглянешь. Но подозреваю, что он тоже хочет похвастаться своей значимостью, примазаться к какому-то большому делу. Иначе он ничтожество, пустое место. Кому интересны нажитые им богатства?

– Наследникам.

– Разве что. Даже самый пропащий алкаш у забегаловки хватает собутыльника за грудки с вечным вопросом: «Ты меня уважаешь?». И этот его душевный вопль обращен ко всему человечеству.

– Пить надо меньше!

– Как, еще меньше?!

– А если нет их, великих талантов?

– А природа никому ничего не обещала. Наоборот, она ждет результата от нас. И дает каждому из нас шанс. В виде жизни.

– И прожить ее нужно так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»?

– Вы будете смеяться, но Павка Корчагин прав. Не знаю как насчет освобождения человечества, но цели нужно ставить большие и красивые. Пусть даже нереальные. Причем в юные годы, когда кажется, что силы беспредельны. Найти жизнь на Марсе! Изобрести гравилёт! Научиться управлять погодой – чтобы солнце и дождь были по заказу! Победить рак, и все другие болезни!

– По-моему, ты повторяешься, святой отец. Эту проповедь я, кажется, уже слышал.

– А так и должно быть, сын мой. Если разные тропинки выводят тебя на одну и ту же дорогу, значит, они правильные. И сама дорога правильная.

– Ладно. Допустим, человек вкалывает, рвется из жил ради какой-то высокой цели. А если он ее достиг? Значит, его жизнь потеряла смысл?

– С какой стати? Дальше другая цель! Еще более высокая. И снова придется упираться рогом, мучиться, бороться. Пока есть силы и порох в пороховницах. Это и есть удел мужчины на земле.

– А я слышал, что единого ответа на эти вечные вопросы вообще не существует. Что у каждого человека свой смысл жизни, и каждый должен найти его для себя сам…

– Художник в живописи, учитель в педагогике, сантехник в канализации? Это значит найти не смысл жизни, а свое

призвание.

– Ну да. И чем это плохо? А еще есть общие смыслы, подходящие каждому. Служение Отечеству, своему народу…

– Да ради Бога! Одно другому не мешает.

– А еще есть мнение, что смысл жизни мужчины – в женщине. И все, что мужчины делают в этой жизни, они делают для женщин…

– А женщины для кого? Для мужчин? Замкнутый круг, однако.

– Твоя самоуверенность зашкаливает. Но если ты думаешь, что нашел простое решение сложной проблемы, ты ошибаешься. Даже великие умы не пришли к единому мнению по этому вопросу…

– Например?

– Да тот же Лев Толстой! Один из его героев говорит, что если жизнь дана лишь для самой жизни, то незачем и жить. Это по поводу твоей программы-минимум. А если цель человечества – благо, любовь, добро, как говорится в пророчествах, то все люди, в конце концов, соединятся любовью. И в этом случае человечеству тоже незачем будет жить.

– Забавный пассаж. Начнем с того, что жизнь нам дана именно для того, чтобы жить. Об этом сказано на первой странице Библии, если он ее открывал. Жизнь дана нам Богом, и не наше право ее отвергать. А с чего он взял, что цель человечества – любовь и добро?

– Ничего себе! Да об этом все великие говорили!

– Не уверен. Среди них были и умные люди.

– Ну, ты вообще обнаглел!

– Наоборот, отношусь с уважением.

– А разве всеобщая любовь это плохая цель?

– Прекрасная! Но это не цель. Всеобщая любовь это способ достижения цели. А беда человечества в том, что люди никак не могут научиться жить по заповедям любви и добра, которые прописаны еще в Библии. Поэтому сами эти правила жизни в умах многих, и даже великих гуманистов, превращаются в конечную цель.

– Не думаю, что все так просто. Левина, в «Анне Карениной», эти вопросы чуть было не довели до самоубийства. Он никак не мог постичь, зачем вся эта житейская суета, если в итоге всех нас ждут страдания, смерть и вечное забвение? Зачем люди стараются что-то делать, если все равно всех их закопают в землю?

– Да ради самой жизни! Чтобы дожить до этой самой смерти. Как Бог велел. Чтобы делать свое дело, на пользу себе и людям, как говорил чеховский купец Лопахин. Неужели это непонятно?

– Понятно. Но не так, как тебе. Левин прозрел после разговора с каким-то мужиком, что жить нужно не для брюха, а для правды, для Бога. И это знание не может быть объяснено разумом. Он ведь тоже читал про теорию эволюции. И вначале так же, как и ты, верил, что все живые существа живут по физическим, химическим и физиологическим законам. Что в них совершается обмен материи и осуществляется развитие. Но развитие из чего и во что? Разве может быть какое-то развитие в бесконечности?

– А почему нет?

– Но ведь рано или поздно всему придет конец! И Земле, и Солнечной системе, и самой Вселенной.

– В любом случае времени так много, что его можно считать бесконечным.

– А на хрена ему, смертному человеку, эта твоя бесконечность? Вот и Левин не мог этого принять. А принял он то, что надо жить для Бога, а не для своих нужд, что надо любить ближнего, а не душить его. А принять это можно только душой, а не умом. Потому что гордость, глупость, плутовство и мошенничество ума мешают этому пониманию. Потому что разум открыл борьбу за существование и закон, требующий душить всех, кто мешает удовлетворению наших желаний. Тот самый закон естественного отбора, когда выживает сильнейший. Значит, можно для своей пользы обманывать, грабить, убивать. А любить ближнего своего — неразумно…

– Ну и дурь! Да зачем душить ближнего, ёлки-палки?! И зачем его любить, черт побери?! Почему нельзя жить по-человечески? Ведь есть простое правило: не делай другому того, чего не хотел бы от него для себя. Разве это непонятно? Неужели нужно, чтобы кто-то тебе сверху пальчиком грозил? Или ты такая скотина, что тебя все время нужно вразумлять палкой? И без страха божьего ты не можешь жить по-человечески? Или ты думаешь, тварь подлая, если Бога нет, значит, тебе все дозволено?!

– Вот-вот. И Достоевский об этом вопрошал. И так же думал герой Толстого. Глядя на нехорошие шалости детей, Левин сравнивал их с поведением людей, управляемых разумом. Ему казалось, что люди, с их страстями, не знающие, что есть добро и зло, без понятия о едином Боге, все равно, что дети малые, неразумные, неспособные что-то построить, а способные только разрушать…

– Ну, просто нет слов! Этот твой Левин человека ни в грош не ставил. Считал безнадежной скотиной, подчиненной животным инстинктам, неспособной к нравственному поведению. И если это

мнение самого Толстого, у меня нет слов…

– Что-то ты разошелся, на ночь глядя. Даже духовные заветы великих тебе не указ.

– Да не в заветах дело! Вера, совесть, справедливость, демократия, мир, дружба — все это прекрасно. Кто же против всеобщей любви и добра? Но разве хорошие отношения между людьми можно признать смыслом жизни? Третий раз тебе это говорю!

– Причем здесь я? Ты же, фактически, споришь с гениями.

– А ты их плохо защищаешь!

– Уж как могу.

– Путаники они великие, эти твои литературные герои. Заблудившись в трех соснах, вздымают очи к небу в последней надежде на ответ. Но не находят его и там.

– Но вера дает людям надежду на спасение…

– Вера — это обезболивающее, а не лекарство. А обезболивающее принимают в безнадежных ситуациях. Ждет ли нас какой-то загробный бонус — неизвестно, а я тебе предлагаю земное спасение. Кто-то про это мудро сказал: «Выполнив свой долг на земле, я понял, что жизнь это радость». И тогда финал жизни не разочарование, а удовлетворение человека, честно сделавшего свое дело. Такой уход покоен и благостен, и даже сама смерть естественна и нестрашна. Закончил дело, встал, погасил свечу и вышел.

– А сожаление о незавершенном, упущенном?

– В определенный момент это уже не имеет значения. Сожаление полезно как урок для будущего, но бесполезно, если будущего нет. Да и не бывает людей, все до конца свершивших, ничего не упустивших в жизни. Уходи спокойно, с миром в душе.

– Уйду спокойно. А вот мира в душе нет. Разбередил ты мне ее своими баснями…

– Не любишь страшных сказок на ночь?

– Сам подумай: начали за упокой и тем же закончили.

– Memento mori, молодой человек.

– Ну, ладно. Пока.

Я все же решился на звонок Марине, но мне сухо ответили, что она уехала до конца лета отдыхать на море. Уехала! Не сообщив, не позвонив, ничего не сказав. Неужели это приговор? Похоже, что так. Вот когда меня по-настоящему скрутило. Я сидел в своей комнате, ставшей невыносимо пустой и неуютной, пил херес и пытался излить душевную боль в стихах:

Прощай, любовь! Прощай, моя звезда,
Твой блеск небесный в синей дымке тает.

Так пусть скорей наступит день, когда
Нас, нелюбимых, на Земле не станет!

Ах, Марина, прекрасная и недоступная! Такой и осталась ты в моей памяти – чайкой, вольно парящей над морской волной. Смог ли кто-то приручить тебя, опустить с небес на землю? Как сложилась твоя судьба? Нашла ли ты его, своего единственного, достойного тебя человека? Нашла ли ты свое счастье? Где ты сейчас, с кем? Какой ветер треплет твои непокорные волосы, на кого глядят твои зеленые глаза, кого ты одаряешь своей волшебной улыбкой? Вспоминаешь ли ты обо мне хотя бы изредка, гордая, непокорная?

Время идет, и ее образ, тающий в тумане прошлого, кажется мне все более неземным. Волна за волной накатывают годы, смывая в памяти следы тех давних встреч, тех чувств, волнений, несбывшихся надежд. И лишь иногда, ранней весной, внезапно налетевший порыв свежего, молодого ветра, наполненный прохладой талой воды, вдруг распахнет пространство обновленного мира и остро напомнит о той давней, романтической любви.

Мы все продумали.

Сама операция в воздухе не казалась нам сложной. Мы были примерно одного роста и веса, что облегчало маневрирование при одновременном отделении от самолета. Скорость человека в свободном падении составляет примерно 50 метров в секунду. С высоты тысячи – полутора тысяч метров мы имели около двадцати секунд для сближения и передачи парашюта. Этого было вполне достаточно.

Чтобы максимально замедлить скорость падения, нужно было принять позу черепахи, прогнувшись животом вниз и раскинув руки для планирования. Именно так падают с высоты кошки, пытаясь, заодно, за что-то зацепиться. Я вспомнил, как тренировал в детстве соседского кота. Нет, я не бросал его с большой высоты – только из рук, со своего роста. Опыты подтвердили теорию: независимо от позы, в которой я выпускал кота из рук, он переворачивался животом вниз и приземлялся на лапы. А в воздухе принимал именно эту планирующую позу. И только когда я бросал его с сильным вращением, он просто не успевал развернуться и с жалобным мяуканьем брякался о пол. Жестоко? Возможно. Но наука требует жертв, как замети еще физиолог Павлов. Впрочем, кота я мучил недолго и, испытав его полетные возможности, отпустил на волю. А потом подкармливал жареной речной рыбой, которую он любил до исступления.

Было понятно, что сложнее всего будет передать и надеть парашют в воздушном потоке. Поскольку сделать это по правилам однозначно не получится, мы придумали несколько способов его фиксации, чтобы не вырвало при раскрытии купола. В качестве главной страховки решили применить мощные двойные брезентовые ремни. Предполагалось туго затянуть их на поясе поверх экипировки, а к ним перед самым прыжком незаметно подцепить крупные альпинистские карабины. Этими карабинами должен был страховаться его парашют при передаче, чтобы не унесло потоком воздуха. Эта сцепка должна была помочь и в крайнем случае, если придется вдвоем приземляться на одном парашюте. Фактически, ему нужно было выполнить одну главную операцию: сблизиться со мной и прихватить карабинами лямки передаваемого парашюта. После этого он уже не терял с ним контакт. Оставалось только отсоединить парашют от моего пояса и разойтись в стороны. Эта задача была вполне решаемой. Конечно, захват и отцепка карабинов отнимали несколько лишних секунд, но зато обеспечивалась надежность. Заранее

отрабатывать эти действия не было смысла, потому что на земле невозможно имитировать сближение в воздушном потоке. Но на листе бумаги были расписаны этапы действий с приблизительной оценкой времени на каждый. По нашим расчетам, если все делать правильно, у нас даже оставался неплохой временной запас. А он был нужен на всякий непредвиденный случай.

Он планировал всю операцию так, чтобы обеспечить мою безопасность. Фактически, от меня ничего не зависело. Мне нужно было только принять стабильную позу во время падения, а после передачи парашюта раскрыть свой. Это я должен был сделать самостоятельно, так как автоматические системы предполагалось отключить. Теоретически все было понятно, но проблема заключалась в том, что у меня не было опыта затяжных прыжков. Честно говоря, вначале моих нескольких прыжков с тросика не хватало даже на то, чтобы избавиться от страха высоты. Но я не мог в этом признаться, хотя и делал уверенный вид. Сам он неоднократно прыгал затяжным, и говорил, что ничего особенного в этом нет. Нужно сосредоточиться на выполнении задания и отсчете установленного времени свободного полета: 1001, 1002, 1003 и так далее. Но это с точки зрения техники. Если есть привычка к свободному падению, и нет панического страха. Он вспоминал, что в первый раз было трудно преодолеть сильнейшее желание немедленно дернуть вытяжное кольцо. Конечно, есть система автоматического раскрытия парашюта. Но все же главное это холодная голова, контроль ситуации и выдержка.

Мы уже были вполне готовы к самому прыжку, но столкнулись с проблемами на его подготовительных этапах. Задуманную операцию можно было провести только в ходе обычных групповых прыжков, нарушив все возможные инструкции и правила. Основным препятствием был сопровождавший группу инструктор. Задачу облегчало то, что и в парашютном клубе Сергей был всеобщим любимцем. Учитывая его славное воздушно-десантное прошлое, его считали своим, он даже помогал инструкторам во время прыжков. Поэтому ему полностью доверяли: позволяли свободно перемещаться в корпусе самолета и не придирались к экипировке. Все это было нам на руку – прежде всего, для незаметного отключения приборов автоматического раскрытия. Но абсолютным приоритетом для инструктора был контроль безопасности прыжков, поэтому он покидал самолет последним. Было ясно, что обмануть его не удастся. Оставался силовой вариант: дождаться ухода всей группы и вытолкнуть его за борт. Даже если пилот заметит происходящее, штурвал он не оставит. А мы управимся за

несколько секунд: нужно только снять, передать и закрепить парашют карабином. Это дело нескольких секунд, а там — лови нас. Последствия этой авантюры, вплоть до уголовных дел, нас почему-то совершенно не беспокоили.

Главным условием дела был набор достаточного запаса высоты. Но лето выдалось дождливым, и облачность не всегда это позволяла. Всю первую половину лета мы выполняли обычные прыжки, примеряясь к обстановке. А начиная с августа, входили в брюхо «кукурузника» уже в полной готовности. Но каждый раз что-то мешало. Мы договорились о нескольких условных знаках, и как только он подавал сигнал, отменяющий дело, я испытывал острейшую вспышку счастья. На фоне этого стресса я полностью излечился от волнения перед обычным прыжком. После очередной отмененной попытки я подходил к открытой двери самолета с таким облегчением, что на моем лице появлялась непроизвольная улыбка. Сделав ручкой бледным от страха новичкам, я спокойно шагал в свистящую пустоту, словно спускался с подножки автобуса. Но вот, в конце лета, наконец, установилась сухая, безоблачная погода, и стало ясно, что решающий момент приближается.

В августе, наконец, установилась стабильно солнечная погода, и я почувствовал, что решающий день настал. В ночь накануне того воскресного прыжка я спал плохо. Снова приснился кошмарный сон, который мучил меня накануне поездки в Карпаты. Он повторился буквально, в малейших деталях. Но слабости и сомнениям уже не было места.

Все вышло один к одному. С утра на небе не было ни облачка, погода была просто идеальной. Все остальное тоже шло в привычном порядке, а высота подъема была достаточной. Мы, как обычно, заняли последние места в группе. Когда прозвучал сигнал готовности, он подал мне условленный знак. Сердце мое сжалось, но я тут же взял себя в руки. Мы быстро и незаметно навесили карабины и отключили спасательные устройства. Он незаметно расслабил и расстегнул все крепления парашюта. Оставалось только сорвать его с плеч. В группе была пара новичков, и нам это помогло. Последний из них немного заколебался перед прыжком, и инструктору пришлось ему слегка помочь. В этот момент я сделал шаг ему за спину. Пока инструктор уговаривал новичка, Сергей начал снимать парашют. Когда инструктор повернулся к нему, то с удивлением увидел еще одного проблемного парашютиста: «А ты чего?!». В этот момент я выбил его опорную ногу по направлению к открытой двери, и он грохнулся на пятую точку. Сергей ударил по второй ноге — так, что обе оказались за бортом, и мне осталось только

толкнуть его в спину. Все произошло так быстро, что крик инструктора растаял в воздушном потоке. Когда пилот оглянулся, я стоял спиной к кабине, загораживая происходящее, и ему не были понятны наши действия, кроме того, что мы готовимся к прыжку. Но Сергей завозился с последним замком перехвата, заклинившим на бедре. Он поднял глаза на меня, и наши взгляды встретились. Это был последний шанс остановить эту авантюру, и меня вдруг до самого нутра пронзило понимание того, какое страшное, непоправимое безумие мы совершаем. «Постой! Не надо!» – рвался крик из моих глаз, но яростный огонь его взгляда мгновенно испепелил все мои мысли. Я бросился на колени и рванул шлею заедавшего замка. Я не видел, что происходило сзади, в кабине летчиков, но понимал, что их вмешательство не только сорвет наш замысел, но может привести к трагедии. Наконец, злосчастная застежка раскрылась, и он бросил парашют мне, а я поймал его и прихватил карабином за лямки. Он шагнул в пустоту. Прижав к груди его парашют, я бросился следом, и лишь краем глаза успел увидеть раскрытый в матерном крике рот и выпученные глаза пилота, словно в замедленной съемке выбирающегося из кабины.

Сначала сильный удар воздушной массы и тошнотворное ощущение падения выбили меня из ощущения реальности. Но уже через несколько мгновений я сгруппировался и принял нужную позу. Воздушный поток прижимал к груди его парашют, продетый в мои раскинутые руки. В этот миг восприятие окружающего мира резко обострилось: пестрота приближающейся земли, поблескивающие зеркальца прудов и реки, голубоватая дымка горизонта, ватные клочья облаков, огненный глаз солнца – все это казалось нереально ярким. Я увидел Сергея в нескольких десятках метров внизу и в стороне в той же распластанной позе на фоне лоскутного одеяла земли. Это было нормально, потому что я имел больший вес. Как и договорились, я не предпринимал никаких действий, а он, маневрируя, приближался ко мне. Но мне это сближение казалось бесконечно медленным. «Быстрее, быстрее!» – стучало в висках. Пять, шесть, семь секунд. Чего он медлит?! По спине пробежал холодок опасности, но я подавил подкравшийся страх и сосредоточился на предстоящих действиях. Сблизившись со мной, он должен был карабином прицепить лямки парашюта к своему поясу, а потом я должен был от него освободиться. После этого оставалось только слегка разойтись, и я мог дергать свое кольцо. Остальное было его задачей и, как он говорил, делом техники. Восемь, девять секунд… Я просто физически чувствовал, как стремительно приближается земля. На десятой секунде он был рядом, ухватился рукой за лямку своего

парашюта, закинутую за мою спину, и потянул ее на себя, чтобы прикрепить к своему карабину.

Пытаясь присоединить карабин, он терял стабильность падения, и его начинало раскручивать воздушным потоком. Одиннадцать секунд, двенадцать… Что делать?! Я попытался освободить руку из лямки, чтобы ему было удобнее, но парашют сорвало и бросило вверх, резко дернув мое плечо. Вспышка паники пронзила меня, лишь в мозгу продолжался отсчет: четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать… Но все же наша страховка сработала, и парашют болтался за моей спиной на карабине, присоединенном к поясу. «Без паники. Спокойно, спокойно» – повторял я себе, стараясь сохранить стабильность падения. Это было единственное, что зависело от меня. Я по-прежнему находился в правильном положении, но его отбросило потоком воздуха в сторону. «Давай же, давай, цепляйся!» – мысленно орал я ему, всем нутром чувствуя бешено приближающуюся землю. Он успел выровняться, а потом приблизился к мотающемуся за моей спиной парашюту. Мелькнуло опасение, что это может помешать раскрыться и моему. Я не мог видеть того, что происходит у меня за спиной, но верил в его мастерство и опыт. Но чего он там возится?! Пристегни карабин – и мы уже на связке. И тогда можно дернуть спасительное кольцо. Но то, что казалось смехотворно простым на земле, почему-то не получалось в воздухе. «Ну, давай же, давай!» – молил я его, позабыв об отсчете секунд. Но теперь это уже не имело значения – времени оставалось слишком мало. «Цепляйся! Цепляйся за меня!» – бессмысленно орал я ему, задыхаясь от бьющего в легкие воздуха, но было уже поздно. «Вот и все!» – прорезалась совершенно простая мысль. И вдруг сверху послышался хлопок, и тут же сильный удар, дернувший меня вверх. Он успел! Спасены! Но эта счастливая мысль была сметена тенью фигуры, камнем пролетевшей вниз.

notes

1

Главное управление энергетики и электрификации

2

Центральная диспетчерская служба

3

Строительные нормы и правила

4

«Venus» рок-группы Shocking Blue

5

Мастера создает труд

6

Запись актов гражданского состояния

Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

8

Правила техники безопасности

9

Правила техники эксплуатации энергетического оборудования

10

Слова улетают, написанное остается

11

«Клуб веселых и находчивых» – молодежная телепередача с элементами творческих конкурсов

12

Я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов